П. А. Кулишъ.

ОТПАДЕНІЕ МАЛОРОССІИ

ОТЪ

ПОЛЬШИ

(1340—1654).

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстн. бульв
1888.

Глава I.

Соединеніе Малороссовъ съ Поляками подъ одной короной. — Въ началѣ перевѣсъ русскаго элемента надъ польскимъ. — Равнодушіе польскихъ пановъ къ римской политикѣ. — Расположенность Поляковъ къ русскому элементу. — Какъ завладѣли іезуиты общественнымъ воспитаніемъ въ Польшѣ. — Какъ деморализовалось православное духовенство подъ иноземною властью. — Церковныя братства и церковная унія.

Обширную этнографическую область малорусскаго языка и малорусскаго обычая дѣлятъ издавна на Малую Россію, на Бѣлую, Черную и Червонную Русь (иначе Галичину), на Донщину и Черноморщину. Все вмѣстѣ называютъ обыкновенно Южнымъ Краемъ, или Южною Русью, а по языку и характеру народа — Украиною Кіевскою, Слободскою, Волынскою, Подольскою,—землею Донскою, Черноморскою, Галицкою.

Эта область болѣе или менѣе цѣльнаго малорусскаго языка и обычая заключаетъ въ себѣ плодородныя пространства чернозема и песчаныя, дающія скудный урожай междолѣсья; мѣстами переходитъ она изъ однообразной равнины въ холмистыя и байрачистыя раздолья,— изъ высокихъ степныхъ кряжей въ болотистыя низины, изъ безводныхъ степей въ лѣсистыя и водянистыя *нѣтры* *); нерѣдко изобилуетъ лѣсами и на сухихъ пространствахъ. Что̀ касается языка и обычая, то въ этой разнообразной области находимъ всюду того же самаго Русина, отличеннаго болѣе или менѣе скрещеніемъ съ инородцами и долговременнымъ пребываніемъ подъ вліяніемъ ихъ культуры.

Древнѣйшая, дотатарская, или варяжская Русь, на которой основалась малорусская, какъ и великорусская, народность, дѣлилась на самоуправляющіяся княжескія республики съ вольными вѣчами и соединялась въ одинъ союзъ, или федерацію, только династіею Рюриковичей, которые, по общественному призыву, княжили въ первой русской столицѣ, Кіевѣ, и въ подначальныхъ великому князю кіевскому

*) Непроходимыя трущобы.

городахъ: Черниговѣ, Переяславѣ, Туровѣ, Полотскѣ, Владимірѣ-Волынскомъ, Перемышлѣ, Галичѣ и Тмутаракани.

Въ XIII столѣтіи нашъ Малорусскій край покорилъ внукъ за воевательнаго монгола Чингисхана—Батый, а въ началѣ XIV-го изъ рукъ монголотатарскихъ перешелъ онъ въ руки литовскія. Только часть великаго южнорусскаго займища, такъ называемая Галицкая, или Червонная Русь (иначе Карпатское Подгорье) продолжала отстаивать свою независимость—съ одной стороны отъ Татаръ, а съ другой отъ Поляковъ; но въ 1340 году завоевалъ ее польскій король Казиміръ Великій, а подъ конецъ XIV столѣтія Литва соединилась съ Польшею, по волѣ своего самодержавнаго князя Ягелла или Ягайла, котораго Поляки женили на принцессѣ Ядвигѣ, дочери и наслѣдницѣ своего короля Людовика Венгерскаго и провозгласили своимъ королемъ.

Завоеваніе Червонной Руси и призваніе на польскій престолъ Ягайла привели нашихъ предковъ къ соединенію съ Поляками подъ одной верховной властью. Отъ этого соединенія мы утратили не одну такую черту, которая свидѣтельствовала о нашемъ родствѣ съ Великоруссами, и въ то же время сдѣлались кой въ чемъ похожи на Поляковъ. Впрочемъ корни нашей народной жизни тѣ самые, что̀ и у Руси Сѣверной, впослѣдствіи прозванной Московскою. Сходство съ Поляками ограничивается у насъ только нѣкоторою примѣсью со стороны языка и обычая.

Въ завоеванной Прикарпатской Руси и въ соединенной съ Польшею Руси Литовской Поляки нашли достаточно боевой силы, вопервыхъ, для одолѣнія своего страшнаго супостата—ордена нѣмецкихъ рыцарей Крестоносцевъ, по польски Крыжаковъ, вовторыхъ, для удаленія отъ своихъ предѣловъ Москвы и, втретьихъ, для запугиванья остатка Золотой Орды, Крымскихъ Татаръ. Но эта боевая сила не сознавала достоинства своей національности въ такой степени, чтобы, какъ это свойственно народу культурному, видѣть въ своемъ родномъ элементѣ драгоцѣнный завѣтъ предковъ, не подчиняясь чуждому языку и обычаю. Червонную Русь, или Галичину, покорила Польша превосходствомъ военнаго искусства и государственности; Литва же сама по себѣ, какъ нація, была до такой степени груба въ своей первобытности, что не имѣла даже собственной, литовской письменности, а если обнаруживала нѣкоторую образованность въ своемъ домашнемъ быту и вѣрѣ, то этимъ заимствовалась она сперва у тѣхъ Русичей, которые проникали въ ея лѣсистыя и болотистыя трущобы ради торговли или уходили сюда во время татарскаго Ли-

холѣтья, а потомъ у тѣхъ, которыхъ великій князь литовскій Гедиминъ привлекъ подъ свою власть или политикою, или оружіемъ.

Съ того времени, когда Литва превозмогла татарскую силу въ Кіевщинѣ и неопредѣленной границами Подоліи до самаго Чернаго моря, литовское дворянство пополнялось людьми Русскими, сравнительно съ Литвою—образованными. Государственные акты въ Литвѣ писались по-русски. Литовскіе князья и родственники ихъ женились на дочеряхъ обездоленныхъ нашихъ князей, потомковъ Рюрика. Языкомъ литовскаго двора, языкомъ высшихъ сановниковъ былъ нашъ южнорусскій языкъ. Все это вмѣстѣ привело къ тому, что и самое идолопоклонство литовское отошло на второй планъ передъ русскимъ христіанствомъ. Въ грекославянскую вѣру крестились не только знатные Литвины, но и члены великокняжескаго дома. Литва была самобытная нація однимъ только именемъ своимъ. Огромное большинство литовскихъ подданныхъ, людей Русскихъ, превосходство русскаго быта надъ литовскимъ и необозримое пространство литворусской земли, ознаменованной преданіями христіанской церкви и славянской государственности,—все это вмѣстѣ дѣлало такъ называемую въ Москвѣ „Литовскую Сторону“, по существу своему, славянорусскою.

И при всемъ томъ русскій элементъ, въ глазахъ верховныхъ представителей Литовскаго племени, не выдерживалъ сравненія съ элементомъ польскимъ.

Въ эпоху, прозванную Татарскимъ Лихолѣтьемъ, малорусская церковь отособилась отъ греческой, и перестала заимствоваться отъ нея просвѣщеніемъ. Осталась она, среди городскихъ развалинъ и опустѣлыхъ селищъ, безъ книгохранилищъ, безъ просвѣщенныхъ и богатыхъ ктиторовъ. Она проповѣдывала свою науку въ ободранныхъ и полуразрушенныхъ святилищахъ, проповѣдывала устами нищаго духовенства, среди жалкихъ остатковъ побитыхъ и разогнанныхъ прихожанъ. Малорусская церковь не въ состояніи была давать о себѣ высокое понятіе даже и тѣмъ Литвинамъ, которые обратились въ христіанство; а между тѣмъ въ сосѣднемъ краѣ, въ Польшѣ, передъ язычниками и неофитами открылось католичество во всемъ внѣшнемъ величіи своемъ.

Эта другая вѣра въ того же христіанскаго Бога пришла къ недавнимъ врагамъ Литвы не изъ Царьграда, который уже и въ Ягайлово время тѣснили Турки, а изъ „Вѣчнаго Города“, царствовавшаго тогда надъ всей Европой, изъ столицы наукъ, искусствъ и высшей гражданственности. Русская незначительная образованность развила въ литовскихъ трущобахъ умы воинственныхъ дикарей не больше,

какъ настолько, чтобы, сравнивая наше православіе съ польскимъ католичествомъ, блестящую вѣру полновластнаго римскаго папы предпочитать потускнѣвшей передъ нею вѣрѣ костантинопольскаго патріарха. Самъ Ягайло, воспитанный въ православной обрядности среди своего русскаго двора, воцарившись въ Польшѣ, оставилъ эту обрядность, крестился въ католичество и заставилъ многихъ себѣ подобныхъ принять римское крещеніе.

Превращеніе русскаго элемента въ польскій было у насъ въ началѣ явленіемъ естественнымъ. Что происходило съ литовскимъ языкомъ и обычаемъ, когда слилась Литва съ растоптанною, заполоненною, разбѣжавшеюся куда попало Русью, то самое началò дѣлаться съ языкомъ и обычаемъ литворусскимъ, когда соединилась Литва съ Польшею подъ одной короною.

Между тѣмъ не весьма давно еще было такое время, что русскій нашъ элементъ стоялъ выше польскаго.

Днѣпровская и Днѣстровская Русь, яко земля, была и богаче, и разнообразнѣе Польши. Раскинулась она, въ смыслѣ области, шире, нежели вся древняя Польша съ своими Прусами. Воевала и торговала она съ Византіею, которая во времена оны не до конца еще утратила культурное наслѣдство свое послѣ древнихъ Римлянъ. Все вмѣстѣ поднимало въ ней народный духъ высоко, такъ что и въ письменахъ, и въ пѣснопѣніяхъ своихъ, и въ самомъ быту своемъ съ его ремеслами и торговлею первобытный Русинъ превосходилъ первобытнаго Ляха.

Когда пойдутъ бывало Рюриковичи войною въ Польскую землю, то возвращаются домой только съ плѣнниками, чтобы населять чужимъ, а не своимъ народомъ дикія поля свои въ виду кочующихъ Половцевъ и Печенѣговъ. Когда же вторгались къ намъ убогіе въ своей воинственной грубости Ляхи, то навьючивали своихъ коней дивными для нихъ издѣліями нашихъ ремесленниковъ; а наша столица, Кіевъ, такъ ослѣпляла ихъ невѣдомыми еще удобствами жизни, что они не хотѣли возвращаться въ свое убогое отечество.

До XVI столѣтія въ Польшѣ не было написано ни одной книги по польски. Мертвая латынь пересыпалась, точно сухой горохъ, въ головахъ польскихъ грамотеевъ, не давая живыхъ ростковъ; а торговля и война съ „Руснаками“ вселяли между тѣмъ среди Поляковъ русскіе нравы, русскій вкусъ, шпиговали русскимъ языкомъ и польскую рѣчь, которая, по своей первоначальной формаціи, далеко не такъ благозвучна и богата, какъ наша русская. Можно сказать, что древніе Ляхи, въ своей закоснѣлой грубости, воспитывались на русскомъ

элементѣ, подобно тому, какъ младшіе братья, сидя въ домашнемъ захолустьѣ, воспитываются сообществомъ старшихъ братьевъ, возмужавшихъ въ широкой бывалости.

Когда господствовало еще въ Польской землѣ идолопоклонство, христіанская вѣра пришла туда прежде всего изъ Моравіи; священное писаніе преподано Ляхамъ первоначально на томъ славянскомъ языкѣ, который приняли уже въ своей церкви Русичи, и въ началѣ Поляки крестились по обряду церкви греческой. Даже облатинивши въ послѣдствіи свои храмы, Ляхи звали ихъ до XV столѣтія по-русски церквами (cerkwie). Въ одномъ изъ краковскихъ костеловъ богослуженіе совершалось попольски еще въ началѣ XVI вѣка; а фрески святыхъ со славянскими надписями на стѣнахъ окатоличенныхъ церквей въ Краковѣ и Казимиржѣ оставались не замалеванными до послѣдняго времени.

Религіозное единство съ нами Поляковъ открывало имъ тотъ самый, что и намъ, путь исторической жизни. Но вслѣдъ за славянскими апостолами вѣры пришли къ надвислянамъ апостолы латинскіе, пренебрегли проповѣданное уже на Вислѣ христіанство, уничижили его вторичнымъ крещеніемъ и началамъ умственнаго развитія Ляховъ дали направленіе римское.

Разлившись бурно и широко, монголо-татарская сила остановилась въ Краковѣ. Потрясла она и Польшу, но Польша устояла на своемъ основаніи; и между тѣмъ какъ на Днѣпрѣ погибли плоды до-татарской культуры, край Привислянскій развивался безъ остановки, подъ вліяніемъ западныхъ націй. Близкое знакомство съ этими націями дало Польшѣ великій перевѣсъ надъ присоединенною къ ней двоякимъ способомъ Русью. Обладатели Русской земли, сатрапы, неграмотнаго деспота, Литвина, до того закоснѣли подъ его властью, что когда великій князь литовскій сдѣлался польскимъ королемъ и свелъ ихъ съ новыми своими подданными, польскіе „дуки“ показались имъ недостижимо бывалыми, въ общежитіи дивно искусными, въ грамотности зѣло премудрыми. Скрещенные съ Литвинами Русичи, въ свою очередь, стали тогда смотрѣть на Ляховъ, какъ смотрятъ изъ роднаго захолустья меньшіе братья на старшихъ. Начали они уподобляться вельможнымъ польскимъ людямъ въ ихъ быту и поступкахъ. Шлифуясь въ обществѣ именитыхъ Ляховъ, теряли свою шероховатость, и естественно чувствовали благодарность къ сосѣдямъ за ласковое руководительство во всемъ, что тѣ перенимали у народовъ цивилизованныхъ. Они съ Поляками дружились почтительно, а скрещиваясь родовою кровью, смотрѣли на свое родство и свойство съ польскими

домами, какъ на высокую честь, гордились иноземными взглядами на вещи, какъ отличіемъ отъ людей отсталыхъ, невѣжественныхъ. Во времена оны представители польской общественности брали себѣ за образецъ ошлифованнаго по-византійски Русича съ его сравнительно утонченнымъ языкомъ и обычаемъ. Теперь потомки этого Русича подчинялись просвѣщенному по-римски Ляху въ своемъ единеніи съ нимъ по государственнымъ, общественнымъ и домашнимъ дѣламъ. Такимъ образомъ нашъ гражданскій и домашній бытъ, наши воззрѣнія, вкусы и симпатіи были уже издавна въ высшихъ кругахъ тѣ самые, что̀ и у Поляковъ.

Подобно тому, какъ, въ отдаленную эпоху восточной проповѣди христіанства на берегахъ Вислы, Ляхамъ, по всѣмъ видимостямъ, предстояло идти тою же историческою дорогою, что и кіевскимъ Полянамъ, съ ихъ русскими родичами,—потомкамъ кіевскихъ Полянъ, а съ ними и всѣмъ польско-литовскимъ Русичамъ, открылся теперь путь вѣчнаго единства ихъ судебъ съ судьбами племени Польскаго. Но вышло иначе, и именно по той причинѣ, что паны Ляхи черезчуръ уже близко привлекли къ себѣ сановныхъ представителей нашей Руси. Не помогло тутъ панамъ Ляхамъ единство вѣры, обычаевъ и фамильной политики съ панамиРусичами,—напротивъ, оно имъ повредило. Польша потому и не устояла на русской почвѣ, что разлучила нашихъ малорусскихъ пановъ съ малорусскимъ простонародьемъ,—разлучила просвѣщенныхъ представителей націи съ темною массою націи.

Главнымъ двигателемъ несчастнаго для обѣихъ сторонъ единенія нашихъ пановъ съ панами Ляхами была завоевательная политика римской церкви.

Папскіе нунціи, или духовные послы, резидуя одинъ за другимъ въ Польшѣ при королевскомъ дворѣ, постоянно заботились о томъ, какъ бы въ польско-литовской Руси водворить латинство. Но въ теченіе трехъ столѣтій, отъ Владислава Ягайла до Сигизмунда Вазы, ревнители католичества обратили въ свою вѣру однихъ нашихъ магнатовъ съ ихъ служилою шляхтою, и то далеко не всѣхъ. Низшіе классы въ Малороссіи были какъ-то недоступны для латинской проповѣди, кромѣ тѣхъ виленскихъ, львовскихъ и люблинскихъ мѣщанъ, которые перенимали отъ шляхты панскіе обычаи и поддавались внушеніямъ вельможныхъ людей ради своихъ торговыхъ интересовъ *).

*) О городельскомъ декретѣ 1413 года, воспрещавшемъ православнымъ занимать высшія государственныя и общественныя должности и о послѣдствіяхъ этого декрета не для чего распространяться, такъ какъ онъ оставался мертвою буквою уже и при Казимирѣ Ягайловичѣ.

Такую медленность въ работѣ, которою только и дышала Римская Курія, объясняютъ намъ, вопервыхъ, извѣстныя политическія дѣйствія московскаго самодержца Іоанна III, относительно Литвы Польши, а вовторыхъ, два страшныя для папистовъ явленія въ Западной Европѣ.

Съ начала XV столѣтія Чехи провозгласили свободу религіозной совѣсти устами Гуса, а съ начала XVI-го—Нѣмцы обновили науку чешскихъ гуситовъ отъ имени Лютера. Хотя паписты сожгли Гуса живымъ, а послѣдователей его науки придавили военною силою, но высказанная Гусомъ всенародно правда не переставала обнаруживать неправду римской церкви, и пробралась изъ ученой Германіи даже въ сравнительно невѣжественную Польшу. Опасно стало тогда римскимъ агентамъ возбуждать противъ себя негодованіе русскихъ людей въ Польшѣ: боялись поддержать этимъ гуситскую проповѣдь въ средѣ самихъ католиковъ. Поэтому всѣ принужденія, прикрытыя королевскимъ и державнымъ панскимъ правомъ, были отложены до удобнѣйшаго времени. Распространяли католичество только домашнею проповѣдью, заохочивая можновладниковъ къ иновѣрству королевскими милостями. То же самое должны были дѣлать и послѣ того, когда чешское свободомысліе обновили нѣмецкіе богословы. Перестали дѣлать покушенія на церковныя имущества православниковъ; боялись утратить пріобрѣтенія и католической церкви въ Польшѣ. Протестанты множились тутъ очень быстро и подавали руку православникамъ для совмѣстной борьбы противъ приверженцевъ римскаго папы. Взаимное отрицаніе старой и новой вѣры въ Бога привело Поляковъ даже къ безбожію. При Сигизмундѣ Старомъ, одинъ благочестивый католикъ доносилъ въ Римъ о польскихъ протестантахъ такъ: „Нашъ дворъ чтитъ Бога настолько, насколько это не обижаетъ діавола. Здѣсь отверженіе Христа—похвальное дѣло“. Польскіе сеймики собирались тогда обыкновенно въ костелахъ и церквахъ, гдѣ, по словамъ того же католика, шумъ, брань и кровопролитіе были явленіями заурядными.

При такихъ обстоятельствахъ мудрено было римскому католичеству распространяться въ Польшѣ на счетъ греческаго православія. Но всего больше останавливало латинскую проповѣдь среди нашей Руси то, что Поляки не слишкомъ сильно заботились о завоевательной политикѣ римской церкви. Въ нравахъ и обычаяхъ польской шляхты столько было чувства личной свободы, что она, въ своей общности, взирала съ негодованіемъ на всяческія принужденія къ католичеству, которыя агенты Римской Куріи обыкновенно внушали

королямъ и сенаторамъ. Пропаганда католичества въ малорусскомъ населеніи Польши велась только путемъ просвѣщенія, которое сосредоточивалось тогда въ представителяхъ римской церкви, и естественно привлекало къ ней тѣхъ Русичей, которыхъ воспитывало духовенство католическое.

Что же до Поляковъ, то они сами по себѣ, какъ Поляки, и въ томъ числѣ даже церковные сановники, близкіе родичи вельможныхъ домовъ, не имѣли преднамѣренныхъ стремленій къ подавленію русской народности, опиравшейся на предковскую вѣру. Напротивъ, очутясь игрою случайностей среди чистой *Русчины*, коренной Ляхъ, кто бъ ни былъ онъ, скоро начиналъ самъ русѣть, привыкалъ къ малорусскому языку и православному обычаю, поддавался поэзіи нашего слова, нашей пѣсни, нашей русской природѣ. Даже католическіе бискупы, живя въ Кіевщинѣ, уже во время обнародованія церковной уніи (1596), не имѣли ничего общаго съ іезуитскими замыслами, и, спустя десятилѣтіе послѣ этого событія, еще молились чудотворному образу въ Кіевопечерской лаврѣ о своихъ личныхъ нуждахъ, среди богомольцевъ православныхъ.

Не должно забывать давнишней вражды Русина съ Ляхомъ, о которой цистеріанскій монахъ Кадлубекъ, въ XI вѣкѣ, писалъ, что эту „закоренѣлую“ вражду Русинъ погашалъ въ себѣ только польскою кровью. Но, зная себя, каковы мы теперь, и помня, каковы были наши малорусскіе предки въ дотатарское и въ послѣтатарское время, мы должны признать, что эта закоренѣлая вражда получала свое начало больше въ русскомъ, нежели въ польскомъ сердцѣ.

И въ любви, и въ ненависти мы, по своей природѣ, были глубже Ляха. Это свидѣтельствуютъ намъ съ одинаковою выразительностью и наши монахи-аскеты, и наши козаки разбойники. Аскетизма не было вовсе въ польскомъ характерѣ, а въ разбойныхъ своихъ подвигахъ никогда Поляки не доходили до такого кроваваго энтузіазма, какъ наши малорусскіе предки. Любя Бога и ближняго, мы дѣлались молчальниками, пещерными затворниками, добровольными мучениками, а любя Бога и ненавидя своего врага, мы окунались въ человѣческую кровь по шею, мы не знали границъ своей лютости.

Не такъ щедро, какъ насъ, Малороссовъ, одарила природа нашего сосѣда, Ляха, и поэтому въ польскихъ монастыряхъ не было аскетовъ, а польскіе разбойники, сравнительно съ нашими, были, можно сказать, только забіяки. Что же касается ляшескихъ злодѣйствъ, описанныхъ въ нашихъ вымышленныхъ сказаніяхъ, то здѣсь мы творили мнимыхъ и дѣйствительныхъ враговъ своихъ по внутреннему своему образу и по подобію. На горе намъ и родственнымъ съ нами по пле-

мени сосѣдямъ, наши малорусскія сердца дышали жаждою правды; но наше невѣжество, наша варварская логика относительно посягательства на чужое, наша безпорядочная, дикая свобода, которой мы домогались, не имѣя въ виду никакого лучшаго счастья,—дѣлали насъ геніями зла, которые ужасали своихъ несчастныхъ современниковъ и изумляютъ свое мыслящее потомство. Свирѣпая наша мстительность, не знавшая ни мѣры, ни пощады, не отличавшая малой неправды отъ великой, мнимой обиды отъ дѣйствительной, успокоивалась только тогда, когда исчезалъ на землѣ и самый слѣдъ обидчика.

Совсѣмъ иной былъ складъ и ума и сердца польскаго. По своей природѣ, Полякъ, не скрещенный съ представителями Руси, былъ такъ мягокъ въ сравненіи съ угрюмымъ и жестокимъ Русиномъ, что его можно было бы принять за незлобнаго въ своей неопытности отрока. Въ характерѣ Поляка было много, такъ сказать, женскаго легковѣрія. Веселый и довѣрчивый, онъ часто забывалъ не только тяжкія обиды, но и такія злодѣйства, отъ которыхъ оставались кровавые слѣды на порогѣ его дома. Не одинъ случай подобнаго забвенія мы знаемъ документально, и по такимъ случаямъ заключаемъ, какъ польское сердце билось въ отдаленную старину, о которой вспоминаетъ лѣтописецъ Кадлубекъ. Не было нашей глубины у златовласаго, свѣтлоокаго нашего сосѣда, Ляха. Не было у него даже и той бездушной глубины, которую выработали себѣ вѣками господства просвѣтители Польши, Римляне, эти жестокосердые соперники поэтическихъ Грековъ, эти безпощадные порабощители классическаго міра, которыхъ ни великій наплывъ завоевательныхъ варваровъ, ни великая революція религіи и философіи не остановили въ ихъ наслѣдственномъ стремленіи къ порабощенію вселенной. Полякъ, пожалуй, покорялся своимъ латинскимъ пастырямъ, когда они твердили ему о пожертвованіи имуществомъ на „увеличеніе хвалы Господней“, или накладывали на него покаянное искупленіе. Но ясная, созданная для тихаго счастья, душа его съ трудомъ поддавалась шепоту фанатизма, который насилованіе чужой совѣсти представлялъ наибольшею заслугой передъ Богомъ. Только при королевскомъ дворѣ иногда существовала ненасытимая владычествомъ римская факція. Только темныя креатуры вліятельныхъ римскихъ проходимцевъ труждались въ Польшѣ по примѣру тѣхъ, которые, тѣсня до самаго края свободу мысли и совѣсти, довели Европу до многолѣтнихъ войнъ подъ знаменами вѣры. Но ни одного громкаго польскаго имени не вписала исторія въ число вождей поработительной политики папы, ни одинъ геніальный Полякъ въ XV, XVI и XVII вѣкахъ не подалъ голоса за религіозную нетерпимость. Ляха, достойнаго

стоять въ ряду героевъ человѣчности, можно было запутать въ политическія мрежи Римской Куріи, но онъ тотчасъ возвращался къ своимъ природнымъ чувствамъ, лишь только эти мрежи рвались отъ собственной своей ловитвы. Безхитростный Славянинъ, любитель домашнихъ заботъ и мирной жизни, привязанный къ своему уголку, къ своему родному полю, онъ рѣдко покидалъ наслѣдственный плугъ для боевой жизни. Но и воюя съ сосѣдями, не чуждался Полякъ дружескихъ связей съ ними, по старопольскому обычаю. Таковы были его войны съ Нѣмцами, Литвою, Москвою и даже съ Турками. Наша завзятая Русь не вселяла въ польскую душу непримиримой вражды и тогда, когда воспитала на своемъ дикомъ лонѣ такихъ рыцарей, которые знали одну только форму и одну только цѣль борьбы—истребленіе Ляхвы „до ноги“. Благоволеніе къ иностранцамъ было слабостью и блажью у польской шляхты, а шляхетское чувство свободы развилось у Поляка до такого великодушія, что, будучи самъ искреннимъ католикомъ, нерѣдко стоялъ онъ грудью за иновѣрцевъ, которыхъ католики тѣснили во имя своей церкви.

Въ XVI столѣтіи, до Люблинской гражданской уніи, коренные Поляки не имѣли права пріобрѣтать землю въ Литовской Руси. Но часто случалось, что польскій пришлецъ женился на маетной Русинкѣ, и этимъ способомъ дѣлался землевладѣльцемъ среди туземцевъ. Такіе люди, воспитанные въ католичествѣ, не только не завоевывали у насъ ничего для своей церкви, но и сами крестили дѣтей своихъ у русскихъ нашихъ поповъ, дѣлая такимъ образомъ свой польскій родъ православнымъ. Здѣсь, какъ мы видимъ, католичество таяло само собою, тогда какъ вблизи Вислы, напримѣръ въ Люблинской Холмщинѣ, такъ точно таяло православіе; только здѣсь наши попы были равнодушны къ тому, чтобы привлекать Ляха къ своей вѣрѣ, а тамъ попы латинскіе пользовались всякимъ случаемъ, чтобы домъ русскій обратить въ польскій, то есть въ католическій. Помогало латинскимъ попамъ и королевское правительство. Но то правительство, которое, независимо отъ короля, составлялось изъ „земскихъ пословъ“, не только не хотѣло знать церковной римской политики, но и само возставало противъ католическаго своего духовенства за увеличеніе церковныхъ имуществъ посредствомъ духовныхъ завѣщаній и другихъ записей.

Когда же наконецъ, въ 1569 году, состоялась въ Люблинѣ гражданская унія, и земскія права у обоихъ народовъ сдѣлались одинаковы, коренные Полонусы начали переселяться къ намъ на хозяйство, яко въ страну плодородную, но малолюдную. Казалось бы, съ этого времени католики, какъ люди, ознакомленные съ просвѣщенною Евро-

пою, должны были подавить у насъ православіе, державшееся, безъ наукъ, одними обрядами да преданіями. Нѣтъ, переселенцы не принесли къ намъ той систематической пропаганды латинства, которою католическое духовенство отличалось и въ Холмщинѣ и всюду въ малорусскихъ областяхъ, гдѣ оно уже вкоренилось. Это были люди воинственные, но вовсе не богословы. Беззаботность ихъ относительно соперничества двухъ вѣроисповѣданій была такова, что даже начала было тревожить церковныя власти въ католической Польшѣ. Чтобы защитить господствующее вѣроисповѣданіе отъ неумышленнаго вторженія въ него нашего православія, королевскія власти прибѣгли наконецъ къ репрессіи, и король Стефанъ Баторій, по просьбѣ примаса, универсаломъ своимъ повелѣлъ, чтобы наше духовенство не крестило дѣтей въ католическихъ домахъ на Волыни, подъ страхомъ весьма значительной денежной пени.

Дѣло стояло такъ: наша простая, первобытная общественность не привлекала къ намъ католическаго духовенства, воспитывавшагося въ краяхъ цивилизованныхъ и привычнаго къ общенію съ людьми культурными. Католическія епископіи, основанные Римскою Куріею въ нашей Руси, существовали, можно сказать, только по имени, а хоть знатные паны-католики и держали при себѣ капеляновъ, то этимъ капелянамъ, при тогдашнемъ бездорожьѣ и раскиданности населенныхъ мѣстъ въ Малороссіи, трудно было ѣздить для крещенія дѣтей, хотя бы ихъ о томъ и просили. Королевскій универсалъ не перемѣнилъ ни природы вещей, ни обстоятельствъ, и поэтому въ нашей пустынной странѣ православіе распространялось въ семьяхъ католическихъ, а не католичество—въ православныхъ.

Только съ того времени, когда въ Польшѣ водворились іезуиты, католичество изъ центровъ польщизны начало растекаться по русскимъ воеводствамъ послѣдовательно и поступательно. Только съ этого же времени и со стороны нашей Руси выступили силы, остановившія завоевательную римскую политику.

Полумонашескій и полусвѣтскій орденъ іезуитовъ утвердился въ Польшѣ при второмъ избирательномъ королѣ, Стефанѣ Баторіи. Онъ былъ посланъ сюда Римскою Куріею для противодѣйствія церковной реформаціи, и, вслѣдъ за тѣмъ, какъ протестанты, подъ покровомъ шляхетской свободы, начали присоединять къ своимъ „зборамъ“ многихъ духовныхъ и свѣтскихъ людей въ Польшѣ, іезуиты, пользуясь той же свободою, принялись отстаивать древнее пріобрѣтеніе Римской Куріи противъ новаторовъ.

Новаторами по предмету вѣроученія были въ Польшѣ и въ поль-

ской Руси члены великихъ панскихъ домовъ, воспитанные за границею. Тамъ они видали, какъ съ одной стороны паписты подавляли свободу совѣсти, и какъ съ другой стороны люди вольные, никогда ни къ чему не принуждаемые, отдавали всѣ свои симпатіи церковнымъ либераламъ. Слѣдуя примѣру послѣднихъ, горячо проповѣдывали они новую науку вѣры со словъ Лютера и Кальвина, а будучи въ дѣдичныхъ владѣніяхъ своихъ такими же государями, какимъ Стефанъ Баторій былъ въ коронныхъ и литовскихъ королевщинахъ, обращали въ молитвенные дома, называвшіеся зборами, не одни католическіе костелы, но и православныя церкви. Іезуиты, прійдя къ намъ сперва въ Бѣлую и Червоную Русь по слѣдамъ протестантовъ, старались предвосхитить у нихъ русскую паству, какъ бы церковный ясыръ и нашли себѣ могущественнаго помощника въ особѣ самого короля.

Родной край Стефана Баторія, Седмиградъ, или Трансильванія, былъ самымъ безопаснымъ убѣжищемъ религіознаго вольнодумства, встревожившаго всѣ западныя правительства въ XVI вѣкѣ. По своему воспитанію, Баторій пренебрегалъ католическимъ догматизмомъ; но, сдѣлавшись королемъ польскимъ, долженъ былъ приноравливаться къ религіозному взгляду „шляхетскаго народа“. Не возставая противъ разновѣрія, онъ все-таки стоялъ на сторонѣ господствующей въ Польшѣ вѣры и, въ ея интересахъ, содѣйствовалъ всякому законному предпріятію своихъ подданныхъ. Согласно съ такою политикою, помогалъ онъ и іезуитамъ распространять латинскую проповѣдь, не только къ ущербу нѣмецкаго нововѣрства, но и ко вреду древней греческой религіи, которая водворилась было въ Польшѣ раньше латинства. Этимъ способомъ наша малорусская церковь, надруйнованная уже папистами, подверглась новому руйнованью, какъ со стороны фанатическихъ піонеровъ нововѣрства, такъ и со стороны энергическихъ его противниковъ.

И разумъ, и совѣсть оправдывали короля Стефана въ томъ покровительствѣ, которое онъ оказывалъ іезуитамъ во вредъ православію. Не говоря уже о государственной политикѣ, которая велѣла ему сообразоваться съ видами римскаго папы,—на латинство смотрѣлъ онъ, какъ на такую вѣру, которая распространяетъ въ народѣ просвѣщеніе, тогда какъ вѣроученіе греческое было въ его глазахъ проповѣдью закоснѣлости, вмѣстѣ и безплодной, и вредной для умственной дѣятельности.

Въ самомъ дѣлѣ, среди нашихъ православниковъ рѣдко встрѣчался тогда человѣкъ образованный, между тѣмъ какъ польскорусскіе паписты своею бывалостью и ученостью стояли иногда наравнѣ съ просвѣщенными Нѣмцами, Французами, даже Итальянцами. Іезуиты

же именно тѣмъ и славились, что „хорошо“ воспитывали молодежь, и начали свою работу въ Польшѣ основаніемъ нѣсколькихъ образцовыхъ школъ.

Тогда было еще рано уразумѣть, что іезуитская наука стремилась не къ тому, чтобы возбуждать человѣческій духъ къ свободной дѣятельности, а къ тому, чтобы въ области знанія поддерживать авторитетъ римской церкви. Притомъ же іезуиты усыпили осторожность лучшихъ людей въ Польшѣ и въ польской Руси кажущимся безкорыстіемъ своего ордена, который подвизался для общественной пользы, довольствуясь одною щедростью своихъ покровителей и приверженцевъ. Іезуитскія коллегіи, или гимназіи высшихъ наукъ, вмѣсто плодотворной образованности, давали своимъ питомцамъ обольстительную, но безполезную умственную роскошь, а между тѣмъ формировали ихъ способности такъ, что, выйдя въ свѣтъ, блестящіе молодые люди не имѣли силы первенствовать въ своемъ обществѣ, и дѣлались орудіями коноводовъ его, іезуитовъ. Баторію некогда было углубляться въ методъ и направленіе іезуитской педагогики. Въ теченіе десятилѣтняго царствованія своего (1576—1586) онъ слишкомъ сильно былъ озабоченъ военными и политическими дѣлами. Онъ сдѣлалъ, или лучше сказать—помогъ сдѣлать польскому обществу ошибку, вредоносныя послѣдствія которой проявились только въ третьемъ поколѣніи его подданныхъ.

На бѣду шляхетскому народу, прославленный Баторіемъ престолъ тридцать шесть лѣтъ занималъ такой король, который не имѣлъ ни его ума, ни его твердаго характера. То былъ Сигизмундъ III, слѣпой приверженецъ римскаго папы, безсмысленный покровитель и слуга іезуитовъ.

Баторій отдалъ іезуитамъ почти всѣ имущества Полотскаго владычества, или епископіи, основываясь на томъ, что Полотскую землю самъ онъ отвоевалъ у Москвы, поэтому-то и право „подаванья хлѣбовъ духовныхъ“ (jus patronatus) принадлежало не кому иному, какъ завоевателю. Но, передавая церкви и монастыри изъ православныхъ рукъ въ католическія, онъ объявилъ панамъ полочанамъ, что отречется отъ права подаванья, если они документами докажутъ, что церкви или монастыри основаны и уфундованы ихъ предками. Сигизмундъ орудовалъ подаваньемъ духовнаго хлѣба, не обращая вниманія и на самые документы, а такъ какъ фундушевыя записи погибали въ домашнихъ усобицахъ, пожарахъ и т. п., то іезуиты пользовались такими случаями, подобно судебнымъ кляузникамъ,—изобрѣтали казусы къ тяжбамъ, подучивали латинцевъ къ захвату церковныхъ имуществъ

и, имѣя на своей сторонѣ короля съ его грамотами, умножали имущества католической церкви на счетъ православной.

Да и безъ казуистики, безъ передачи достоянія малорусской церкви въ руки служителей польской, Сигизмундъ III подрывалъ весьма чувствительно „древнее русское благочестіе“, какъ величали мы свою вѣру относительно протестантовъ съ одной стороны и папистовъ съ другой. Титулуясь верховнымъ подавателемъ духовныхъ столицъ и хлѣбовъ, онъ весьма часто раздавалъ православныя владычества и архимандріи людямъ свѣтскимъ; а эти люди, принявши духовный санъ, жили въ монастыряхъ панами и смотрѣли на подвластныхъ поповъ и чернецовъ такъ, какъ смотрѣлъ мытникъ на мытницу, торговецъ на „крамную комору“, арендаторъ на аренду.

Подъ патронатомъ чужеземныхъ королей церковь наша теряла свое достоинство со временъ Ягайла. Въ царствованіе Сигизмунда III подаваніе духовныхъ столицъ и хлѣбовъ рукою подкупною и іезуитски лукавою довело ее до послѣдняго упадка. На апостольскихъ сѣдалищахъ возсѣдали въ ней не только книжники и фарисеи, но даже неграмотные мытари и грѣшники.

Между тѣмъ энергическіе строители единой, какъ говорили паписты, спасающей, истинно вселенской церкви, іезуиты, втирались въ наши панскіе дома въ видѣ врачей, юристовъ, наставниковъ молодежи и пріятныхъ собесѣдниковъ. Не любя никого внѣ интересовъ католичества, и не видя ничего достойнаго уваженія ни въ какой вѣрѣ, кромѣ римской, эти религіозные пройдохи умѣли внушать къ себѣ привязанность и уваженіе даже въ такихъ малорусскихъ кружкахъ, которые называли римскаго папу антихристомъ.

Появились они въ русскихъ провинціяхъ Польши, какъ уже сказано, вслѣдъ за тѣмъ, когда Лютерова и Кальвинова наука вѣры, путемъ шляхетской вольности, пришла къ намъ изъ Германіи вмѣстѣ съ молодыми людьми, которые искали за-границею не только самаго просвѣщенія, но и искусства общежитія. Іезуиты были не что иное, какъ отлично дисциплинированныя фаланги, которые папа посылалъ въ Польшу вытѣснять церковное вольнодумство изъ его позицій и учить общество католической нравственности. Товарищи (bracіszki) Іисуса, „ангелы и духи“ Христова намѣстника, іезуиты приспособлялись ко всякому порядку и безпорядку панской жизни. Они дружились одинаково и съ самыми веселыми, и съ самыми мрачными характерами. Даже тамъ, гдѣ іезуиты открыто презирали, не отказывался онъ отъ своей преданности магнату. Прикрываясь личиною христіанскаго смиренія, терпѣлъ товарищъ Іисуса сарказмы знатныхъ и незнатныхъ лю-

дей, лишь бы не лишиться своего мѣста между панскими собесѣдниками. Когда же притворная покорность не останавливала инаго яраго послѣдователя Лютера, Кальвина и самого Арія, іезуитъ лучше всѣхъ умѣлъ принять на себя спокойный видъ умственнаго превосходства. Передъ глазами у отцовъ - кощунниковъ, смиренные и вмѣстѣ высокомѣрные тунеядцы пріобрѣтали себѣ почитателей между ихъ дѣтьми. Знали они, какъ бьется неопытное сердце, когда передъ нимъ оскорбляютъ высокую добродѣтель вмѣстѣ съ глубокою ученостью, и тайно отъ свѣта уловляли впечатлительныя души не только въ полуграмотныхъ православныхъ семьяхъ, но и въ протестантскихъ, вооруженныхъ заграничнымъ просвѣщеніемъ.

Іезуиты разсчитывали разомъ и на высшія и на низшія свойства человѣческой природы. Къ строгости христіанскихъ правилъ присоединяли они яко бы христіанскую снисходительность къ слабостямъ ближняго. Они налагали на молодыхъ своихъ питомцевъ иго слѣпаго послушанія высшимъ велѣньямъ церкви, и услаждали это иго потачками тайнымъ удовольствіямъ. Съ лицемѣрною кротостію мудрости разрѣшали они своихъ юныхъ друзей не только отъ старопольскаго цѣломудрія, но и отъ рыцарской честности. Этимъ путемъ дальновидные наставники входили въ тѣсныя съ ними связи, дѣлались ихъ товарищами въ предосудительныхъ поступкахъ, ихъ руководителями на поприщѣ житейской политики, и навсегда обезпечивали себя помощниками въ клерикальныхъ интригахъ.

Если этимъ способомъ удавалось іезуитамъ привлечь на лоно римской церкви наслѣдника древняго русскаго дома, то подъ ихъ дружескимъ руководствомъ, онъ радѣлъ этой церкви въ своихъ маетностяхъ такъ точно, какъ Сигизмундъ Ваза—въ своихъ королевщинахъ. Плѣненный въ послушаніе спасающей вѣры, вельможный панъ естественно подавалъ духовные хлѣбы своего патроната или римскимъ католикамъ, или такимъ православнымъ людямъ, которые не были способны поддерживать нашу церковь, напротивъ, своимъ безпутствомъ помогали разорять ее.

Низшая шляхта, панскіе мѣщане и мужики, кто добровольно, а кто и по принужденію, приставали къ вѣрѣ своего пана. Бывали такія парафіи и архимандріи, въ которыхъ наслѣдственное ктиторство, именуемое патронатомъ, принадлежало не одному, а нѣсколькимъ дѣдичамъ. Тутъ іезуиты, или ихъ орудія, мѣстные ксендзы, старались обратить въ русскую вѣру тѣхъ патроновъ, чьи предки больше другихъ участвовали въ фундаціи, а успѣвши въ этомъ, подавали ихъ руками королю просьбу, и король, „снисходя къ благочестивому же-

ланію достойнѣйшихъ представителей вѣры", отдавалъ церковь или монастырь съ ихъ имуществами подъ власть католическаго бискупа.

Это была старинная, еще доіезуитская практика римской пропаганды. Іезуиты только обновили и подкрѣпили крестовые походы своего папы противъ Руси, которые остановили было чешскіе и нѣмецкіе нововѣрцы. Но они не дѣлали ничего крикливаго, слишкомъ уже громко вопіющаго и кровавого. Наибольшее насиліе, которое дозволяли себѣ эти апостолы Христова намѣстника, заключалось въ науськиваньи школьниковъ и поджиганьи городскихъ „гультаевъ" къ поруганію иновѣрнаго духовества, къ осмѣянію иновѣрныхъ процессій и обрядовъ, къ грабежу „еретическихъ" и „схизматическихъ" святилищъ. Но то были случаи особенные. Они шли въ тонъ съ обычнымъ въ тѣ времена буйствомъ не только между двумя враждебными вѣрами, но и между единовѣрцами. Вообще, дѣло іезуитской проповѣди велось такъ тихо, и вожаки церковнаго завоеванія держали себя такъ миролюбиво, что на поверхностный взглядъ казалось, будто въ Польшѣ нѣтъ никакого наступанія на малорусскую церковь, и какъ будто польская Русь католичится сама собою.

Что̀ касается Сигизмунда III, то онъ всего больше помогалъ іезутской работѣ тѣмъ, что панамъ некатоликамъ не давалъ, за рѣдкими исключеніями, никакихъ дигнитарствъ, которыхъ у него въ рукахъ, вмѣстѣ съ церковными бенефиціями, было больше двадцати тысячъ. Какъ ни ограничили паны королевскую власть въ своей Рѣчи Посполитой; но это былъ двигатель могущественный: ибо русскопольскіе магнаты, говоря о нихъ вообще, безъ королевскихъ милостей, не могли обставлять свои дома такъ, какъ того требовала политика ихъ общественности. Королевскіе наперсники, клерикалы, разсчитывали тутъ безошибочно. Сигизмундъ Ваза, заставши въ числѣ литовскихъ, то есть малорусскихъ, сенаторовъ только двухъ или трехъ католиковъ, подъ конецъ своего царствованія имѣлъ удовольствіе видѣть, что всѣ сенаторскія „лавицы" занимали тамъ католики, кромѣ двухъ или трехъ мѣстъ, на которыхъ сидѣли иновѣрцы. То же самое надобно разумѣть и о прочихъ дигнитарствахъ.

Такимъ образомъ наши малорусскіе дома, посредствомъ перемѣны вѣры, превращались въ польскіе; право наслѣдственнаго патроната, вмѣсто православнаго духовенства, распространяли они на католическое; оставляя ветхія церкви безъ починки, воздвигали великолѣпные костелы, и въ тѣ костелы переводили фундуши, пожертвованные ихъ предками „на хвалу Божію по греческому обряду". Все это дѣйствовало гибельно на наше духовенство. Утрачивая со временъ Ягайла

одно церковное имущество за другимъ, и пополняя персоналъ іерарховъ не пастырями душъ, а мытарями и грѣшниками, малорусская церковь клонилась теперь къ паденію быстрѣе, нежели когда-либо. Къ убожеству духовенства естественно присоединилось невѣжество, а вмѣстѣ съ невѣжествомъ вкоренялись грубые нравы и привычки. Этотъ нравственный упадокъ, въ свою очередь, отвращалъ знатныхъ людей отъ отеческой вѣры, и тѣмъ скорѣе привлекалъ ихъ къ переходу на лоно римской церкви, или же направлялъ къ нововѣрству; а нововѣрство, выработанное жизнью чуждою, не поднимало въ насъ чувства русской національности изъ его упадка.

Одинъ только Кіевопечерскій монастырь, который мы справедливо титуловали царствующею Лаврою, былъ у насъ крупною хозяйственною единицею среди обрѣзанныхъ или утраченныхъ церковныхъ имуществъ. Чѣмъ больше древнихъ малорусскихъ домовъ отпадало—то въ католичество, то въ протестантство,—тѣмъ малочисленнѣе и скуднѣе становились наши церковныя имущества, сравнительно съ иновѣрческими; а между тѣмъ въ личный составъ церковной іерархіи внѣдрялось такое зло, которое соотвѣтствовало отступничеству малорусскихъ пановъ и невѣжеству тѣхъ, кому предоставлялась роль охранителей родной національности.

Наши владычества и архимандріи, какъ это видно уже изъ предыдущаго повѣствованія, доставались не тѣмъ, кто съумѣлъ бы лучше строительствовать въ малорусской церкви, а тѣмъ, за кого было больше ходатаевъ передъ иновѣрнымъ королемъ, верховнымъ подавателемъ духовныхъ столицъ и хлѣбовъ. Покупка у короля церковныхъ дигнитарствъ вошла въ обычай со временъ Ягайла. Сохранились даже письменныя обязательства уплатить королю условленную цѣну владычества деньгами и волами. Этимъ способомъ, еще при жизни митрополита, владыкъ и архимандритовъ, мѣста ихъ продавались въ Краковѣ и въ Варшавѣ, точно на рынкѣ. Покупали духовныя столицы и духовные хлѣбы почти исключительно сановники свѣтскіе, вовсе не приготовленные къ исполненію новыхъ обязанностей. Управляя церковными дѣлами, покупщики долго титуловались *нареченными* владыками или архимандритами: принять иночество обязывались они только для вида; но, покамѣстъ, жили въ монастыряхъ съ женами и дѣтьми, со слугами, охотничьими собаками и всѣми панскими забавами, а въ случаѣ ссоры съ сосѣдями за село или за угодья, хаживали на своихъ противниковъ попански войною, если же противникъ былъ человѣкъ духовный, то владыка ходилъ войною на владыку, архимандритъ бралъ приступомъ церковь и монастырь у архимандрита. Не останав-

ливало ихъ ни въ чемъ общество, отуманенное въ разумѣніи церкви и вѣры, если не латинствомъ, то протестанствомъ и злоупотребленіями, какъ продавцовъ, такъ и покупателей духовнаго сана. Въ виду поруганныхъ святилищъ, владѣльцы ихъ распутничали, святотатствовали и разбойничали безнаказанно; на подначальное имъ низшее духовенство смотрѣли, какъ откупщики, имѣющіе въ виду одни доходы, и естественно были беззаботны относительно просвѣщенія этого духовенства, относительно достоинства жизни его.

Въ такомъ замѣшательствѣ малорусской церкви, городскіе и сельскіе попы все меньше и меньше дѣлались тѣмъ, чѣмъ надлежало имъ быть, обращали спасительное дѣло церкви въ простое ремесло, а невѣжество ихъ было таково, что иногда они читали въ церквахъ подсунутую имъ книгу свѣтскаго новатора, какъ твореніе святыхъ отцовъ, часто бывали неграмотны вовсе, а еще чаще дѣлались постоянными посѣтителями кабаковъ, забывая о церкви.

Купля и продажа хлѣбовъ духовныхъ начались у насъ, по всей вѣроятности, еще во времена татарскаго владычества. При Сигизмундѣ III онѣ принесли свои вредные плоды. Верховная власть константинопольскаго патріарха надъ нашею церковью существовала только по имени. Подавленные своими іерархическими смутами подъ мусульманскимъ верховенствомъ, восточные патріархи не появлялись въ нашемъ пустынномъ краѣ лично, затруднялись даже присылать къ намъ своихъ уполномоченныхъ. Некому было входить въ положеніе церковныхъ дѣлъ, не къ кому было обращаться съ жалобами на повсемѣстныя злоупотребленія духовнымъ саномъ. Наше малорусское православіе, наше „древнее русское благочестіе“ въ Польшѣ представляло опустошенныя, падающія въ развалины церкви, возмутительный бытъ духовенства высшаго, невѣжество, убожество и беззаботность о церкви низшаго, наконецъ, какъ это естественно, упадокъ доброй нравственности у мірянъ всякаго состоянія, отъ магната до хлѣбороба. Въ народной массѣ водворился развратъ, которому изумлялись даже иноземные наблюдатели. Хранительныя узы родства, семьи и женской стыдливости до того ослабѣли тогда въ нашемъ простонародьѣ, что, казалось, будто бы въ немъ изчезла всякая совѣсть.

Лучшіе между нами люди, видя, что такъ называемое благочестіе не заключало въ себѣ ничего спасительнаго, начали искать спасенія общественной нравственности за предѣлами восточнаго патріархата, и раздѣлились въ своихъ замыслахъ на двѣ партіи. Одни, наслушавшись нѣмецкихъ нововѣрцевъ, склонялись къ тому, чтобъ отречься преданій родной старины церковной, а другіе, видя сравнительно по-

рядочную жизнь католиковъ, готовы были признать главенство римскаго папы и соединить національную церковь съ латинскою. Греческая вѣра, казалось, падала въ Малороссіи сама собою, яко несостоятельная. Нѣкоторые надѣялись еще, что ее поддержитъ въ ея упадкѣ богатый, славный и приверженный къ православію домъ князей Острожскихъ. Но могущественные паны Острожскіе одной рукой поддерживали предковскую церковь, а другою подрывали.

Они были потомки Изяслава, и происходили отъ туровско-пинскихъ Рюриковичей. Новые послѣ Татаръ обладатели нашей Русской земли, Литвины оставили за Острожскими, какъ и за другими князьями, нѣкоторыя изъ ихъ древнихъ правъ, и приниженнымъ Рюриковичамъ было такъ хорошо подъ Гедиминовичами, что они больше коренной Литвы противились Ягайловскому соединенію Великаго Литовскаго Княжества съ Польскою Короною. Когда Ягайло сидѣлъ уже на королевскомъ престолѣ, и тогда еще они, заодно съ его братьями, пытались отдѣлить отъ Польши Литву. По смерти Ягайла, князь Василій Ѳедоровичъ Острожскій отговаривалъ литовскаго великаго князя Казимира Ягайловича принимать отцовскую корону, а когда это ему не удалось, онъ вступился за литовское право и домогался, чтобы Польша считала Литву не подначальною, а равною себѣ державою, и возвратила бы ей Лопатинъ, Бельзъ, Подолію и другія земли, которыя при Ягайлѣ захватила подъ свою юрисдикцію.

Знаменемъ спора литовскихъ патріотовъ съ польскими обыкновенно выставлялась русская церковь, у которой Римская курія отнимала постоянно одинъ духовный хлѣбъ за другимъ. Чѣмъ больше латинская церковь выманивала у короля русскихъ бенефицій, тѣмъ громче приверженцы Литвы отзывались за обиженную церковь малорусскую. Папскіе нунціи старались между тѣмъ разъединить православныхъ русскихъ вельможъ. По смерти князя Василія Ѳедоровича, имъ удалось раздвоить и самый домъ Острожскихъ. Младшая линія этого дома, титуловавшаяся князьями Заславскими, искусилась какими-то личными интересами, и перешла въ католичество. Но зато старшая, которой представителемъ былъ князь Константинъ Ивановичъ, еще больше возревновала о русскомъ благочестіи предковъ своихъ. Напрасны были всѣ происки римскихъ политиковъ, направляемыхъ легатомъ Пизономъ. Не отклонялся Константинъ Ивановичъ ни въ какомъ обрядѣ отъ родной вѣры, созидалъ храмы, поддерживалъ древніе монастыри и защищалъ всѣхъ, кого тѣснили паписты. Папскій легатъ Пизонъ всю надежду свою окатоличить Малороссію возлагалъ на при-

влеченіе князя Константина къ римской вѣрѣ, но его чаяніе было напраснымъ.

И въ самомъ дѣлѣ стойкость Константина Ивановича Острожскаго значила много для нашей Руси, уже поколебленной въ своей національности. Будучи обладателемъ громадныхъ имѣній, явился онъ и великимъ воиномъ. Отъ конца XV столѣтія до 30-хъ годовъ XVI-го, князь Константинъ, титулуясь литовскимъ гетманомъ, охранялъ границы королевства отъ Москвы, Татаръ и Волоховъ такъ могущественно, что король Сигизмундъ I устраивалъ ему тріумфальные въѣзды въ Вильно и въ Кіевъ, чего никогда еще не бывало. Подъ его начальствомъ и руководствомъ образовалось первое извѣстное въ исторіи днѣпровское казачество, заслужившее у современниковъ славу „великихъ и безупречныхъ Геркулесовъ“,—казачество шляхетское, въ которомъ гетманили герои паны и князья, какъ объ этомъ будетъ у насъ рѣчь ниже. Онъ оставилъ по себѣ наилучшую память въ обществѣ польскихъ и русскихъ рыцарей. Былъ онъ храбрѣйшимъ между своими сподвижниками и справедливѣйшимъ въ дѣлежѣ военной добычи. Съ плѣнниками обходился по-христіански; давалъ къ себѣ доступъ самому мелкому просителю, и награждалъ заслуги своихъ соратниковъ такъ щедро, какъ никто.

И было у него довольно средствъ для такой щедрости. Наслѣдственныя владѣнія свои увеличилъ онъ брачнымъ союзомъ съ двумя древними малорусскими домами. Онъ былъ женатъ сперва на Татьянѣ, единственной дочери Симеона Олельковича, князя Ольшанскаго, и Настасіи, княгини Збаражской, а въ другой—на Александрѣ, дочери Симеона, князя Слуцкаго. Сигизмундъ I пожаловалъ ему староства Брацлавское, Винницкое и Луцкое, каштелянство Виленское, воеводство Троцкое. Кромѣ того, онъ былъ маршаломъ земли Волынской, а за оборону литовскихъ границъ получилъ отъ Сигизмундова предшественника короля Александра, замокъ Дубно.

По смерти Константина Ивановича (1533), два сына его, Илья и Константинъ-Василій, однимъ тѣмъ, что назывались князьями Острожскими, поднимали національный духъ Южной Руси. Ихъ домъ былъ устоемъ и средоточіемъ того, что уцѣлѣло отъ религіознаго и племеннаго нашего единства съ Русью Сѣверною, со временъ татарскаго владычества. Но недолго жилъ послѣ отца старшій братъ, Илья. Представителемъ широко прославленнаго дома остался одинъ только князь Острожскій, Константинъ II, иначе князь Василій, и было ему тогда всего шестнадцать лѣтъ.

Не удивительно, что молодой магнатъ внималъ и давалъ вѣру не столько тому, кто говорилъ правдиво, сколько тому, кто говорилъ убѣдительно. Распространившаяся тогда мода нововѣрства не миновала довѣрчиваго юноши. Но противникамъ новаторовъ, Римлянамъ, не трудно было дискредитировать у него такъ называемую нѣмецкую науку вѣры въ пользу грандіозной церкви, которой первосвященникомъ былъ не патріархъ, подвластный невѣрному Турку, а государь государей, земной намѣстникъ небеснаго царя. Вообще, кто разъ отпадалъ у насъ на Руси отъ древней греческой церкви, тотъ уже не возвращался къ ней искренно, потому что католики, опровергая нововѣрство, тѣмъ самымъ обнаруживали мракъ, лежавшій надъ восточнымъ вѣроученіемъ, и „грубіянство“, отличавшее нашихъ духовныхъ. Такъ было и съ юнымъ княземъ Острожскимъ. Въ 1550 году женили его на дочери католика, короннаго гетмана Тарновскаго, и этимъ актомъ сдѣлали то, что домъ Острожскихъ, который былъ для Римской куріи „вратами адовыми“, сдѣлался для нея вратами райскими. Въ эти ворота, отворенныя, какъ увидимъ, черезъ полвѣка съ небольшимъ настежь, всѣ владѣнія и кліенты князей Острожскихъ, такъ точно какъ и Заславскихъ, изъ-подъ власти православныхъ перешли подъ власть католиковъ.

Князь Константинъ-Василій Константиновичъ, котораго наши историки изображаютъ „святопамятнымъ“, какъ и современные панегиристы, былъ именно тотъ, кто отворилъ настежь католичеству наши послѣднія оборонныя ворота на гибель Польши и его собственнаго дома съ нею. Первородный сынъ его, Янушъ, унаслѣдовавшій всѣ его владѣнія, по новѣйшимъ польскимъ изслѣдованіямъ, spolszszał, jeszcze w kolebce *), такъ какъ вмѣстѣ съ католичкою Тарновскою, въ православный домъ князя Василія перешелъ и духовникъ ея, извѣстный апостолъ католичества въ Малороссіи, іезуитъ Петръ Скарга. Между тѣмъ православникамъ казалось, что сынъ знаменитаго литовскаго гетмана стоитъ на стражѣ древнерусской церкви и не такого закала была эта личность.

Славный отецъ приготовилъ князю Василію вліятельное положеніе среди можновладниковъ, но онъ пользовался своими преимуществами, какъ эгоистъ. Еще при Сигизмундѣ Августѣ сочеталъ онъ, изъ корыстныхъ видовъ, насильственнымъ бракомъ съ княземъ Сангушкомъ сироту и наслѣдницу своего брата Ильи, опекуномъ которой былъ самъ король. Князь Василій былъ такъ могущественъ, что его не рѣ-

*) Ополячился еще въ колыбели.

шились даже попрекнуть самовольствомъ; но для обороны своего зятя, погибшаго смертью банита отъ руки своихъ враговъ, не сдѣлалъ онъ ни малѣйшаго шага. Стефанъ Баторій титуловалъ его *ясно вельможнымъ*, что значило много въ старой Польшѣ, тогда какъ прочихъ князей, родственниковъ его, звалъ попросту *твоя вѣрность*, но начальникъ православія не проронилъ слова въ защиту православныхъ церквей и монастырей, которые король отдавалъ іезуитамъ. „Повага“ князя Василія выросла въ Польшѣ до такой степени, что нунцій Спаноччи въ ряду кандидатовъ на корону Стефана, на первомъ мѣстѣ поставилъ князя Василія, а на второмъ—его сына Януша,—и могущественный изъ можновладниковъ довольствовался только удовлетвореніемъ фамильной гордости въ своемъ политическомъ значеніи.

Современные историки прославляютъ отца его за тридцать три побѣды надъ Москалями, Волохами и Татарами, но молчатъ про его собственные подвиги, хотя всѣ грамотеи въ тѣ времена были присяжными папскими льстецами. Вмѣсто того, широко распространялись они о его богатствѣ и не находили лучшей похвалы его величію, какъ тотъ фактъ, что онъ какому-то высокому сановнику платилъ 70,000 злотыхъ *) за то, чтобъ онъ два раза въ годъ стоялъ у него за спиной во время торжественнаго обѣда. Пишутъ еще, что у него въ домѣ толпилось безчисленное множество гостей, но не упоминаютъ, какая вѣра или національность была здѣсь наилучше представляема. Толкались у него и монахи аѳонцы, апостольствовали въ его сборищахъ и іезуиты, находили щедрое гостепріимство и протестанты всѣхъ сектъ, не исключая и аріянской. Въ XVI вѣкѣ вошло въ обычай, сдѣлалось модою и страстью вести религіозные диспуты. Поэтому знатные паны наклоняли ухо ко всякой ораціи, слушали диспуты, точно концерты; а проповѣдники старыхъ и новыхъ вѣроученій стекались къ нашему малорусскому магнату, въ надеждѣ привлечь его къ своей вѣрѣ. Между тѣмъ люди глубокаго ума или великаго энтузіазма, собираясь въ богатомъ домѣ для разумной бесѣды, не находили въ самомъ меценатѣ подготовки для пониманія своего выработаннаго долгимъ трудомъ слова, и забавляли его, какъ ребенка, не научая ничему. У князя Константина II Острожскаго можно было видѣть и строгія лица нѣмецкихъ реформаторовъ, которыхъ, за предѣлами свободной Польши, сожигали на кострахъ, и рядомъ съ ними повседневныя фигуры панскихъ потѣшниковъ, которые зарабатывали свой насущный хлѣбъ смѣхотворствомъ. Тутъ проживали изгнанные папистами ректоры итальянскихъ

*) Злотый стоилъ тогда разъ въ двадцать больше нынѣшняго.

университетовъ, и тутъ же важную роль игралъ знаменитый Богданко Обжора, который съѣдалъ за десятерыхъ, пилъ, какъ верблюдъ, и никогда не напивался допьяна.

Князь Василій, какъ его называли въ Москвѣ и въ Турціи, пользовался широкою славою своего отца на Руси, но поддерживалъ ее только тѣмъ, что былъ доступенъ для каждаго ревнителя древняго благочестія и давалъ его поборникамъ подачки на печатную прю съ его притѣснителями. Но и представители другихъ вѣръ находили въ немъ такую помощь, что одни ревнители католичества посвящали ему свои сочиненія, а другіе объявляли его, если не схизматикомъ, то еретикомъ и даже атеистомъ. Это потому, что въ дѣлахъ вѣры и церкви князь Василій безпрестанно переходилъ изъ одного лагеря въ другой, и никто не зналъ, которому лагерю онъ усердствуетъ наиболѣе. Титулуясь по наслѣдству протекторомъ русской церкви, онъ въ свой славный древнимъ благочестіемъ домъ ввелъ, какъ мы видѣли, жену папистку съ ея католическимъ почтомъ, и своего первенца дозволилъ іезуиту окрестить по обряду римской церкви; а потомъ выдалъ любимую дочь свою, Катерину, за предводителя литовскихъ протестантовъ, князя Криштофа Радивила (по-польски Радзивила), прозваннаго Перуномъ, когда же онъ овдовѣлъ, немедленно выдалъ за него и другую дочь, Елизавету. Но, чтобы не оттолкнуть отъ своего дома православниковъ, сына своего Александра держалъ онъ въ той вѣрѣ, отъ которой не отрекался и самъ. Между тѣмъ Сигизмунду III, „ярому католику“, онъ угождалъ такъ много, что тотъ князя Януша сдѣлалъ краковскимъ каштеляномъ, а князя Александра—волынскимъ воеводою. Самъ же князь Василій давно уже былъ воеводою кіевскимъ и маршаломъ Земли Волынской. Такъ всѣ три религіозныя партіи, сохранявшія въ Польшѣ политическое равновѣсіе свое, считали князя Василія принадлежащимъ къ своему лагерю, и каждая должна была заискивать его благосклонности, боясь перевѣса стороны враждебной. Какъ онъ старался, чтобъ его всѣ называли протекторомъ русской церкви въ Польшѣ, показываетъ намъ хвала его имени, которую монахи и попы разносили всюду, отъ Острога до Кіева, отъ Кіева до Москвы, отъ Москвы до Царьграда и Аѳона. А какъ онъ былъ неспособенъ къ своей величавой роли, это мы видимъ изъ того, что онъ, представляя изъ себя непоколебимаго православника, держался за полу литовскихъ протестантовъ.

Когда съ новой христіанской науки сошла первая пѣна, многіе послѣдователи Лютера и Кальвина увидѣли, что, уничижая древніе обычаи и святилища, не распространяли они въ народѣ реформиро-

ваннаго христіанства, а дѣлали изъ этого народа только языческую толпу передъ покинутыми христіанскими храмами. Ученые и наблюдательные нововѣрцы, такіе какъ Радивилъ Черный, пришли къ тому убѣжденію, что народъ нашъ можно вывести на добрый путь лишь улучшеніемъ его нравственности посредствомъ научныхъ знаній. Радивилъ Черный первый изъ Литво-Русичей основалъ у себя типографію, и въ 1563 году напечаталъ первый польскій переводъ Библіи. Онъ первый началъ заводить въ своихъ городахъ и селахъ школы, а домъ свой сдѣлалъ подобіемъ академіи, составленной изъ ученыхъ Поляковъ, „Руснаковъ“ и чужеземныхъ выходцевъ. Князь Василій тѣмъ же порядкомъ заводитъ у себя, въ городѣ Острогѣ, школу, типографію, даетъ въ своемъ домѣ пристанище грекославянскимъ библистамъ и печатаетъ Библію церковнославянскую. „Оттого, что у насъ нѣтъ наукъ, великое грубіянство въ нашихъ духовныхъ умножилось“, пишетъ онъ съ голоса протестантовъ, и приближенные къ нему люди, вмѣсто того, чтобы поддерживать русское православіе, каково бы оно ни было тогда въ нашемъ обществѣ, поддерживаютъ въ мѣщанскихъ муниципіяхъ духъ протестантскій.

Мѣщанскія муниципіи появились у насъ въ Южной Руси подъ руководствомъ Нѣмцевъ. Бытовой механизмъ этихъ мѣщанскихъ республикъ выработался по общинному праву города Магдебурга. Но, до появленія въ Польшѣ іезуитовъ, муниципальное нѣмецкое право дѣйствовало въ Малороссіи вяло. Мало кто и обращался къ нему въ мѣщанскихъ республикахъ. Оживила его и поставила на ноги протестантская проповѣдь, въ борьбѣ съ іезуитскою. Подъ вліяніемъ германскихъ воспитанниковъ, польскорусскихъ пановъ, мѣщанскія *братства* или *цехи*, заговорили языкомъ магдебургскаго самоуправленія.

Братства и цехи существовали у насъ издавна, какъ союзы ремесленниковъ и купцовъ въ родѣ нѣмецкихъ *брудершафтовъ*. Теперь смѣшались они съ давнишними братствами церковными, и поставили церковные интересы свои подъ знамя вѣры. Церковныя братства, заботившіяся прежде о поддержкѣ храмовъ и вспоможеніи убогихъ людей по древнему христіанскому преданію, вводили теперь у себя церковный самосудъ и составляли себѣ права по образцу нѣмецкихъ муниципальныхъ общинъ. Мало было уже для нихъ церковнаго благолѣпія да милосердія къ бѣднымъ: по примѣру протестантовъ, они вмѣшиваются въ дѣла своего духовенства и въ управленіе самой іерархіи. Были и прежде такіе случаи, что мѣщане жаловались королю на своихъ архіереевъ за обдиранье поповъ и притѣсненье прихожанъ. Но въ тѣ времена они еще мало внимали Нѣмцамъ, которые безпре-

станно переселялись въ Польшу и въ польскую Русь, угрожаемые терроромъ со стороны латинскаго духовенства, и вносили въ польско-русскую среду свой реформаціонный взглядъ на пастырство человѣческихъ душъ. Теперь нѣмецкій протестантскій образъ мыслей распространялся у насъ во всѣхъ церковныхъ братствахъ, которыя ничѣмъ уже не отособлялись отъ ремесленныхъ цеховъ и купеческихъ корпорацій. Насколько малорусская церковь походила своими вѣрованіями и обрядами на римскую, настолько надобно было ждать въ ней и реформы, постигшей римскую церковь вездѣ въ нѣмецкихъ земляхъ и въ самой Польшѣ. Мѣщане перестали видѣть въ своемъ духовенствѣ руководителей въ разумѣніи Священнаго Писанія, перестали вѣровать въ благодать рукоположенія и смѣло заявляли опеку церковнаго братства надъ рукоположенными.

Такая реформація понятій о церкви выразительнѣе всего проявилась въ Львовѣ, многолюднѣйшемъ городѣ послѣ Вильны, столицы южнорусскаго протестантства. Подъ конецъ XVI столѣтія, восточные патріархи утратили уже у Турокъ терпимость, которую относительно христіанъ ввелъ было среди нихъ мудрый завоеватель Константинополя, Магометъ II. Подкупаясь одинъ подъ другого, верховные наши первосвященники сами учили мусульманъ увеличивать все больше и больше наложенную на христіанскія патріаршества дань. Начали Турки тѣснить ихъ въ церковныхъ имуществахъ и нерѣдко обращали христіанскіе храмы въ магометанскія мечети. Претерпѣвая такое поруганіе, восточные патріархи не могли держать себя такъ строго относительно подвластныхъ имъ въ церковномъ управленіи народовъ, какъ держалъ себя первосвященникъ римскій. Тѣснила ихъ нужда; подкупались подъ нихъ пройдохи; теряли они, въ борьбѣ за свой санъ, чувство архипастырскаго достоинства. Поэтому подписывали бывало подаваемыя имъ отъ нашихъ церковныхъ братчиковъ грамоты, не зная даже, что въ нихъ написано. И вотъ, одною изъ такихъ покупныхъ грамотъ предоставили они львовскому братству наблюденіе за благочестіемъ и порядкомъ всей русской церкви въ Польшѣ, съ тѣмъ что, еслибы и епископъ въ чемъ-либо поступалъ недостойно, то братство должно было смотрѣть на него, какъ на врага истины и противиться его распоряженіямъ. Въ другихъ патріаршихъ грамотахъ говорилось прямо, что названное братство на вѣчныя времена не обязано было подчиняться никакому духовенству,—ни митрополичьему, ни владычьему, ни иному духовному начальству, суду и благословенію, кромѣ патріаршей константинопольской каѳедры. За нарушеніе такой привилегіи патріархъ

посылалъ нашимъ архіереямъ строгіе выговоры, похожіе на папскіе breve, и не обинуясь угрожалъ имъ отлученіемъ отъ церкви.

Между тѣмъ протестанты такъ усердно заботились о нашихъ братствахъ, что снабжали ихъ школы собственными наставниками, а малорусскія типографіи учеными распорядителями. Отсюда произошло удивительное, но не замѣченное нашею исторіографіею явленіе: что тогдашняя малорусская полемика выставляла на всенародное негодованіе имена вельможныхъ пановъ, совратившихся въ католичество, и совершенно игнорировала такихъ людей, какъ Радивилы, Ходкевичи, Вишневецкіе, Дорогостайскіе, Немиричи, Пузины и т. д., которые пренебрегли вѣрою православныхъ предковъ своихъ и подѣлались лютеранами, кальвинистами, аріянами и другими нововѣрными сектантами. Протестанты прикрывались въ этомъ дѣлѣ „повагою“ князя Василія и напечатали для нашего употребленія столько неортодоксальныхъ книгъ, что, спустя много лѣтъ по смерти престарѣлаго Острожскаго, съ одной стороны митрополитъ Петръ Могила очищалъ православныя церкви отъ книгъ, подготовлявшихъ насъ къ новаторству, а съ другой прозелиты римскаго католичества вырывали такія книги изъ рукъ у невѣжественныхъ малорусскихъ поповъ.

Въ самый разгаръ борьбы православниковъ съ церковною уніею, изъ острожской типографіи вышла написанная протестантомъ отъ имени „людей древней русской религіи“ книга „Апокрисисъ“. Въ этой книгѣ проповѣдывалось: что „совершеннѣйшій соборъ не есть судилище состоящее изъ однихъ епископовъ“; что „между мірянами много бываетъ благочестивыхъ людей, которые одною своею простотою могутъ дѣлать многое“; что между ними „много бываетъ ученыхъ, которые гораздо умнѣе епископовъ“; что „простому мірянину и безъ посвященныхъ, лишь бы только онъ зналъ Писаніе, надобно больше вѣрить въ поученіяхъ, нежели самому папѣ“, и тому подобное.

Предводители малорусскаго протестантства, соединенные съ княземъ Василіемъ узами дружбы и родства, видѣли, можетъ быть, въ немъ новаго Фридриха Саксонскаго, который, не выступая открыто за реформацію, отъ всего сердца покровительствовалъ ученію Лютера. Но политическій и церковный эквилибристъ, князь Василій, обманулъ ихъ надежды, такъ точно какъ и надежды православниковъ.

Еще въ 1577 году, ему, какъ высшему авторитету малорусской вѣры, посвятилъ іезуитъ Скарга книгу, которая доказываетъ: будто Греки отступили отъ единства Божіей церкви; будто русская церковь, подначальная восточнымъ патріархамъ, не имѣетъ будущности, и будто передъ нею одинъ только путь—соединиться съ церковью римскою.

Съ того времени іезуиты не переставали долбить мертвый умъ такъ называемаго Начальника Русскаго Православія, какъ водяная капля долбитъ камень, и, подобно протестантамъ, окружали князя Василія своими людьми.

Въ числѣ избранныхъ особъ, съ которыми князь Василій бесѣдовалъ наединѣ, были два агента іезуитской факціи, Кириллъ Терлецкій и Ипатій Потѣй. Каждый изъ нихъ происходилъ изъ знатнаго панскаго дома, и оба считались „головами не малыми" среди православниковъ. Терлецкій былъ сперва протопопомъ въ Пинскѣ, а съ 1585 года, по протекціи князя Василія, король сдѣлалъ его владыкою луцкимъ и острожскимъ; а Потѣй, будучи родственникомъ князю по женѣ, получилъ мѣсто брестскаго каштеляна, а въ 1593 году сдѣлали его владимірскимъ владыкою. Они пользовались свободнымъ доступомъ къ „верховному хранителю и защитнику православной церкви", какъ величали князя Василія духовные панегиристы, и при всякомъ удобномъ случаѣ преподавали ему, точно катихизисъ, тѣ мысли, которыя іезуитъ Скарга высказалъ въ посвященной ему книгѣ. Могущественный князь не оспаривалъ того, что церковная унія дѣло спасительное, а собесѣдники распространяли благосклонныя слова его въ обществѣ и настраивали общественное мнѣніе такъ, какъ того желали католическіе клерикалы. Но, зная, какъ зыбокъ Начальникъ Русскаго Православія въ своихъ намѣреніяхъ, и видя его тѣсную дружбу съ протестантами, не смѣли открывать ему всѣхъ своихъ замысловъ, а вели дѣло такъ, чтобы поставить его въ невозможность противодѣйствовать имъ. Король Сигизмундъ III поощрялъ тайкомъ обоихъ епископовъ своими милостями и обезпечивалъ своею властью. Въ заговорѣ съ ними былъ и Кіевскій митрополитъ Михаилъ Рогоза, воспитанный въ іезуитской школѣ высшихъ наукъ и приготовленный къ предстоявшей ему роли заблаговременно. Но этотъ не высказывался вовсе, и держалъ себя неопредѣленно между папистами и православными, какъ и самъ князь Василій. Прочихъ малорусскихъ архіереевъ приготовляли іезуиты къ отступничеству обѣщаніемъ королевскихъ пожалованій. Но православныхъ іерарховъ, сравнительно съ католическими убогихъ, не столько прельщали бенефиціи и даже обѣщанное имъ засѣданіе въ „сенаторской лавицѣ", какъ то, что соединеніе съ католиками подъ верховною властью римскаго папы освободитъ ихъ отъ вмѣшательства въ духовныя дѣла свѣтскихъ пановъ, которые, въ качествѣ патроновъ, держали высшее духовенство, какъ и низшее, въ полной отъ себя зависимости и, вписываясь въ братства подъ именемъ старшихъ братчиковъ, передавали письменно свой автори-

тетъ братчикамъ младшимъ, а младшіе братчики, будучи торгашами, чеботарями, воскобойниками и т. п., верховодили въ церковной іерархіи на основаніи купленныхъ у константинопольскаго патріарха грамотъ.

Терлецкій и Потѣй не разъ писали къ князю Василію, совѣтуясь, какъ бы великое и спасительное дѣло церковной уніи довести до конца безъ особенной тревоги въ обществѣ, наконецъ повернули круто, и въ 1595 году, получивъ отъ короля субсидію, отправились въ Римъ просить папу отъ имени „всѣхъ христіянъ“ простереть свое главенство и на Русь. Этотъ поступокъ оскорбилъ князя Василія смертельно. Возненавидѣвъ унію, которую до сихъ поръ лелѣялъ, какъ практикъ-эквилибристъ, онъ отправилъ посла на протестантскій съѣздъ въ Торнѣ, и въ инструкціи послу написалъ такія угрозы королю и католической шляхтѣ, какъ будто готовился идти на нихъ войною. Инструкція какимъ-то случаемъ очутилась въ рукахъ у короля. Вельможный защитникъ православія испугался своей смѣлости, и далъ королевской партіи тѣмъ легче довести дѣло церковной уніи до конца.

Въ октябрѣ 1596 года, въ городѣ Берестѣ, или Брестѣ, который въ Москвѣ называли Литовскою Брестью, собрался синодъ изъ представителей греческой и римской вѣры. Много было говору и крику между православниками и въ самомъ Берестѣ, и по всей польской Руси. Думали, что князь Василій, обладавшій милліонами наличныхъ денегъ, являвшійся на варшавскій сеймъ съ артиллеріею и многочисленнымъ войскомъ, имѣвшій возможность призвать къ оружію десятки тысячъ своихъ подданныхъ и вассаловъ, думали, что онъ и совершитъ въ самомъ дѣлѣ что-то чрезвычайное на защиту вѣры знаменитыхъ предковъ своихъ. Но „верховный хранитель и защитникъ православной церкви“ не въ силахъ былъ оборонить даже берестовскихъ поповъ и мѣщанъ, которые, въ упованіи на его могущество, выступили противъ королевской партіи съ такими смѣлыми рѣчами, что ихъ посажали въ тюрьму и объявили банитами. Еще больше посрамилъ себя „святопамятный“ тѣмъ, что, пригласивъ на соборъ протопотарія константинопольскаго патріаршаго престола, Никифора, допустилъ противной партіи сдѣлать изъ него турецкаго шпіона и посадить въ маріенбургскую крѣпость, гдѣ онъ и скончался. Титулъ протектора русской церкви носилъ Острожскій изъ одной панской гордости да для острастки своихъ политическихъ противниковъ. Но, когда они показали, что не боятся той Руси, которую онъ якобы представлялъ въ своей особѣ, тогда онъ сдѣлался настолько смиреннымъ и безсильнымъ, насколько прежде казался гордымъ и могу-

щественнымъ. Борясь до упадка съ утвержденною уже и обнародованною королемъ уніею, львовскіе мѣщане спрашивали у него, что же имъ наконецъ дѣлать? и князь Василій отписалъ имъ: „Терпѣть, терпѣть и терпѣть“.

Такъ исчезла надежда православниковъ на поддержку со стороны дома Острожскихъ. Такъ низко пало знаменитое начальство этого древняго княжескаго рода надъ нашею церковью. Спустя десятилѣтіе по обнародованіи церковной уніи, въ числѣ православныхъ пановъ не осталось ни одного Острожскаго. Съ другой стороны, протестантское движеніе ознаменовало себя у насъ только тѣмъ, что испуганные церковными братствами іерархи должны были искать у римскаго папы защиты отъ грубаго вмѣшательства мѣщанъ въ церковныя дѣла. Между тѣмъ наши паны, сдѣлавшись протестантами, перестали быть въ глазахъ Русскаго народа Русью, такъ точно, какъ и тѣ, которые совратились въ католичество. Озлобленное папистами духовенство стало указывать на отступниковъ, какъ на своихъ гонителей, и безразлично называло *Ляхами* всѣхъ исполнителей правительственныхъ распоряженій, такъ что слова *Ляхъ* и *Панъ* сдѣлались у насъ на Руси синонимами*). Земскіе послы, законодательствовавшіе вмѣстѣ съ королевскими сенаторами на дворянскихъ сеймахъ или вѣчахъ; земскіе и замковые судьи, охранявшіе общественное право; коронныя ополченія, навербованныя свободно не только въ католическомъ, но и въ православномъ населеніи Польши для отраженія Татаръ и Турокъ, для войны со Шведами и Москвою, все это были у насъ Ляхи. Съ другой стороны, раздраженные русскою закоренѣлостью проповѣдники болѣе человѣчной, какъ они думали, вѣры прозвали православіе религіею волчьею, и потѣшали себя выходками противъ нея школьниковъ своихъ. Но клерикальное дѣленіе нашихъ предковъ на Ляховъ и Русиновъ не осталось достояніемъ одного келейнаго фанатизма. Изъ устъ поповскихъ оно перешло въ сердца мірянъ, и повело къ такимъ комбинаціямъ, въ силу которыхъ задача религіознаго единенія Польши должна была разрѣшиться ея соціальнымъ раздвоеніемъ.

Подъ вліяніемъ іезуитски религіозно проповѣдуемаго единства, идея русской народности до того была наконецъ подавлена въ Малороссіи, что уже князь Василій, отправляя сына въ заграничное путе-

---

*) Въ тогдашнемъ языкѣ слово *Ляхъ* означали у насъ Русина, отпавшаго отъ православія; исконныхъ же католиковъ называли мы *Поляками*. Поэтому и въ современной московской письменности встрѣчаемъ поставленныя рядомъ слова *Ляхи* и *Поляки*, какъ названія не однозначащія.

шествіе, напутствовалъ его словами: „Помни, что ты Полякъ“. При его наслѣдникахъ, на Днѣпрѣ и Днѣстрѣ водворилась Польша, или то, что̀ народъ называлъ Ляхвдю, и вскорѣ іезуиты раскинули свои преобразовательныя училища отъ Полотска до Переяслава, отъ Ярослава Галицкаго до Новагорода Сѣверскаго. Ни наука, ни литература, ни высшее общежитіе, ни даже богатство не представляли въ себѣ русскаго элемента. Онъ держался только тамъ, гдѣ, по невѣжеству, не умѣли говорить и писать по-польски, или гдѣ церковная обрядность не допускала польщизны и латыни. Но именно этимъ отособленіемъ господствующей части Малороссовъ отъ подчиненной, которое составляло главную заботу іезуитской педагогіи, правительство Рѣчи Посполитой Польской выдвинуло на спену дѣйствія тѣ силы, которыя обратили въ ничто и темныя интриги Римской куріи въ Польшѣ, и подвиги непричастныхъ къ нимъ, представителей польской народности въ Малороссіи.

Глава II.

Польскіе мѣщане и польская шляхта.—Земледѣліе и городская промышленность.—Польскорусскіе крестьяне.—Столкновеніе европейскаго хозяйства съ азіятскимъ.—Малорусскіе крестьяне въ новыхъ колоніяхъ.—Соперничества между мѣщанами и шляхтою.—Колонизація малорусскихъ пустынь.—Украинные города.—Зарожденіе козачества.—Вражда козаковъ къ мѣщанамъ и къ панскому правительству.—Мысль объ уничтоженіи козачества.

Въ то время, когда іезуиты трудились надъ созданіемъ единой вѣры и единой національности въ составѣ польскаго дворянства, это дворянство обратило свою хозяйственную дѣятельность на извлеченіе доходовъ изъ роскошныхъ пустынь Малорусскаго края, не тронутыхъ плугомъ со временъ Татарскаго Лихолѣтья.

Экономическая сторона польскорусской исторіи сама по себѣ интересна. Въ связи съ событіями, къ которымъ привела польскихъ и нашихъ малорусскихъ пановъ хозяйственная дѣятельность, интересъ ея дѣлается трагическимъ.

Коренная или старая Польша *) дѣлилась весьма выразительно на городскую и сельскую. Городская принадлежала почти исключительно выходцамъ изъ другихъ, болѣе цивилизованныхъ или болѣе безпокойныхъ странъ. Сельская составляла почти исключительную собственность туземцевъ. По наслѣдственнымъ рыцарскимъ понятіямъ, для шляхтича было унизительно заниматься мѣщанскими промыслами и торговлею. Только война да земледѣліе были ему приличны. Съ другой стороны, польскій мужикъ былъ такъ простъ и патріархаленъ, что въ городскомъ быту не могъ выдерживать соперничества съ пришельцами. Остальное состояніе обоихъ этихъ сословій, сравнительно съ обитателями европейскаго Запада и Юга, соединяло нравственныя

*) По ея образу и подобію сформировалась Новая Польша, какъ называли современные польскіе политики нашу Малороссію.

и вещественныя силы ихъ въ нераздѣльную, вольную и невольную предпріимчивость. Панъ, въ качествѣ землевладѣльца, долженъ былъ увеличивать рабочія средства мужика. Мужикъ въ качествѣ звѣролова и номада, интересовался привольемъ и обширностью панскихъ угодій. Свидѣтельствомъ взаимнаго согласія этихъ двухъ состояній, или естественнаго сродства ихъ до временъ Ягайла, служитъ намъ необыкновенно густое населеніе Краковской, Сендомирской, Мазовецкой, Великопольской и Малопольской земель, почти не увеличившихъ количества своихъ силъ съ XII и XIII столѣтій до XVIII-го.

Это согласіе, имѣвшее, конечно, свои печальныя исключенія, начало нарушаться разными обстоятельствами, вытекавшими изъ той личной свободы, которой искони домогались, которою всего больше дорожила и гордилась польская шляхта. Оттягавъ у своихъ государей существенную часть древняго княжескаго права (jus ducale), но не развивъ общественности въ соотвѣтственной степени, сарматскіе землевладѣльцы не умѣли водворить миръ и порядокъ въ своемъ привилегированномъ сословіи, дѣлали взаимные захваты земли, полевыхъ урожаевъ и всякаго иного имущества, а съѣзжаясь на свои сеймы, или вѣча, превращали ихъ въ такія побоища, какими отличалось вѣчевое время нашихъ удѣльныхъ князей и ихъ дружинниковъ. Отсюда у „низшей шляхты“, или мелкихъ дворянъ, возникъ обычай „отдавать себя подъ панскій щитъ“, то есть собираться вокругъ воинственнаго землевладѣльца и общими силами домогаться боеваго правосудія, а у людей побогаче или позавзятѣе—выставлять свой щитовой гербъ, называвшійся *проклямою*, иначе *зазывомъ*, и обязывавшій всѣхъ родныхъ и всѣхъ принявшихъ тотъ же гербъ въ знакъ союза, или „клейнотничества“, являться на кличъ своего предводителя. Обычай этотъ имѣлъ то практическое значеніе, что воинственные и предпріимчивые шляхтичи, съ помощію своихъ вассаловъ, увеличивали наслѣдственныя имѣнія свои или фактическимъ захватомъ, или перевѣсомъ вооруженной силы на судебномъ вѣчѣ. Наконецъ, и безо всякихъ неправдъ, люди съ характеромъ гордымъ должны были заботиться о крупности своего землевладѣнія и увеличеніи доходовъ своихъ для того, чтобы не сдѣлаться игралищемъ загребистаго сосѣда. Имѣнія и доходы увеличивались, какъ исходатайствованіемъ у короля пожалованій и особыхъ привилегій, такъ и покупкою земли у мелкихъ владѣльцевъ, которые предпочитали продать свои ланы и лѣса одному шляхетному „дукѣ“, нежели видѣть ихъ присвоенными другимъ.

Такъ, въ отдаленныя времена, было положено начало польскому *можновладству*, или вельможеству, которое, въ видахъ сохраненія меж-

ду панами политическаго равновѣсія, образовало въ Польшѣ нѣсколько десятковъ удѣльныхъ княжествъ, подъ названіемъ панскихъ добръ, ключей, волостей, и подѣлило шляхту на нѣсколько вассальствующихъ партій. По свидѣтельству Длугоша, уже въ XII вѣкѣ было въ Польшѣ семьдесятъ такихъ панскихъ домовъ, которые „поднимали щитъ“ отъ собственнаго имени и, пренебрегая, въ сознаніи силы своей, именемъ *шляхтичей*, называли себя *панами*.

Перевѣсъ на ту или другую сторону боевой силы и достатковъ борющихся землевладѣльцевъ побуждалъ крестьянъ перебѣгать къ тому пану, у котораго было имъ побезопаснѣе и попривольнѣе. Такъ какъ было бы напрасно требовать отъ сосѣдей, чтобъ они не принимали къ себѣ перебѣжчиковъ, то шляхта уже въ концѣ XIV столѣтія пришла къ необходимости налечь законодательными правами своими на крестьянъ, и добилась того, что вольнымъ до тѣхъ поръ *кметямъ* было запрещено переходить съ мѣста на мѣсто. Въ польскихъ займищахъ происходило такимъ образомъ нѣчто подобное верхнему и нижнему теченію воздуха. Требованія жизни и быта велѣли крупнымъ землевладѣльцамъ разширять свои имущества на счетъ мелкихъ, и тѣ же требованія побуждали крестьянъ изъ имѣній мелкихъ стремиться туда, гдѣ было попривольнѣе.

Подобное же движеніе происходило въ Польшѣ и относительно сосѣднихъ племенъ. Смѣшанное населеніе Нѣмецкой Имперіи, томимое феодальными смутами и сознававшее превосходство въ промыслахъ надъ отсталымъ Полякомъ, постоянно выселялось въ полудикую Сарматію, какъ въ старину сравнительно тихую и обѣщавшую больше прибыли. Здѣсь, какъ и въ дотатарской Малороссіи, хлопотали издавна о заселеніи городовъ нѣмецкими выходцами, и представляли Нѣмцамъ (какъ называли и нѣмецкихъ Славянъ) сохранять законы и обычаи роднаго ихъ края. Но сельское населеніе смотрѣло на пришельцевъ, какъ на людей нечестивыхъ. Въ праздничные дни Нѣмцы устраивали у церквей торги съ кабаками, музыкой, пѣснями, которыя нарушали чинъ богослуженія и отвлекали молодежь отъ молитвы. При этомъ ремесленные цехи, всегда враждебные другъ другу, заводили обыкновенно драки, въ которыя вмѣшивали и подпоенныхъ мужиковъ. Если же послѣ дракъ запивали мировую, то общее согласіе цеховъ было еще вреднѣе для сельскихъ жителей, чѣмъ ихъ раздоры. Пользуясь коммерческой организаціей своею, мѣщанскіе цехи устанавливали произвольныя цѣны привозимымъ на рынки товарамъ. Напрасно мѣстные воеводы и старосты публиковали собственный тарифъ; оборона отъ нѣмецкихъ торгашей была не по силамъ для отсталыхъ въ культурномъ пройдошествѣ поселянъ.

Чувство отвращенія сельской Польши къ городской увеличивало еще распущенность семейнаго и общественнаго быта, не виданная ни въ панскихъ домахъ, ни въ селахъ. Было извѣстно, что Нѣмцы, независимо отъ церковныхъ браковъ, заключали новые браки посредствомъ *обливанья*, то есть попойки, и что этимъ способомъ держали по нѣскольку женъ. Было также извѣстно, что городскіе цехи, называвшіеся братствами, собирались въ свои частныя засѣданія не для разбора дѣлъ, а для безобразнаго бражничанья, которое называлось Bruderbier. При этомъ, какъ и во время ремесленныхъ работъ, Нѣмцы одѣвались въ такія короткія и странныя одежды, что даже смотрѣть на нихъ считалось непристойностью. Празднуемый же Нѣмцами понедѣльникъ отличался крайнимъ буйствомъ и распутствомъ, точно языческая вакханалія.

Все это было возмутительно уже само по себѣ, какъ для помѣщиковъ, такъ и для степенныхъ крестьянъ. Но города, наполненные и организованные Нѣмцами, досаждали Полякамъ еще больше тѣмъ, что заманивали къ себѣ на заработки сельскую молодежь обоихъ половъ, которая, заразившись привычками разгульной жизни, норовила оставить сельскій бытъ навсегда. Каждый дурной членъ сельскаго общества, совершая свои проказы, имѣлъ въ виду укрывательство среди мѣщанъ, подъ ихъ одеждой, дѣлавшей бѣглеца неузнаваемымъ. А хотя бы перебѣжчикъ и былъ узнанъ въ городѣ, то польскіе Нѣмцы имѣли обычай не выдавать пришельца; въ случаѣ же крайности, спроваживали его въ другой городъ и даже за-границу. По мѣрѣ того, какъ заграничные города извергали изъ себя все имъ ненужное, тягостное или вредное въ сельскую Славянщину (ибо не лучшіе, а можно сказать, одни худшіе Нѣмцы переселялись въ Польшу), они изъ сельской Славянщины привлекали молодыхъ людей, поставленныхъ въ необходимость работать имъ за кусокъ хлѣба, то въ видѣ безпріютныхъ бродягъ, то въ видѣ ремесленныхъ учениковъ. Кромѣ того, передъ началомъ каждой жатвы, заграничные Нѣмцы, чрезъ посредство польскихъ гражданъ, вербовали въ Польшѣ сельскихъ работниковъ, и подрывали такимъ образомъ сельское хозяйство польское.

Убыль рабочей силы отъ сосѣдства полунѣмецкихъ городовъ и отъ вербовки крестьянъ для заграничныхъ зарабатковъ заставляла землевладѣльцевъ принимать противодѣйственныя мѣры. На шляхетскихъ съѣздахъ выработался наконецъ законъ, дозволявшій отлучаться въ города и за-границу только тѣмъ членамъ крестьянскихъ семействъ, которые составляли въ нихъ какъ бы излишекъ. Положеніе сельскаго мужика затруднялось, но затруднялось въ соразмѣрности съ тѣмъ, какъ

нарушалъ онъ обязательства своего подданства, первоначально добровольнаго. За невозможностью въ томъ вѣкѣ принять мѣры болѣе человѣчныя, одно зло нейтрализовалось другимъ. Оба, соединенныя нуждой, сословія искали выхода изъ мѣстныхъ обстоятельствъ, и каждое находило его въ томъ, что̀ зависѣло отъ него. Недовольный паномъ мужикъ бѣжалъ къ его сосѣду, или въ городскіе цехи. Обманутый мужикомъ панъ ограждалъ свое хозяйство строгими мѣрами закона.

Когда экономическія дѣла находились въ такомъ натянутомъ положеніи, оба хозяйственные класса, эти, можно сказать, двѣ руки одного и того же промышленнаго тѣла, напали на такой изъ него выходъ, который обѣщалъ имъ возстановленіе согласія, нарушеннаго соблазнами грубой свободы. Этимъ выходомъ было заселеніе малорусскихъ пустынь, открывшихся передъ нами послѣ соединенія Литвы съ Польшею, или гражданской уніи, совершившейся въ Люблинѣ 1569 года. Но здѣсь и паны и ихъ подданные встрѣчали новыя препятствія къ экономическому благоденствію.

Землевладѣльцамъ Польской короны въ ея соединеніи съ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ открылся просторъ для сбыта сельскихъ произведеній въ портѣ Балтійскаго моря и для устройства землевладѣльческихъ хозяйствъ на обширныхъ пространствахъ, бывшихъ до тѣхъ поръ ареною пограничныхъ наѣздовъ и сшибокъ съ литовскою Русью. Въ бѣдственную для Польши эпоху, когда Литва была еще свирѣпой язычницей, Поляки, содѣйствуя распространенію христіанства и желая развить силы хищныхъ сосѣдей, уступили свое балтійское поморье тевтонскимъ рыцарямъ, яко воинамъ Св. Креста. Тевтоны, или Крыжаки, отплатили за это Полякамъ войнами, заставившими ихъ искать союза съ той же, уже полуправославною Литвою. Результатомъ соединенія двухъ племенъ въ одно государство было подчиненіе Крыжаковъ польскому владычеству и открытіе свободнаго доступа водою въ Балтійское море. Это море, почти ненужное Польшѣ во времена оны, теперь, съ развитіемъ ея экономическаго быта, вернулось къ ней, словно доходное имѣніе послѣ убогихъ въ своемъ невѣжествѣ предковъ. Панскія добра, облегченныя отъ общественныхъ тягостей привилегіями, стали приносить неслыханные до тѣхъ поръ доходы. Громадныя состоянія выростали при однѣхъ и тѣхъ же рабочихъ силахъ, а избытокъ денежныхъ средствъ далъ новое движеніе экономической предпріимчивости. Тогда-то пригодились польскимъ панамъ нетронутыя плугомъ пустыни сосѣдней Литвы, вѣрнѣе сказать—Литовской Руси, сдѣлавшейся Русью Польскою.

Но не вдругъ оправдались надежды польскихъ экономистовъ. Турки давно уже грозили Европѣ завоеваніемъ, и это требовало отъ нея чрезвычайныхъ усилій самосохраненія. Какъ передовой постъ европейской культуры, Польша больше другихъ странъ подвергалась опасности. Уже сынъ Ягайла, Владиславъ III, палъ въ бою съ Алуратомъ II подъ Варною (1444). При его преемникѣ, Казимирѣ IV, подвластные турецкому султану Крымцы уничтожили на Черномъ морѣ принадлежавшій Польшѣ, чрезъ посредство литовской Руси, портъ Кочубей (нынѣ Одесса), который, во времена существованія Византійской имперіи, снабжалъ Царьградъ и Греческіе острова подольскою пшеницею. Литворусскія займища въ устьяхъ Днѣпра и Днѣстра сдѣлались турко-татарскими. Въ 1482 году ханъ Менгли-Гирей сжегъ и заполонилъ пограничный польско-литовскій городъ, столицу до-татарской Руси, Кіевъ. Черезъ десять лѣтъ отстроенъ Крымцами, по распоряженію Турокъ, Очаковъ, стоящій на польско-русской землѣ, а потомъ и Тегиль (въ старину, какъ и нынѣ, Бендеры), которую литовскіе государи, въ спорахъ съ ханами, называли своею отчиною. Черноморская торговля русскимъ и польскимъ хлѣбомъ уступила мѣсто татарской торговлѣ русскими и польскими плѣнниками. Напрасно король Янъ Альбертъ пытался отнять у Турокъ Волошину или Молдавію, которая, будучи леннымъ владѣніемъ Польской Короны, закрывала Подолію и Червонную Русь, „какъ щитомъ“. Войско его, заведенное предательски въ такъ-называемыя Буковины (непроходимые лѣса горной Молдавіи), было побито до остатка (1498), и открыло Туркамъ, Татарамъ и перемѣнчивымъ Волохамъ дорогу въ Подолію, откуда пожары и полонъ разлились до самаго Львова. Только чрезвычайно морозная зима того года, истребившая десятки тысячъ наѣздниковъ, спасла Польшу отъ азіатскаго завоеванія.

При такихъ обстоятельствахъ подвигаться съ хозяйственными займищами къ востоку было дѣломъ не одного экономическаго разсчета, но и рыцарскаго геройства. Въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтія Татаръ видали не только на правой, но и на лѣвой сторонѣ Вислы, у Сендомира и Опатова. Небезопасенъ былъ отъ нихъ даже Пацановъ, и въ самомъ Краковѣ не разъ бывалъ переполохъ отъ ихъ близости; а въ 1578 году Орда окружила было свадебную компанію князя Василія, праздновавшаго бракъ старшей дочери своей съ Радивиломъ Перуномъ.

Въ эти времена борьбы съ азіятцами за безопасность панскаго плуга, экономическій бытъ польско-русской республики, называемой Рѣчью Посполитою Польскою, представлялъ замѣчательное противо-

рѣчіе между юридическимъ гнетомъ чернорабочаго, пахарскаго класса крестьянъ и фактическимъ согласіемъ его съ органами законодательной власти, землевладѣльцами. Мы читаемъ въ сеймовыхъ постановленіяхъ драконовскіе законы о панскихъ подданныхъ, а подъ тѣми же годами находимъ постановленія объ учрежденіи новыхъ повѣтовъ и новыхъ воеводствъ въ украинной Польшѣ, „по причинѣ сгущенія рыцарской людности“ на всемъ пространствѣ отъ Карпатъ до Нарева и отъ Днѣстра до Случи. Рыцарская людность, то-есть шляхетчина, на пограничье, выставленное противъ азіятскихъ добычниковъ, шла не одна: ее сопровождали тѣ самые кмети, крестьяне, или подданные, противъ которыхъ на шляхетскихъ съѣздахъ придумывались все болѣе и болѣе стѣснительныя мѣры.

Это движеніе происходило въ силу давленія можновладцевъ на мелкопомѣстную шляхту, которая, вмѣстѣ съ своими подданными, приходила въ упадокъ по мѣрѣ того, какъ землевладѣльцы крупные, путемъ получаемыхъ отъ короля привилегій, захвата и подкупа, увеличивали имущества свои. Обѣднѣлые, или тѣснимые шляхтичи, вмѣсто того, чтобы дѣлаться слугами и вассалами собратій своихъ, хотѣли въ новыхъ займищахъ, въ дешевыхъ пріобрѣтеніяхъ и на заслуженныхъ у короля, или у магната, пустопорожныхъ мѣстахъ, доказать справедливость гордой пословицы: „Шляхтичъ въ огородѣ равенъ воеводѣ“. Составляя аванпосты польско-русской колонизаціи пустынь отъ Вислы къ Днѣпру, они вели съ собой крестьянъ, лишенныхъ всякой свободы и даже собственности по буквѣ панскаго законодательства, но вели не насильственно. Эти крестьяне были частію бѣглецы изъ сосѣднихъ имѣній, разсчитывавшіе на пустынность пограничнаго края, недоступную для сыщиковъ, но частію и такіе подданные, которые смотрѣли на побѣги сельской молодежи и сельскихъ негодяевъ глазами своего пана. Въ обоихъ случаяхъ сближеніе ихъ съ землевладѣльцемъ было не только естественное, но и необходимое. Праздность въ новозанятыхъ пустыняхъ показывалась голодомъ, а недостатокъ повиновенія — набѣгами Крымцевъ, Ногайцевъ и самихъ Волоховъ, которые съ подчиненіемъ азіятскому господству сдѣлались для Полякоруссовъ такими же хищниками, какъ и Татары. Пограничный землевладѣлецъ былъ глава хозяйственной ассоціаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ—предводитель боевой дружины. По существу факта, онъ былъ не столько дѣдичъ новозаселеннаго займища, сколько его завоеватель.

Посредствомъ выселенія шляхты въ украинныя земли, къ старому, или сравнительно старому, краю приросталъ новый, основанный на

томъ же началѣ шляхетской вольности, но безъ ея произвольныхъ и вынужденныхъ обстоятельствами злоупотребленій,—край, обѣщавшій быть настолько лучше стараго, насколько колоніи всегда бываютъ лучше метрополій своихъ. Но Турки, стремясь занять славянскую почву Европы, въ авангардѣ своего движенія къ западу посылали безпощадныхъ опустошителей, Татаръ, которые, зарабатывая свой насущный хлѣбъ грабежомъ и ясыромъ, выжигали опустѣлыя села и покинутую разбѣжавшимися пахарями жатву изъ любви къ дикому простору. Все, что могли предпринять противъ азіатскихъ набѣговъ мелкіе владѣльцы въ своихъ колоніяхъ, оказывалось недостаточнымъ. Свободолюбивые шляхтичи, бредившіе равенствомъ съ магнатами, сами были готовы молить вельможныхъ притѣснителей о принятіи ихъ подъ свой могущественный щитъ. Но шляхетскіе дуки, въ свою очередь, страдали отъ можновладства, которымъ подавляли низшую шляхту. Изнурясь въ борьбѣ съ людьми болѣе сильными, или же искусными въ придворныхъ происках, они искали поприща для своихъ талантовъ на окраинахъ польско-русской республики, въ странѣ, которую молва сравнивала съ Индіею и Новымъ Свѣтомъ. Они выпрашивали себѣ у короля пожалованіе такъ называемыхъ пустынь, подъ условіемъ защиты ихъ отъ азіятцевъ, а не то—покупали эти пустыни у владѣльцевъ бездѣйственныхъ, или же захватывали по праву сильнаго; высылали въ опасныя мѣста осадчихъ съ компаніею вооруженныхъ людей и съ огненнымъ боемъ; иногда являлись лично въ видѣ королевскаго старосты пограничнаго городка, напримѣръ Канева или Черкасъ, въ видѣ воеводы такого разореннаго города, какимъ былъ Кіевъ послѣ 1482 года; и этимъ способомъ среди вольной, равноправной шляхты, съ ея свободными подданными, возникало то же самое можновладство, которое томило шляхту въ ея стародавнихъ, исконныхъ осадахъ.

Такъ какъ въ человѣческихъ дѣлахъ низшаго порядка полезное постоянно преобладаетъ надъ истиннымъ, а умственное надъ нравственнымъ, то энергію заселенія малорусскихъ пустынь мы должны приписать въ меньшей пропорціи такимъ щедрымъ и милосердымъ людямъ, какимъ былъ отецъ князя Василія, а въ большей такимъ, каковы должны были быть потомки домашняго наѣздника, извѣстнаго въ Польшѣ XIV столѣтія подъ характернымъ прозвищемъ Кровавого Дьявола изъ Венеціи. И вообще, едва ли мы ошибемся, если поразительные успѣхи экономическаго развитія Польши въ XV-мъ и XVI вѣкахъ будемъ объяснять себѣ не столько умственнымъ превосход-

ствомъ культиваторовъ, сколько ихъ жадностью къ захвату чужаго имущества, дерзостью силы и талантливостью въ дѣлахъ домашняго разбоя.

Мы знаемъ напримѣръ, что современный гетману Острожскому, князю Константину I, кіевскій воевода, Юрій Монтовтовичъ, поступалъ съ Печерскимъ монастыремъ не лучше татарскаго баскака. Мы знаемъ, что и ставленникъ тогдашнихъ придворныхъ пановъ, архимандритъ печерскій, Вассіанъ, былъ не лучше обыкновеннаго Жида арендатора, а добродѣтельный по своему вѣку князь Константинъ I Острожскій, при своемъ всемогущемъ значеніи у короля, терпѣлъ Монтовтовича на его важномъ посту и покровительствовалъ Вассіану, не взирая на вторженіе въ монастырь одного и церковное обдирательство другаго. Совокупность подобныхъ явленій заставляетъ думать, что тогдашнему экономисту, достигавшему предположенной цѣли наперекоръ всѣмъ препятствіямъ, была извѣстна только правда сильнаго надъ слабымъ; что другой правды въ экономическомъ быту тогдашней Малороссіи не знали, а если она иногда и встрѣчалась, то не уважали. И вотъ эта-то грубая первобытная правда управляла польскимъ и нашимъ роднымъ плугомъ въ малорусскихъ пустыняхъ. Она вела впередъ хозяйство, промыслы, торговлю трудными, непроторенными, опасными путями, и насколько умѣла пользоваться ею наша сбродная Русь, настолько приняла участія въ добычѣ земледѣлія, которое было и самымъ выгоднымъ, и самымъ общимъ занятіемъ колонистовъ.

Видя и зная всѣ эти обстоятельства, надобно согласиться, что можновладство, эта антипатичная нашему вѣку и опровергнутая политической экономіей система землевладѣнія, было въ тотъ вѣкъ для шляхетскаго народа единственно возможною хозяйственною системою, которая двигала впередъ колонизацію пустыннаго края, составлявшую необходимость не только для независимой, самодѣятельной, талантливой части польскорусскаго шляхетства, но и для всего составнаго государства. Оно привело Рѣчь Посполитую къ несчастному концу, превращая украинную шляхту, если не въ вассальную, то прямо въ служилую силу, и вырабатывая въ этой убогой и завзятой шляхтѣ— или преданныхъ магнатамъ людей, или такихъ, которые были способны воспользоваться первымъ случаемъ, для уничтоженія своихъ вельможныхъ повелителей; но оно исполнило дѣло свое, защищая столько времени культивированныя области и цѣлыя государства европейскія отъ разлива азіятчины.

Какъ панскіе вассалы, владѣвшіе сравнительно малыми вотчинами, такъ и панскіе „рукодайные слуги“, распоряжавшіеся землями крупныхъ помѣщиковъ, несмотря на всѣ постигавшія ихъ бѣдствія,

шли впередъ мужественно и неуклонно по трудному пути колонизаціи малорусскихъ пустынь. Играя смѣлую роль начальниковъ магнатскихъ аванпостовъ, они, въ свою очередь, окружали себя служилой боевой силою низшаго разряда. Врожденное высокомѣріе этихъ *намѣстниковъ* и *офиціалистовъ*, этихъ *осадчихъ* и *губернаторовъ* не уступало панскому. Ихъ идеалъ сословной свободы былъ никакъ не ниже панскаго. Гордясь личными подвигами меча и плуга, они такъ точно рвались на волю и просторъ въ украинныя земли, какъ и тѣ гордые заслугами предковъ магнаты, которые не хотѣли уступить первенства королевскимъ избранникамъ. Воспитанные внѣ правилъ и обычаевъ гражданственной соподчиненности, они были готовы свергнуть съ себя всякую зависимость отъ благосклонности и власти людей, предвосхитившихъ въ Рѣчи Посполитой поземельную собственность и высокія дигнитарства. Но впереди у нихъ кочевала Орда, слишкомъ сильная для того, чтобъ имъ было возможно не отдавать себя подъ панскій щитъ, не идти къ панамъ въ рукодайные слуги, не обезпечивать судьбы своихъ семействъ покровительствомъ человѣка знатнаго и могущественнаго. Напоръ азіятской дичи консолидировалъ ихъ съ магнатами, наперекоръ древнимъ преданіямъ о шляхетскомъ равенствѣ, нарушенномъ вельможествомъ, и люди, бывшіе притѣснителями мелкопомѣстной шляхты въ одномъ случаѣ, дѣлались ея прибѣжищемъ въ другомъ. Такъ развивалась въ „Новой Польшѣ“ шляхетчина, заключая въ себѣ задатки революціи противъ Польши старой.

Что̀ касается панскихъ и королевскихъ подданныхъ, то, каково бы ни было ихъ положеніе въ глубинѣ польско-русскаго края, они не были и не могли быть угнетаемы въ новыхъ слободахъ и хозяйствахъ среди украинныхъ пустынь. Основывая слободу за чертой старопольской и старорусской осѣдлости, паны, или ихъ осадчіе, прежде всего объявляли, что поселенцы будутъ пользоваться въ ней 10-лѣтнею, 20-лѣтнею, 30-лѣтнею, а мѣстами и 40-лѣтнею *волею* или *слободою* ото всѣхъ повинностей и платежей. Пока не истекалъ условленный между панами и ихъ свободными подданными срокъ, господствующему и подчиненному классамъ было необходимо сблизиться на такихъ пунктахъ взаимной услуги или одолженія, которые, съ одной стороны, не допускали суровости землевладѣльческаго пановань, а съ другой, не слишкомъ низко нагибали шею подданнаго передъ его, какъ называли здѣсь „пана“, *добродѣемъ*. Невѣрный обѣщаніямъ землевладѣлецъ обуздывался тѣмъ обстоятельствомъ, что новыя осады, воли, слободы (все это синонимы) основывались безпрестанно въ сосѣднихъ имѣніяхъ; что каждый недовольный могъ туда перебѣжать, а вернуть перебѣж-

чика изъ чужаго имѣнія—значило бы то же самое, что взять его въ плѣнъ путемъ войны съ сосѣдомъ. Война пановъ съ панами и безъ того шла безпрестанно за взаимныя вторженія въ чужіе предѣлы, и она была мѣриломъ умѣнья землевладѣльца привязать къ себѣ подданныхъ. Отъ ихъ численности, отъ ихъ усердія, отъ совпаденія ихъ выгодъ съ выгодами помѣщика зависѣлъ успѣхъ не только хозяйства, но и тѣхъ вѣчныхъ дракъ, которыми сопровождалось опредѣленіе границъ каждаго новаго займища. Поэтому-то, чѣмъ дальше было въ глубь малорусскихъ пустынь отъ центровъ старой шляхетчины, тѣмъ больше измѣнялся характеръ помѣщичьихъ и крестьянскихъ отношеній, тѣмъ меньше зависѣло убожество быта отъ подчиненности крестьянина волѣ помѣщика, тѣмъ проще и независимѣе держалъ себя подданный въ присутствіи своего пана.

Разница между внутренними, издавна зажитыми частями государства и его пустынными окраинами увеличивалась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ центровъ польско-русской осѣдлости на ея окраины выходили не одни безпутные, но и самые порядочные, самые даровитые, энергическіе представители чернорабочаго класса. Оставшіеся на древнемъ пепелищѣ, подъ гнетомъ хозяйственной рутины, утрачивали даже идею лучшаго общественнаго положенія, лучшихъ отношеній мужицкой личности къ панской; смирялись молчаливо передъ суровою судьбой своей; корились безнадежно передъ шляхетскимъ произволомъ, и производили на сторонняго наблюдателя самое тягостное впечатлѣніе.

Не такъ было въ странѣ, носившей неопредѣленное названіе Украины, странѣ колонизуемой съ сѣверо-запада предпріимчивыми хозяевами и угрожаемой съ юго-востока чужеядными номадами. Здѣсь панскій подданный видалъ „великаго пана“ рѣдко. Съ мелкимъ же землевладѣльцемъ сближали его общія для шляхтича и для крестьянина опасности пограничной жизни, а на панскихъ намѣстниковъ, или слугъ, называвшихся въ королевщинахъ, то-есть помѣстныхъ владѣніяхъ, подвоеводіями и подстаростіями, смотрѣли почти, какъ равный на равнаго и вольный на вольнаго, Отъ этого малѣйшая прижимка со стороны офиціалистовъ и арендаторовъ чувствовалась въ Украинѣ, или по-польски *na krèsach*, сильно. По свидѣтельству лучшей изъ мѣстныхъ лѣтописей, здѣшній крестьянинъ, живя въ довольствѣ на просторѣ панскихъ земель и угодій, не пожалѣлъ бы ничего для своего пана, но быстрое обогащеніе панскихъ кліентовъ раздражало его. При обширности экономическихъ заведеній, разбросанныхъ на большихъ разстояніяхъ, такъ называемые великіе паны не имѣли средствъ регу-

лировать поведеніе своихъ рукодайныхъ слугъ и арендаторовъ, которые, вмѣстѣ съ державою или арендою, получали всѣ права помѣстныхъ и вотчинныхъ владѣльцевъ надъ подданными. Вотъ почему у малорусскаго поселянина накипало на сердцѣ множество такихъ досадъ и кривдъ, которыя во внутреннихъ, издавна зажитыхъ частяхъ королевства не оставляли по себѣ никакого злопамятства.

Но каковы бы ни были отношенія украинскаго крестьянина къ помѣщику, или его намѣстнику, домовитость пограничнаго быта отражалась на его характерѣ далеко не такъ рѣзко, какъ его бездомовность. Татарскіе набѣги, превращавшіе обширныя пространства заселенной земли въ безплодную пустыню, весьма часто дѣлали здѣсь человѣка богатаго убогимъ, семянистаго одинокимъ, осѣдлаго бродячимъ, среди наплыва новыхъ и новыхъ поселенцевъ. Безъ крова, безъ семьи и безо всего, чѣмъ живетъ и веселится пахарь,—чужой для всѣхъ *нетяга*, наравнѣ съ безпутными *гультаями*, бродилъ изъ одной слободы въ другую, ища возврата къ тому быту, изъ котораго вышибла его безпощадная судьба, и съ каждымъ годомъ утрачивалъ къ нему способность. Наконецъ попадалъ онъ въ какой-нибудь пограничный городъ, смѣшивался съ мѣщанскою челядью, составлявшею мутный осадокъ не весьма свѣтлой городской жизни, и увеличивалъ массу народа бѣднаго, пьянаго и готоваго на самыя отчаянныя предпріятія.

Въ противоположность украинскимъ селамъ, въ которыхъ властвовали руководители панскаго плуга, украинскіе города были сѣдалищемъ власти королевской. Но они подлежали польскому праву только со стороны *зàмка*, иначе *грòда*, который представлялъ точку опоры сельскохозяйственнымъ колонизаторамъ края. Со стороны *мѣста*, находившагося въ распоряженіи мѣстичей, или мѣщанъ, города наши подчинялись праву нѣмецкому.

Зàмокъ, или гродъ, былъ резиденціею королевскихъ чиновниковъ, съ ихъ вооруженною командою. Онъ посылалъ въ поле сторожевые разъѣзды для наблюденія за Татарами. Онъ судилъ и рядитъ *подзамчàнъ*, людей *замковаго прàсуду*, жителей королевскихъ пригородовъ, которые доставляли ему съѣстные припасы и отбывали урочныя повинности. Онъ взималъ пошлины, по тогдашнему *мыто* и *прòмыто**) съ привозныхъ и вывозныхъ товаровъ. Въ извѣстные сроки, называвшіеся *рочками*, въ немъ засѣдали *гродскій* (уголовный) и *земскій*

*) Промытомъ назывался штрафъ за уклоненіе отъ платежа мыта.

(гражданскій) суды. Въ немъ же собирались и повѣтовые сеймики для выбора земскихъ пословъ на центральный сеймъ.

Совершенно независимо отъ *замковаго уряда* дѣйствовало представительство мѣщанской муниципіи. Главное завѣдываніе городомъ возлагалось въ немъ на *бургомистра*, избиравшагося ежемѣсячно изъ годовыхъ *рашмановъ*, или *райцевъ*, а судебная власть предоставлялась *войту* и *лавникамъ*, избиравшимся на всю жизнь.

Такое самоуправленіе существовало даже въ тѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, которые не имѣли привилегіи на *магдебургію* и находились подъ вѣдомствомъ королевскаго старосты или панскаго губернатора. Оно было введено у насъ нѣмецкими выходцами и составляло противовѣсъ праву *княжескому* (jus ducale), иначе *польскому* (jus polonicum). Захожіе въ Новую Польшу Нѣмцы, какъ и тѣ, которые водворялись въ старой, чрезъ два-три поколѣнія теряли свою народность и ославянивались, въ силу непобѣдимаго господства мѣстнаго элемента. Но ихъ обычаи въ дѣлахъ торговли, ремеслъ и городской жизни, ихъ отношенія къ сосѣдней шляхтѣ и поселянамъ оставались тѣже самые, что и въ городахъ старопольскихъ. Та же самая была здѣсь и непріязнь между городскимъ и сельскимъ населеніемъ, выражавшаяся безпрестаннымъ тяганьемъ шляхты съ мѣщанами за присвоиваемыя взаимно земли и права. То же самое соперничество существовало между городскою и сельскою промышленностью. Такъ же точно города всасывали въ себя и рабочія силы панскихъ селъ, при посредствѣ своихъ цеховъ, шинковъ и площадныхъ увеселеній. Тѣмъ же самымъ порядкомъ и сельскія власти, вмѣстѣ съ отцами порядочныхъ семействъ, удерживали молодежь свою отъ бѣгства въ мѣщанскія общины.

Города старой, или Привислянской, Польши были первыми сѣдалищами иноземщины среди Сѣверныхъ Славянъ и первыми вольницами, противодѣйственными интересамъ сельскаго плуга. Города Новой, или Придпѣпровской, Польши, по характеру своего образованія, сохранили фамильное сходство съ городами старопольскими. Но цеховая вольница украинныхъ городовъ, пользуясь анархическимъ состояніемъ новозаселенныхъ займищъ, развивалась въ своеобразную форму, преобразовалась въ добычное товарищество, раздѣлила мѣщанъ на *послушныхъ* и *непослушныхъ*, то-есть на подчинявшихся повинностямъ и на такихъ, которые, называя себя *вольными людьми*, примыкали къ мѣщанскимъ муниципіямъ въ видѣ кочевниковъ; наконецъ сдѣлалась извѣстна подъ общимъ именемъ козачества.

Козацкій промыселъ существовалъ на Руси со временъ Свято-

славовскихъ, принимая по временамъ характеръ защиты Русской земли отъ хищниковъ и представляя въ себѣ постоянное домашнее хищничество. Онъ былъ у насъ въ ходу во всѣ эпохи колонизаціи опустошеннаго Батыемъ края, и наконецъ, въ борьбѣ остатковъ Руси съ остатками Кипчакской Орды, позучилъ названіе татарское. *Козаками* у Татаръ назывались воюющіе самовольно добычники, терпимые Ордой по невозможности съ ними справиться. Слово *козакъ* въ переводѣ съ татарскаго значитъ *воръ*. Это не очень лестное названіе было присвоено и добычникамъ русскимъ, занимавшимъ въ русской общественной средѣ соотвѣтственное, болѣе или менѣе воровское, положеніе. Насколько Москва, Литва и Ляхва имѣли общаго съ ордынскимъ бытомъ на окраинахъ своихъ владѣній, настолько у нихъ развилось и полуазіятское козачество. Это было скопище людей непокорныхъ никакой власти, ни даже отцовской и материнской,—товарищество бѣглецовъ, угрожаемыхъ карою за преступленія, или же такихъ личностей, которыя, вслѣдствіе разныхъ случайностей, были слишкомъ убоги для жизни осѣдлой и слишкомъ строптивы для подчиненія себя людямъ домовитымъ.

Есть основаніе думать, что городъ Черкасы названъ по имени первыхъ его осадниковъ Черкасъ, называемыхъ нынѣ Черкесами, и что эти осадники, давая у себя пріютъ разбойному сброду туземцевъ (которыхъ ещѣ Дитмаръ зналъ съ этой стороны), распространили подъ своимъ именемъ козачество вверхъ и внизъ по Днѣпру. Иначе—Великоруссы, имѣвшіе собственныхъ *козаковъ*, не стали бы называть *Черкасами* козаковъ днѣпровскихъ. Они дѣлали это, очевидно, по старой памяти о томъ времени, когда колонисты Черкасы не слились еще съ туземцами. По крайней мѣрѣ въ XVI вѣкѣ, до начала козако-шляхетскихъ усобицъ, днѣпровскихъ и даже днѣстровскихъ козаковъ не смѣшивали въ Польшѣ съ Русскимъ народомъ, какъ и прочихъ кочевниковъ степнаго междурѣчья. Врачъ царя Алексѣя Михайловича, Самуилъ Колинисъ, называетъ Черкасъ (безъ сомнѣнія, по московскому преданію) племенемъ татарскимъ, а древнѣйшая русская лѣтопись имя Торковъ смѣшиваетъ безразлично съ именемъ Черкасъ. Писавшій по-латыни польскій историкъ Сарницкій, передавая молву о братьяхъ. Струсяхъ, удостоенныхъ за свою воинственность пѣснопѣній, quae dumae russi vocant *), въ то же самое время говоритъ о козакахъ, какъ о племени инородномъ. Въ качествѣ посла

*) Которыя Русскіе называютъ думами.

къ мусульманскимъ государямъ, Сарницкій проѣзжалъ не разъ мѣста козацкихъ подвиговъ, дивился козацкой отвагѣ, слушалъ козацкіе разсказы объ опасностяхъ добычнаго промысла на торговомъ турецкомъ трактѣ, и однакожъ написалъ озадачившія позднѣйшихъ читателей слова, что козаки исповѣдуютъ вѣру турецкую. Все это вмѣстѣ заставляетъ предполагать, что только сильный приливъ русскаго элемента въ притоны первобытныхъ днѣпровскихъ козаковъ переродилъ ихъ въ русскихъ людей, подобно тому, какъ исключительно нѣмецкія въ началѣ общины такихъ городовъ, какъ Познань, Гнѣзно и Краковъ, переродились въ общины польскія.

Относительно колонизаціи малорусскихъ пустынь, козаки играли роль, напоминающую тѣхъ поднѣпровскихъ номадовъ, которыхъ князья Варягоруссы—то прогоняли въ глубину безлюдныхъ степей, то вербовали въ свои ополченія. Подобно Торкамъ и Берендеямъ, Чернымъ Клобукамъ до-татарскаго періода русской исторіи, днѣпровскіе козаки иногда составляли гарнизоны въ королевскихъ пограничныхъ городахъ, а иногда нанимались въ королевскія ополченія только на время, за одно съ козаками нагайскими и бѣлогородскими. Самые предѣлы первоначальнаго ихъ кочевья между рѣкой Росью и днѣпровскими порогами совпадаютъ съ мѣстами, на которыхъ исторія находитъ подобныхъ имъ номадовъ до Батыева нашествія. Въ эти предѣлы манили къ себѣ козаки все однородное съ ними по задаткамъ жизни со всего Польско-Литовскаго края, и отсюда производили свои операціи, которыя надѣлали говора въ лѣтописныхъ сказаніяхъ, но которыхъ основою была задача дикая—существовать продуктами чужаго труда, не заботясь объ участи трудящихся.

Пограничные города, всасывавшіе въ себя все своеправное изъ селъ и дававшіе пристанище каждому бродягѣ изъ нужды въ рабочихъ рукахъ, извергали изъ себя, въ свою очередь, непригодную для цеховой практики голоту. Эта голота была приневоливаема къ правильному труду въ цеховыхъ заведеніяхъ только голодомъ да холодомъ; но когда ее согрѣвало весеннее солнышко, она норовила бѣжать изъ общества, сравнительно благоустроеннаго, и предавалась, до новой зимы и бѣды, своимъ независимымъ промысламъ.

Устройство козацкой общины, съ ея первоначальнымъ дѣленіемъ на сотни и десятки, было не что иное, какъ подражаніе общинѣ мѣщанской, приспособленное къ жизни кочевой и добычной. Даже козацкій самосудъ былъ повтореніемъ самосуда цеховаго, или магдебургскаго. Но городскіе бѣглецы и отверженные, очутясь на свободѣ отъ ненавистныхъ имъ порядковъ, питали такое же непріязненное

чувство къ мѣщанамъ, кокимъ всѣ вообще козаки были проникнуты къ тѣмъ обществамъ, изъ которыхъ они бѣжали въ подобныя ватаги.

Днѣпровскіе козаки, наравнѣ съ Татарами, дали себя знать Кіеву еще въ то время, когда онъ былъ удѣльнымъ владѣніемъ князей Олельковичей. Ихъ постоянныя вторженія въ область землевладѣльческаго хозяйства заставили вдову князя Симеона Владиміровича Олельковича отказаться отъ гробовища предковъ своихъ, и на плодородныя кіевскія земли вымѣнять у короля Александра Казимировича болотистыя окрестности Пинска, Кобрина и Рогачева. Сдѣлавшись, въ силу такого обмѣна, изъ княжеско-удѣльнаго городомъ королевско-воеводскимъ, Кіевъ, какъ уже сказано, палъ безлюдными развалинами передъ Ордой Менгли-Гирея. Но козацкіе притоны, Каневъ и Черкасы, продолжали стоять среди окрестныхъ пустынь, какъ острова, недоступные для Татаръ по воинственности своихъ обитателей, не стоившіе набѣга по ихъ убожеству, а, можетъ быть, и потому, что находились въ извѣстной связи съ ордынскими ватагами. Заселенное новыми искателями счастья, кіевское пепелище ограждаетъ себя актомъ 1499 года отъ козаковъ, которые привозили сюда съ верху и съ низу Днѣпра на продажу рыбу и предавались, вмѣстѣ съ мѣщанскими гультаями, грубому разврату. Козаки слывутъ по всему днѣпровскому и черноморскому краю прямыми разбойниками. Торговые пути отъ нихъ не безопасны. Они не даютъ спуску даже королевскимъ посламъ. Но, не составляя народа ни въ какомъ смыслѣ и не представляя собой никакого общества и сословія, безпрестанно дѣлятся на закоренѣлыхъ въ номадной жизни добычниковъ и на измѣнниковъ интересамъ номаднаго быта въ пользу общества сравнительно культурнаго, подобно тому, какъ это дѣлали нѣкогда поднѣпровскіе Торки, Берендеи, Черные Клобуки. Большинство козацкой орды безразлично бросается во всѣ мѣста, гдѣ пахнетъ грабежомъ безъ особенной опасности; но нѣкоторая часть козаковъ, повинуясь инстинкту семейности, или нуждаясь въ предметахъ болѣе прочнаго быта, входитъ въ условія съ польскими королями и пограничными магнатами, получаетъ отъ нихъ подарки сукномъ, каразіею, кожухами, деньгами, дорожитъ позволеніемъ гнѣздиться съ женами и дѣтьми на королевскихъ займищахъ, наконецъ, въ видѣ особенной покорности правительству, принимаетъ отъ него предводителей, которыхъ называетъ своими гетманами, и, подъ ихъ начальствомъ, отпугиваетъ прочь не только Орду, но и номадныхъ козаковъ, своихъ прежнихъ товарищей.

Со временъ Сигизмунда-Августа (1548—1572), козацкими предводителями у короля были князья и паны, ушедшіе недалеко отъ ко-

зацкихъ воззрѣній на войну и добычу, и выселившіеся въ Украину, то-есть на кресы, въ видѣ королевскихъ старостъ, по невозможности играть видную роль въ странѣ цивилизованной. Впрочемъ рыцарскій вѣкъ нерѣдко вызывалъ на мусульманское пограничье Польши знаменитыхъ воиновъ, которые, въ видѣ религіознаго обѣта, посвящали свою жизнь на борьбу съ „врагами св. креста“ среди отважныхъ и свирѣпыхъ Берендеевъ. Этимъ набожнымъ и суровымъ воинамъ была по душѣ мысль очеловѣчить безнравственную толпу добычниковъ лучшими правилами жизни и обратить ихъ ремесло на истребленье мусульманъ. Въ царствованіе Сигизмунда Августа и Стефана Баторія, двѣ-три такія личности промелькнули среди козацкихъ скопищъ. Онѣ прибавили къ исторіи крестоноснаго воинства нѣсколько новыхъ отголосковъ боевой славы и придали козацкому быту нѣкоторый блескъ, подобно яркоцвѣтному плащу, накинутому на лохмотья бродяги, но разбойнаго характера козачества не перемѣнили. Вскорѣ воспоминанія о такихъ козакахъ-дворянахъ, какіе прославили себя подъ предводительствомъ князя Константина I Острожскаго, совсѣмъ изчезли, и козацкая вольница получила характеръ номадно-демократическій.

Козаки основали за Порогами, подъ именемъ Сѣчи, военный форпостъ, противившійся многократнымъ нападеніямъ Татаръ и Турокъ. Козаки служили христіянскимъ государямъ, защищая ихъ владѣнія отъ мусульманъ, и тѣ же козаки, подъ предводительствомъ князя Димитрія Вишневецкаго, одно время состояли на службѣ у турецкаго султана; спустя 30 лѣтъ, подъ предводительствомъ банита-магната, Самуила Зборовскаго, принявшаго на себя почетное званіе ханскаго сына, готовы были идти съ Татарами въ Персію, а въ промежуткѣ между этими событіями водили на волошское господарство то одного, то другаго самозванца, лишь бы пограбить мѣстныхъ жителей одного съ ними вѣроисповѣданія. Наконецъ, запорожскіе добычники начали становиться опасными и для самого короля. На днѣпровскомъ Низу, въ перемежку съ рыцарями безъ страха и упрека, мечтавшими о „вѣчной славѣ козацкаго имени“, появлялись и такіе, которые готовы были низпровергнуть ненавистныхъ имъ правителей Польскаго государства, хотя бы даже и посредствомъ цареубійства. Умыселъ на жизнь Стефана Баторія исторія положительно знаетъ за Самуиломъ Зборовскимъ, который, гетманя низовцами, втягивалъ ихъ въ кровавую интригу своего дома. Король снялъ ему съ плечъ голову, какъ баниту, дерзко появлявшемуся въ публичныхъ мѣстахъ съ ватагою буйныхъ шляхтичей; но прямой цѣлью казни было уничтоженіе задуманнаго имъ переворота. Не щадилъ Баторій и другихъ козацкихъ вождей. Кромѣ

претендента на молдавское господарство, извѣстнаго подъ именемъ гетмана Подковы, королевскій мечъ, въ то время не напрасно называвшійся *длиннымъ*, снялъ головы еще нѣсколькимъ десяткамъ подобныхъ ему авантюристовъ, ссорившихъ Польшу съ турецкимъ султаномъ въ трудное для нея время войны съ царемъ Иваномъ Грознымъ. Наконецъ, Баторій рѣшился прогнать козаковъ совсѣмъ съ Днѣпра, и устроилъ противъ нихъ русско-татарскую лигу,—именно: князь Константинъ II Острожскій заключилъ съ крымскимъ ханомъ договоръ, чтобы наступить на козаковъ одновременно и съ верху и съ низу Днѣпра. Тогда днѣпровскіе казаки бѣжали къ донскимъ. Но домовитѣйшіе изъ нихъ покорились королевскимъ старостамъ, съ тѣмъ чтобы, подъ ихъ начальствомъ, отбывать сторожевую службу, а во время похода присоединяться къ коронному войску.

Стефанъ Баторій, не давая козакамъ гнѣздиться за Порогами, предоставилъ имъ городокъ Терехтемировъ, или Трахтомировъ, лежащій надъ Днѣпромъ выше Канева, для покрытія доходами съ него войсковыхъ нуждъ, а находившійся въ немъ монастырь—для содержанія козацкихъ инвалидовъ. Это было сдѣлано на томъ основаніи, на какомъ мѣстечко Межигорье и Межигорскій монастырь были приписаны, въ числѣ прочихъ королевщинъ, къ кіевскому замку для содержанія его гарнизона. Но дисциплинированные такимъ способомъ козаки, усиленные новымъ притокомъ вольницы изъ украинныхъ городовъ, стали опять ходить на Низъ для разбойнаго промысла, и въ свой притонъ среди днѣпровскихъ камышей и плавней, извѣстный подъ именемъ Запорожской Сѣчи, привлекли донскихъ сподвижниковъ своихъ. Посланнаго къ нимъ съ угрозами королевскаго дворянина, Глыбоцкаго, (по имени Малорусса), утопили въ Днѣпрѣ, и, въ свою очередь, стали угрожать королю, въ лицѣ пограничныхъ представителей власти его. Когда предводитель послушныхъ правительству городовыхъ козаковъ, князь Рожинскій, схватилъ десятокъ запорожцевъ, обвиняемыхъ въ умерщвленіи Глыбоцкаго, начальникъ замковой команды, кіевскій подвосводій, князь Вороницкій, отказался помѣстить ихъ въ замкѣ, избѣгая ссоры съ низовцами, а представители кіевской магдебургіи, съ своей стороны, отказывались принять убійцъ королевскаго посла въ магистратскую тюрьму, говоря, что „они и сами не безопасны въ своихъ домахъ отъ казаковъ, яко на Украинѣ“.

Баторій вскорѣ послѣ того умеръ, и не напрасно сохранилось преданіе о высказанномъ имъ на смертномъ одрѣ сожалѣніи, что не уничтожилъ козаковъ. Лишь только онъ сошелъ со сцены дѣйствія, козачество приняло размѣры небывалые.

Въ трудное для Рѣчи Посполитой время междуцарствія передъ избраніемъ на престолъ Сигизмунда III, когда паны спорили между собой въ пользу различныхъ искателей польской короны, днѣпровскіе добычники разорили Очаковъ, и открыли передъ ними перспективу турецкой войны. Война съ Турціей ужасала панскую республику. По словамъ одного изъ сеймовыхъ ораторовъ, первая проигранная битва погубила бы Польшу, тогда какъ Турокъ выдержалъ бы и пятнадцать несчастныхъ битвъ. Но обуздать козаковъ не было на ту пору никакой возможности. Шляхта раздѣлилась на два лагеря: одни желали возвести на польскій престолъ шведскаго принца, другіе—австрійскаго. Эти послѣдніе вели уже эрцгерцога Максимиліана съ его нѣмецкимъ войскомъ въ Краковъ, и только искусные маневры предводителя шведской партіи, короннаго гетмана Яна Замойскаго, спасли Польшу отъ австрійскаго господства. Въ 1588 году произошла подъ Бычиной рѣшительная битва, въ которой Замойскій взялъ Максимиліана въ плѣнъ и подавилъ шляхетское междоусобіе. Часть новыхъ Торковъ и Берендеевъ, съ атаманомъ своимъ Голубкомъ, помогала Замойскому въ этомъ важномъ дѣлѣ, но прочіе низовцы продолжали навлекать на Польшу грозу турецкой войны. Толпы украинскихъ добычниковъ разграбили въ Крыму невольничій рынокъ Козлевъ, а на Днѣстрѣ сожгли Течиню, Бѣлгородъ и еще нѣсколько пограничныхъ турецкихъ колоній. Война съ Турціей сдѣлалась неизбѣжною. Въ государственномъ скарбѣ не было между тѣмъ денегъ. Хотѣли сдѣлать заемъ въ Германіи, или въ Италіи; но и тамъ экономическія дѣла были разстроены то католико-протестантскими войнами, то войнами христіянъ съ магометанами. Пока земскіе послы изыскивали на сеймѣ средства для отраженія Турокъ, предвѣстники турецкаго нашествія, Татары, вторгнулись въ Подолію и въ Галицкую Русь, набрали ясыру, и увели въ неволю нѣсколько знатныхъ людей, въ томъ числѣ князя Збаражскаго съ его княгинею. Только потомокъ воспѣтыхъ думами братьевъ Струсей, отстоялъ окруженную Татарами въ Баваровѣ сестру короннаго гетмана, хотя и палъ, изрубленный въ куски, почти со всей дружиною своею. Козакамъ панскія бѣдствія были на руку: они залегли въ степи на обремененныхъ добычею Татаръ, вломились ночью въ одинъ изъ ихъ таборовъ, и награбленное у пановъ добро сдѣлалось добычею козацкою.

Гроза между тѣмъ приближалась. Турки обѣщали пощадить Польшу только подъ условіемъ платежа ежегодной дани во сто коней, навьюченныхъ серебромъ, или же—принятія магометанской вѣры. Польскаго посла въ Стамбулѣ называли псомъ и грозили половину его

свиты повѣсить на желѣзныхъ крючьяхъ, а другую посадить гребцами на галеры. Коронный гетманъ, приготовивъ наскоро къ задержкѣ турецкаго вторженія пограничныя крѣпости Львовъ и Подольскій Камянецъ, на колѣняхъ умолялъ сеймовое собраніе спасать отечество, и первый приносилъ въ жертву все свое состояніе. Назначенъ былъ поголовный налогъ, не исключившій ни духовенства, ни королевскихъ дворянъ, ни даже людей безземельныхъ. Но воеводства Кіевское, Волынское, Подольское и Брацлавское до того были опустошены крупными и мелкими татарскими набѣгами, что ихъ отъ поголовнаго налога освободили совершенно. Страшная опасность миновала, однакожъ, благодаря интригамъ султанскаго сераля, въ которомъ одинъ беглербекъ подкопался подъ другаго и далъ себя купить въ пользу мира.

Но миръ былъ заключенъ подъ условіемъ уничтоженія козаковъ.

Уничтожить козаковъ значило—организовать колонизацію украинныхъ пустынь такимъ образомъ, чтобы среди народа работящаго и торговаго не было мѣста людямъ не признающимъ никакой власти, кромѣ присуда своего добычнаго круга и избраннаго имъ предводителя.

Мы видѣли, что польско-русскіе паны давно уже прилагали старанія, чтобы Украина, или Новая Польша, съ одной стороны, не оставалась безплодною залежью, а съ другой, чтобъ она заслоняла отъ азіятцевъ колоніи старинныя, то-есть старую Казимировскую Польшу. Но то были политико-экономическія мѣры отдѣльныхъ личностей, искавшихъ въ малорусскихъ пустыняхъ независимости отъ магнатовъ, сильныхъ придворными происками. Теперь колонизація этихъ пустынь, простиравшаяся за черту древнихъ Ярославовскихъ осадъ по рѣкѣ Роси и за черту рѣки Сулы, отдѣлявшей Варяжскую Русь отъ земли Половецкой, сдѣлалась предпріятіемъ польскаго правительства, и соединилась въ одно дѣло съ обузданіемъ козацкаго своевольства, называвшагося официально своевольствомъ украинскимъ (swawola ukraińska) въ томъ смыслѣ, что козаки составляли только часть того „розгардіаша“, который царствовалъ на кресахъ или юго-восточныхъ окраинахъ польскихъ владѣній. Въ слѣдствіе рѣшенія варшавскаго сейма 1590 года обнародованы были Сигизмундомъ III два постановленія, которыя могли бы спасти Польшу отъ роковаго разъединенія нашего съ Русью, когда бы Польша не была разъединена сама въ себѣ доведенною до крайности шляхетскою свободою.

Первое изъ этихъ постановленій гласило слѣдующее:

„Государственныя сословія обратили наше вниманіе на то обстоятельство, что ни государство, ни частныя лица не извлекаютъ никакихъ доходовъ изъ обширныхъ лежащихъ впустѣ нашихъ владѣній

на украинскомъ пограничьѣ за Бѣлою Церквою. Дабы тамошнія земли не оставались пустыми и приносили какую-нибудь пользу, мы, на основаніи предоставленнаго намъ всѣми сословіями права, будемъ раздавать эти пустыни, по нашему усмотрѣнію, въ вѣчное владѣніе лицамъ шляхетскаго происхожденія за ихъ заслуги передъ нами и Рѣчью Посполитою".

Второе постановленіе возлагало на коронnаго гетмана обязанность—образовать изъ людей, проживающихъ въ низовьяхъ Днѣпра и за порогами, или какихъ-нибудь другихъ, пограничное войско, послушное правительству и подчиненное главному начальству и сотникамъ изъ шляхты, имѣющей въ Украинѣ недвижимую собственность, съ тѣмъ:

чтобы это войско ни водою, ни сухимъ путемъ въ сосѣднія государства не вторгалось;

чтобы оно проходящихъ тамошними мѣстами купцовъ и никакихъ людей не полонило и не грабило;

чтобы не только осужденныхъ на смерть или лишенныхъ чести, но и никакихъ иныхъ людей къ себѣ не принимало;

чтобы въ украинныхъ мѣстечкахъ съѣстные припасы, порохъ, селитра и другія надобности продавались только тѣмъ низовцамъ, которые предъявятъ отъ своего начальства свидѣтельства, а безъ свидѣтельства чтобы ни одного изъ нихъ въ мѣстечки не пускали;

чтобы въ королевскихъ и панскихъ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ были поставлены присяжные бурмистры, войты и ватаманы, которые бы, подъ смертною казнью, никого не пускали на низъ, ни въ поле за добычею, а тѣмъ паче—за рубежъ сосѣднихъ государствъ; кто же пришелъ бы съ добычею изъ другихъ мѣстъ, у того бы добычу отнимали, самого добычника карали и покупать добычи никому не позволяли;

наконецъ, чтобы пограничные королевскіе чиновники и паны карали смертью своевольныхъ людей, проживающихъ въ украинныхъ поселеніяхъ, или имѣющихъ тамъ какіе-либо склады, а равно и тѣхъ присяжныхъ урядниковъ, которые бы отважились имъ потворствовать.

Но правительство сознавало, что „пропустило время" для прекращенія „пограничной неурядицы и своевольства", вовлекшаго все польско-русское общество въ столь опасное положеніе. Мало того, правительство знало, что даже въ личномъ составѣ своемъ, въ средѣ сеймовыхъ представителей малорусской шляхты разныхъ вѣроисповѣданій, оно содержитъ не только козацкихъ потаковниковъ, дѣлящихся съ полудикими наѣздниками ихъ добычею, но и козацкихъ пособни-

ковъ, предпринимавшихъ вторженія въ турецкія области совмѣстно съ такъ называемыми низовцами.

Еще Стефанъ Баторій упрекалъ пограничныхъ пановъ старостъ въ томъ, что они дѣйствовали заодно съ низовыми добычниками, давали ихъ атаманамъ у себя пристанище въ такихъ городахъ, какъ Немировъ и Кіевъ, помогали имъ людьми и снарядами для походовъ, навлекавшихъ на окраины государства опустошительные татарскіе набѣги. Сигизмундъ III, въ заключеніе своего декрета, счелъ необходимымъ грозить карою de gverris тѣмъ панамъ, князьямъ, старостамъ, державцамъ и шляхтѣ, которые бы осмѣлились ходить въ поле мимо вѣдома коронаго гетмана, наѣзжать на сосѣднія государства, или прятать у себя козацкую добычу. До такой степени добычный бытъ преобладалъ тогда въ Украинѣ надъ хозяйственнымъ. До такой степени паны-колонизаторы дичали въ удаленіи отъ центральной гражданственности и окозачивались въ исключительныхъ видахъ личной выгоды. Задача уничтоженія козаковъ была задачею перебора шляхетскаго общества и подавленія въ немъ разбойныхъ элементовъ. Лучшіе люди должны были вооружиться силою обычая, закона и меча противъ худшихъ, разумное меньшинство—противъ неразмышляющаго большинства, строители государства—противъ разрушителей.

Съ своей стороны козаки видѣли, что панское господство надъ пограничниками держится людьми бездомовными, такъ называемыми панскими „слугами“, то-есть обѣднѣвшею шляхтою, которая не съ добра дѣлалась магнатскими осадчими, экономами, дворецкими, предводителями надворныхъ козаковъ, даже подстаростіями и подвоеводіями. Всѣ они въ своемъ положеніи на кресахъ имѣли болѣе общаго съ низовыми кочевниками, къ которымъ зачастую и переходили изъ панской службы, нежели съ землевладѣльцами, которыхъ родственныя и пріятельскія связи были слишкомъ выше ихъ служилаго уровня. Видѣли также козаки, что великіе панскіе дома, составлявшіе на Руси какъ бы удѣльныя княжества, раздѣлены между собою ссорою то за вѣру, то за дигнитарства, то за границы новыхъ займищъ, то за призыванье чужихъ подданныхъ въ украинныя воли. По недавнему набѣгу Татаръ они знали, что кресовые можновладники скорѣе дадутъ уничтожить свои замки смѣлымъ людямъ каждый порознь, нежели позабудутъ сосѣдскія ссоры изъ-за нѣсколькихъ пановъ отхваченной граничниками земли, а тѣмъ болѣе изъ-за оскорбленной гордости. Особенно ободряло козацкихъ ватажковъ соперничество между домомъ Замойскихъ, первенствовавшимъ въ Червонной Руси, и домомъ князей Острожскихъ, игравшихъ первую роль на Волыни, въ Бѣлоруссіи и

въ Кіевской землѣ. Зная, что коронный гетманъ, которому они недавно сослужили службу подъ Бычиною, не шевельнетъ пальцемъ для защиты своего соперника, князя Василія, козаки рѣшились отомстить Острожскому за его недавнюю лигу съ крымскимъ ханомъ и завести смуты въ предѣлахъ его властвованія.

Всѣ украинные паны, колонизуя сосѣднія пустыни, волей и неволей способствовали развитію козачества. Такъ называемые официально *непослушные мѣщане* въ ихъ вотчинныхъ городахъ и мѣстечкахъ, равно какъ и въ королевщинахъ, были *вольные люди*, ходившіе на Татаръ подъ начальствомъ панскимъ слугъ и самихъ пановъ*). И никто изъ украинскихъ землевладѣльцевъ не пользовался такою популярностью въ кочующемъ или козацкомъ населеніи Украины, какъ Острожскіе. Въ качествѣ кіевскаго воеводы, князь Василій колонизовалъ древнее Переяславское городище, дозволивъ ютиться въ Переяславѣ всякаго рода преступникамъ безъ сыска и суда, какъ это было въ обычаѣ у колонизаторовъ малорусскихъ пустынь. Не наслѣдовавъ отъ знаменитаго отца своего таланта полководца, онъ тѣмъ не менѣе нуждался въ боевомъ народѣ для охраненія своихъ владѣній, и въ самомъ городѣ Острогѣ содержалъ дружину „вольныхъ людей“ подъ начальствомъ прославившагося въ послѣдствіи Наливайка. Но двуличный и измѣнчивый во всемъ, князь Василій игралъ двойную роль въ сношеніяхъ своихъ съ козаками. Сперва онъ имъ потворствовалъ, какъ никто другой въ Украинѣ; покрывалъ широкой своей властью козацкіе наѣзды на сосѣднихъ пановъ; въ молодости, какъ его упрекали передъ королевскимъ судомъ, даже лично участвовалъ въ такихъ наѣздахъ; потомъ, въ угоду королю Стефану, готовъ былъ истреблять ихъ совмѣстно съ крымскимъ ханомъ. Козаки давно уже были имъ недовольны, и когда грозное сеймовое постановленіе 1590 года было объявлено на ярмаркахъ, прибито къ дверямъ мѣщанскихъ ратушъ, городскихъ и земскихъ судовъ, церквей и кабаковъ, досада ихъ сдѣлалась общею. Шляхетные добычники, водившіе козацкую орду на добычный промыселъ сухимъ путемъ и водою, составили за

*) Происхожденіе вольныхъ людей въ нашей Руси относится ко временамъ первобытнымъ. Князья и другіе дѣдичи перезывали на свои земли или мѣщанъ, или иноземныхъ колонистовъ. Отношенія между этими поселенцами и землевладѣльцами регулировались державными контрактами, которые возобновлялись черезъ каждыя 12 лѣтъ. Въ Ковенской, Виленской и Гродненской губерніяхъ донынѣ существуетъ классъ поселянъ, называющихся на административномъ языкѣ „вольными людьми“.

Порогами зловѣщій планъ уничтожить колонизацію украинскихъ пустынь, превратить всю Украину въ неподвластное никому кочевище. Элементы дикой анархіи встали противъ только-что установившейся здѣсь гражданственности.

Запорожская вольница прежде всего напала на воеводскій городъ Кіевъ. Укрѣпленія этого важнаго пограничнаго пункта, подъ эгоистическимъ управленіемъ князя Василія, находились въ такомъ состояніи, что сеймовые депутаты, земскіе послы, еще въ 70-хъ годахъ XVI столѣтія упрекали въ небрежности пана кіевскаго воеводу, который, по ихъ выраженію, имѣлъ безстыдство оправдываться своею несостоятельностью, и просилъ у шляхетскаго правительства субсидіи для приведенія Кіева въ оборонительное положеніе. Козаки, подъ предводительствомъ своего войсковаго писаря, Гренковича, вломились въ кіевскій замокъ, съ тѣмъ чтобы овладѣть приписанными къ замку имуществами. Къ числу такихъ имуществъ, какъ хозяйственная единица, принадлежалъ Межигорскій монастырь. Въ качествѣ завоевателей, козаки не уважили ни православнаго монашества, ни самой церкви. Подъ предлогомъ, что въ монастырѣ скрывается какой-то воръ, обокравшій Гренковича, козаки связали игумена и избили до кровавыхъ ранъ. Межигорскимъ игуменомъ былъ то время Іосифъ Бобриковичъ-Копоть, извѣстный въ послѣдствіи борьбою противъ церковной уніи, въ санѣ мстиславскаго епископа. Возный генералъ Кіевскаго воеводства, составившій судебный актъ о козацкомъ разбоѣ, писалъ въ немъ, что козаки, „змучивши и змордовавши игумена“, кинулись по монастырскимъ коморамъ, а потомъ, „впадши до церкви, яко одни Татарове“, разбили ларецъ съ монастырскими деньгами и документами на монастырскія имущества, деньги забрали, а документы уничтожили. Особенно издѣвались они, по произведенному вознымъ генераломъ слѣдствію, надъ королевскими грамотами; отрывали „вислыя“ печати, рвали пергаментъ въ куски, бросали въ грязь и топтали ногами.

Таково было начало козацкихъ бунтовъ, которые наши историки представляютъ войною за вѣру.

Глава III.

Свобода вѣры и совѣсти въ козачествѣ.—Первая козако-панская усобица.—Три характеристическія черты козацкихъ бунтовъ. — Католическій бискупъ въ качествѣ примирителя козаковъ съ Кіевомъ.—Признаки разложенія Польши.—Вторая козако-панская усобица.

Ни запорожскимъ дикарямъ, сдѣланнымъ отчасти ручными, ни замковымъ жолнерамъ, дичавшимъ на кіевскомъ пустынномъ пограничьѣ, не было дѣла до религіозной стороны монастырей, находившихся въ ихъ распоряженіи и „подаваньи“ (jus patronatus). Даже кіевскіе мѣщане, люди осѣдлые, домовитые и естественно расположенные больше козаковъ и жолнеровъ къ благочестію, относились къ мѣстнымъ святилищамъ не лучше, какъ воевода кіевскій къ укрѣпленіямъ. По свидѣтельству кіевскаго католическаго епископа въ началѣ царствованія Сигизмунда III, начальники кіевскаго гарнизона держали въ католической замковой капличкѣ своихъ лошадей, а кіевскіе мѣщане запирали скотъ въ развалинахъ Софійской церкви, и ни самъ князь Острожскій, ни его православный подвоеводій, князь Вороницкій, не хотѣли ничего знать о подобныхъ безчинствахъ, возмущавшихъ душу просвѣщеннаго бискупа. Но въ козацкихъ нападеніяхъ на православные монастыри, въ козацкихъ разбояхъ по городамъ и селамъ, принадлежавшимъ вѣчисто или доживотно православнымъ панамъ, въ козацкихъ набѣгахъ на православныя области Турціи и на самое Царство Московское, добычный промыселъ малорусскаго козачества не подчинялся нимало чувству единовѣрія. Мы знаемъ, что одинъ изъ предводителей нашего козачества, въ первой половинѣ XVI вѣка, отписалъ Никольскому монастырю родовое сельцо свое, а другой, въ концѣ того же столѣтія, устроилъ въ Кіевѣ шпиталь. Намъ извѣстно, что за Порогами подвизались нерѣдко рыцари, видавшіе широкій христіянскій и мусульманскій свѣтъ, одушевленные религіознымъ энтузіазмомъ и мечтавшіе о вѣчной славѣ козацкаго имени. Но козацкая масса представляла такое смѣшеніе вѣроисповѣданій, нравовъ

и обычаевъ, что ученому дипломату Сарницкому, въ царствованіе Стефана Баторія, козаки казались исповѣдывающими вѣру турецкую.

По формаціи запорожской вольницы, принимавшей къ себѣ всѣхъ и каждаго безъ опроса, кто онъ и зачѣмъ бѣжалъ въ низовыя кочевья, эта вольница необходимо должна была состоять изъ представителей всѣхъ вѣръ, такъ точно, какъ она состояла изъ представителей всѣхъ племенъ, сословій и состояній. Мы знаемъ, что когда шляхетное общество вытѣсняло изъ своей среды крайнихъ протестантовъ, называемыхъ аріянами, эти протестанты въ кочевомъ товариществѣ, отрицавшемъ вообще законы людей гражданственныхъ, находили себѣ такой же невозбранный пріютъ, какой обрѣтали въ немъ убійцы, воры и всякаго рода злодѣи. Предоставляя въ своемъ кругу каждому свободу совѣсти относительно злодѣйскихъ поступковъ съ отцомъ, матерью, родствомъ и со всѣмъ обществомъ, козаки естественно допускали и свободу совѣсти религіозной.

Козацкое скопище было, во-первыхъ, продуктомъ Азіи, насколько Азія была безсильна притянуть къ своимъ поработительнымъ центрамъ передовыя полчища своихъ набѣговъ. Во-вторыхъ, оно было продуктомъ Европы, насколько господствовавшее въ ней кулачное право было безсильно пріучить общество къ уваженію чужаго труда и чужой собственности. Что̀ касается польскаго общества, то его феодализмъ, извѣстный подъ именемъ шляхетской вольности, еще больше, чѣмъ дикая Татарщина временъ Менгли-Гирея и полудикая Московщина временъ Ивана Грознаго, способствовалъ развитію въ козакахъ разбойной терпимости, которая набрасывала покровъ забвенія на самыя ужасныя злодѣйства ихъ пріемышей. До какой степени эта терпимость была необходима въ образованіи сброднаго козацкаго товарищества, видно изъ того, какъ заводились въ Малороссіи питомники низовой вольницы, старостинскія и вотчинныя осады и слободы.

Колонизаторы малорусскихъ пустынь, заохочивая народъ къ заселенію займищъ своихъ, всего больше разсчитывали на тѣхъ, которымъ угрожала кара за проступки и преступленія, сдѣланные ими въ королевскихъ городахъ, или въ имѣніяхъ другихъ колонизаторовъ. Стремленіе къ основанію новыхъ и новыхъ осадъ на русско-татарскомъ пограничьѣ было такою сильною потребностью строителей польско-русской республики, что не только люди грубые, но даже и такіе, какъ ученый коронный канцлеръ Янъ Замойскій, не считали для себя унизительнымъ прибѣгать къ этому способу заселенія своихъ вотчинныхъ и помѣстныхъ владѣній. Въ одномъ изъ современныхъ списковъ „экзорбитанцій, учиненныхъ Яномъ Замойскимъ“, 36-ою экзорби-

танціею помѣщено то, что онъ, зазывая къ себѣ на слободы народъ по сосѣднимъ мѣстечкамъ, „населялъ свои имѣнія бѣглецами и гультаями съ неслыханными вольностями. Даже такимъ негодяямъ (сказано въ протестѣ), которые убивали отца, мать, роднаго брата, или пана, давалъ онъ у себя пристанище, лишь бы сдѣлать свои села многолюдными, не позволяя никому преслѣдовать этихъ преступниковъ законами".

Порожденіе разбойной вольности, оправдываемой вольностью шляхетскою, козаки, состоявшіе большею частью изъ обѣднѣвшихъ шляхтичей да изъ такъ называемыхъ вольныхъ людей, уносили изъ отцовскихъ и панскихъ домовъ за Пороги религіозную терпимость, или индиферентизмъ, отличавшіе „шляхетскій народъ" отъ всѣхъ народовъ сосѣднихъ. Одни изъ козаковъ, для покрытія тяжкихъ грѣховъ своихъ, жертвовали добычное серебро на украшеніе церковныхъ образовъ, называя себя оброчниками, или давали обѣтъ работать по нѣсколько недѣль на своихъ богомольцевъ, монаховъ; зато другіе, по словамъ народной пѣсни, не умѣли отличить церкви отъ скирды сѣна, а были и такіе, что не хотѣли произнести никакой молитвы и, вставъ отъ обѣда въ своемъ бурлацкомъ куренѣ, благодарили Бога кощунственнымъ подражаніемъ обычному благодаренію: „Спасибі Бо̀гу и козиному ро̀гу, и козиній голо̀вці, и вамъ, пано̀ве моло̀дці". Что̀ касается того, какъ мало военное ремесло располагало ихъ къ выполненію религіозныхъ обрядовъ, видно изъ интереснаго факта: что іезуитскіе миссіонеры даже въ составѣ квартяного войска находили, въ 40-хъ годахъ XVII столѣтія, множество Поляковъ и Руснаковъ, не бывавшихъ по многу лѣтъ у исповѣди и св. причащенія.

Церковь и вѣра, принятыя въ основаніе козацкаго товарищества, какъ представляетъ наша исторіографія, не прибавили бы ничего къ козацкимъ заработкамъ; напротивъ, стѣсняли бы свободу козацкаго промысла, чего мы не видимъ ни въ одномъ изъ козацкихъ набѣговъ на единовѣрныя земли. Въ предпринятомъ теперь козаками нападеніи на владѣнія кіевскаго воеводы козаки должны были бы уважать распространенное въ малорусскомъ духовенствѣ мнѣніе, что князь Василій есть „начальникъ православія, столпъ и утвержденіе вѣры". Но интересы малорусскаго духовенства расходились діаметрально съ интересами козацкими. Ни духовные и свѣтскіе авторитеты православія, славословившіе князя Василія, какъ ревнителя отеческой вѣры, ни покровительствуемыя имъ церковныя братства, ни такія изданія, какъ славянская Библія, напечатанная въ Острогѣ отъ его имени,—ничто не остановило днѣпровскихъ добычниковъ на пути къ разоренію родовыхъ и дигнитарскихъ владѣній дома Острожскихъ. Ограбивши въ

1591 году Кіевъ и его окрестности, подъ предводительствомъ шляхтича Криштофа Косинскаго, бывшаго рукодайнаго слуги князя Василія, они составляютъ въ Кіевскомъ и Волынскомъ воеводствахъ шайки наѣздниковъ, нападаютъ на дома преданной Острожскимъ шляхты, грабятъ, убиваютъ, безчинствуютъ и приводятъ наконецъ край въ такое положеніе, что мѣстное дворянство прекращаетъ производство всѣхъ судебныхъ и общественныхъ дѣлъ, какъ это случалось прежде только во время татарскаго набѣга „великою ордою“. Со стороны князей Острожскихъ, кіевскаго и волынскаго воеводъ, принимаются мѣры къ соединенію дворянства въ правильныя ополченія. Но усилія магнатовъ, подкрѣпленныя королевскими универсалами, парализуются мелкими землевладѣльцами, которые смотрятъ на козаковъ, какъ на своихъ защитниковъ и мстителей за претерпѣнныя ими отъ людей сильныхъ обиды. Многіе помогаютъ козакамъ тайкомъ, а нѣкоторые открыто выпрашиваютъ у Косинскаго хорошо вооруженные, опытные въ набѣгахъ отряды запорожцевъ, и ходятъ съ ними на своихъ супостатовъ. Видя, что вѣтеръ дуетъ въ ея паруса, вольница Косинскаго овладѣла пограничными старостинскими городами, всѣ находимыя у подстаростіевъ бумаги истребляла, какъ и въ Межигорскомъ монастырѣ, наконецъ стала принуждать не только мужиковъ, но и самихъ шляхтичей землевладѣльцевъ, къ присягѣ на послушаніе Запорожскому войску. Мятежъ Косинскаго былъ опасенъ всего болѣе съ этой стороны. Едва сложившееся на пограничьѣ общество готово было превратиться въ безсудную, безпощадную, саморазрушительную орду.

Однимъ изъ мотивовъ бунта послужила Косинскому недоплата жалованья. Сохранилось его воззваніе къ „ласковымъ панамъ-товарищамъ“, писанное изъ Пикова по-польски*). Въ немъ говорится: „Узнали мы (преданные вамъ товарищи, Криштофъ Косинскій и все рыцарство), что панъ староста (Претвичъ) не спѣшитъ къ намъ съ тѣми деньгами, и потому, ничего не ожидая, прибывайте къ намъ. А слугѣ пана Претвича скажите именемъ войска, что больше ждать его мосци не будутъ, и должны сами о себѣ промышлять.—Видно, додержатъ насъ до зимы, какъ прошлый годъ еще на св. Ивана имѣли намъ дать, а теперь уже осень наступила“.

---

*) Это заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что, спустя года четыре, коронный полевой гетманъ, усмиряя козаковъ, просилъ у коронаго канцлера универсаловъ и позвовъ, писанныхъ Ruskim pismem, według zwyczaju tej ziemie, и что судопроизводство надъ козаками въ гродскихъ судахъ совершалось на языкѣ русскомъ.

Пограничное общество было спасено отъ козаковъ Косинскаго чрезвычайными мѣрами, къ которымъ прибѣгнулъ богатый домъ Острожскихъ. Старшій сынъ князя Василія, князь Янушъ, бросился въ Тарновъ, родственную мѣстность по католичкѣ матери, и навербовалъ тамъ людей, не имѣвшихъ ничего общаго съ козаками, а въ поддержку выписалъ нѣсколько ротъ пѣхоты изъ Венгріи. Къ этому войску присоединилъ онъ наемныхъ козаковъ своего отца (которыхъ современники называли „вольными людьми"), подъ предводительствомъ Северина Наливайка, да призвалъ на помощь князя Александра Вишневецкаго, черкасскаго, каневскаго и любечскаго старосту, съ нѣкоторыми волынскими панами, и въ началѣ февраля 1593 года разбилъ Косинскаго за Чудновымъ, подъ мѣстечкомъ Пяткомъ, недалеко отъ Тарнополя. 26 пушекъ и почти всѣ козацкія хоругви достались побѣдителямъ. Козаковъ побито, какъ была молва, до 3.000. Бѣжавшаго въ Пятокъ Косинскаго можно было принудить къ сдачѣ съ остальными бунтовщиками. Но Острожскіе, видя себя изолированными въ борьбѣ съ козачествомъ, не хотѣли довести дѣло до крайности. Они предоставили Косинскому свободу, а низовцевъ обязали письменнымъ договоромъ избрать немедленно другаго „атамана", быть въ послушаніи королю, находиться за Порогами, на указанныхъ правительствомъ мѣстахъ, не имѣть никакихъ *лежъ* (квартиръ), ни *приставствъ* (реквизицій) въ имѣніяхъ самого пана кіевскаго воеводы, и другихъ пановъ, которые находились подъ Пяткомъ при князьяхъ Острожскихъ, выдать и впредь не задерживать у себя служилыхъ шляхтичей, измѣнившихъ князьямъ Острожскимъ, возвратить награбленное въ панскихъ имѣніяхъ огнестрѣльное оружіе, коней, скотъ и другую движимость, а челядь обоего пола, которая находилась при козакахъ, отъ себя отослать. Договоръ подписали, по просьбѣ побѣжденныхъ, и всѣ паны, помогавшіе князьямъ Острожскимъ, а именно: Якубъ Претвицъ (Претвичъ) изъ Кгавронъ, каштелянъ каменецкій *); князь Александръ Вишневецкій, черкасскій, каневскій, корсунскій, любечскій, лоевскій староста; Янъ Кгульскій (Гойскій), войскій трембовельскій; Вацлавъ Боговитинъ, хорунжій земли Волынской; Василій Гулевичъ, войскій володимерскій **).

---

*) Въ документахъ онъ ошибочно названъ галицкимъ.

**) Исчисленные въ этомъ порядкѣ въ текстахъ документа, писаннаго по-русски, паны, кромѣ Гулевича, подписались по-польски; Косинскій — также по-польски, но войсковой писарь, Иванъ Кгречковичъ, „именемъ всего войска", по-русски. Янъ Кгульскій вовсе не подписался.

Всего замѣчательнѣе въ этомъ событіи то обстоятельство, что козаки, прежде чѣмъ вооружиться противъ князя Острожскаго и его партіи, вошли въ переговоры съ Крымскими Татарами съ одной стороны и съ Москвою съ другой. Въ самомъ зародышѣ козацкихъ бунтовъ замѣтно уже сознаніе, что украинская орда не совпадаетъ съ панами безъ Крымцевъ, и что только „подъ высокой рукою“ Московскаго царя найдетъ себѣ убѣжище въ случаѣ крайности. Послѣднюю мысль восприняли козаки, можетъ быть, отъ самой же шляхты, которая, въ лицѣ своихъ отверженцевъ и преступниковъ, руководила тогда запорожскою вольницею. Уже между гетманствомъ двухъ первыхъ возмутителей козацкихъ, Косинскаго и Наливайка, посолъ императора Рудольфа II замѣтилъ во время своего пребыванія у запорожцевъ, что они не считали себя подданными Рѣчи Посполитой, а скорѣе— слугами московскаго самодержца, и оправдывался передъ своимъ государемъ тѣмъ, что московскій великій князь могъ бы обидѣться за козаковъ, когда-бъ онъ прервалъ съ ними сношенія; а черкасскій, каневскій и любечскій староста доносилъ королю, что московскій великій князь, въ своемъ листѣ къ козакамъ, титулуетъ себя царемъ запорожскимъ, черкасскимъ и низовскимъ. Безъ сомнѣнія, царская грамота столь неправдоподобнаго содержанія была вымышлена первыми козацкими бунтовщиками, какъ и „Золотая Грамота царицы Катерины“—послѣдними. Для историка важно здѣсь убѣжденіе, возникшее въ козакахъ до начала ихъ бунтовъ. Оно могло принадлежать и самому Косинскому. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что польская шляхта, по пресѣченіи наслѣдственной линіи королей своихъ, боялась измельчать и обратиться въ магнатскихъ мужиковъ. На избирательныхъ сеймикахъ раздавались въ ней такіе голоса: „Ни отъ одного государя не можно ожидать такой помощи нашему шляхетскому чину, какъ отъ московскаго. Только подъ рукою московскаго самодержца прекратились эти насилія, наѣзды, кровопролитія, убійства, блудодѣянія и разныя другія беззаконія. Только у него нашли бы мы быстрое, немедленное удовлетвореніе справедливости“.

Другая характеристическая черта первой козако-панской усобицы состояла въ томъ, что Криштофъ Косинскій въ концѣ XVI столѣтія предполагалъ сдѣлать съ Польшею то, чѣмъ ей грозилъ въ половинѣ XVII-го Богданъ Хмельницкій. Князь Александръ Вишневецкій доносилъ объ этомъ коронному великому гетману Яну Замойскому, отъ 23 мая 1593 года, изъ Черкасъ, въ слѣдующихъ словахъ: „Измѣнникъ Косинскій не удовольствовался тѣмъ, что все время до сихъ поръ не проливалъ кровь людскую во владѣніяхъ его королевской милости,

совершая безпрестанныя жестокости, мучительства, наѣзды, насилія, но еще и до основанія все пограничье хотѣлъ низпровергнуть (wywrócić), всѣхъ насъ вырубить, и присягнулъ со всѣмъ войскомъ своимъ опустошать съ турецкими и татарскими войсками коронныя владѣнія и помочь языческимъ псамъ завоевать самую корону. Въ самомъ дѣлѣ крымскій царь готовился послать съ нимъ войска, а онъ ему присягнулъ воевать владѣнія его королевской милости".

Не менѣе характеристично въ первой козакопанской усобицѣ и то, что козацкія обѣщанія и клятвы были дѣйствительны лишь до тѣхъ поръ у козаковъ, пока козаки сознавали себя безсильными. Такъ у нихъ было и въ послѣдующихъ бунтахъ. Самые предводители ихъ, милуемые великими панами иногда даже на эшафотѣ, не считали себя связанными никакими обѣщаніями, лишь только на мѣсто побитыхъ товарищей окружали ихъ новые.

Въ настоящемъ случаѣ, гнѣздившіеся въ Кіевщинѣ козаки вмѣнили ни во что клятвенный договоръ, заключенный подъ Пяткомъ „сотниками, отаманами и рыцарствомъ Запорожскаго Войска" вмѣстѣ съ ихъ „гетманомъ", какъ именовалъ себя Косинскій. Они провозгласили того же Косинскаго вновь своимъ гетманомъ и, оставляя князей Острожскихъ въ покоѣ, бросились вмѣстѣ съ нимъ на Черкасы, чтобъ отомстить Александру Вишневецкому за его вмѣшательство въ дѣло, которое, по ихъ удѣльно-вѣчевому воззрѣнію, вовсе до него не касалось, нужды нѣтъ, что подъ Пяткомъ сражалось множество своевольныхъ людей изъ его украинскихъ старостъ. Но тутъ „Панъ Косинскій", какъ титуловали его въ договорномъ актѣ побѣдители, загулялъ съ козаками по-запорожски. Старостинскіе люди напали на пьяныхъ руинниковъ, убили ихъ предводителя, разогнали пьяную орду и положили конецъ возобновленному разбою.

Побитые въ Черкасахъ козаки заключили съ княземъ Вишневецкимъ такую же мировую, какъ и съ княземъ Острожскимъ. Но, по смерти князя Вишневецкаго, наслѣдникъ его сдѣлалъ имъ какую-то „кривду". Козаки отправили къ кіевскому „замковому уряду" двухъ пословъ съ просьбою—дать имъ вознаго для составленія обвинительнаго акта. Но этотъ урядъ состоялъ, какъ видно, изъ людей, расположенныхъ больше всего къ самоуправству. Вымещая на козацкихъ послахъ претерпѣнныя въ миновавшую усобицу обиды свои, замковые чиновники одного изъ нихъ убили, другаго до полусмерти замучили, и все имущество ихъ товарищей разграбили. Въ этомъ самоуправствѣ, какъ видно изъ теченія дѣла, участвовали и кіевскіе мѣщане. Озлобленные запорожцы, въ числѣ 4.000 человѣкъ, двинулись къ Кіеву

„съ арматою“, то-есть со всѣми принадлежностями войны и козацкаго самоуправленія.

Между колонизаторами Украины игралъ въ то время важную роль кіевскій католическій бискупъ, Іосифъ Верещинскій, осадившій на древнемъ городищѣ Хвастовъ, который онъ, по своему родовому гнѣзду въ люблинской холмщинѣ, назвалъ Новымъ Верещиномъ. Осадить на безлюдьѣ городъ значитъ—защищать его не только отъ татарской, но и отъ мѣстной орды. Одну надобно было отражать, другую привлекать къ себѣ разными уступками и подарками. То и другое для Верещинскаго было тѣмъ возможнѣе, что духовный санъ его не мѣшалъ ему водить лично противъ Татаръ боевыя дружины. Эти дружины состояли обыкновенно на половину изъ низовыхъ козаковъ. Въ нихъ участвовали знаменитѣйшіе запорожскіе рыцари разныхъ національностей. Козаки знали и любили щедраго, толерантнаго, справедливаго и благочестиваго въ своемъ католичествѣ бискупа. Походъ ихъ на Кіевъ былъ предпринятъ въ ту пору, когда сюда съѣхались окрестные землевладѣльцы на судебные *рочки*. Имъ угрожала въ Кіевѣ немалая опасность, и они всѣмъ обществомъ своимъ упросили Верещинскаго вмѣстѣ съ другимъ популярнымъ въ Запорожскомъ Войскѣ лицомъ, княземъ Кирикомъ Рожинскимъ, умиротворить козаковъ. Шляхетскіе депутаты, въ сопровожденіи вооруженныхъ слугъ, подъ которыми надобно разумѣть служилую шляхту, выступили навстрѣчу козакамъ и ждали ихъ надъ Днѣпромъ, верстахъ въ десяти отъ Кіева, на урочищѣ Лыбедь.

„На этомъ урочищѣ“, доносилъ Русинъ по происхожденію, Верещинскій, такому же Русину, полевому коронному гетману, Жовковскому (по-польски Жулкѣвскому *), „въ $\frac{2}{12}$ концѣ сентября 1593 года, едва не поплатились мы жизнью, потому что козаки, свѣдавъ о насъ отъ своихъ *калаузовъ* (проводниковъ) и принявъ насъ за кіевскую (полевую) сторожу, хотѣли на насъ ударить. Замѣтивъ это, я, по дивному Божію промыслу, вмѣсто vim vi illis retinendo **), велѣлъ музыкантамъ играть на *шаломаяхъ* ***) псаломъ Давидовъ Cantabo Domino in vitā meā ****), дабы козаки узнали меня по этому шаламайному *гаслу* (сигналу). Господь Богъ сохранилъ мою жизнь для своей славы и къ большему еще умноженію хвалы своей. Съ помощію Божіею,

*) Żółkiewski.

**) Вмѣсто отраженія силу силою.

***) Нѣмецкое Schallmeien. Покозацки—жоломійкй.

****) Восхвалю Господа въ животѣ моемъ.

шаломайная мелодія спасла меня съ княземъ Кирикомъ Рожинскимъ и съ моими слугами отъ страшной опасности. Когда, на другой день, приплыло Запорожское Войско, воздало оно Господу честь и хвалу, что его сторожа не обагрила своего оружія нашей неповинною кровью. По окончаніи церемоніи, стали мы убѣждать козаковъ, чтобъ они, не вступая въ Кіевъ, съ такимъ отрядомъ, искали справедливости въ меньшемъ числѣ; но они на то не согласились, говоря, что небольшому ихъ отряду сталось бы то же самое, что̀ ихъ посламъ. И когда козаки подходили къ Кіеву Днѣпромъ и сушей, съѣхавшаяся туда шляхта, не желая съ замковымъ урядомъ пить этого пива, котораго онъ наварилъ, разъѣхалась по своимъ домамъ, а замковой и мѣщанскій урядъ заперся въ замкѣ. Много стоило намъ труда и не мало опасности примиреніе козаковъ съ замковымъ и мѣщанскимъ урядомъ. Козаки, за свои труды и потери, за тиранію надъ однимъ посломъ и за грабежъ надъ ихъ товарищами, согласились наконецъ получить двѣнадцать сотъ злотыхъ польскаго счету, и учинили между собой на бумагѣ вѣчный миръ, безъ присяги, охраняя знаменитую столицу Кіевскаго отечества, чтобъ она не понесла на себѣ никакой обиды. Въ самомъ дѣлѣ выѣхали они изъ Кіева безъ стрѣльбы и безъ обоюднаго пролитія крови, не сдѣлавъ никакого вреда въ людяхъ, кромѣ живности, которою хорошо обзапаслись".

Въ заключеніе, Верещинскій просилъ Ковковскаго—сообща со всѣмъ сенатомъ сдѣлать замковому уряду хорошую нотацію, чтобъ онъ впередъ, безъ королевской инструкціи, или безъ совѣта своего бискупа, или же кіевскаго воеводы, ничего подобнаго не дѣлалъ. „За такіе глупые поступки—писалъ онъ—слѣдовало бы взыскать съ замковаго уряда всѣ убытки, понесенные мѣщанами отъ казаковъ, чтобы на будущее время они были умнѣе: иначе—надобно бояться, чтобы Кіевъ не сдѣлался пустками".

Но дѣла сложились уже такимъ образомъ, что пограничной шляхты нельзя было развести съ козаками. Съ той и съ другой стороны накопилось множество кровавыхъ обидъ. Съ той и съ другой стороны набралось множество людей, для которыхъ не существовало никакого права, кромѣ права сильнаго. У того самаго князя Василія, который первый вооружился противъ днѣпровской вольницы, состоялъ на жалованьѣ преемникъ отважнаго Косинскаго, уроженецъ мѣстечка Гусятина, Северинъ Наливайко, прозванный впослѣдствіи полушутя и полусерьезно Царемъ Наливаемъ. Онъ производилъ сильное впечатлѣніе на современниковъ и алкивіадовскою красотою своею, и дикою энергіею своей дѣятельности. По чувству рыцарской чести, унаслѣдо-

ванной козаками отъ знаменитыхъ предводителей своихъ, не могъ онъ отказать „своему пану“ въ повиновеніи, когда тотъ посылалъ его противъ его собратій по оружію; но лишь только срокъ его службѣ миновалъ, и онъ сдѣлался по-старому вольнымъ добычникомъ,—низовые козаки, у себя въ Сѣчи, получили отъ него посольство, характеризующее козака со стороны его рыцарства.

Наливайко оправдывался передъ запорожцами долгомъ чести въ томъ, что воевалъ противъ нихъ подъ знаменами князя Острожскаго, и предлагалъ имъ навсегда дружбу и братство свое. Въ доказательство своей искренности, дарилъ онъ отъ 1500 до 1600 лучшихъ коней изъ военной добычи, взятой недавно въ Волощинѣ. Но, такъ какъ честное рыцарство (говорили послы Наливайка) не довѣряетъ ему, то онъ желаетъ явиться лично въ ихъ раду положить въ ея кругѣ свою саблю и оправдаться во всѣхъ взводимыхъ на него обвиненіяхъ,—съ тѣмъ, что, еслибы рыцарская рада не уважила его представленій, то онъ склонитъ передъ нею голову подъ собственный мечъ свой. Низовцы были довольны обращеніемъ Наливайка изъ панской службы къ добычному промыслу, и поладили съ вольными людьми, изъ которыхъ состояла Наливайкова дружина.

Примиренію вольнонаемныхъ Торковъ съ Торками и Берендеями кочующими въ дикой свободѣ помогло то обстоятельство, что Турки въ это время сильно тѣснили Венгрію, и нѣмецкій императоръ Рудольфъ II прислалъ въ Запорожскую Сѣчь своего посла, силезца Эриха Ласоту, съ значительною суммою денегъ, заохочивая козацкое войско къ нападеніямъ на турецкія владѣнія. Съ другой стороны, агенты римскаго папы подстрекали шляхту къ набѣгамъ на турецкое Поднѣстріе. По случаю мира съ Москвою, много народу, кормившагося войною на сѣверѣ, отхлынуло теперь къ югу. Бывшіе слуги, или дворяне, Стефана Баторія, тѣснившаго козаковъ для успокоенія Турокъ, интриговали въ пользу турецкой войны всюду, гдѣ шляхетскій бытъ приближался къ быту козацкому; а множество боевой шляхты, не получивъ за Московскую войну жалованья и навлекши на себя кару закона обычнымъ въ такомъ случаѣ грабежомъ королевскихъ и панскихъ имуществъ, „пристало въ козаки“ рыцарскимъ путемъ Наливайка. Своевольный элементъ выдѣлился изъ польскаго общества рѣзко, и физіономія козачества получила зловѣщую выразительность. Козацкіе сотники стали играть даже роли агентовъ по сношеніямъ придунайскихъ господарей и седмиградскаго князя съ нѣмецкимъ императоромъ, во вредъ мусульманамъ. Козаки служили Рудольфу II въ самой Венгріи цѣлымъ войскомъ своимъ, въ которомъ насчитывали 6,000 ста-

ринныхъ козаковъ, людей отборныхъ, не включая тѣхъ, которые проживали въ поселеніяхъ пограничныхъ и хаживали съ опытными козаками на добычный промыселъ въ смыслѣ новиціата. Правда, днѣпровскіе рыцари оказались весьма убыточными защитниками венгерскихъ христіанъ отъ мусульманскихъ вторженій, и были выпровожены изъ Венгріи, какъ противоядіе, болѣе вредное, чѣмъ самый ядъ; но тѣмъ не менѣе у нихъ завелись пушки съ именемъ императора и знамена съ его императорскими знаками, а сознаніе своей самобытности возросло въ Запорожскомъ войскѣ до того, что власть коронаго гетмана потеряла для него всякое значеніе.

По признанію польской исторіографіи, „въ краѣ чувствовалось уже нѣкоторое разложеніе. Украинныя области—говоритъ она—были для насъ Ахиллесовой пятою. Безправіе и неурядица дошли въ нихъ до высочайшей степени. Правительство взваливало бремя обороны границъ на старостъ, и дѣло шло еще довольно хорошо, пока непріятель дѣлалъ нашествіе со стороны Дикихъ Полей; но когда поднялся оный домашній врагъ, извѣстный подъ именемъ Низовцевъ или Своевольныхъ Купъ,—затрудненія увеличились: ибо старостинскія роты состояли изъ земляковъ и товарищей взбунтовавшихся грабителей. Наконецъ то, что въ другихъ странахъ называлось грабежомъ и разбоемъ, здѣсь представлялось легкимъ своевольствомъ. И пришельцы, и туземцы, воспитанные въ школѣ борьбы съ татарскою дичью, часто теряли чувство справедливости. Наше прекрасное законодательство не дѣлало своего дѣла даже по *гродамъ*. Ограничивались протестаціями, и то въ весьма скромной формѣ. Никто не преслѣдовалъ виновнаго. Судопроизводство тянулось до тѣхъ поръ, пока набѣгъ татарскихъ ордъ не полагалъ ему конца, такъ какъ и истецъ и отвѣтчикъ являлись весьма скорыми въ отраженіи набѣга, и часто сражались вмѣстѣ, отбивая бѣдный народъ изъ ясыра, и скотъ, гонимый подъ Бѣлгородъ или еще дальше. Такимъ образомъ своевольство господствовало (swawola więcrozwielmożniała się), и Рѣчь Посполитая тогда только задумывала поступить съ нею строго, когда оно вызывало гнѣвъ дивана и угрозы татарскаго хана“.

Въ этихъ словахъ Поляка и шляхтича мы читаемъ признаніе, что буйство козацкое получило свое начало въ буйствѣ шляхетскомъ. Біографія самого Наливайки, какъ увидимъ изъ его оправданія передъ королемъ, представляетъ разительный тому примѣръ.

Послѣ Косинскаго, въ запорожскомъ скопищѣ прославился Лобода. И при Косинскомъ съумѣлъ онъ овладѣть Кіевомъ, а когда панъ Криштофъ погибъ въ отважномъ покушеніи на Черкасы, онъ, осенью

того же года, бросился въ заднѣстровскія степи, напалъ на богатую ярмарку, собиравшуюся въ Юрьевѣ (Джурджево) подъ Бѣлгородомъ, ограбилъ самый городъ и прошелъ по-татарски загонами по окрестностямъ. Слава Лободы выросла соотвѣтственно его добычѣ. Наливайко воспламенился жаждою подобной славы. Есть основаніе думать, что онъ завидовалъ и самому Косинскому. Не даромъ же князь Василій писалъ о немъ своему зятю: „Господь попускаетъ на меня другаго Косинскаго". По закону подражательности злому подъ видомъ чего-то добраго, Наливайко шелъ погибельнымъ путемъ пана Криштофа, не зная и не заботясь, къ чему приведетъ его соревнованіе пану Григорію, такому же шляхтичу, какимъ былъ и Косинскій.

Новую карьеру свою началъ онъ поступкомъ предательскимъ. Забывая, что подъ крыломъ князя Василія выросла его сила, онъ обратился къ врагу его Замойскому съ представленіемъ, будто бы милостивый его панъ, князь Острожскій, дозволилъ ему собрать, сколько сможетъ, товарищей для войны съ непріятелемъ Св. Креста, но что онъ признаетъ себя и свою дружину болѣе подчиненными ему, Замойскому, на котораго взираетъ, какъ на монарха, и такъ какъ эта дружина состоитъ изъ людей, которые всю жизнь и все свое время обыкли посвящать службѣ *его панской милости и всей Рѣчи Посполитой*, то онъ ищетъ его покровительства противъ тѣхъ людей, которымъ за обычай уменьшать козацкую славу (намекъ на битву подъ Пяткомъ), и проситъ указать, гдѣ бы его дружина могла добывать себѣ живность, готовясь къ выступленію въ походъ.

Острожскій враждовалъ съ Замойскимъ за назначеніе жолнерскихъ стоянокъ въ его владѣніяхъ. Наливайко, прося короннаго гетмана узаконить его гостеваньс въ Острожчикѣ съ толпою мародеровъ, разсчитывалъ на усиленіе вражды между двумя магнатами. Но вооруженный издавна противъ козатчины Замойскій не удостоилъ отвѣта его представленіс,—тѣмъ больше, что онъ титуловалъ себя въ немъ запорожскимъ гетманомъ *), тогда какъ за Порогами существовалъ терпимый поневолѣ правительствомъ *гетманъ* Григорій Лобода и въ Украинѣ правительство признавало козацкимъ *старшимъ* сихтынскаго старосту Николая Язловецкаго.

Неразборчивый въ дѣлѣ вѣры, національности и чести, прототипъ козачества, Наливайко, повелъ свою дружину за Днѣстръ (весною 1594 года), и вернулся съ добычей, а потому и со славой, превзошедшей самыя гордыя надежды его. Но палладіумъ козацкой славы

*) Собственноручная подпись церковно-славянскими буквами.

былъ не въ магнатскомъ дворѣ, гдѣ онъ служилъ недавно по найму, не на вольной Волыни, гдѣ *гостевалъ* въ панскихъ имѣніяхъ своевольно, даже не въ Украинѣ, гдѣ козакъ не признавалъ никакихъ властей, а въ „преславномъ“ Запорожскомъ Войскѣ: надобно было такъ или иначе предвосхитить козацкую *честь-славу, войсковую справу* у Лободы. И вотъ онъ отправляетъ извѣстное уже намъ посольство въ низовой лугъ Базавлукъ, на урочище Чортомлыкъ, гдѣ находилась тогда Запорожская Сѣчь.

Волошское Заднѣстріе было населено почти исключительно православными христіянами. Богатая добыча была взята Наливайкомъ не у Турокъ, сидѣвшихъ тамъ въ укрѣпленныхъ городахъ, не у Буджацкихъ Татаръ, умѣвшихъ брать ясыръ среди рыцарской шляхты и угонять къ себѣ подольскія, брацлавскія, червоннорусскія стада; но Наливайко вернулся въ Брацлавщину, какъ воинъ, подвизавшійся противъ „непріятелей Св. Креста“, и потому распредѣлилъ универсалами своими, какія *стаціи* должны были давать его войску жители городовъ и селъ, сгонялъ въ свой кошъ табуны лошадей, стада воловъ и „яловицъ“, словомъ—дѣлалъ то самое, что дѣлала на кресахъ и татарская орда во время своихъ набѣговъ.

Въ этихъ словахъ нѣтъ преувеличенія. По непонятному въ наше время равнодушію тогдашнихъ обитателей Малороссіи къ личнымъ насиліямъ, лучше сказать—по ихъ обыкновенности, даже судебные позывопіяли больше объ утратахъ имущественныхъ. Но извѣстно и изъ актовъ Центральнаго Архива и изъ такихъ записокъ, какъ названная мною *Боркулабовская Хроника*, что запорожскіе рыцари—а ихъ у Наливайка было много—не только „поганили“ женщинъ и даже дѣтей, но и уводили съ собой каждый по восьми, десяти, двѣнадцати лошадей, „по трое, четверо хлопятъ, по двѣ или три жонки и дѣвки“. Какъ бы то ни было, только Наливайко прославился до такой степени, что его величали царемъ Наливаемъ во всѣхъ козацкихъ „кабакахъ“, какъ назывались тогдашніе притоны пьянства и распутства.

Королевскому правительству было въ то время не до кресовъ. „Стражъ коронной границы“, коронный полевой гетманъ Жовковскій, былъ озабоченъ въ Русскомъ воеводствѣ грабежами собственнаго козачества, какъ слѣдуетъ разумѣть жолнерство; а жолнерство потому считало себя въ правѣ промышлять козацкими грабежами, что ему не былъ заплаченъ *жолдъ*, по-русски жалованье. Между тѣмъ вниманіе фельдмаршала, короннаго великаго гетмана и вмѣстѣ канцлера, Яна Замойскаго, было поглощено сосѣднею *Волощиною*, какъ называли Поляки и наши козаки Молдавію. Затруднительное положеніе, въ ко-

торомъ находилась тогда Турція, представляло возможность возвратить польскому королю присвоенное турецкимъ султаномъ вассальство *волошскаго* господаря.

Когда, въ числѣ панскаго контингента для похода за Днѣстръ, явился подъ Жванцемъ, съ малочисленнымъ почтомъ, и брацлавскій староста Струсь, Жовковскій принялъ спокойно его жалобу на „своевольство и бунты злыхъ хлоповъ", которые не даютъ ему отправлять правосудіе въ мѣстномъ гродѣ,—принялъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ бискупъ Верещинскій писалъ къ нему о столкновеніи низовцевъ съ кіевскимъ урядомъ. Онъ совѣтовалъ пану старостѣ умѣренность, ограничился донесеніемъ по начальству, и замѣтилъ въ донесеніи успокоительнымъ тономъ о своевольникахъ, что сила у нихъ слаба, велика только завзятость (upor wielki). „Однакожъ—продолжалъ онъ—я попытаюсь найти способы умиротворить ихъ добрыми средствами".

Неизвѣстно, что̀ дѣлалъ онъ для умиротворенія „своевольниковъ"; только Наливайко, въ іюнѣ 1594 года, предводительствуя дружиною „почти однихъ банитовъ", углубился въ Туретчину и Татарщину, какъ называли козаки безразлично все Заднѣстріе, прошелъ (по собственному его сказанію) „между Течини и Бѣлгорода къ Пресканамъ взялъ непріятельскій городъ, и десятка полтора селъ вокругъ него выжегъ".

Однакожъ добычу, взятую въ этомъ походѣ, отбили у Наливайка не Турки и Татары, а единовѣрцы его, Волохи, подъ предводительствомъ своего православнаго господаря. Наливайко потерялъ полторы тысячи соучастниковъ набѣга, и вернулся въ Брацлавъ, преслѣдуемый голодомъ. Распустивъ обнищавшую дружину, пріютился онъ у мѣстнаго войта, шляхтича Тиковича, съ горстью „прибочниковъ", которые, въ качествѣ тѣлохранителей, были необходимы для каждаго козацкаго гетмана и ватажка.

Въ это время брацлавскіе землевладѣльцы съѣхались въ „столичный" свой городъ на рочки, но, предупрежденные гродскимъ писаремъ, Байбузою, разъѣхались по домамъ: такъ былъ страшенъ Царь Наливай и въ своемъ упадкѣ. Землевладѣльцы рѣшились отправлять судебные рочки въ Винницѣ. Наконецъ осмѣлились воспріять гражданскія права свои, и двинулись полнымъ собраніемъ въ Брацлавъ. На бѣду мирныхъ единовѣрцевъ защитника Св. Креста обозъ ихъ, подъ самимъ Брацлавомъ, захватила темная октябрьская ночь. Передъ разсвѣтомъ напалъ на нихъ Наливайко вмѣстѣ съ брацлавскимъ войтомъ и толпою заднѣстровскихъ героевъ. Они убили пана Ивана Микулашскаго, побили много служилой шляхты, а все добро судеб-

наго общества, одежды, бумаги, наличныя деньги, лошадей, забрали, чтобы „полатать свои злы дни", какъ выразился русскій лѣтописецъ.

Этотъ козацкій разбой записанъ со всѣми подробностями, какъ общественный протестъ, въ лукихъ актовыхъ книгахъ; но и онъ остался ненаказаннымъ.

Однакожъ титулярный гетманъ Наливайко нашелся вынужденнымъ искать, на всякій случай, покровительства у дѣйствительнаго запорожскаго гетмана, Лободы, съ которымъ соперничалъ до погибельнаго для нихъ обоихъ побоища за Сулою. Къ страху беззащитности примѣшивалось у него и чувство мести къ волошскому господарю,—чувство, съ которымъ Косинскій напалъ на Вишневецкаго въ Черкасахъ. Во время своего бѣгства изъ-за Днѣстра, онъ обѣщалъ господарю побывать у него въ гостяхъ, и звалъ теперь лободинцевъ на богатую добычу въ Яссы. Лободинцы откликнулись на зовъ наливайцевъ, какъ орлы къ орламъ, или вороны къ воронамъ. Тутъ, конечно, поддержала Царя Наливая и брацлавская добыча, такъ какъ, безъ поощренія гостинцами, энтузіазмъ сѣчевыхъ рыцарей не двигалъ ихъ къ отважнымъ предпріятіямъ.

Низовцы появились въ Брацлавщинѣ, и вмѣстѣ съ „охочекомонниками" наливайцами составили больше 12,000. Все войско дѣлилось на двѣнадцать хоругвей, въ числѣ которыхъ двѣ были украшены императорскими гербами. „Затяжцы" объявили мирнымъ жителямъ, что, по просьбѣ христіанскаго императора Рудольфа и съ дозволенія преславной рады Запорожскаго Войска, оставшейся на днѣпровскихъ островахъ, идутъ противъ невѣрныхъ. Торжественное объявленіе уполномочивало ихъ, какъ воителей Св. Креста, взимать со всѣхъ сословій и состояній то, что въ другихъ странахъ называлось черною данью, подъ видомъ стацій. Быстро снялась козацкая орда съ мѣста своихъ *лежъ*, и очутилась въ гостяхъ у волошскаго господаря, въ Яссахъ. Только трои сутки гостевали козаки, но черезъ годъ послѣ того столица Молдавіи показалась Яну Замойскому сплошною руиною, среди которой „уцѣлѣлъ только мурованный господарскій дворецъ".

Разбивши господарское войско въ трехъ мѣстахъ, козаки „пустили на пожаръ" все, чего загоны ихъ не могли взять съ собою, и не прошло мѣсяца послѣ ночнаго разбоя подъ Брацлавомъ, какъ они заняли уже подъ свои лежи многолюдный городъ Баръ.

Тамъ захватила ихъ ранняя и необыкновенно снѣжная зима. Подъ защитой страшныхъ мятелей и глубокихъ заносовъ, побѣдители Волоховъ не боялись ни короля съ его жолнерами, ни пановъ съ ихъ ополченіями. Да и не было въ краѣ никакихъ боевыхъ силъ, если не

считать человѣкъ пятнадцати вооруженныхъ людей въ Межибожѣ, Каменецкій каштелянъ Яковъ Претвичъ, соратникъ Якуша Острожскаго подъ Пяткомъ, проживалъ въ Шаравкѣ, миляхъ въ шести отъ Бара, съ горстью служилой шляхты своей. Онъ отослалъ женщинъ, дѣтей и движимость въ Терембовлю, мѣсто, нагрѣтое знаменитымъ отцемъ его, Бернардомъ, предводителемъ козацкихъ дружинъ Константина I Острожскаго; а самъ, по долгу службы, оставался на мѣстѣ, собирая тревожныя вѣсти о козакахъ. Все зажиточное бѣжало съ движимостью во Львовъ и въ другія безопасныя мѣста. Были козаки грозою для знатныхъ и незнатныхъ людей. „Подувавивши въ Барѣ дуванъ“ (подѣливъ между собой добычу) и расквартировавши товарищество свое широко вокругъ Бара, они простерли свои лежи до самой Винницы. Именемъ Запорожскаго Войска были разосланы универсалы, предписывавшіе мѣстнымъ властямъ доставить „реестръ всѣхъ провьянтовъ“, а между тѣмъ барская „генеральная“ рада постановила „допевняться“ у Рѣчи Посполитой жолду за походъ въ „Туретчину“.

Здѣсь надобно вспомнить, что весною 1594 года запорожцы были призваны въ Венгрію довольно представительнымъ посольствомъ отъ императора Рудольфа II для помощи ему противъ Турокъ. Съ того времени козаки стали смотрѣть на себя какъ на воиновъ „христіанскаго цесаря“. Козацкіе сотники играли даже роли агентовъ въ сношеніяхъ придунайскаго князька съ императоромъ. Сохранилось письмо сотника Демковича къ князю Константину II Острожскому, изъ Бара, отъ 3 февраля 1595 года, въ которомъ онъ говоритъ (попольски): „Когда я былъ посланъ отъ пановъ козаковъ къ мултянскому (валахскому) господарю для слушанія присяги, которую господарь его милость, какъ съ духовною, такъ и съ свѣтскою радою, учинилъ съ панами своими и съ гетманомъ своимъ, за моимъ приводомъ, въ томъ, что дѣйствительно отвергся цесаря турецкаго и поддался цесарю христіанскому, послѣ этого получилъ онъ отъ его милости цесаря привилегію и закрытый листъ, чтобы вошелъ въ соглашеніе съ козаками, что все намъ онъ показывалъ для большаго удостовѣренія“ и т. д.

Послѣ Косинщины, надѣлавшей много хлопотъ старому „дома-тору“, князю Василію, „святопамятный“ нашъ устранялся отъ всякаго вмѣшательства въ подавленіе Наливайщины. Меньшимъ изъ золъ находилъ онъ оставаться съ козаками въ миру. По старой памяти, онъ игралъ роль ихъ благодѣтеля, роль ихъ защитника передъ правительствомъ, хотя въ секретныхъ письмахъ къ зятю проклиналъ козачество и называлъ козаковъ поганцами (язычниками). Онъ былъ готовъ

играть самыя противоположныя роли, лишь бы умножить, или сберечь, свои богатства, лишь бы одни его чествовали, а другіе боялись. Отсюда между доброжелателями и врагами эквилибриста-богача пошла молва, будто онъ поощряетъ козаковъ къ бунтамъ, будто онъ устраиваетъ ихъ грабежи въ имѣніяхъ поборниковъ въ уніи, и, на основаніи такой молвы, малорусскія лѣтописи вписали имя козацкаго гетмана Наливайко вмѣстѣ съ именемъ князя Острожскаго въ небывалую войну за православіе.

Сношенія козаковъ съ нѣмецкимъ императоромъ, безъ сомнѣнія, возымѣли извѣстное вліяніе на отношенія князя Василія къ козачеству. Онъ, котораго передъ избраніемъ Сигизмунда Вазы, объявляли кандидатомъ на польскій престолъ вмѣстѣ съ сыномъ Янушемъ, могъ имѣть особые виды на козаковъ, подобно Рудольфу II въ борьбѣ съ Турками, и потому, глядя сквозь пальцы на Наливайко, привлекалъ къ себѣ козаковъ молчаливыми кой въ чемъ потачками. Онъ, очевидно, выжидалъ такого, или иного конца *трагедіи*, какъ называлъ онъ въ письмѣ къ зятю борьбу козачества съ королевскимъ войскомъ.

Съ своей стороны и представитель солиднѣйшихъ „пановъ-козаковъ“, Лобода, старался пріобрѣсть благосклонность магната изъ магнатовъ, щадилъ его имѣнія отъ козацкихъ лежъ, и сообщалъ ему письменно разныя новости, съ выраженіемъ „униженнѣйшей службы“ и пр. Такія отношенія козацкаго демагога къ польско-русскому можновладнику объясняютъ романомъ, разыгравшимся, въ зимнюю стоянку, между запорожскимъ *лыцаремъ* и красивою панною, проживавшею недалеко отъ Бара, въ хуторѣ Шершняхъ.

О Лободѣ сохранилось преданіе, что это былъ *козарлюга* великанскаго роста, необычайной силы, плечистый, мускулистый, со взглядомъ и выраженіемъ лица, поражающими своею дикостью. Умъ его, склонный къ великодушію, заставлялъ его держать свое слово крѣпко. Онъ охранялъ по своему общественное спокойствіе, отличался строгостью съ подчиненными и не разъ рисковалъ изъ-за этого жизнью. Въ хуторѣ Шершняхъ жила вдова, какая-то пани Оборская, которой покойный мужъ отличался, въ царствованіе Стефана Баторія, воинскими подвигами и, по королевской милости, былъ обезпеченъ значительнымъ вознагражденіемъ. Въ скромномъ, но поставленномъ на панскую ногу, домѣ вдовы Оборской процвѣтала ея воспитанница и родственница, дѣвица замѣчательной красоты. Когда сосѣдняя шляхта, испугавшись козацкаго хозяйничанья въ краѣ, разъѣхалась въ разныя стороны, пани Оборская, взросшая на кресахъ и привыкшая къ бурямъ украинной жизни, осталась героически въ своемъ хуторѣ. Вѣроятно, ея питомица отличалась тою же смѣлостью, и, можетъ быть, это въ ней больше всего

понравилось козацкому Аяксу. Какъ бы то ни было, только романъ свой съ прелестною панною Лобода закончилъ тѣмъ самымъ обычаемъ, какой призналъ наилучшимъ самъ князь Василій въ насильственномъ сочетаніи племянницы съ княземъ Сангушкомъ *). Одинъ изъ вѣстовщиковъ старика-феодала доносилъ ему лаконически: что панянка шла замужъ по неволѣ: „такъ было угодно его милости; вѣнчалъ же ихъ попъ. Но Господь знаетъ, надолго ли“ (dlugo li tego)?

Женидьба деспота-козака была въ самомъ дѣлѣ неудачна, какъ и та, которую устроилъ деспотъ-магнатъ. Но мы знаемъ о судьбѣ несчастной женщины только то, что когда Жовковскій, въ слѣдующемъ году, гнался за Наливайкомъ, Лобода наткнулся было на него съ отрядомъ „комонника“ въ семьсотъ человѣкъ. Онъ летѣлъ къ Вару, чтобъ ограбить Подолію и схватить вдову Оборскую, „великую свою непріятельницу“, но принужденъ былъ вернуться въ Бѣлоцерковщину. Такъ разсказываетъ мимоходомъ современный историкъ, не придавая этому характеристическому факту никакой важности.

Въ концѣ февраля 1595 года, еще не возмущенный семейною исторіей Лобода писалъ изъ Брацлава къ своему „милостивому пану“, что, съ помощію Божіею, выступаетъ противъ непріятеля Св. Креста на „Бѣлгородское Поле“, моля Господа Бога, чтобы, „за счастьемъ его милости (князя Василія), этотъ поганецъ упалъ подъ наши ноги“, и просилъ его княжескую милость предстательствовать за козаковъ во всякомъ дѣлѣ.

Дѣлая, въ письмѣ къ зятю, выписку изъ письма Лободы, Острожскій называетъ его папомъ Лободою и хвалится, что онъ во всемъ держалъ себя къ нему (князю) и къ его подданнымъ спокойно, заискивая его „пріязни“.—„А этотъ негодяй Наливайко (продолжаетъ онъ), оторвавшись отъ прочихъ съ тысячью человѣкъ, не пошелъ къ Волохамъ, и теперь гоститъ въ Острополѣ, моемъ имѣніи. Кажется (прибавляетъ онъ своимъ таинственнымъ языкомъ), что мнѣ придется поступить съ нимъ, какъ на рынкѣ“ (jako na targu).

Надобно думать, что Наливайко былъ недоволенъ произведеннымъ въ Барѣ дѣлежемъ заднѣстровской добычи, а, можетъ быть, ему было тягостно повиноваться Лободѣ въ качествѣ полугетмана. Во всякомъ случаѣ, онъ задумалъ поискать „козацкаго хлѣба“ самостоятельно. Въ оправдательномъ письмѣ своемъ къ Сигизмунду III онъ описываетъ новые подвиги свои слѣдующими словами:

---

*) Объ этомъ разсказано подробно въ „Исторіи Возсоединенія Руси“, I, 266—272.

„Получивъ письменный зазывъ отъ его цесарской милости, а также и отъ ихъ милостей пановъ воеводъ седмиградскаго, мултанскаго и волошскаго, по просьбѣ этихъ пановъ христіанскихъ, какъ подобало намъ, людямъ рыцарскимъ, отправились мы въ непріятельскія земли. Тамъ, соединясь и присягнувши взаимно съ волошскимъ войскомъ подъ Тегинею, пошли мы подъ замокъ. Не могли его взять, повернули къ Бѣлгороду, взяли городъ, съ непріятелемъ нѣсколько разъ бились, селъ очень много подъ Бѣлгородомъ пожгли, но, не взявши замка, направили войска къ Киліи, городъ сожгли, селъ также не мало въ устьяхъ Дуная выжгли; замокъ сильно штурмовали; могли бы его и взять, еслибъ не опасались волошской и венгерской измѣны, которая вездѣ намъ была великимъ препятствіемъ. Опасаясь ихъ предательства, повернули мы домой, въ землю вашей королевской милости, и на долинѣ Ялпугѣ праздновали Великдень христіанскимъ обычаемъ. Проведя тамъ святки, въѣхали мы благополучно въ свою землю панства вашей королевской милости, и дали конямъ въ Пиковѣ трехнедѣльный отдыхъ. Но, не имѣя занятія въ панствѣ вашей королевской милости, и праздно проводить время не привыкнувъ, пустились мы въ цесарскую землю по письменному призыву его милости христіянскаго цесаря. Послуживъ тамъ немалое время, безъ всякой платы, изъ одной рыцарской охоты, и свѣдавъ, что Мамутеля съ седмиградскимъ воеводою дѣлаетъ *практики* противъ вашей королевской милости, и что они послали войско короля Максимиліана воеводѣ седмиградскому въ Волощину противъ его милости пана канцлера (Замойскаго), я, какъ подданный вашей королевской милости, не могъ дольше оставаться въ томъ государствѣ, не приложилъ моего сердца никакимъ подаркамъ, не соблазнился никакимъ *лакомствомъ*. Напротивъ, зная достовѣрно, что его милость панъ гетманъ (Замойскій) пошелъ съ войскомъ въ Волощину, я поспѣшилъ туда, не медля ни мало, будучи обязанъ вездѣ служить моей отчизнѣ. Прямо съ горъ я написалъ о себѣ его милости пану гетману, не нуженъ ли я его милости въ томъ краѣ. Но его милость панъ гетманъ отписалъ намъ, что онъ шелъ въ Волошскую землю не для войны, а для иныхъ надобностей, почему мы двинулись мимо Львова, покупая все и конямъ, и себѣ за деньги; а для военныхъ запасовъ, завернули въ Луцкъ, такъ какъ очень нуждались въ порохѣ и огнестрѣльныхъ снарядахъ. Оттуда, немного отдохнувъ и исполнивъ свои надобности, выѣхали мы на третій день".

Реляція Наливайка характеризуетъ его кипящую боевой дѣятельностью природу, его двусмысленный классъ общества и самый духъ, господствовавшій на польскихъ кресахъ. Этотъ козакующій витязь въ

оправдательномъ письмѣ не считалъ нужнымъ упоминать о козацкомъ самоуправствѣ въ Пиковѣ, Брацлавѣ, Барѣ, Луцкѣ и всюду, гдѣ побывали козаки. Самоуправство ихъ считалъ онъ чѣмъ-то законнымъ. Даже личную свою месть надъ паномъ Калиновскимъ описываетъ онъ въ слѣдующихъ полунаивныхъ выраженіяхъ:

„Что касается пана Калиновскаго, то мнѣ извѣстно, что ваша королевская милость изволили прогнѣваться на меня, слугу вашей королевской милости. Это я долженъ былъ сдѣлать по уважительной причинѣ: мнѣ было больно, что панъ Калиновскій отцу моему, который былъ у меня *одинъ*, безъ всякой причины переломалъ ребра и такимъ мучительствомъ согналъ отца моего со свѣта. Не зная, какъ поступить съ нимъ по закону за столь великую кривду, больше которой, думаю, ничто никого изъ насъ и постигнуть не можетъ, и не имѣя средствъ на издержки, которыхъ требуетъ судопроизводство, яко человѣкъ убогій (chudy pachołek), прибѣгнулъ я къ тому, во что̀ гораздъ (znam się do tego): помстился надъ нимъ худопахольскимъ способомъ. Но, такъ какъ ему въ то время послужило счастье (Наливайко не захватилъ Калиновскаго въ его имѣніи), то я, не думая мстить ему за всю мою кривду, полагаюсь вполнѣ, ничего себѣ не предоставляя, на Господа Бога и на милосердіе вашей королевской милости. И хотя онъ овладѣлъ всею моею землею, какъ ни мало ее у меня было, и нынѣ владѣетъ, я ужъ не хочу и не буду отъ него домогаться моего имущества, не гоняясь насколько за прибылью. Этотъ поступокъ, какъ всякій иной, такъ и ваша королевская милость, мой милостивый панъ, принимая во вниманіе и уважительность дѣла, и побудительную причину, не изволите считать за своевольство съ моей стороны, разсудивъ при этомъ и то, что мы нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, не имѣя ни къ кому такой причины, не осмѣливались больше такъ поступить, и такимъ своевольствомъ, къ которому не обыкли, не занимались“.

Рѣчь идетъ здѣсь о томъ, что Наливайко сжегъ мимоходомъ замокъ пана Каниповскаго и разорилъ его мѣстечко, Гусятинъ. Послѣ такой бездѣлицы, не стоило оправдываться въ томъ, что, гостя въ Брацлавѣ, онъ „полаталъ свои злы дни“ на счетъ судебнаго общества или, отдыхая въ Луцкѣ, ограбилъ городъ. Воителямъ Св. Креста надобно же было вознаградить походныя утраты если не королевскимъ жолдомъ, то чѣмъ-то такимъ, что̀ приходило и скорѣе, и исправнѣе. Правда, король своимъ декретомъ осудилъ войта Тиковича съ его соучастниками на смертную казнь, а Луцкихъ мѣщанъ освободилъ отъ взиманія съ нихъ чопового налога въ уваженіе того, что они „отъ своевольнаго козацтва вельми на маетностяхъ своихъ пошкожоны и

шарпаны суть"; но наливаевцы смотрѣли на шкоды и шарпанье, какъ защитники края отъ непріятелей Св. Креста.

Изъ Луцка пустились козаки перелетными птицами въ Бѣлоруссію—„отдыхать надъ обычнымъ козацкимъ шляхомъ, надъ Днѣпромъ, пока не представится новый случай для службы Рѣчи Посполитой", какъ изъяснялъ этотъ отдыхъ Наливайко въ томъ же оправдательномъ письмѣ къ королю. „Но едва мы ступили въ Литву, какъ говорится, одной ногою (жаловался онъ), литовскіе паны, безъ всякой съ нашей стороны причины и безъ вины, только за кусокъ хлѣба, въ ихъ маетностяхъ съѣденнаго, а пожалуй, еще и не съѣденнаго, обрушились на насъ съ гайдуками", и т. д.

Кусокъ хлѣба состоялъ въ томъ, что Наливайко овладѣлъ панскимъ городомъ Слуцкомъ и забралъ въ городскомъ замкѣ всю артилерію (12 пушекъ, 80 гаковницъ и 70 ружей), а съ мѣщанъ взялъ 5,000 копъ грошей литовскихъ въ видѣ разбойной черной дани, или татарскаго гарача.

Изъ-подъ Слуцка козаки ходили отрядами добывать свой кусокъ хлѣба къ Копылу и Бобруйску, наконецъ двинулись всею массою къ королевскому городу Могилеву на Днѣпрѣ. Здѣсь мѣщане вздумали было защищаться, но поплатились сожженіемъ своихъ домовъ и крашныхъ коморъ, которые дали наливайцамъ богатую добычу; а поданная Сигизмунду III петиція отъ могилевскихъ поповъ, съ ихъ протопопомъ, говоритъ, что козаки ограбили въ Могилевѣ и приходскія церкви.

Современный священникъ, авторъ „Боркулабовской Хроники", описывая похожденія наливайцевъ, изображаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и бѣлорусскихъ борцовъ за общественную безопасность такими чертами, которыя больше, нежели что-либо, объясняетъ возможность Наливайщины въ Рѣчи Посполитой Польской.

„Лѣта Божого нарожденья 1595, мѣсяца ноября 30 дня, въ понедѣлокъ, за тиждень передъ Святымъ Николою, (пришелъ) Севериня Наливайко. При немъ было козаковъ 2,000, дѣлъ (пушекъ) 14, гаковницъ..... *). Мѣсто славное Могилевъ, мѣсто побожное, домы, храмы, острогъ, выжгли: домовъ всѣхъ яко 500, а храмовъ зъ великими скарбами 400. Мѣщанъ, бояръ, людей учтивыхъ, такъ мужей, яко и женъ, дѣтей малыхъ побили, порубили, попогапили; скарбовъ тожъ незличоныхъ побрали".

*) Пробѣлъ.

Въ виду важности записокъ Боркулабовскаго очевидца привожу его свидѣтельство подлинными словами:

„Тутъ же войско литовское Радивила *) троцкого, гетмана литовского (зятя князя Василія), до Могилева у погоню за козаками притягнуло, люду рыцарского конного, збройного Татаръ 4000, Литвы 14,000. Надъ тымъ людомъ былъ гетманомъ на имя Миколай Буйвидъ. Въ той часъ Наливайко лежалъ (на *лежахъ*) у Могилевѣ двѣ недѣли. Услышалъ о томъ Наливайко, ижъ (что) гетманъ зъ великимъ людомъ и зъ дѣлами до Могилева тягнетъ, тогды Наливайкой зъ могилевского замку на гору Илинскую, где теперъ церковъ Святаго Георгія стоитъ: бо на тотъ часъ не было, выѣхалъ. А такъ войско литовское на поли Буйницкомъ, именью вельможного его милости князя Богдана Соломерецкаго, старосты кричевскаго и олучицкого, на войско Наливайково вдарили и кругомъ оступили. Тамъ же зъ ранку ажъ до вечера, якобы вже къ вечерни звонити часъ, межи собою битву мѣли; якожъ Литва, зъ войскомъ великимъ, натисками на войско Наливайкино. Предсе (однакожъ) одинъ другому войску мало шкоды учинили: бо армату, такъ дѣлъ и гаковницъ, пулгаковъ весьми при собѣ множество мѣлъ; такъ же людъ свой стаборивъ коньми, возами, людомъ шолъ моцно (сильно). Якожъ зъ дѣла съ табору Наливайкины козаки пана зацного, пана Григорія Анюховскаго, забили. Первѣй коня подъ нимъ застрѣлили, а потомъ, выпавши съ табору, козаки его самого розсѣкали. Теперъ же Литва, *отъ козаковъ отступивши, до Могилева на большій лупъ* (грабежъ) *поихали*; а козаки на всю ночъ ѣхали до Бихова ажъ на низъ. Литва за козаками гналася ажъ до Рогачева, да ничого згола (вовсе) не вчинили козакомъ; а Литва и Татары рушили до Менска, Новогорода и до Вильны, *набравшися тутешняго краю лупу* **).

Другой очевидецъ Наливайщины, новогродскій подсудокъ и ходатай по дѣламъ князя Радивила Перуна и его тестя, Князя Василія,

---

*) Не пишетъ онъ *Радзивилъ* по польскому произношенію, какъ дѣлаютъ наши историки.

**) Слова боркулабовскаго самовидца о хищничествѣ литовскаго войска подтверждаетъ князь Василій въ письмѣ къ зятю отъ 7 января 1597 года: „Жолнеры (пишетъ онъ по-польски), а особливо изъ Княжества Литовскаго, равняются у насъ иноземному непріятелю въ опустошеніи нашихъ имѣній. Не только тѣхъ подданныхъ, которыхъ не дограбили въ Подоліи козаки и Татары, они дограбливаютъ, но, наконецъ, насилуютъ почтенныхъ женщинъ и панянокъ, а подданныхъ убиваютъ“.

Ѳедоръ Евлашевскій, говоритъ въ своихъ запискахъ, что жители Луцка встрѣтили Наливайка съ подаркомъ въ нѣсколько тысячъ злотыхъ, но что это не спасло ихъ отъ разоренія. Съ того времени (продолжаетъ новогродскій подсудокъ), проходя Полѣсьемъ до самихъ Петриковичъ, разсылалъ онъ кругомъ универсалы съ повелѣніемъ давать ему подарки, что̀ и исполнялось безпрекословно. На Слуцкъ напалъ онъ потому, что оттуда замедлили выслать ему черную дань. Эпизодъ записокъ Евлашевскаго о козацкомъ загонѣ, ходившемъ подъ Копылъ, объясняетъ, почему Наливайко, въ своемъ оправдательномъ письмѣ, жалуется на панскихъ гайдуковъ. Привожу этотъ характеристическій эпизодъ цѣликомъ.

„Между тѣмъ Наливайко послалъ было подъ Копылъ съ пятью сотнями козаковъ полковника Мартина, на котораго вполнѣ полагался, такъ какъ это былъ человѣкъ великаго сердца. Случайно наткнулись они на гайдуковъ его милости воеводы виленскаго (Іеронима Ходковича, по-польски Ходкѣвича), которые, бросившись въ водяную мельницу и въ спустъ подъ городомъ, не давали (козакамъ) войти въ него, убили Мартина и настрѣляли козаковъ столько, что множество ихъ осталось на мѣстѣ; остальные, въ отступленіи, оставили многихъ изсреди себя по дорогѣ и зарослях. Нѣкоторые, будучи подстрѣлены, бросались въ огонь и горѣли, такъ какъ была подожжена дворовая конюшня, находившаяся у той мельнички, и немного ихъ вернулось въ Слуцкъ“.

Встревоженный этимъ Наливайко (разсказываетъ Евлашевскій) вообразилъ, что паны соберутся послѣ того и тотчасъ попытаются напасть на него изъ Клецка, чтобъ и въ Слуцкѣ перебить козаковъ такъ, какъ Копылѣ. Онъ выбрался на третій день изъ Слуцка и прошелъ обратно къ Полѣсью до Олиховичъ, а потомъ взялъ приступомъ Могилевъ, и т. д.

О литовскомъ ополченіи новогродскій подсудокъ и повѣренный литовскаго гетмана выразился осторожно, что оно отличалось *непослушаніемъ* своему предводителю. По его разсказу, Наливайко, идучи внизъ Днѣпра, бросился изъ Рогачева по какимъ-то совѣтамъ и опять явился въ Петриковичахъ, изъ Петриковичъ выступилъ въ Туровъ, потомъ въ Городокъ и вернулся на Волынь *).

*) Автографъ записокъ Евлашевскаго, писанныхъ по-русски, хранится въ Виляновской библіотекѣ графовъ Потоцкихъ.

Ни боркулабовскій священникъ, ни новогродскій подсудокъ не упоминаютъ о пребываніи Наливайка въ Рѣчицѣ надъ Днѣпромъ, откуда, въ январѣ 1596 года, послалъ онъ къ Сигизмунду III жалобу на панскую неподѣльчивость кускомъ хлѣба. Къ жалобѣ подохотилъ козацкаго „царя“ шляхтичъ Нишковскій, самозванный королевскій посолъ къ бѣлорусскому герою. Оставляя въ сторонѣ разсказъ о представителѣ „Шляхетскаго Народа“, ревностномъ пособникѣ „Народу Козацкому“, приведу здѣсь только *Кондиціи*, которыя онъ подалъ королю отъ имени Наливайка.

Подъ такимъ названіемъ сохранился документъ, обнародованный печатью въ 1858 году и до сихъ поръ игнорируемый малорусскою исторіографіею. Въ этомъ полуграмотно составленномъ документѣ читаемъ слѣдующее:

„Чтобы прекратить козацкое своевольство, необходимо положить конецъ раздѣленію козаковъ подъ различными гетманами въ Коронѣ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, отъ чего происходитъ больше вреда, нежели отъ непріятеля, владѣніямъ „короля его милости и убытка скарбу, а республикѣ королевской великая неслава“.

Поэтому Наливайко проситъ короля „прежде всего о пустынѣ, отстоящей на 20 украинскихъ миль отъ Брацлава, между рѣками Бугомъ и Днѣпромъ, на Татарскомъ и Турецкомъ Шляху между Тегинею и Очаковомъ, гдѣ отъ сотворенія міра никто никогда не жилъ“.

На этомъ Шляху вызывался онъ построить городъ и замокъ, чтобы тамъ жить со всѣми козаками, сколько король назначитъ козацкаго войска. За Порогами не будетъ онъ держать гетмана, а только намѣстника. Всѣхъ своевольныхъ козаковъ, которыхъ не будетъ у него въ реестрѣ подъ его юрисдикціею, онъ „уничтожитъ, бросясь на нихъ своею силою и давши имъ битву“ (na onych mocą swoją rzuciwszy się, bitwę im dać i w niwecz obrócić ma), а нѣкоторыхъ знатныхъ будетъ посылать къ королю на казнь, незнатныхъ же, яко хлопамъ, носъ и уши обрѣзавши, въ свое войско допускать не будетъ.

Въ награду проситъ онъ выдавать ему то, что отпускается на 2,000 старыхъ жолнеровъ, или что будетъ угодно королю, „особливо какъ сукнами, такъ и деньгами“ (поясняетъ Наливайко козацкую нужду).

„А мы за это (пишетъ онъ въ заключеніе своихъ *Кондицій*) по каждому повелѣнію его королевской милости и пановъ гетмановъ

обоихъ государствъ, гдѣ укажетъ надобность, какъ на непріятеля Св. Креста, такъ и на великаго князя московскаго, готовы съ войскомъ своимъ и съ арматою двинуться скорѣе, нежели кто-либо въ королевствѣ".

Наливайковы „вольные люди" умножались въ Бѣлоруссіи по мѣрѣ его успѣховъ. Погода, не смотря на глубокую зиму, благопріятствовала козацкому шумному рою. Боркулабовскій лѣтописецъ говоритъ, что, по выступленіи козаковъ изъ Литвы, была ни зима, ни лѣто, ни осень, ни весна.

Если разбойный элементъ польско-русскаго края, съ одной стороны, увеличивалъ боевыя средства строителей „королевской республики", то съ другой—тотъ же элементъ, развитой преимущественно въ сословіи шляхетскомъ, постоянно доставлялъ контингентъ ея разрушителямъ. Косинщина и Наливайщина тѣмъ для насъ и занимательны въ забвенныхъ исторіею чертахъ своихъ, что онѣ были предвѣстниками Хмельнитчины. *Приманка и Терроръ* были двойнымъ девизомъ, написаннымъ на знаменахъ Криштофа Косинскаго, Северина Наливайка и Богдана Хмельницкаго съ одинаковой выразительностью. Мы, напримѣръ, знаемъ (и скажемъ объ этомъ въ своемъ мѣстѣ), что даже изъ-подъ хоругвей коронаго войска цѣлыя роты переходили подъ бунчуки царя Наливая. Нераздѣльно съ этимъ фактомъ знаемъ, что Наливайко вернулся изъ бѣлорусскаго набѣга съ двадцатью пушками, къ которымъ пушкари были прикованы цѣпями.

Когда соберемъ въ умѣ и взвѣсимъ значеніе всего, что происходило въ Королевской Республикѣ отъ начала козакопанскаго междоусобія до великаго Польскаго Разоренія, затмившаго въ нашей памяти Разореніе Московское; когда мы потомъ оглянемся на оправдательное письмо козацкаго демагога,—намъ не покажется безсмысленнымъ бравурствомъ этотъ манифестъ полудикаго царя банитовъ и инфамисовъ къ монарху, вѣнчанному высоко-цивилизованною по своему времени націею. То былъ—конечно, безсознательный—вызовъ на борьбу, въ которой представлялось больше шансовъ на успѣхъ со стороны царя Северина, нежели со стороны короля Сигизмунда.

Передъ такими геніальными людьми, какимъ былъ ополяченный Русинъ *Жовковскій*, переименованный *Жулкѣвскимъ*, трагическая будущность польской цивилизаціи рисовалась по временамъ чертами почти осязательными. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ коронному великому гетману онъ говоритъ, что посылаетъ одного изъ нужнѣй-

шихъ ему въ походѣ пановъ, галицкаго каштеляна Станислава Гойскаго (опять Русинъ, котораго Поляки звали Gólsky), для того чтобы онъ, какъ опытный и очевидный всего свидѣтель, втолковалъ бы королю и правительственнымъ панамъ, „изъ какихъ источниковъ происходитъ это своевольство, и что они могутъ себѣ предсказывать (obieczowacz)". Дѣло въ томъ, что вся шляхта готова была, подобно украинскимъ мѣщанамъ, разложиться на *послушныхъ* и *непослушныхъ*, то-есть на пановъ и козаковъ, какъ она уже и разлагалась.

Глава IV.

Крестовые походы на иновѣрцевъ.—„Начало Трагедіи“.—Гонитва жолнеровъ за козаками.—Козаки бѣгутъ за Сулу.—Блокада козацкаго становища на Солоницѣ.—Гибель козаковъ.

Успѣхи Наливайка въ Бѣлой Руси, а, можетъ быть, и предательскій относительно Запорожской Сѣчи проектъ его возбудили противъ него зависть, или негодованіе Лободы. Вернувшись изъ-подъ Очакова въ Кіевщину, онъ писалъ коронному великому гетману, что „своевольный Наливайко—человѣкъ безбожный, пренебрегающій всѣмъ на свѣтѣ, что, собравши „по своей мысли“ (ku mysli swej) такихъ же своевольныхъ людей, совершалъ великія преступленія въ Польской Коронѣ, и что онъ (Лобода) съ козаками своими о немъ „никогда не зналъ и знать не хотѣлъ“.

Это былъ отвѣтъ на полученное имъ повелѣніе коронаго великаго гетмана—не входить въ границы Великаго Княжества Литовскаго къ Мозырю, такъ какъ и тамъ, и во всей Рѣчи Посполитой нѣтъ надобности въ козацкой службѣ по причинѣ наступившаго мира со всѣми державами.

Лобода умалчивалъ, что запорожскій на то время гетманъ (гетманы смѣнялись у козаковъ часто), Матвѣй Савула, находится уже съ арматою въ Мозырщинѣ, самъ же де онъ расположился въ Кіевщинѣ, ожидая повелѣнія идти на непріятелей Св. Креста, и теперь не знаетъ, какъ ему быть. Козаковъ де захватила въ Украинѣ зима съ своими непогодами, а ихъ высылаютъ изъ королевскихъ владѣній, и потому онъ всепокорнѣйше проситъ не воспрещать козакамъ хлѣбасоли въ этой области.

Между тѣмъ Северинъ, какъ называли добычники своего царя Наливая съ разбойницкой нѣжностью, подѣлился съ товарищами бѣлорусскимъ *лупомъ*, распустилъ козацкую орду по ея зимнимъ притонамъ, оставилъ у себя только прибочную дружину и гостевалъ въ городѣ Острогѣ, гдѣ не такъ давно напечаталась церковнославянская

Библія стараніемъ бѣглаго московскаго типографа, знаменитаго въ исторіи русскаго просвѣщенія Ѳедорова, и подъ надзоромъ „ученаго по-гречески“ духовника князя Василія, протопопа Демяна, старшаго брата Северини.

Теперь въ резиденціи „святопамятнаго“ и въ ея окрестностяхъ совершалось, изъ-за различія вѣръ, то, что̀ Евлашевскій, въ своихъ запискахъ, оплакиваетъ какъ явленіе, во времена доуніятскія небывалое. Этотъ протестантъ Русинъ евангелическаго исповѣданія изобразилъ весьма наглядно замѣшательство, произведенное въ польскорусскомъ обществѣ церковною уніею.

„Въ 1565 году (писалъ онъ спустя лѣтъ сорокъ) жилъ я въ городѣ Вильнѣ, собирая налогъ, называемый *поголовное*. Великимъ мнѣ было мнѣ утѣшеніемъ слушать слово Божіе въ христіанскомъ *зборѣ* изъ устъ ученыхъ пасторовъ, Вѣндрогурскаго и Костенецкаго. Пользовался я также благосклонностію людей и противнаго исповѣданія, въ особенности же достопамятнаго мужа, ксендза Яна Маковецкаго, архидіакона варшавскаго, кустоша и каноника виленскаго, писаря въ скарбѣ короля его милости, который меня еще больше усовершенствовалъ въ счетоводствѣ, увеличилъ мои доходы и многимъ людямъ сдѣлалъ меня извѣстнымъ и рекомендовалъ. Ибо въ то время несогласія въ вѣрѣ не производили никакого разлада въ дружеской любви. По этому самому относительно нынѣшняго вѣка, когда даже и между людьми одной и той же вѣры все уже заступила мѣсто всегда готовая фальшь, тотъ вѣкъ представляется мнѣ золотымъ. Теперь между разновѣрными хоть и не спрашивай о любви, искренности и истинно добрыхъ отношеніяхъ, особенно между сословіями свѣтскими. Помню еще не такъ давнее время. Когда нынѣшній папа Клеменсъ, будучи еще кардиналомъ, находился у короля его милости Стефана въ Вильнѣ, сидѣлъ я за столомъ у ксендза Варѳоломея Недзвѣдзкаго, виленскаго каноника, съ главными слугами кардинала, Итальянцами. Тѣ, когда узнали, что я евангеликъ, дивились крайне, какъ смѣлъ меня ксендзъ каноникъ приглашать къ обѣду; а когда онъ объяснилъ имъ, что у насъ въ этомъ отношеніи никакой ненависти не бываетъ, и мы любимъ другъ друга, какъ добрые пріятели, хвалили это Итальянцы, говоря, что тутъ Богъ живетъ у насъ, и порицали свои домашнія права и распри въ совѣтахъ. „О, когда бы далъ Богъ, чтобъ и нынѣ наступило болѣе согласное время“! напрасно восклицаетъ кроткій евангеликъ вмѣстѣ съ тысячами подобныхъ ему людей.

Напрасно!... Дикія страсти были возбуждены дикими въ своей якобы христолюбивой культурѣ іезуитами, при посредствѣ измышлен-

ной ими церковной уніи. Такъ и въ Острожчинѣ люди различныхъ вѣроисповѣданій были свидѣтелями самой грубой религіозной демонстраціи. „Ученый по-гречески“ протопопъ, духовникъ престарѣлаго князя Василія, корректоръ церковнославянской Библіи и, какъ надобно думать, издатель полемическихъ сочиненій въ защиту православія, устроилъ католическую процессію, въ которой большая хоругвь была сдѣлана изъ простыни, а меньшія — изъ мужицкихъ мѣшковъ; роль „дисциплинъ“ играли въ ней лисьи хвосты, а вмѣсто набожнаго пѣнія слышны были „рыки да крики“. И эта процессія, къ религіозному ужасу зрителей католиковъ, ходила вокругъ Острога по лѣснымъ острожскимъ поселеніямъ, которыя, вмѣстѣ съ окрестными болотами, служили гнѣзду князей Острожскихъ защитою отъ азіятскихъ и домашнихъ ордъ.

При такомъ настроеніи ума и сердца, старшій братъ воспользовался козацкою готовностью къ услугамъ младшаго, и они вдвоемъ совершили два крестовые похода противъ поклонниковъ римскаго папы.

Первый изъ этихъ незабвенныхъ въ исторіи русской церкви походовъ былъ направленъ противъ отступника православія, уніятскаго епископа Кирилла Терлецкаго; другой — противъ брацлавскаго каштеляна и луцкаго старосты, православнаго по предкамъ католика Александра Сѣмашка, который своими грабежами и притѣсненіями приспѣшилъ отступничество Терлецкаго.

Изъ документовъ, сохранившихся въ актовыхъ книгахъ Центральнаго Архива, мы знаемъ слѣдующіе факты.

Проживалъ въ резиденціи князя Василія бывшій дворянинъ, или рукодайный слуга Терлецкаго, Флоріанъ Гедройць, иначе Гедроти. Наливайко принялъ его, очевидно, какъ знатока мѣстности, въ составъ своего „злого собранія людей“ и, вмѣстѣ съ братомъ протопопомъ, повелъ эту дружину въ окрестности того Пинска, куда удалилась отъ козаковъ и Татаръ наслѣдница послѣдняго удѣльнаго князя кіевскаго. Цѣлью разбойнаго похода были два села, Дубуя и Отовчичи, принадлежавшія родному брату епископа, Ярошу Терлецкому. Отъѣзжая въ Римъ, не придумалъ владыка луцкій и острожскій лучшаго способа обезопасить свою драгоцѣнную движимость, какъ препроводить на сохраненіе къ брату. Въ половинѣ февраля памятнаго въ исторіи 1596 года, банда наѣздниковъ, по пустыннымъ дорогамъ, достигла пинской трущобы безпрепятственно. Брата владыки не было дома. Бумаги Кирилла, исчисленныя въ жалобѣ Яроша, составляли главную цѣнность хранимаго имъ скарба; потомъ слѣдовали наличныя

деньги, золотыя цѣпи, серебряные роструханы и чары, „позлотистые“ пояса, бархатные и „фалендишовые“ (fein holländisch) жупаны, собольи, бобровыя, куньи шубы, оправленныя костью пулгаки (ружья полугаки), „гвинтованные рушницы“ (винтовки) и т. п. Все это забрала вооруженная шайка, перекалѣчивъ челядь, и увезла частью въ резиденцію князя Василія, а частью, для дѣлежа между наѣздницкою братіею, въ принадлежавшій ему городъ Степань.

Напрасно вельможный отступникъ, Кириллъ Терлецкій, домогался судомъ удовлетворенія отъ князя Острожскаго. Не помогъ ему и королевскій листъ, предписывавшій феодалу можновладнику выдать Гедроти, находившагося при его особѣ. Исполнительною властью въ этомъ случаѣ былъ луцкій войскій и острожскій ключевой староста, Жданъ Боровицкій. Но онъ сперва грозилъ предъявителямъ королевскаго листа отдубасить ихъ постромками, а потомъ посадилъ въ тюрьму, морилъ голодомъ и „на большее еще поруганіе (взгарду) общественнаго права и шляхетской вольности, перевязавъ, какъ злодѣевъ, отправилъ на коняхъ въ Кременецкій замокъ“.

О другомъ крестовомъ походѣ разсказываютъ намъ тѣ же архивные документы еще большіе ужасы польско-русскаго феодализма, совершившіеся подъ широкой полой „святопамятнаго“.

Уже въ началѣ января 1596 года брацлавскій каштелянъ и луцкій староста, Александръ Сѣмашко, былъ осажденъ въ своемъ Хунковскомъ замкѣ, какъ онъ протестовалъ, „своевольными людьми, разбойниками войска Григорія Лободы“. Недѣли черезъ двѣ послѣ того, напалъ на имѣніе Сѣмашко, Коростянинъ, какой-то Остафій Слуцкій, называя себя сотникомъ гетмана Лободы. Онъ вербовалъ себѣ дружину въ Омеляникѣ подъ Луцкомъ, проживая у князя Януша Воронецкаго; потомъ буйствовалъ съ новобранцами своими по-козацки и по-жолнерски въ Луцкѣ; изъ Луцка вторгнулся въ добра Андрея Одинца, потомъ бушевалъ въ имѣніи пана Прилуцкаго, Житилъ, и наконецъ перешелъ въ Коростятинъ. Но здѣсь мужики дали ему отпоръ: самого Слуцкаго убили топоромъ, восьмерыхъ изъ его соучастниковъ переловили. Остальная козацкая купа разсѣялась во всѣ стороны. Эти злодѣи въ городѣ грабили мѣщанъ, въ селахъ—мужиковъ и низшую шляхту: похищали и отнимали у мирныхъ жителей не только деньги, лошадей, оружіе, жупаны, напитки и всякія вещи, но даже и женскую одежду, не оставляли и самихъ сорочекъ.

Это были въ самомъ дѣлѣ „разбойники войска Григорія Лободы“, какъ назвалъ ихъ Сѣмашко; но не Лобода послалъ ихъ на воровство и грабежъ, а сами они составили сотню всякой сволочи, убѣдивъ

Остафія Слуцкаго быть ихъ сотникомъ, съ тѣмъ чтобы, обзаведясь всѣмъ необходимымъ для козацкаго промысла, ѣхать въ войско гетмана Лободы. Интересно, однакожъ, что вслѣдъ за ними явились на томъ же поприщѣ какъ бы мстители за ихъ неудачу. Во главѣ новыхъ витязей своевольства, сдѣлавшагося наконецъ историческимъ, подвизался воинственный протопопъ Наливайко, въ сотовариществѣ князя Петра Вороницкаго, пана Александра Гулевича и самого Северини, остававшагося покамѣстъ въ арріергардѣ. Они напали сперва на Сѣмашково же мѣстечко Тучинъ, а потомъ и на село Коростянинъ. Въ мѣстечкѣ появился сначала Демянъ Наливайко, съ отрядомъ человѣкъ въ сто „разбойниковъ и грабителей", которые конвоировали одинъ скарбный возъ въ шесть коней, два скарбные же воза по четыре коня и девяти возковъ купеческихъ по два коня, какъ сказано въ жалобѣ, „съ лупами и скарбами", безъ означенія, гдѣ добытыми. Демянъ Наливайко объявилъ панскому дворецкому, что Северинъ вовсе не думаетъ идти на добра пана его. Успокоенный этимъ дворецкій не выслалъ въ безопасное мѣсто ни ѣздовыхъ лошадей, ни жеребцовъ, ни скота панскаго, какъ въ сумерки пришелъ съ арріергардомъ братъ „острожскаго попа". Тогда въѣхали они со всѣми возами въ панскій дворъ и забрали съ фольварка ѣздовыхъ лошадей 17 жеребцовъ и рогатый скотъ. Отецъ Демянъ отправился съ добычею домой, а товарищи его грабили мирныхъ жителей, въ томъ числѣ и мѣстнаго „пона" цѣлую ночь и въ Тучинѣ, и въ Коростятинѣ: забирали лошадей, воловъ, коровъ, шкуры, медъ, зерновой хлѣбъ, сѣдла, сабли, рушницы, хозяйственныя орудія, кожухи, обувь, бѣлье и т. д. Въ мѣстечкѣ и въ селѣ наливайцы изнасиловали одиннадцать замужнихъ женщинъ и дѣвицъ, а одиннадцати мужчинамъ обрѣзали уши. Какъ за турецкое правительство отвѣчали передъ козаками единовѣрные Волохи, такъ за католика пана пострадали здѣсь православные подданные. За что̀ страдалъ православный городъ Могилевъ со множествомъ другихъ православныхъ бѣлорусцевъ, объ этомъ знаютъ козацкіе панегиристы.

Производившій слѣдствіе „возный генералъ" не упоминаетъ, кто изнасиловалъ женщинъ (видно, это было тогда дѣло обыкновенное), а тираннію надъ мужчинами приписываетъ, главнымъ образомъ, дворянамъ князя Василія, соучастникамъ наливайскаго набѣга. Когда онъ, въ сопровожденіи свидѣтелей шляхтичей, явился къ извѣстному намъ уже Ждану Боровицкому и объявилъ, что нашелъ нѣсколько Сѣмашкиныхъ лошадей у протопопа Демяна, Жданъ отвѣчалъ благо-

душно и внушительно: „совѣтую вамъ, убирайтесь отсюда, а то всѣ погибнете“.

То былъ вѣкъ, завѣщавшій польско-русскому потомству добытую опытомъ пословицу: „съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись“. Силенъ былъ каштелянъ-католикъ Сѣмашко въ своемъ ругательствѣ надъ Кирилломъ Терлецкимъ, но противъ православника Острожскаго всѣ его позвы и протесты остались безсильными. Поплатились головами только мелкіе феодалы, которыхъ переловили мужики. Слѣдствіе обнаружило, что пять изъ нихъ принадлежало къ сословію шляхетскому, и въ этомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что нѣкоторые изъ пановъ-ассистентовъ гродскаго суда подали голосъ въ пользу помилованія преступниковъ, такъ какъ они сознались добровольно въ своемъ грабежѣ, лишь бы вознаградили потерпѣвшихъ утраты платою по оцѣнкѣ за то, что̀ взяли. Но луцкіе мѣщане, терпѣвшіе не разъ уже такіе грабежи, настояли на смертной казни злодѣевъ. Въ этомъ смыслѣ и состоялся декретъ гродскаго суда. Однакожь были казнены только трое, „яко люди народу простого“; о прочихъ же пяти, яко происходившихъ изъ „народу шляхетского“, декретъ былъ представленъ королю на утвержденіе, и судьба ихъ осталась намъ неизвѣстною.

Во вниманіе къ Народу Шляхетскому, эксплуатировавшему силы и средства всего, что̀ было *пониже*, начиная съ наибольшаго можновладника, привожу изъ тѣхъ же документовъ нѣсколько характеристическихъ чертъ Народа Козацкаго, въ соотвѣтственной эксплуатаціи всего, что̀ было *повыше*, начиная съ послѣдняго „козака-нетяги“.

Когда сотникъ Остафій Слуцкій и его сотенный атаманъ, Андрей Ганскій, подговаривали шляхтича Прилуцкаго посодѣйствовать имъ въ вербовкѣ войска для Лободы, и Прилуцкій отказалъ имъ въ такомъ содѣйствіи, то они „тамъ же его жестоко, немилосердно и даже тирански поторопками и ногайками избили, измучили, изранили“.

Одинъ изъ подсудимыхъ, шляхтичъ Пясецкій, объявилъ на судѣ, что „Ганскій убѣдилъ покойнаго Слуцкаго сдѣлаться сотникомъ и, снарядясь, ѣхать въ Лободино войско, съ тѣмъ чтобы взять нѣсколько сотенъ изъ Лободина войска, наѣхать на домъ какого-то шляхтича въ Кіевской землѣ, и отомстить за какое-то *побранье почту своего*“.

Тотъ же подсудимый разсказалъ, что „Ганскій, яко атаманъ ихъ, съ покойнымъ Слуцкимъ, сотникомъ ихъ постановили, дабы, въ случаѣ, когда бы кто-либо изъ завербованныхъ ушелъ, или уходилъ, такого разстрѣлять“, и что поэтому ихъ „пильновали“ (крѣпко сторожили).

Крестовые походы братьевъ Наливайковъ совершились въ февралѣ 1596 года, а еще въ январѣ король универсаломъ своимъ, писаннымъ по-русски (какъ и вся процедура судебной возни Кирилла Терлецкаго съ Сѣмашкомъ, а потомъ ихъ обоихъ съ княземъ Острожскимъ), объявилъ „всякаго сословія и достоинства рыцарскимъ людямъ“, что королевское войско вскорѣ двинется противъ „украинной своеволи, которая, не довольствуясь злодѣйствами, какія до сихъ подъ чинила на Украинѣ, уже и далѣе въ королевскихъ владѣніяхъ города, мѣстечка, шляхетскіе дома беретъ, грабитъ, жжетъ, неисчислимыя кривды дѣлаетъ“, и убѣждалъ, чтобы всѣ „не по обязанности своей, а изъ любви къ отчизнѣ и для собственной безопасности, какъ можно скорѣе присоединялись къ его войску для похода противъ этихъ своевольныхъ людей, яко противниковъ права и непріятелей общаго всѣхъ отечества“.

Но этотъ спѣшный универсалъ только черезъ мѣсяцъ по подписаніи дошелъ до рукъ брацлавскаго каштеляна, который тотчасъ и вписалъ его въ луцкія гродскія книги.

Козатчина, подъ названіемъ украинной своеволи (swawola ukrainna), названіемъ конкретнымъ, строго историческимъ, сдѣлалась наконецъ вопросомъ первостепенной важности. Домашняя орда, этотъ продуктъ польско-русскаго можновладства, напирала уже на центральныя области государства и, по свойству формаціи своей, отъ предложенія дикихъ услугъ правительству переходила къ другой крайности, къ угрозамъ уничтожить короля во имя гайдамацкаго царя Наливая, разорить Краковъ, истребить шляхетское сословіе. Побитые подъ Пятномъ и Черкасами драконы польско-русской жизни посѣяли на кресахъ зубы свои, и они начали уже давать смертоносные ростки.

Дѣло подавленія темной силы, возставшей противъ гражданскаго общества съ его культурой, коронный великій гетманъ и канцлеръ возложилъ на своего товарища по должности фельдмаршала и родственника по женѣ, Станислава Жовковскаго.

Жовковскій былъ уроженецъ выставленныхъ на татарскіе набѣги окрестностей Львова, и, хотя, подобно Замойскому, получилъ образованіе классическое, но провелъ много лѣтъ въ козацкой гонитвѣ за Татарами, и пріемы скиѳской войны изучилъ практически. Козаковъ зналъ онъ съ дѣтства, зналъ, изъ какихъ людей состоятъ ихъ кадры, видѣлъ, какъ трудно участвовавшую въ козацкомъ промыслѣ шляхту разъединить со всякими другими „вольными людьми“, составлявшими козацкую массу, и долго смотрѣлъ на козацкія похожденія глазами кіевскаго бискупа Верещинскаго. Незадолго передъ боемъ

подъ Пяткомъ, пытался онъ склонить князя Василія къ уступкамъ, которыя бы могли дать козакопанской усобицѣ мирный исходъ; но тотъ не хотѣлъ слышать о примиреніи съ Косинскимъ. Теперь онъ явился исполнителемъ королевской воли, и выполнялъ ее съ холодною энергіей, отличавшей этого великаго воина и гражданина.

Финансовая неурядица въ Польшѣ послужила уже поводомъ къ увеличенію толпы, называвшей себя Запорожскимъ войскомъ. Жовковскому предстояла двойная задача: привлечь къ себѣ самоуправныхъ жолнеровъ, неисправно получавшихъ жондъ, и подавить подобное жолнерскому самоуправство козацкое. Онъ только что вернулся изъ Волощины, гдѣ коронный великій гетманъ посадилъ на господарскій престолъ дядю будущаго кіевскаго митрополита, Петра Могилы, и возвратилъ польскому королю присвоенное турецкимъ султаномъ вассальство заднѣстровскаго князька. Полевой гетманъ коронный стоялъ теперь у западной границы Волынскаго воеводства, въ Кременцѣ, и было у него подъ командою всего 1.000 воиновъ. Видѣлъ онъ самъ, какъ мало этого войска для подавленія украинаго своевольства, и потому писалъ къ кіевскому и брацлавскому воеводамъ о грозящей обществу и государству опасности, оповѣщалъ землевладѣльцевъ перемышльскаго, львовскаго, галицкаго Подгорья, просилъ помочь ему въ крайне затруднительномъ положеніи. Всѣ отвѣчали молчаніемъ, какъ потентаты, которыхъ самъ король, вмѣсто призыва къ долгу вѣрноподданнаго и гражданина, увѣщевалъ явить любовь къ отчизнѣ и позаботиться о собственной безопасности. „Вижу (доносилъ Жовковскій грустно Замойскому), что во всемъ этомъ, кромѣ жолнера, мало надежды, но и тотъ изнуренный, оборванный, незаплаченный“.

„Было, однакожъ, это — явленіе повседневное (говоритъ откровенно изслѣдователь польской старины). Избалованные успѣхами, пренебрегали мы все и всѣхъ. Теперь очевидная опасность будила насъ отъ этой безпечности, и потому-то, при началѣ похода, предводитель его долженъ былъ преодолѣвать тысячи препятствій, идти въ огонь съ малыми силами“.

Наливайко зналъ, во что̀ играетъ. Онъ держалъ наготовѣ свое сбродное войско въ окрестностяхъ Стараго Константинова и Острополя, а двѣ сотни его размѣстилъ по селамъ, входившимъ когда-то въ составъ Острожчины, а теперь выдѣленныхъ князю Криштофу Радивилу Перуну, какъ „вѣно“ жены его, Катерины Острожской. Царь Наливай, очевидно, щадилъ князя Василія, и потому престарѣлый магнатъ спокойно проживалъ въ староконстантиновскомъ замкѣ, какъ равнодушный, повидимому, зритель начавшейся борьбы.

Лобода съ запорожцами лежалъ на лежахъ въ Кіевщинѣ, и собралъ подъ своимъ бунчукомъ до 3.000 козаковъ. У него въ таборѣ находились и женщины, которыхъ не дозволялось держать въ Сѣчи, жены и дѣти козацкія. Титулъ гетмана принадлежалъ, однакожъ, въ это время Матвѣю Савулѣ, хотя гетманомъ величалъ себя тогда каждый предводитель отдѣльной козацкой орды. Этотъ старшій между козацкими гетманами гостевалъ въ Мозырщинѣ, и, вызванный оттуда, остановился съ „сильною арматою", въ Пропойскѣ.

Достойно замѣчанія, что „пропойскій подстаростичъ", Оришевскій, бывшій королевскимъ гетманомъ при Стефанѣ Баторіи, теперь водилъ за собой отдѣльный козацкій полкъ, и мы знаемъ, что онъ *дуванилъ дуванъ* съ Наливайкомъ и Лободою въ Барѣ, а потомъ занялъ подъ свои лежи Зѣньковщину. Теперь волынскіе козаки не имѣли ничего общаго съ запорожцами, и Оришевскій держался также особнякомъ.

Это было на руку малочисленнымъ жовковцамъ, которыхъ предводитель постоянно имѣлъ въ виду классическое правило: divide et impera*). Предубѣждая неизбѣжное сліяніе орды съ ордою, рванулся Жовковскій съ мѣста по снѣгамъ и ростани. День и ночь спѣшилъ онъ къ Остроголю, и неожиданно напалъ на первыя стоянки наливайцевъ.

Свериня зналъ о королевскомъ универсалѣ, но, полагаясь на свою способность „двигаться съ войскомъ и съ арматою скорѣе, нежели кто-либо въ королевствѣ", не былъ готовъ къ отраженію жолнеровъ. Февраля 28 Жовковскій былъ уже въ Матерницахъ, гдѣ сотниковали надъ козаками Марко Дурный и Татаринъ. Ударъ былъ до того внезапенъ, что отъ двухъ сотенъ осталось только нѣсколько человѣкъ, „и то раненыхъ". Какой завзятый народъ были наливайцы, мы знаемъ по отряду полковника Мартина, бросавшемуся въ пламя. Такъ и здѣсь, по разсказу очевидцевъ, наливайцы оборонялись отъ жовковцевъ сперва въ улицахъ, потомъ въ пылающихъ хатахъ, но не сдавался ни одинъ. Наливайко, предупрежденный о налетѣ Жовковскаго въ Лабуни отъ измѣнника жолнера, съ удивительной быстротой соединилъ свои дружины въ сосѣднихъ Чернавкахъ, и ушелъ со всей арматою по направленію къ Пикову.

Жовковскій перевелъ духъ въ Райкахъ подъ Остроломъ, и рано утромъ преслѣдовалъ уже знаменитаго бѣглеца.

---

*) Раздѣляй и властвуй.

Здѣсь на кровавой сценѣ козакопанской усобицы является типическая фигура феодала доматора. Московскіе странники временъ Гришки Отрепьева, въ своемъ „сказаніи“ изобразили намъ князя Василія въ видѣ какого-то патріарха, съ величественной бородой, подъ которую онъ подстилалъ „платъ“ возсѣдая на „мѣстѣ своемъ“ передъ благоговѣйными скитальцами *). Мы видимъ этого патріарха среди дымящихся послѣ пожара селъ, въ сопровожденіи конной лейбгвардіи. Въ письмѣ къ возлюбленному и почитаемому зятю престарѣлый князь разсказываетъ о себѣ слѣдующее:

„Вчера, черезъ слугу пана Броницкаго (Бронскаго?) **) сообщилъ я вашей княжеской милости кратко о *началѣ трагедіи* между панами-жолнерами и паномъ Наливайкомъ. Но такъ уже мало вѣрю я разсказамъ, что выбѣгалъ самъ въ нѣсколько десятковъ коней ради болѣе точнаго увѣдомленія вашей княжеской милости“, и т. д.

О Наливайкѣ сообщаетъ онъ слѣдующія вѣсти:

„Наливайко на то время въ Чернавѣ такъ былъ *убезпеченъ*, что при себѣ больше двадцати человѣкъ не имѣлъ, только потомъ изъ Луцкаго ***) и другихъ селъ, именно изъ Пустовецъ, изъ Голубца и другихъ, пришло къ нему нѣсколько сотенъ; послѣ чего, тотчасъ вышедши изъ села табором, пошелъ къ Острòполю; только человѣкъ тридцать тамъ же въ Чернавѣ убито, да живьемъ шестерыхъ поймано, которыхъ однакожъ въ Райцахъ изловили“.

Пиша, очевидно, второпяхъ, патріархъ-можновладникъ противорѣчитъ себѣ тѣмъ, что̀ сказалъ въ началѣ своего письма и что̀ слѣдовало бы сказать въ концѣ. Въ началѣ письма онъ говоритъ слѣдующее:

„Во вторникъ, часа за два передъ вечеромъ, Наливайко вышелъ съ лупами ****) и со всею арматою; къ ночи поспѣлъ въ Чернавы,

---

*) И видѣхъ благовѣрнаго князя, сѣдяща на мѣстѣ своемъ, возрасту мала суща, браду имѣя до земли, на колѣняхъ же его посланъ бысть платъ, на немже лежаще его брада.

**) Письмо списано съ копіи, снятой въ Несвижской библіотекѣ. Копіистъ писемъ Острожскаго оставилъ кое что и непрочитаннымъ. Поэтому здѣсь оказывается даже противорѣчіе (можетъ быть, происшедшее и отъ забывчивости князя). Сперва князь говоритъ, что Наливайко былъ тогда въ Чернавцахъ, а потомъ—что онъ прибылъ въ Чернавцы. Это противорѣчіе авторъ пытался исправить съ помощью позднѣйшей реляціи Жовковскаго.

***) Въ копіи, находящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, написано Słuckiem, отъ чего выходитъ безсмыслица.

****) Въ копіи—z łabani.

расположивши по селамъ въ сторонѣ полки. Послѣ того утромъ, около часу до полудня, наступило нѣсколько жолнерскихъ ротъ, при которыхъ, говорятъ, была и часть войска сборнаго. Въ Материнцахъ пана Кевличовича, слуги вашей милости, застали двѣ сотни: сотню Марка Дурнаго и Татаринцову, которыя, вѣроятно, только на то были посланы, чтобы пану Кевличу какъ можно больше шкодъ надѣлали. Даже, слыхать, и село хотѣли сжечь *), только горілка имъ помѣшала, которой бочку застали во дворѣ арендатора. Почему такъ врасплохъ жолнеры ихъ **) захвативши, обѣ сотни положили почти на голову и съ сотниками.

„Наливайко же (оканчиваетъ свои вѣсти князь Острожскій), не останавливаясь, пошелъ черезъ Острòполь въ поля къ Пикову. Однакожъ доходятъ до меня такіе слухи, якобы уже въ Пиковѣ передъ нимъ заперли ворота и по всѣмъ другимъ городамъ украинным, даже и народъ украинный якобы весь готовъ ***). Неизвѣстно, куда бы онъ далѣе могъ обратиться. Людей при себѣ больше тысячи не имѣетъ, а побито до трехсотъ.

Къ этимъ рѣзкимъ чертамъ боровшихся между собой элементовъ Жовковскій прибавляетъ самую рѣзкую и уже не для козаковъ зловѣщую. Его жолнеры, „оборванные и незаплаченные“, готовы были присоединиться къ козакамъ. Онъ выразилъ это опасеніе въ письмѣ къ Замойскому съ похода, какъ о дѣлѣ, извѣстномъ уже коронному великому гетману. Прося оставить на службѣ нѣкоторыя роты жолнеровъ, которымъ платить было нечѣмъ, онъ открываетъ намъ шаткость польскаго пановань въ Малороссіи слѣдующими, къ сожалѣнію, лаконическими словами:

„Отъ распущенія этихъ ротъ увеличилось бы товарищество козацкое, какъ сдѣлали роты Плоскаго и Чонганскаго, что присоединились къ Наливайку (że się do Nalewaika wmieszali). Да и самъ Плоскій, какъ это я знаю отъ плѣнниковъ, предостерегъ Наливайка обо мнѣ. Засталъ бы я его какъ разъ въ Лабуни, когда бы не предостереженіе Плоскаго“.

Но что̀ поражаетъ въ этомъ насъ, то вовсе не поражало современниковъ, барахтавшихся въ пропасти кулачнаго права. Князь Василій писалъ къ зятю: „Неисчислимыя шкоды подѣлали (здѣсь) сперва козаки, а потомъ (идущіе для ихъ усмиренія) жолнеры. Рѣдко въ ко-

*) Очевидно, въ отмщеніе Радивилу за изгнаніе изъ Бѣлоруссіи.

**) Въ копіи пробѣлъ.

***) Неясность въ рукописи.

торомъ селѣ вашей княжеской милости найдешь коня: ибо чего козаки не взяли, то до остатка забрали жолнеры".

Дѣла, однакожъ, какъ-то дѣлались и при такихъ обстоятельствахъ. Энергія полководца торжествовала и надъ скарбовой неурядицей, и надъ жолнерской деморализаціей. Не останавливали Жовковскаго ни дурныя малорусскія дороги, ни грозныя мятели, ни темныя ночи, ни *мановцы*, которыми, точно лѣсной звѣрь, уходилъ Сѣверинъ. Какъ привидѣнія, двигались его хоругви передъ глазами малочисленныхъ колонистовъ, съ гикомъ и лязгомъ, безъ пѣсенъ, безъ радостныхъ криковъ— Наливайко былъ закаленъ въ бояхъ и наѣздахъ. Никто не превосходилъ его гибкостью, ловкостью, изворотливостью; а мѣстность изучилъ онъ въ совершенствѣ. Но Жовковскій не уступалъ ему ни въ чемъ, точно какъ бы въ его жилахъ текла козацкая кровь.

И началась отважная, почти полугодовая гонитва на пространствѣ въ двѣсти миль, началась борьба упорная, остервенѣлая, безпощадная. Предводитель вольницы прибѣгалъ къ разнообразнымъ ухищреніямъ, лишь бы только выскользнуть изъ желѣзныхъ рукъ Жовковскаго, который, провидя его замыслы, напрягалъ всѣ силы, чтобы сдѣлать его неспособнымъ къ дальнѣйшимъ боямъ. Полевому коронному гетману надобно было во что бы то ни стало умиротворить кресы, ввести порядокъ на пограничныхъ устояхъ, которыхъ онъ былъ „стражемъ", и постановилъ онъ—или *положить головою*, или довести дѣло до желаннаго конца... Это былъ рыцарь старой школы. Терпѣливостью и мудрой медлительностію не уступалъ онъ своему наставнику, Замойскому; но, разъ поднявшись на борьбу, не допускалъ уже никакихъ разсужденій, не вступалъ ни въ какой компромиссъ: или пускай дерзостный козакъ бьется съ нимъ до конца, или пускай отдастся на его милость и немилость.

Но Наливайко, съ своей стороны, выказывалъ ему козацкую завзятость, которая вошла на Руси въ пословицу. Какъ разъяренный вепрь, окруженный въ родной трущобѣ, оборонялся онъ свирѣпо. Не подавило дикаго духа его и то, что одноплеменники мѣщане, до сихъ поръ его поклонники и побратимы, запирали передъ нимъ ворота. Когда достигъ онъ Пикова, не пустили его въ городъ. Онъ перевелъ духъ на голомъ полѣ, на тающемъ снѣгу, и помчался къ Брацлаву. Полевой гетманъ не спускалъ его съ глазъ: одинъ только часъ пути отдѣлялъ непріятельскія силы. Брацлавяне поступили такъ же, какъ и Пиковцы. Пронюхалъ царь Наливай *зрàду* издали, запекъ, что называется, въ сердцѣ обиду, и круто повернулъ вправо къ Прилукамъ, селу, лежащему подъ Собомъ, въ нынѣшней Кіевской губер-

ніи. Эта колонія, въ концѣ XVI вѣка, стояла на рубежѣ заселеннаго края: за нею къ востоку и югу простиралась пустыня.

„Наливайко укрылся въ дубровѣ за селомъ. Выслѣдилъ и тамъ его Жовковскій. Уже миль 30 бился онъ по весенней ростани, однакожъ наступилъ на козаковъ тотчасъ же. Битва продолжалась безъ видимой пользы до ночи. Противники были одинаково сильны и одинаково надорваны. На другой день передъ свѣтомъ Северинъ былъ уже далеко, мчался въ ту сторону, гдѣ лежатъ Синія Воды, и исчезъ въ Дикихъ Поляхъ безъ вѣсти.

Компанія продолжалась уже двѣ недѣли, и переходила въ новую фазу. Наливайко почти выскользнулъ изъ рукъ у Жовковскаго. Быстрота передвиженія оказалась безуспѣшною. Предстояло испытать иные способы. Но прежде всего Жовковскому былъ нуженъ нѣсколькодневный отдыхъ,—не для себя лично и не для людей, а для несчастныхъ лошадей, которыя выбились изъ послѣднихъ силъ въ бѣшеной гонитвѣ. Кромѣ того, надобно было ждать подкрѣпленій: тысячью измученныхъ жолнеровъ трудно было побѣдить летучаго и стойкаго противника.

Отъ наступленія на козаковъ удерживало Жовковскаго такъ долго то, что ни венгерская пѣхота, ни королевскіе жолнеры не получили жалованья за службу въ Волощинѣ. Отчаянное положеніе, въ какое поставили полеваго гетмана „скарбовые люди“, вѣчно тормазившіе въ Польшѣ военное дѣло, заставило его броситься въ походъ совершенно по-козацки—на удачу, чтобы, какъ говоритъ украинская боевая пословица: „або добути, або дома не бути“. Гоня изо дня въ день домашнюю орду, полевой гетманъ просилъ у великаго гетмана королевскихъ универсаловъ къ панамъ „горныхъ земель“, Перемышльской, Львовской, Галицкой, а также земель Кіевской, Волынской, Брацлавской чтобы шли противъ *своевольниковъ* (подъ которыми разумѣлись не одни запорожцы, не одни собственно такъ называемые козаки). Просилъ также и „позвовъ“ на соучастниковъ Наливайка и Лободы. Какъ тѣ, такъ и другіе документы долженствовали быть писаны „русскимъ письмомъ“, согласно мѣстному обычаю, подобно предъидущимъ, уже разосланнымъ. Боролось, какъ это мы видимъ, русское населеніе края съ разбойнымъ элементомъ своимъ, а не Поляки съ Русью, какъ у насъ представляютъ. Всего яснѣе засвидѣтельствовали это приманенные къ козацкому промыслу и подверженные козацкому террору города, запирая ворота свои передъ бѣгущимъ царемъ Наливаемъ.

Съ загнанными до упаду конями, при недостаткѣ въ огнестрѣльномъ оружіи, только съ шестью фальконетами и нѣсколькими куле-

вринами, не рѣшался Жовковскій продолжать скиѳскую гонитву за рѣку Собъ, въ таинственную *Уманію*, съ ея полусказочными Синими Водами. При томъ же ему хотѣлось упредить въ Кіевщинѣ Савулу, о которомъ узналъ, что онъ готовится соединиться съ Саскомъ и Лободою, хотѣлось также захватить челны и живность, которую козаки „призапасли себѣ на Днѣпръ". Всего больше разсчитывалъ польскій полководецъ на православнаго магната, князя Михаила Вишневецкаго, который владѣлъ въ Кіевщинѣ многими имѣніями и развѣдывалъ о намѣреніяхъ своевольниковъ посредствомъ своихъ слугъ и подданныхъ.

Войско Жовковскаго увеличивалось медленно сверхъ квартяной кавалеріи, которой было у него теперь 1500 человѣкъ, въ числѣ которыхъ двѣ роты, Темрюкова (татарская) и Бекешова, пользовались установившеюся славою. Было у него также 300 человѣкъ венгерской пѣхоты и кромѣ того нѣсколько сотъ охотниковъ" изъ Бара, Константинова и Хмельника.

Отдохнувши, двинулся Жовковскій къ Винницѣ, и послалъ оттуда одну хоругвь въ Брацлавъ. Славетники-мѣщане, освободясь отъ козацкаго террора, воспреобладали надъ своими анархистами, и выражали полную покорность представителямъ порядка. Имъ предъявили королевскій декретъ, которымъ войтъ ихъ, Тиковичъ, и еще одинъ изъ зачинщиковъ бунта осуждались на смертную казнь. Эти наливайцы были выданы, отправлены въ Винницу и тамъ обезглавлены „для примѣра".

Коронный полевой гетманъ подвигался къ востоку черезъ Пиковъ и Погребище. Входилъ онъ въ самое жерло украинаго своевольства. Противники его также готовились къ борьбѣ, и безпрестанно перемѣняли позиціи, стремясь, подъ вліяніемъ общей бѣды, къ соединенію своихъ силъ. Въ такъ называемой Уманіи, то-есть въ пустыняхъ за Бѣлою Церквою, скрывался Наливайко. Въ окрестностяхъ Бѣлой Церкви лежалъ на лежахъ Лобода. Въ Кіевѣ хозяйничалъ полковникъ Саско, а по сосѣдству съ нимъ расположился Савула „со всею арматою запорожскою". Не удалось Жовковскому разъединить ихъ силою; оставалась надежда на искусные переговоры.

Наливайко прислалъ изъ-за Синихъ Водъ козака къ брацлавскому старостѣ Струсю, прося его склонить коронаго полеваго гетмана къ помилованію, и обѣщая возвратить пушки, захваченныя, какъ въ брацлавскомъ, такъ и въ другихъ замкахъ. „Я отвѣчалъ (доносилъ полевой гетманъ великому), что не жажду ни его крови, ни его соучастниковъ". Это онъ можетъ видѣть изъ того, что, имѣя въ рукахъ не мало его товарищества, не свирѣпствую (nie pastwię się) надъ ними.

Пускай только распуститъ свою купу да отдастъ Максимиліаново знамя и пушки. Если это сдѣлаетъ, обѣщалъ ему ходатайствовать у его королевской милости о пощадѣ его жизни. Раскаяніе произошло въ немъ не отъ честности: привели Наливайка къ нему, какъ донесено мнѣ, бунты дружины. Нѣсколько разъ едва не убили его. Укоряютъ его, что погубилъ много людей своимъ неумѣньемъ гетманить (za swazłą sprawą), всѣхъ довелъ до голоду и подѣлалъ пѣшими. Въ самомъ дѣлѣ (продолжаетъ Жовковскій) не подлежитъ сомнѣнію, что бунтъ имъ надоѣлъ, и немного съ нимъ осталось козаковъ; разбѣгаются отъ него безпрестанно. Не думаю, однакожъ, чтобъ его раскаяніе возъимѣло послѣдствія. Стелетъ себѣ онъ дорогу и на другую сторону. Гораздо вѣроятнѣе, что подобный подобному скорѣе будутъ (взаимно) вѣрить (taki s takiem richley sobie będą wierzyć), нежели отдаться на милосердіе его королевской милости, зная за собой столько злодѣяній. Но, съ другой стороны, онъ и козакамъ не довѣряетъ: боится, чтобы отобравъ у него все, не выкупились его горломъ: этимъ давно уже ему грозили".

Таковы были паны-козаки, какъ назвалъ ихъ князь Острожскій. Но не лучше ихъ были и паны-жолнеры, которыхъ, въ томъ же донесеніи, Жовсковскій проситъ Замойскаго не распускать за недостаткомъ жалованья, чтобъ они не присоединились къ товариществу козацкому, какъ это сдѣлали роты Плоскаго и Чонганскаго.

Безразличіе знамени, подъ какимъ шляхта и всѣ вольные люди искали боеваго заработка, равно какъ и желаніе разобщить непріятелей, заставили полеваго гетмана писать въ Бѣлую Церковь къ Лободѣ, взваливая всю бѣду на Наливайка и обѣщая лободинцамъ исходатайствовать у короля прощеніе, еелибы они прибѣгнули къ его милосердію, выдали Наливайка и жили на прежнихъ мѣстахъ „стародавнимъ способомъ".

Въ таборѣ Лободы знали уже о „погромѣ наливайцевъ", знали все, что̀ произошло съ Наливайкомъ. Козацкая чернь хотѣла убить подателя письма, говоря, что онъ пріѣхалъ на соглядатайство. Лобода также досадовалъ при черни и говорилъ посланцу: „Развѣ не могъ вашъ гетманъ прислать какого-нибудь знатнаго шляхтича, а не тебя, точно сказалъ этимъ, что негодяя къ негодямъ посылаетъ"? Однакожъ отпустилъ его съ миромъ и далъ ему червонецъ, а письмо оставилъ безъ отвѣта. Отъ этого посланца и отъ шпіона, который находился среди козаковъ, Жовковскій узналъ, что они намѣрены выступить изъ Бѣлой Церкви къ Кіеву. Чернь настаивала, чтобы Бѣлую

Церковь разграбить и выжечь. Но Лобода, вмѣстѣ съ Саксомъ и Шостакомъ, отвлекъ руинниковъ отъ ихъ намѣренія.

Въ это время у Жовковскаго образовался родъ авангарда изъ дружины мѣстныхъ жителей, предводительствуемой православнымъ украинскимъ землевладѣльцемъ, княземъ Рожинскимъ, товарищемъ нынѣшнихъ бунтовщиковъ по козацкому ремеслу, и пріятелемъ памятнаго козакамъ бискупа Верещинскаго, весьма популярнымъ въ ихъ средѣ подъ именемъ князя Кирика. Мелкіе и потому темные въ исторіи князья Рожинскіе дѣлаются извѣстны только въ царствованіе Стефана Баторія. Въ 1580 годахъ Остафій Рожинскій является владѣльцемъ Коростышева. Одинъ изъ его сыновей, Михайло, былъ державцемъ Рублевки, села князя Януша Острожскаго (1587), и владѣльцемъ Наволочи, перешедшей по его смерти къ брату Николаю. Третій сынъ Остафія, Кириакъ, былъ паномъ на Рожинѣ и Котельнѣ, пожалованной ему за козацкую службу Стефаномъ Багоріемъ въ 1581 году. Предпріимчивый характеръ этого популярнаго князя Кирика виденъ изъ того, что онъ всю жизнь граничился и тягался съ сосѣдями панами, Котлубаями, Ильяшевскими, Горностаями, а также и съ магнатами Тишкевичемъ коденскимъ и княземъ Янушемъ Острожскимъ, что и заставляло его быть ревностнымъ королевскимъ слугою-партизаномъ, вѣрнѣе сказать, аристократомъ-козакомъ. Человѣкъ завзятый и хорошо знающій Украину, князь Кирикъ былъ своего рода гетманомъ пятисотъ украинцевъ, и обладалъ весьма значительною для пустынной страны артиллеріею. Помогая теперь Жовковскому, онъ „разрывалъ“ козацкія купы, подходилъ къ нимъ „фортелемъ“, нападалъ неожиданно, и у него въ рукахъ было всегда множество плѣнниковъ-языковъ.

По словамъ Жовковскаго, козаки не смѣли оставаться въ Бѣлой Церкви. Онъ послалъ туда князя Рожинскаго, придавъ къ нему нѣсколько сотенъ своего войска, для увеличенія страха и собиранія вѣстей, а Рожинскій, сдѣлавшись изъ феодальнаго барона предводителемъ летучей кавалеріи, представилъ въ распоряженіе коронаго гетмана штукъ пятнадцать своихъ пушекъ со всѣми принадлежностями.

Теперь весь интересъ похода сосредоточился на томъ, чтобы не допустить Лободу соединиться съ Савулою. Но для насъ важнѣе многихъ подробностей войны кроткій взглядъ великаго полководца на составъ Наливайщины. „Здѣсь между плѣнныхъ наливайцевъ (писалъ онъ Замойскому) есть нѣкто Каменскій. Слуга вашъ Высоцкій, будучи его родственникомъ, просилъ меня отпустить его. Не могъ я доставить это удовольствіе Высоцкому. Пускай онъ тамъ проситъ васъ о немъ самъ. По-моему, сдѣлавши ему карбачемъ наставленіе, такъ

какъ онъ еще молоденекъ (młodziuchny), можно бы отпустить его, авось исправится, и будетъ изъ него что-нибудь хорошее".

Голодъ заставилъ Наливайка идти „съ поля" къ Корсуню. Увѣдомляя объ этомъ Замойскаго, черезъ восемь дней послѣ предыдущаго, Жовковскій пишетъ: „Князь Рожинскій наловилъ неожиданно подъ Наволочью гультяевъ изъ Саскова полка, и велѣлъ ихъ обезглавить больше пятидесяти. Я до сихъ поръ, кромѣ падшихъ въ бою, сохранилъ мои руки чистыми отъ ихъ крови. Желалъ бы я, когда бъ это было возможно, лечить putrida membra *), а не отсѣкать".

Во всю кампанію совершилъ Жовковскій только двѣ смертныя казни, да и то въ исполненіе прошлогодняго королевскаго декрета: одну надъ брацлавскимъ войтомъ Тиковичемъ, другую надъ означеннымъ въ томъ же декретѣ преступникомъ, „которыхъ выдали (доносилъ онъ) сами мѣщане".

Малочисленность войска и недостатокъ въ военныхъ снарядахъ лишили коронаго полеваго гетмана возможности разъединить непріятельскія силы. Но и козаки колебались въ своихъ намѣреніяхъ: то ихъ брала охота ударить общими силами и подавить многолюдствомъ искусное въ бояхъ папское ополченіе, то утѣшали они себя мечтою о бѣгствѣ за московскій рубежъ, куда еще волынцы Дашковичъ и князь Вишневецкій-Байда проторили имъ дорогу, гдѣ у нихъ были знакомцы по Днѣпру и Дону, подобные славному козацкому предводителю Данилу Адашеву, и гдѣ сѣверорусское козачество процвѣтало и буйствовало по-своему со временъ отважныхъ новгородскихъ ушкуйниковъ.

Гетманъ Матвѣй Савула безпрепятственно вступилъ въ Кіевъ. Отсюда вошелъ онъ въ переговоры съ давнишнимъ товарищемъ по ремеслу, княземъ Кирикомъ. Всего лучше подобало бы ему избрать посредника православнаго, какъ „борцу за вѣру" etc., согласно проповѣдуемой у насъ выдумкѣ. Нѣтъ, онъ послалъ доминиканскаго пріора съ письмомъ къ единовѣрному козаку—князю. Изъ устъ въ уста, черезъ доминиканца, Савула предлагалъ выдать панамъ готоваго присягнуть вновь запорожцамъ Наливайка, чего тотъ уже и боялся, и что наконецъ таки совершилось, а въ письмѣ спрашивалъ, можетъ быть, для прикрытія цѣли посольства: за что паны собираются на козаковъ? Обо всемъ этомъ князь Рожинскій донесъ немедленно коронному полевому гетману.

---

*) Зараженные члены.

Жовковскій стоялъ еще въ Погребищахъ. Онъ, какъ мы видѣли, хлопоталъ всячески о разъединеніи козацкихъ ордъ. Козацкія орды, повидимому, сами распадались. Еще не вернулся посланный имъ къ Лободѣ „козачекъ“, какъ привели къ нему и другаго посланца. Тотъ привезъ письмо отъ Наливайка къ находившемуся при полевомъ гетманѣ брацлавскому старостѣ Струсю. Севериня просилъ черезъ него помилованія; писалъ, что томится голодомъ, что товарищи покинули его, и онъ, какъ дикій звѣрь, принужденъ скрываться въ дебряхъ.

Жовковскій, подумавъ немного, отвѣчалъ Струсю: „Богъ съ нимъ! пускай отдастся въ наши руки. Я даю слово, что не будетъ наказанъ смертью, лишь бы возвратилъ коронныя и забранныя въ панскихъ замкахъ пушки, а также Максимиліановы знамена“.

Но Наливайко, по козацкому обычаю, „сталъ себѣ дорогу на обѣ стороны“, какъ сдѣлалъ черезъ 58 лѣтъ Хмельницкій, присягнувъ явно московскому царю, а тайно турецкому султану, и какъ дѣлали слѣдовавшіе за нимъ козацкіе гетманы, переходившіе отъ Русскихъ къ Ляхамъ, отъ Ляховъ къ Татарамъ, Туркамъ, Шведамъ.

Оправдывая стихъ украинской пѣсни, по которому запорожцы „повдавàлись одúнъ въ однòго“, какъ родные братья, Савула, Лобода и Наливайко, въ концѣ концовъ, соединились, и двинулись безъ шуму къ Бѣлой Церкви. Бѣлоцерковскій замокъ занималъ тогда князь Рожинскій. Жовковскій освѣдомился уже о движеніи непріятелей, зналъ, что у нихъ 7000 войска, и спѣшилъ на соединеніе съ авангардомъ своимъ изъ Ходоркова по топкой мартовской дорогѣ, сквозь ужасный снѣгъ, какого не бывало во всю зиму...

Но намъ интересно читать реляцію самого полководца.

„Князь Рожинскій (писалъ онъ) зналъ, что я такъ близко, и хоть во вторникъ, немного позже полудня, получилъ извѣстіе, что козаки идутъ къ Бѣлой Церкви, хоть ихъ уже было и видать, но знать мнѣ о томъ не далъ. Въ среду рано утромъ услышалъ я боевой гулъ, и поспѣшилъ на мѣсто. Бились наши съ козаками отъ полуночи, и могли бы дождаться меня въ замкѣ безопасно; замокъ здѣсь не изъ худшихъ, и съ такимъ гарнизономъ, какой былъ у Рожинскаго, неодолимый. Однакожъ, пренебрегая козаками и не освѣдомившись ночью, что̀ за войско, (бросились) къ нимъ въ поле, а козаки вошли другими воротами въ городъ. Побили наши въ полѣ козаковъ, такъ что легло ихъ до тысячи, но, когда вернулись въ городъ, тотчасъ потеряли больше полсотни пѣхоты, а прочихъ много было перераненo. Козаки, услыхавъ о приближеніи войска, двинулись обратно къ Триполю. Были уже въ доброй полумилѣ, когда я пришелъ подъ Бѣлую Церковь. Тамъ всѣ

рѣшили преслѣдовать ихъ тотчасъ. Настигли мы козаковъ за Бѣлою Церковью въ одной милѣ. Шли не спѣша въ таборѣ, пустивши въ пять рядовъ возы и телѣги (wozy i kolasy). Пушекъ у нихъ было больше двадцати. Часа три смотрѣли мы такъ одни на другихъ, подвигаясь медленно впередъ, такъ какъ я поджидалъ людей, оставшихся сзади. Потомъ, когда уже склонялось къ вечеру, ушло отъ нихъ двое съ поля, и одинъ, который служилъ покойному пану подкоморію. Они донесли, что между козаками тревога. Тогда оставалось уже только попытать счастья. Построивши войско, ударилъ я на нихъ съ фронта и въ тылъ, и съ обѣихъ сторонъ. Никто не сомнѣвался въ успѣхѣ, такъ какъ я выдержалъ бой до удобной позиціи. По милости Божіей, стрѣльба ихъ не сдѣлала намъ совсѣмъ никакого вреда. Рукопашная битва кипѣла въ таборѣ. Однакожъ разорвать ихъ, хоть и очень было на то похоже, Господь Богъ не судилъ. Побили же мы ихъ столько, что и сами они говорятъ, что никогда не понесли такой потери, какъ въ этихъ (двухъ) сраженіяхъ. Савулѣ отшибло ядромъ локоть; Саско убитъ на повалъ, и другихъ знатныхъ между ними легло множество. Но и намъ не безъ крови обошлась эта драка (burda). Убитъ ротмистръ Вѣрнекъ *): въ таборѣ конь подъ нимъ упалъ, не перескочивъ черезъ телегу (koń z niem przez kolasę szwankował), а товарищей въ нѣкоторыхъ ротахъ легло трупомъ 32 **). Козаки тотчасъ выбрали на мѣсто Савулы Наливайка, также раненаго, и двинулись на всю ночь къ Триполью. А мы расположились на ночлегъ тамъ же, гдѣ была битва, сегодня же пришли сюда, въ Бѣлую Церковь. Ночи очень морозныя, и людямъ и конямъ великая бѣда, что дѣлаетъ большое ad rem gerendam impedimentum ***).

Что Наливайко былъ избранъ гетманомъ предпочтительно передъ Лободою, прославившимся на сушѣ и на морѣ, это показываетъ, что на его сторонѣ была масса, цѣнившая въ предводителѣ больше всего умѣнье ретироваться да отсиживаться въ окопахъ среди зарослей и топей, — умѣньемъ, доведеннымъ впослѣдствіи козаками до совершенства изумительнаго. Онъ повелъ войско къ Кіеву и переправился за Днѣпръ; не остановилъ его и весенній ледоходъ. Туда Карпо Подвисоцкій, козакъ-шляхтичъ, доставилъ ему челны изъ-за Пороговъ. Въ

*) По другимъ извѣстіямъ, убиты были еще: Дульскій, герба Налэнчъ, радомскій; Станиславъ Лащъ, герба Правдичъ, белзскій; Пачковскій, герба Орелъ, заторскій.

**) По другимъ извѣстіямъ, 300.

***) Въ военномъ дѣлѣ препятствіе.

козацкихъ купахъ, по извѣстіямъ Жовковскаго, преобладали два мнѣнія: одни хотѣли бѣжать за московскій рубежъ, другіе—къ татарскому хану, съ тѣмъ чтобы, отдавшись на „его ласку“, воевать съ Татарами Польшу. Не смотря на выраженную королю готовность ходить войною на Москаля такъ же, какъ и на Татарина, Наливайко направилъ общее бѣгство за Днѣпръ къ Сулѣ, которой роменскіе берега Москва называла своими.

Къ Жовковскому пришли между тѣмъ контингенты пановъ Потоцкихъ и Ходковичей. Молодой Ходковичъ, въ то время еще православный, въ сообществѣ православнаго князя Кирика, захватилъ задній козацкій полкъ шляхтича Кремпскаго въ Каневѣ, въ день Воскресенія Христова, и такъ какъ опустошители Волощины и другихъ православныхъ областей праздновали свѣтлый праздникъ пьянствомъ темнымъ, какъ ночь *), то православные ходковичане и кириковцы перебили и перетопили въ Днѣпрѣ православныхъ наливайцевъ. Вѣра здѣсь, какъ и во всѣхъ козакопанскихъ усобицахъ, были ни при чемъ.

Жовковскій уже и тогда зналъ, что козаки побѣгутъ въ Лубны, хотя они стояли еще на Днѣпрѣ въ нерѣшимости, броситься ли имъ въ счастливую для наливайцевъ Бѣлоруссію, или въ старинную Половецкую землю, въ „поле незнаемое“, по выраженію варяжскаго пѣвца. Козаки позаботились о томъ, чтобъ отнять у своихъ преслѣдователей всѣ средства къ переправѣ, и нѣсколько перевозныхъ суденъ затопили въ Днѣпрѣ. Но лишь только направились къ Переяславу, кіевскіе мѣщане указали панамъ затопленныя козаками судна и предложили Жовковскому свои услуги. Козаки вернулись, подъ предводительствомъ Лободы, отрядомъ, довольно сильнымъ для наказанія „кіянъ“ за измѣну козацкому дѣлу; но было уже поздно. Тогда Лобода вступилъ въ словесные переговоры съ Жовковскимъ, сидя въ челнѣ на Днѣпрѣ. Жовковскій согласился пощадить козаковъ только подъ условіемъ выдачи Наливайка и его сообщниковъ. Наливайцы были въ козацкомъ войскѣ сильнѣе лободинцевъ, и переговоры не привели ни къ чему. Зато старый сѣчевикъ, шляхтичъ Кремпскій, съ пятью сотнями запорожцевъ, послушался совѣта Жовковскаго и держался въ сторонѣ отъ Наливайкова бунта, пока наконецъ былъ вынужденъ присоединиться къ заднѣпровскимъ бѣглецамъ. Другой шляхтичъ, Подвысоцкій, запорожскій адмиралъ, не согласился оставить наливайцевъ безъ опоры и держался съ морскими чайками на Днѣпрѣ, готовый къ ихъ услугамъ.

*) Украинская пословица: „пьяный, якъ нiть“.

Для наблюденія за нимъ, коронный полевой гетманъ оставилъ на *Русскомъ* берегу Днѣпра каменецкаго старосту, Яна Потоцкаго, а самъ перешелъ на *Татарскій*. Въ Переяславлѣ былъ замокъ, построенный уже давно кіевскимъ воеводою Константиномъ II Острожскимъ. Но пограничные замки, подъ вѣдомствомъ князя Василія, какъ извѣстно, пришли въ крайній упадокъ. Городъ, лежавшій между болотистыхъ рѣчекъ, Альты и Трубежа, могъ бы служить, пожалуй, точкой опоры для козацкой орды; но Жовковскій съ каждымъ днемъ увеличивалъ свое войско прибывавшими къ нему въ помощь панами, а козаки побросали склады припасовъ позади себя на Русской сторонѣ Днѣпра и набрали съ собой козацкихъ женъ съ дѣтьми. Осада для нихъ была бы гибельна. Наливайко и Лобода бѣжали далѣе, къ рѣкѣ Сулѣ.

Истребленные на Днѣпрѣ паромы и байдаки, сверхъ затопленныхъ, не скоро могли быть восполнены новыми. Жовковскій, какъ по этой, такъ и по другимъ причинамъ, простоялъ на кіевскихъ высотахъ нѣсколько недѣль, наконецъ переправился черезъ Днѣпръ, и не засталъ уже въ Переяславѣ козаковъ.

Тогда Лубны были еще молодою, едва шестилѣтнею колоніей. Основалъ ее, на старинномъ урочищѣ, воевавшій съ Косинскимъ князь Александръ Вишневецкій, и наименовалъ, по своему имени, Александровымъ. Не трудно было вытѣснить козаковъ изъ новой колоніи; но за мѣстечкомъ Александровымъ текла обильная затопами и мочарами рѣка Сула, а черезъ нее шелъ длинный деревянный мостъ, перемежаемый „грѣблями“ и дивившій тогдашнихъ инженеровъ, какъ чудо строительнаго искусства. Козаки рѣшили — перейти за рѣку, сжечь позади себя мостъ, воспользоваться замедленіемъ пановъ для дальнѣйшихъ своихъ „утѣковъ“. Изъ-за Сулы легко было имъ направиться и въ московскія придонецкія пустыни, куда черезъ 42 года бѣжалъ прославленный у насъ Остраница, и въ низовья Днѣпра, куда мужественно ретировались его дѣйствительно славные соратники. Но Жовковскій изъ своего становища подъ Супоемъ, писалъ, въ половинѣ мая, что будетъ преслѣдовать козаковъ хоть бы „за московскимъ рубежемъ, хоть бы и подъ Чернымъ моремъ. Онъ просилъ только королевскаго на то соизволенія. Не скоро пришло оно къ нему; но достойно замѣчанія, что реляцію о своей рѣшимости Жовковскій послалъ опять черезъ того Русина, галицкаго каштеляна Гойскаго, на устное донесеніе котораго такъ много разсчитывалъ при началѣ своей гонитвы, и котораго родной братъ сражался вмѣстѣ съ Вишневецкимъ и другими панами противъ Косинскаго подъ Пяткомъ.

Коронный полевой гетманъ настигъ козаковъ еще въ Лубнахъ. Зная всѣ ихъ замыслы, искуснымъ распоряженіемъ перевелъ за рѣку Сулу, черезъ незабытый тогда еще *Витовтовъ бродъ*, часть артиллеріи и конницы, подъ начальствомъ того Струся, которому было такъ тѣсно отъ Наливайка въ его стародствѣ, и перегородилъ „утікачамъ“ дорогу, какъ въ Московію, такъ и въ Татарію. Между тѣмъ какъ потомокъ воспѣтыхъ въ древнихъ думахъ братьевъ Струсей совершалъ отважное, крайне рискованное дѣло свое, Жовковскій занималъ въ Лубнахъ козаковъ заманчивыми для нихъ переговорами; потомъ вытѣснилъ ихъ изъ мѣстечка на лѣвый берегъ Сулы, не далъ имъ при этомъ зажечь моста и, преслѣдуя по пятамъ, поставилъ бѣгущихъ между двухъ своихъ лагерей. Волей и неволей должны были они окопаться на урочищѣ Солоницѣ, верстахъ въ пяти отъ Лубенъ. Одной стороной своего табора примкнули козаки къ болотистому берегу Сулы; три остальныя стороны четвероугольника выходили въ чистое поле.

Въ концѣ русскаго мая борющіяся силы стояли одна противъ другой во всеоружіи боевыхъ средствъ и были готовы съ обѣихъ сторонъ на подвиги выносчивости, которою козаки брали больше всего, по которой у соратниковъ Жовковскаго было столько же, какъ и боеваго искусства. Наливайко, Лобода и присоединившійся къ нимъ Кремпскій насчитывали у себя до 8,000 народу, кромѣ женщинъ и дѣтей. Но Жовковскій утверждалъ, что въ козацкихъ окопахъ не больше 2,000 добрыхъ воиновъ; остальныхъ называлъ онъ кашею. Коней боевыхъ и ѣздовыхъ было у нихъ 10,000, пушекъ 21; большой запасъ оружія и аммуниціи. У пановъ набралось до 5,000 пѣхоты и кавалеріи съ 15 пушками: войско сравнительно многочисленное.

Задача осаждающихъ состояла въ томъ, чтобы лишить козаковъ продовольствія и принудить голодомъ къ покорности; задача осажденныхъ—въ томъ, чтобъ утомить непріятеля вылазками, обмануть его бдительность и выскользнуть изъ панскихъ рукъ, подобно тому, какъ Наливайко, царь козацкой завзятости и геній козацкихъ „утѣковъ“, выскользнулъ изъ рукъ Жовковскаго въ прилуцкой дубровѣ.

На Солоницѣ, въ томъ и другомъ становищѣ, собрался цвѣтъ нашего малорусскаго рыцарства, составлявшаго польскую славу и польское безславіе. На Солоницѣ среди насъ было весьма мало коренныхъ Поляковъ, за исключеніемъ людей, ополячившихся посредствомъ вѣры. Къ числу такихъ Полонусовъ принадлежалъ и самъ панскій фельдмаршалъ. Подъ его предводительствомъ лучшіе изъ насъ бились противъ худшихъ за древнюю культуру днѣпровскихъ Полянъ, под-

нятую изъ упадка политическимъ сліяніемъ ихъ съ Поляками привислянскими, озаренную просвѣщеніемъ Италіи и Германіи, стремившуюся къ высшимъ идеаламъ общественной свободы. Подъ знаменемъ конституціоннаго государства и цивилизованнаго общества стояли здѣсь противъ домашней орды люди обѣихъ національностей, дослужившіеся впослѣдствіи до высшихъ дигнитарствъ. Были среди нихъ и православные строители (или ктиторы) церквей и монастырей, этихъ единственныхъ тогда устоевъ русскаго элемента въ борьбѣ съ объединителями двухъ несоединимыхъ вѣръ, оказавшейся гибельною для Польши.

Какъ въ началѣ знаменитаго похода отвѣчали паны на зазывъ полководца равнодушнымъ молчаніемъ, такъ подъ конецъ спѣшили къ нему съ контингентами своими, уразумѣвъ ясно, чего должны ожидать въ будущемъ отъ „украинскаго своевольства“.... Только князья Острожскіе не прислали сюда своихъ всегда многочисленныхъ почтовъ, находя, вѣроятно, что достаточно послужили королевской республикѣ пораженіемъ перваго бунтовщика, грозившаго разореніемъ Кракова, истребленіемъ шляхетскаго сословія, опустошеніемъ панскихъ домовъ и хозяйствъ съ помощью азіятской дичи, а можетъ быть, изъ практическаго соображенія, что въ феодальной Рѣчи Посполитой Польской ниодинъ панскій домъ не могъ обойтись безъ готоваго безразлично къ услугамъ козачества, а то, пожалуй, и изъ политическаго разсчета, что „Польша стоитъ неурядицею“, что польскій престолъ, можетъ быть, очень скоро перейдетъ въ другую династію, и что въ этомъ весьма возможномъ переворотѣ, козаки пригодятся князьямъ Острожскимъ, какъ пригодились они Яну Замойскому подъ Бычиною....

Долго держались козаки въ блокадѣ, „закопавшись по уши въ землю“, питаясь кониною безъ соли, глядя на гибель своихъ женъ и дѣтей отъ панской артиллеріи. Приступомъ невозможно было взять отчаянныхъ. Между волчьимъ бѣгствомъ и медвѣжьимъ отпоромъ средины у нихъ не было. Много пановъ поплатилось головой за отважныя попытки. Наконецъ усмирители бунта „обступили таборъ на коняхъ и цѣлую недѣлю, не слѣзая съ коней, сторожили козаковъ“, постоянно готовившихся къ бѣгству.

Не помогала панамъ и такая блокада, пока не привезли изъ Кіева тяжелой артиллеріи. Тогда открылась по козакамъ убійственная пальба, продолжавшаяся безъ перерыва четыре часа. Козаки выдержали и канонаду. Отняли у нихъ воду,—они утоляли жажду въ болотныхъ кѣпанкахъ. Не стало у нихъ топлива,—они превращали свои возы въ дрова. Не стало, наконецъ, муки, соли и, что̀ всего важнѣе,

пашни для лошадей. Падали кони съ голоду сотнями. Привычныя ко всякой нуждѣ козацкія жены и дѣти умирали поминутно. Ворочавшимся въ дымномъ аду козакамъ было не до погребенія мертвыхъ. Разлагающіеся подъ жгучимъ лѣтнимъ солнцемъ трупы заражали воздухъ. Но козаки соперничали гордо съ панами въ боевой выносчивости, не хотѣли уступить имъ рыцарскаго превосходства,—презирая страхъ смерти, стыдились подчиниться побѣдителямъ.

И однакожъ не устояли въ гордомъ соперничествѣ, признали за панами превосходство рѣшающаго боя, со стыдомъ, горшимъ самой смерти, подчинились побѣдителямъ,—все это потому, что наслѣдственный со временъ варягорусскихъ разладъ преобладалъ въ ихъ дикой вольницѣ еще больше, нежели въ панскомъ феодальномъ обществѣ.

Цѣня своихъ предводителей только по мѣрѣ успѣха, козаки перестали довѣрять „счастью“ царя Наливая, и поставили гетманомъ затмеваемаго имъ Лободу. Малочисленные теперь приверженцы Северини видѣли въ Лободѣ завистливаго соперника, подкопавшагося подъ ихъ божка, и заподозрили его въ расположенности къ „панамъ Ляхамъ“. Въ такой толпѣ, какъ солоницкіе козаки, отъ подозрѣнія до убійства былъ только одинъ шагъ. Лобода палъ жертвою соревнованія въ „козацкой славѣ“, которое не давало покоя царю Наливаю.

Но царь Наливай обнаружилъ предательскую мысль—воспользоваться своимъ талантомъ къ бѣгству,—обнаружилъ себя такимъ героемъ, какимъ являлся передъ королемъ въ своемъ проектѣ уничтожить запорожцевъ. Поэтому гетманская булава перешла къ старому сѣчевику, Кремпскому.

Дѣла, однакожъ, не пошли отъ этого лучше. Доведенные до послѣдней крайности, козаки просили пощады у Жовковскаго. Снисходительный къ козакамъ больше всѣхъ своихъ сподвижниковъ, Жовковскій готовъ былъ пощадить ихъ, но требовалъ безусловной выдачи Наливайка съ главными зачинщиками бунта. Козаки на это не согласились.

При всемъ упадкѣ ихъ мужества и силы, между ними много было такихъ людей, какъ тѣ, которые, подъ предводительствомъ полковника Мартина, будучи ранены, бросались въ пылающее пламя. Рѣшимость ихъ пасть съ оружіемъ въ рукахъ поддерживала презрѣніе къ смерти въ тысячахъ людей. Это были такъ называемые *козаки невмирàки*, о которыхъ сохранилось у Поляковъ народное повѣрье, будто бы каждый изъ нихъ, убитый на повалъ, вставалъ и сражался вновь до девяти разъ. Напрасно жолнеры побивали солоницкихъ невмиракъ. Не разъ уже казалось имъ, что только ночь не дала по-

бѣдить завзятыхъ окончательно; но утро слѣдующаго дня являло передъ ними какъ бы воскреснувшія силы козацкаго духа и тѣла.

Боясь довести панское войско до отчаянія, Жовковскій спѣшилъ значительную часть конницы, чтобы въ слѣдующее утро вести ее въ атаку вмѣстѣ съ пѣхотою. Во всю ночь въ панскомъ стану никто не смыкалъ глазъ: Жовковскій стоялъ на томъ, чтобы не выпустить изъ обложеннаго табора ни одного человѣка. А въ козацкомъ таборѣ разыгралась между тѣмъ отчаянная драма. Наливайко, съ дружиною отважнѣйшихъ людей, хотѣлъ пробиться сквозь козаковъ и пановъ на степной просторъ. Но попытка не удалась. Панскіе ведеты слышали крики: „Не пу̀стимо! Ты насъ довівъ до тако̀го лѝха, до й терпѝ ёго̀ вку̀пі“.

На разсвѣтѣ панскія хоругви почти безъ сопротивленія заняли козацкій таборъ. Тамъ открылось передъ ними страшное зрѣлище: только ничтожные остатки десятитысячнаго войска стояли колеблясь на грудахъ падшихъ. Теперь уже не встали козаки-невмираки привѣтствовать гостей. Жовковскому выдали Наливайка, Шостака, Савулу, Панчоху и Мазепу, какъ творцовъ и главныхъ *акторовъ* разыгранной трагедіи. Достались ему также пушки, знамена, булава, которую такъ долго царь Наливай оспаривалъ у Лободы, серебряные бубны и литавры. Но въ кассѣ грабителей столькихъ городовъ и областей, къ огорченію жолнеровъ, нашли едва 4.000 злотыхъ.

Между жолнерами вспыхнулъ бунтъ: хотѣли истребить осажденныхъ до ночи. Жовковскій, всегда снисходительный относительно собственныхъ и непріятельскихъ воиновъ, показалъ себя львомъ въ усмиреніи звѣрскаго бунта. Казня его зачинщиковъ, онъ въ то же время приказалъ Кремпскому спасаться съ „недобитками“ бѣгствомъ.

Окончательный результатъ борьбы пановъ съ ихъ ненавистниками былъ ужасенъ. Изъ кроваваго солоницкаго табора, по сказанію современниковъ, преемникъ Наливайка вывелъ всего на всего мужчинъ и женщинъ 1.500 душъ.

Адмиралъ запорожской флотиліи, Подвысоцкій, покорился правительству, и удалился къ низовымъ лугарямъ, среди которыхъ проживалъ уже пятнадцать лѣтъ въ отчужденіи отъ правоправящаго сословія.

До новогродскаго подсудка, свидѣтеля Наливайщины въ Бѣлоруссіи, дошла только глухая молва, что Лобода, отдѣлившись отъ Саска, шелъ черезъ Кіевщину къ Наливайку. Солоницкое побоище со всѣми своими ужасами и доблестями не заняло вниманія ни лучшаго изъ Наливайковыхъ земляковъ, Евлашевскаго, ни худшаго изъ нихъ,

князя Василія. По крайней мѣрѣ послѣ обоихъ представителей своего вѣка и общества не осталось никакихъ въ этомъ отношеніи извѣстій.

Молва о знаменитомъ походѣ усыновленнаго Польшею Русина, Жовковскаго, столь же глухо коснулась уха, и другой свѣтлой личности среди тогдашней русской тьмы, боркулабовскаго священника. Онъ равнодушно и разсѣянно записалъ въ своей хроникѣ слѣдующее: „А ижъ (а такъ какъ) козаки Наливайкинаго войска начали творити шкоду великую замкамъ и панамъ украйнаго *замку* (очевидная описка), того жъ року 1595 (1596) съ войскомъ литовскимъ (слѣдовало бы написать *коронным*ъ) погонивши, въ селѣ Лубны, на рѣцѣ Сулѣ, козаковъ побили. Первѣй Савулу стяли, Панчоху чвертовали, а Наливайка Северина поймавши, по сёмой суботѣ до короля послали. Тамъ же его замуровавши, держали ажъ до осени, Святаго Покрова. Тамъ же его чвертовано.“

Ни люди чувствительные къ страданіямъ ближняго, какъ Евлашевскій и Боркулабовецъ, ни люди, скоплявшіе милліоны съ разсчетливымъ эгоизмомъ, какъ нашъ „святопамятный“, не подозрѣвали, что у нихъ подъ ногами разразился вулканъ, который черезъ полстолѣтія произведетъ великую Руйну на обширномъ пространствѣ между Ворсклом и Вислою.

Но зачѣмъ не казнили Наливайка столько мѣсяцевъ? На этотъ вопросъ могли бы отвѣчать клерикалы Сигизмундовы, прозвавшіе малорусское православіе *Наливайковой сектою*, воображая, какъ и наши историки, что у панскихъ злодѣевъ были на умѣ только церковь да вѣра. Безъ сомнѣнія, производились разслѣдованія помимо обоихъ коронныхъ гетмановъ, отличавшихся вѣротерпимостію. Дорогая королю да іезуитамъ унія имѣла столько противниковъ между католиками, что полевой гетманъ незадолго передъ „берестовскимъ синодомъ“, писалъ къ великому: „Ксензъ архіепископъ гнѣзненскій (примасъ королевства), которому сообщилъ было (объ уніи) іезуитъ Касперъ Татаринъ, contempsit *) это дѣло и не захотѣлъ въ него вдаваться“.

Значеніе Наливайщины въ будущемъ почуяли мстительнымъ сердцемъ гораздо вѣрнѣе тѣ, которые больше кого либо страдали отъ „римской вѣры“, уніи. Они выдумали, будто бы Наливайка, Ляхи сожгли живьемъ въ мѣдномъ быкѣ, въ отмщеніе за защиту православія. Кто первый прикрѣпилъ къ бумагѣ эту позорную выдумку, не извѣстно; но ее подхватили сочинители даже самыхъ краткихъ „козацкихъ хроничекъ“, и она упорно держится въ русской письменности до нашего времени.

*) Презрѣлъ.

Глава V.

Сіяющая перспектива Польши.—Затменіе этой перспективы со стороны Рима.—Развитіе польскорусскаго козачества по поводу московскихъ смутъ.—Козаки недовольные Польшею, обращаются съ услугами къ Москвѣ.—Взглядъ Москвы на малорусскихъ козаковъ.—Возстановленіе православной іерархіи въ Кіевѣ.—Значеніе царскихъ подаяній „на церковное строеніе".—Насущные интересы массы.

Рѣшительное подавленіе козацкаго мятежа устранило одно изъ главныхъ препятствій къ успѣхамъ колонизаціи малорусскихъ пустынь. Благодаря подвигамъ великихъ полководцевъ, представителей прикарпатской Руси, надъ Польшей засіяло безоблачное небо внѣшняго мира и внутренняго спокойствія. Если бъ эта составная нація, эта оригинальная „королевская республика", слѣдовала той *лагодности*, той *зажиточности* и *людскости*, которыми отличались домовитые представители собственно польскаго элемента,—ея владѣнія сдѣлались бы благословеннымъ краемъ гражданской свободы, какою не пользовалась въ то время ниодна изъ сосѣдственныхъ націй. Она бы раньше всѣхъ европейскихъ государствъ перетравила въ себѣ феодальныя начала, возвышавшія одинъ классъ на счетъ всѣхъ прочихъ, и выработала бы могущественную силу внутренняго благоустройства — общественное мнѣніе, которое каждому члену польской семьи, независимо отъ законовъ и вопреки старыхъ обычаевъ, обезпечило бы свободное пользованіе плодами трудовъ его. Въ ея безпримѣрной въ томъ вѣкѣ вѣротерпимости и въ ея предупредившей другія гражданскія общества шляхетской конституціи были для этого весьма почтенные задатки.

Упершись однимъ краемъ земли своей въ Балтійское море, она прокладывала себѣ путь къ Черному морю, какъ это свидѣтельствуютъ намъ и ея своевольные добычники, помогавшіе козакамъ въ ихъ набѣгахъ, и болѣе серьезные люди, рисковавшіе всѣмъ своимъ состояніемъ для завоеванія Крыма. Она заводила уже торговый флотъ на Балтійскомъ морѣ. Съ успѣхами колонизаціи, она спустила бы по Днѣпру и Днѣстру свои суда въ Гостепріимный Понтъ, и ея черноморская торговля

далеко превзошла бы балтійскую. Богатая продуктами своей разнообразной почвы, доступная народамъ всей Европы и Азіи, не стѣсняющая никого въ умственной работѣ и религіозной совѣсти, Польша сдѣлалась бы опасна для Москвы не оружіемъ, а стремленіемъ цѣлыхъ массъ, по слѣдамъ князя Курбскаго, Ивана Ѳедорова и Петра Мстиславскаго, въ ея свободныя отъ дикаго произвола, въ ея плодородныя, согрѣваемыя полуденнымъ солнцемъ области. Симпатіи всѣхъ славянскихъ народовъ стремились бы въ тотъ край, гдѣ и Турокъ, и Армянинъ, и Сербъ, и Нѣмецъ безразлично находили убѣжище отъ угрожавшихъ имъ дома гоненій сильнаго, жаднаго и свирѣпаго.

Но еще до татарскаго погрома Руси, апостолы всемірнаго господства, папы раздѣлили Полянъ днѣпровскихъ отъ Полянъ привислянскихъ до такой степени, что, по словамъ Кадлубка, „Русины не упускали никакого случая и не останавливались ни передъ какою трудностью, чтобы бѣшеную свою ненависть и застарѣлую жажду мести угасить польскою кровью“.

Мы вѣримъ этому страшному свидѣтельству XI-го, или, пожалуй, XII столѣтія, зная, что Византія, съ своей стороны, проповѣдывала у насъ не столько религію любви, сколько религію вражды. Поссорившійся съ нею Римъ не могъ вносить лучшую проповѣдь христіанства въ полудикую Польшу Мечиславовъ и Болеславовъ. Военныя столкновенія двухъ варварскихъ народовъ сопровождались внушеніями двухъ варварскихъ миссій и, при отсутствіи того, что можно бы назвать общественнымъ просвѣщеніемъ, располагали родственныя націи къ уничтоженію другъ друга.

Батыевы Татары явились примирителями нашей Руси съ Польшею, уничтоживъ боевую русскую силу и придавивъ сословіе черноризцевъ, проповѣдывавшее непримиримую ненависть къ латинцамъ, яко къ „врагамъ Божіимъ, держащимъ кривую вѣру“. Но латинцы раздули сами искру этой ненависти, тлѣвшую подъ пепломъ опустошенной Татарами Малороссіи, и всего больше тѣмъ, что, отнимая духовные хлѣбы у ставленниковъ константинопольскаго патріарха, передавали ихъ ставленникамъ римскаго первосвященника. Въ эпоху брестскаго собора 1596 года эта искра разгоралась пламенемъ зловѣщимъ, но оно пылало только внутри монастырей, остававшихся вѣрными ученію о „Божіихъ врагахъ“, да въ предѣлахъ церковныхъ братствъ, которыя протестанты прямо направляли противъ папистовъ, а косвенно – противъ православной іерархіи.

Ни строительная республика панская, ни разрушительная республика козацкая, въ своемъ кровавомъ столкновеніи, не брали знамени

вѣры. Паны творили вооруженный судъ надъ козаками въ виду православныхъ дворянъ, мѣщанъ и крестьянъ, какъ надъ людьми, нѳ имѣющими общихъ интересовъ ни съ которымъ сословіемъ. Но съ одной стороны католическіе проповѣдники прозвали православіе *Наливайковой сектою*, издавали противъ него памфлеты подъ заглавіемъ *Воскресшій Наливайко*, и научили свою чернь уличному крику противъ нашихъ монаховъ: *Гуцу, Наливайко! Господи помилуй! Люпусъ релія* (волчья религія)! а съ другой, наши черноризцы записали въ своихъ невѣжественныхъ „хроничкахъ“, будто бы Косинскій и Наливайко воевали за вѣру, и будто бы одного изъ нихъ замуровали живымъ въ каменномъ столбѣ, а другаго сожгли торжественно среди Варшавы въ мѣдномъ быкѣ.

Эти ничтожныя и смѣшныя проявленія поповскаго соперничества были пророчествомъ событій грозныхъ. Козаки, черезъ полстолѣтія, дѣйствительно явились въ той роли, которую приписывали имъ современники Косинскаго и Наливайка. Русская вѣра въ самомъ дѣлѣ превратилась у нихъ въ *люпусъ релію*, вопіявшую *Господи помилуй*, и не миловавшую ни католиковъ, ни православныхъ. Но для того, чтобы совершилась такая метаморфоза на русскомъ Югѣ, надобно было русскому Сѣверу сдѣлаться для козаковъ практическою школою лицемѣрія, предательства и безпощадности. Эту школу устроила тамъ, съ церковными цѣлями, не останавливающаяся ни передъ чѣмъ іезуитская политика Христова намѣстника.

Еще при наслѣдникѣ Іоанна Грознаго, царѣ Ѳеодорѣ, проживавшіе въ Москвѣ иностранцы замѣчали, что Римская Курія разсчитываетъ на смуты, долженствующія возникнуть въ Московскомъ Царствѣ вслѣдствіе высокаго и опаснаго положенія Бориса Годунова, которому предстоитъ—или проложить себѣ дорогу къ престолу убійствомъ малолѣтняго царевича Димитрія, законнаго наслѣдника послѣ бездѣтнаго брата, Ѳеодора, или сдѣлаться жертвою боярской зависти и мести. Предсказанія сторонніхъ наблюдателей московской жизни оправдались, и вмѣстѣ съ тѣмъ оправдались подозрѣнія непріязненныхъ Риму иностранцевъ, что латинскіе прелаты, появляющіеся въ Москвѣ подъ разными предлогами, имѣютъ въ виду изученіе опасныхъ сторонъ московской государственности. Царевичъ Димитрій былъ убитъ подосланными въ Угличъ злодѣями, а его имя принялъ на себя въ Польшѣ какой-то проходимецъ, очевидно подставленный тѣми людьми, которые возбуждали въ Москвѣ пророческіе толки задолго до кровавыхъ событій.

Эту загадочную личность приняли подъ свое покровительство нѣ-

сколько знатныхъ представителей польскорусской республики, и самъ король Сигизмундъ III благопріятствовалъ обманщику. Названнаго царевича Димитрія повели въ Москву подъ прикрытіемъ вольнонаемныхъ панскихъ дружинъ. Были въ Польшѣ честные патріоты, называвшіе такое нарушеніе мира съ Москвою вѣроломствомъ; но ихъ не послушались. Разбойный элементъ польскорусскаго общества нашелъ въ томъ походѣ работу какъ разъ по себѣ. Онъ увлекъ за собой и Запорожцевъ, успѣвшихъ уже оправиться отъ нанесеннаго имъ, лѣтъ восемь тому назадъ, удара. Такимъ образомъ наше днѣпровское козачество попало на широкій путь развитія своей Косинщины и Наливайщины.

Московское Царство было въ то время отдѣлено отъ Польши и Малороссіи пустынными пространствами, которыя назывались въ немъ полевыми или польскими украйнами. Эти украйны служили убѣжищемъ всякаго рода безземельникамъ, называвшимся, такъ же какъ и въ Польшѣ, козаками. Одни изъ нихъ отправляли сторожевую службу и состояли въ вѣдомствѣ пограничныхъ воеводъ; другіе проживали, въ качествѣ вольныхъ сторожей и работниковъ, у мѣстныхъ землевладѣльцевъ; третьи промышляли обыкновеннымъ и въ московскихъ и въ польскихъ украйнахъ воровствомъ, перекочевывая изъ притона въ притонъ, и всѣ имѣли ту общую черту, что легко переходили изъ осѣдлаго быта въ кочевой, изъ кочеваго въ осѣдлый, мѣняя роль благонадежныхъ людей на разбойно-хищническую, а изъ разбойниковъ и хищниковъ дѣлаясь опять людьми благонадежными.

Осѣдлое населеніе пограничнаго московскаго края, вмѣстѣ съ воеводскимъ управленіемъ своимъ, иной разъ трепетало передъ этимъ анархическимъ классомъ, страшнымъ именно потому, что его „не по чемъ было сыскивать“; но, задабривая однихъ и стращая другихъ козаковъ, удерживало зыбкую въ своихъ правилахъ орду отъ крупныхъ и мелкихъ посягательствъ на имущество классовъ торговыхъ и промышленныхъ.

Лишь только вольнонаемная шляхта, заодно съ запорожскими добычниками, пришла въ московскія владѣнія, всѣ люди, которыхъ не по чемъ было сыскивать, заговорили громко въ украинныхъ городахъ и посадахъ о царевичѣ Димитріи. Воеводы, съ малочисленными своими стрѣльцами, и заставные головы, съ разъѣзжими козаками, струсили. Обширный пограничный край въ короткое время призналъ самозванца законнымъ наслѣдникомъ царскаго престола, а Бориса Годунова похитителемъ и лиходѣемъ. Въ теченіе осени и зимы успѣхи самозванца въ такъ называемой Сѣверницѣ еще колебались. Къ

веснѣ молва о дивномъ спасеніи зарѣзаннаго будто бы въ Угличѣ царевича облетѣла Россію. Недовольная своимъ правительствомъ чернь обрадовалась возможности перемѣнить одно царствованіе на другое. Подъ грозой повсемѣстнаго мятежа, дворяне и самое духовенство не смѣли стать противъ толпы искателей легкой поживы. Москва, пріученная къ предательству двуличной политикой самого Годунова, готова была выдать его названному царевичу. Но царь Борисъ внезапно умеръ. Выдали клевретамъ самозванца только 16-ти лѣтняго сына Борисова.

На престолѣ высоко заслуженныхъ передъ потомствомъ собирателей Русской Земли сѣлъ темный бродяга, и приступилъ было уже къ преобразованію самобытной Россіи въ духѣ западныхъ державъ, изъ которыхъ лучшею, въ его глазахъ, была Польша. Его крутые и непослѣдовательные пріемы въ замѣнѣ старыхъ порядковъ новыми, его презрѣніе къ русскимъ обычаямъ, крайнее пристрастіе къ иноземщинѣ вообще, а къ польщизнѣ въ особенности, и наглое самохвальство передъ сановитыми москвичами — помогли боярской партіи подорвать въ обществѣ служилыхъ и торговыхъ людей вѣру, что въ Москвѣ царствуетъ государь законный. Князь Василій Шуйскій соединилъ въ одну мятежную толпу и тѣхъ, которые были вооружены противъ самозванца лично, и тѣхъ, которыхъ раздражало нахальство окружавшей его толпы Поляковъ. Самозванецъ погибъ со множествомъ знатной и низшей шляхты.

На опозоренное царское сѣдалище Москвичи возвели Василія Шуйскаго. Но разбойная масса, поживившаяся изъ-за спины своего Димитрія богатою добычею, распустила слухъ о его спасеніи и завела съ людьми порядка и мирнаго труда широкую войну. Россія, столь недавно еще сплотившаяся въ одно цѣлое искуснымъ, хотя подчасъ и жестокимъ, самодержавіемъ государей своихъ, раздѣлилась теперь на ся. Одна половина народа стояла за царя Василія; другая провозглашала спасавшагося якобы отъ бунтовщиковъ царя Димитрія.

Душею партіи, отстаивавшей самозванца даже и послѣ его смерти, была добычная шляхта въ союзѣ съ донскими и днѣпровскими козаками. Эти *воры*, какъ прозвалъ ихъ Московскій народъ, нашли въ Бѣлоруссіи подходящаго человѣка для сочиненной ими роли, и ввели его въ поколебленное смутами государство съ новыми охотниками до „козацкаго хлѣба“. Разбойный элементъ польско-русскаго общества соединился съ разбойнымъ элементомъ общества москворусскаго, развивая свою хищную дѣятельность на счетъ классовъ экономическихъ. Ратные люди царя Василія стояли слабо противъ втораго

Лжедимитрія, измѣняли потерявшемуся правительству и увеличивали массу людей, разорявшихъ Россію во имя измышленнаго царя. Москва была обложена со всѣхъ сторонъ добычниками; ея пути сообщенія съ дальними областями прерваны, и казалось возможнымъ, что новый бродяга заставитъ ее признать себя царемъ, какъ и первый Лжедимитрій.

Но успѣхи своевольныхъ представителей польскорусской воинственности подохотили къ войнѣ съ Москвой и тѣхъ пановъ, которые до сихъ поръ смотрѣли изчужа на предпріятіе своихъ менѣе разборчивыхъ собратій. Избіеніе множества Поляковъ, которые гостили, или служили у перваго Лжедимитрія, дало благовидный предлогъ къ нарушенію мира, заключеннаго Сигизмундомъ III еще съ царемъ Борисомъ. Польское войско, подъ предводительствомъ самого короля, идетъ къ Смоленску, осаждаетъ этотъ пограничный въ то время городъ, сливается въ одно съ добычными купами шляхты и козаковъ; второй самозванецъ погибаетъ въ своемъ бѣгствѣ; солоницкій побѣдитель, коронный гетманъ Жовковскій, ведетъ къ Москвѣ лучшія польскія хоругви, разбиваетъ у Клушина царскую рать; Москва, обезсиленная смутами, признаетъ своимъ царемъ королевича Владислава; Жовковскій занимаетъ столицу во имя новаго царя, и уводитъ изъ нея братьевъ Шуйскихъ плѣнными, подъ оскорбительнымъ для націи названіемъ „русскихъ царей“.

Но Сигизмундъ желалъ царствовать въ Москвѣ лично, и не уступилъ на царство малолѣтняго сына своего. Отсюда возгорѣлась новая война, получившая у современниковъ выразительное прозвище — Московское Разоренье. Сѣверная Русь обратилась въ широкое поприще грабежа и разбоевъ со стороны людей, представлявшихъ воинственный и добычный элементъ въ населеніи Руси Южной. Здѣсь была вся Литва и вся Галичина въ лицѣ своихъ окатоличившихся, оеретичившихся и оставшихся въ предковскомъ православіи воиновъ. Взятыя вмѣстѣ, эти страны составляли громадное большинство населенія Рѣчи Посполитой Польской вообще, а въ личномъ составѣ ходившихъ на Москву войскъ Русины различныхъ исповѣданій фигурировали почти исключительно. Такимъ образомъ Южная Русь разоряла Сѣверную; Русь, подчиненная королю-католику, уничтожала Русь, созданную изъ удѣльно-вѣчеваго хаоса православными государями, — и въ этомъ заключался наибольшій успѣхъ римской политики.

Но въ томъ же самомъ узлѣ событій таилась комбинація, обратившая въ ничто планы римскаго папы на счетъ Россіи и погубившая Польшу.

Москва отвергла желаніе Сигизмунда царствовать вмѣсто его сына, Владислава. Сигизмундъ хотѣлъ принудить ее къ повиновенію вооруженною силою. Его войско, занимавшее столицу во имя королевича, очутилось въ ней запертымъ, и въ 1612 году, подвергшись, въ осадномъ сидѣньѣ, неслыханнымъ ужасамъ голода, сдалось наконецъ ополченію царя Михаила Ѳеодоровича, избраннаго изъ древняго рода бояръ Романовыхъ. Польша оказалась безсильною продолжать послѣдовательно войну съ надломленнымъ его царствомъ. Москва оправилась и поднялась изъ упадка очистительнымъ дѣйствіемъ своихъ бѣдствій. Когда, черезъ шесть лѣтъ, королевичъ Владиславъ, уже взрослый, привелъ въ Россію новое шляхетское и козацкое войско, домогаясь московскаго престола, его притязанія оказались мечтательными. Было заключено 14-лѣтнее, такъ названное Деулинское перемиріе. Москва поступилась Польшѣ Смоленскомъ и частью Сѣверщины, но сохранила права своего русскаго царя неприкосновенными.

Вслѣдъ за этимъ начинается съ ея стороны нѣчто подобное той политикѣ, посредствомъ которой пыталась воспреобладать надъ нею Польша: wet za wet, какъ говорятъ Поляки. Но у Москвы политика была собственная, не навязанная со стороны и не имѣвшая въ виду иныхъ цѣлей, кромѣ своихъ народныхъ и государственныхъ. Предметомъ этой политики было возстановленіе въ Южной Руси православія, тѣснимаго со временъ Ягайла католичествомъ, уничтожаемаго со временъ Сигизмунда Августа протестантствомъ, подавленнаго при Сигизмундѣ III церковною уніею.

Дѣло было трудное. Архіереевъ православныхъ уже не было въ Малороссіи кромѣ ничтожнаго, презираемаго и самими папистами львовскаго епископа, Іереміи Тисаровскаго. Несогласившіеся на унію перемерли, и каѳедры ихъ были замѣщены ставленниками римскаго папы, уніятами. По смерти „святопамятнаго“ князя Василія, всѣ вотчинныя и помѣстныя имѣнія дома Острожскихъ, простиравшіяся по рѣку Рось на правой сторонѣ Днѣпра и по рѣку Альту на лѣвой, очутились въ распоряженіи католиковъ, что̀ повліяло, въ пользу папы, и на тѣхъ православныхъ пановъ, которые были связаны съ этимъ домомъ родствомъ, или вассальствомъ.

Изъ тузовъ польско-русскаго можновладства, равныхъ князю Василію, одинъ только князь Іеремія Вишневецкій оставался въ православіи, но, будучи несовершеннолѣтнимъ, находился въ рукахъ своихъ наставниковъ, іезуитовъ, которые ожидали только смерти его благочестивой матери, чтобы сдѣлать его ренегатомъ.

Былъ и еще одинъ магнатъ, защитникъ православниковъ, изъ

стариннаго русскаго рода Радивиловъ, князь Христофоръ, сынъ извѣстнаго уже намъ Радивила Перуна; но этотъ, какъ и его отецъ, исповѣдывалъ вѣру Кальвина.

Прочіе потомки древней варяжской Руси, напримѣръ, князья Чорторыйскіе (по-польски Чарторизкіе), Корецкіе, Четвертинскіе, Пузыны и равные этимъ князьямъ по родовому вельможеству паны Русичи стояли между католичествомъ, протестантствомъ и православіемъ на распутіи, подобно недавно изчезнувшему для православія роду князей Острожскихъ, такъ что представители одного и того же панскаго дома принадлежали къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ, и если не были еще католиками или протестантами, то, пройдя школу воспитанія и родственнаго общенія съ иновѣрцами, сохранили за собой только имя православныхъ.

Московскіе государственники считали этихъ Русскихъ людей потерянными для своего правительства, да и сами они относились къ Москвѣ, если не враждебно, то съ пренебреженіемъ, яко къ націи невѣжественной и подавленной царскимъ деспотизмомъ. Самое православіе московское заподазривали они, называя *вѣрою царскою,* что въ послѣдствіи отозвалось и на козакахъ Богдана Хмельницкаго. Православные же вассалы и слуги великихъ панскихъ домовъ, какова бы ни была ихъ личная приверженность къ отеческой вѣрѣ, не смѣли и не могли имѣть отдѣльной политики.

За православными панами, по политическому значенію, слѣдовало православное духовенство. Оно искони пополнялось младшими членами панскихъ домовъ, или же панскими кліентами, возводимыми обыкновенно на владычества, архимандріи и протопопіи, которыхъ подаванье принадлежало не одному королю, но часто и можновладникамъ. Теперь этотъ высшій слой духовенства отошелъ въ унію; если же имѣлъ нѣсколькихъ представителей своихъ на архимандріяхъ, уцѣлѣвшихъ отъ уніятскаго захвата, то Московская война прервала всякія сношенія между царскимъ правительствомъ и малорусскими архимандритами.

За мѣщанъ и поселянъ московская политика могла бы ухватиться только чрезъ посредство дворянства и духовенства, а какъ оба эти представители малорусской народности въ Польшѣ были парализованы для Москвы политикой Рима, то Малорусская земля являлась отрѣзанною отъ Великорусской еще больше, нежели въ тѣ времена, когда папская нунціатура работала въ Польсколитовскомъ государствѣ одной пропагандой католичества, и епископскія каѳедры въ Малороссіи замѣщались архіереями православными. Такъ предусмотрительность просвѣтителей Поль-

ши заградила путь собирателямъ Русской Земли, которые устами Іоанна III торжественно объявили, что будутъ искать Кіева и другихъ отчинъ предковъ своихъ Рюриковичей, примежеванныхъ великими князьями литовскими къ землѣ Пястовъ.

Но малорусское дворянство имѣло своихъ представителей не въ однихъ монастыряхъ и церквахъ. Кадры Запорожскаго войска состояли изъ людей шляхетскаго происхожденія, и верховодами его были покамѣстъ одни члены панскихъ домовъ, такъ точно, какъ и верховниками духовенства. Правда, это были блудные сыновья, бѣгавшіе въ козаки или отъ горькой въ тѣ времена „школьной части“, или отъ суровой родительской власти, или же потому, что ни одинъ панскій домъ не давалъ имъ такого положенія, какимъ пользовался у князя Острожскаго Наливайко. Но зато козаки имѣли собственную политику и въ старыя времена независимыя дружины ихъ служили московскимъ государямъ подъ предводительствомъ Евстафія Дашковича и князя Димитрія Вишневецкаго. Теперь козаки сдѣлались разорителями Московскаго Царства въ пользу римской политики, ради хищной добычи и рыцарской славы своей. Но приближалось время, когда имъ сдѣлалось тѣсно въ „Королевской Землѣ“, и когда дикія доблести, которыми они отличались въ „Землѣ Восточнаго Царя“, обратились въ страшилище для ихъ старшихъ братій, польскорусскихъ помѣщиковъ. Можно сказать, что московская политика предусматривала такое положеніе дѣлъ въ польскорусской республикѣ и ждала удобнаго момента, чтобы воспользоваться козаками для своего великаго предпріятія.

Несчастныя для Москвы и постыдныя для Польши событія, послѣдовавшія за объявленіемъ, что сынъ Ивана Грознаго, Димитрій, живъ, призвали козаковъ къ новой разбойной дѣятельности. Не имѣя столько денегъ, чтобы снаряжать правильныя арміи для одолѣнія надломанной уже Стефаномъ Баторіемъ державы, королевское правительство дозволяло такъ называемому Запорожскому войску увеличить число *охочихъ* козаковъ по мѣрѣ возможности. Напрактиковавшись въ московскихъ походахъ и размножась до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, эти ученики старинныхъ запорожцевъ стали заодно съ ними предпринимать морскіе походы все въ большихъ и большихъ размѣрахъ. Въ 1614 году разграбили они торговую пристань Синопъ; въ 1615-мъ сожгли двѣ пристани, Мизевлу и Ахіоку, невдалекѣ отъ Царьграда; разбили турецкій флотъ, привели взятыя въ бою галеры въ днѣпровскій Лиманъ и сожгли въ виду Очакова; въ 1616-мъ разбили вновь турецкій флотъ на Лиманѣ, разорили турецкій невольничій рынокъ Кафу въ Крыму и опустошили черноморскія побережья.

Турки были раздражены козацкими набѣгами до крайности, и готовились выместить свою досаду на Польшѣ. Напрасно коронный гетманъ Жовковскій увѣрялъ ихъ, что козаки состоятъ лишь въ нѣкоторой части изъ польскихъ подданныхъ, да и то непослушныхъ королю и осужденныхъ на казнь. Напрасно писалъ онъ, что это не войско и не народъ, а скопище забродниковъ изо всѣхъ народовъ; что днѣпровскіе Пороги съ незапамятныхъ временъ служили притономъ хищной толпѣ, нападавшей на купеческіе караваны и промышлявшей разбоемъ во всѣхъ сосѣднихъ странахъ. Султанское правительство не хотѣло слышать никакихъ оправданій.

Козаки, въ самомъ дѣлѣ, на добрую половину, были, что называется по-малорусски, *заволоками* въ странѣ дававшей имъ пристанище. Попадая въ руки капуданъ-башей, они совсѣмъ изчужа внушали имъ, что единственный способъ вытѣснить запорожцевъ изъ ихъ логовища, это—заселить Волощину Турками, овладѣть Подольскимъ Камянцемъ, русскіе края занять по Кіевъ и основаться прочными осадами подъ самимъ Днѣстромъ. Планъ этотъ былъ принятъ въ верховномъ Диванѣ, и только Персидская война не дала осуществить его. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, было рѣшено воевать Лехистанъ энергически, и въ 1617 году сильное турецко-татарское войско придвинулось къ Днѣстру. Съ великимъ мужествомъ и неменьшимъ искусствомъ Жовковскій отвелъ отъ Польши грозу, но былъ вынужденъ уступить султану королевское сюзеренство надъ Молдавіею и заключилъ съ Турками миръ, подъ условіемъ уничтожить козаковъ, то есть привести ихъ въ такое состояніе, чтобы сухопутныя границы турецкихъ владѣній и черноморскія побережья были отъ нихъ безопасны.

Для этого столь же важнаго, сколько и труднаго дѣла были двинуты въ Украину всѣ коронныя и панскія силы, защитившія Поднѣстріе отъ мусульманскаго нашествія. Они предназначались для подкрѣпленія требованій такъ называемой козацкой коммиссіи, назначенной королемъ и состоявшей изъ первенствующихъ пановъ Кіевскаго воеводства, подъ предводительствомъ великаго коронаго гетмана и канцлера, всё того же Станислава Жовковскаго. Коммиссія собралась, во всеоружіи своемъ, надъ рѣкой Росью у села Ольшанки, близъ Паволочи.

Она вытребовала къ себѣ уполномоченныхъ Запорожскаго Войска, и поставила имъ на видъ, что козаки большими купами и цѣлыми войсками вторгаются въ сосѣднія земли, что, „выходя на влость“ (то есть въ королевскія и панскія имѣнія), притѣсняютъ и разоряютъ людей всякаго состоянія. По мнѣнію королевскихъ коммиссаровъ, при-

чиною всему этому было то, что козаки принимаютъ къ себѣ множество всякаго народу, при которомъ и сами не могутъ устроить между собой надлежащаго порядка; а потому коммиссары требовали: чтобы людей, называющихся запорожскими козаками, не было больше одной тысячи; чтобъ эти люди „жили на обычныхъ мѣстахъ, данныхъ королемъ ихъ *старшимъ*, и на власть отнюдь не выходили". Для поддержки ихъ военнаго быта, имъ было обѣщано установленное Стефаномъ Баторіемъ жалованье—по червонцу и по поставу сукна каразіи на каждаго. Прочіе же (сказано въ актѣ коммиссіи), гдѣ бы ни находились въ духовныхъ и свѣтскихъ имѣніяхъ, чтобы козаками съ этого времени больше не назывались и никакихъ юрисдикцій себѣ не присвоивали, а были бы во всемъ послушны панамъ, начальству своему, наравнѣ съ другими подданными. Если же окажутся непослушные, то на такихъ землевладѣльцы Кіевскаго воеводства немедленно вооружаются и настоящее свое постановленіе приведутъ въ дѣйствіе. А чтобы гасить огонь въ искрахъ (сказано далѣе) и не дать ему запылать пламенемъ, всѣ державцы и паны обязаны хватать каждаго, кто бы кликнулъ кличъ для сбора народа, и безъ всякаго милосердія карать смертью. Кто же изъ державцевъ или пановъ сталъ бы смотрѣть сквозь пальцы на сборъ такихъ купъ въ своихъ помѣстьяхъ, а пожалуй, и самъ сталъ собирать въ купы разныхъ буяновъ, такой будетъ позванъ въ трибуналъ, наказанъ смертью, а еслибы не явился для оправданія, то—лишеніемъ чести. Даже и за доставку на Низъ съѣстныхъ и другихъ припасовъ шляхтичъ будетъ наказанъ смертью по разсмотрѣніи уликъ, а простолюдинъ—непремѣнно тотчасъ же.

Въ заключеніе акта Ольшанской козацкой коммиссіи сказано: „Монастырь Трахтомировскій, яко недавно пожалованный козакамъ отъ короля и Рѣчи Посполитой, остается при нихъ,—впрочемъ не для чего либо другаго, какъ для того, чтобъ онъ былъ убѣжищемъ старымъ, больнымъ, раненымъ для проживанья до смерти; собирать же и сзывать въ купы, какъ гдѣ-либо, такъ и тамъ, воспрещается. Въ противномъ случаѣ, это пожалованье будетъ ими утрачено".

Козаки смиренно согласились на все, чего коммиссія отъ нихъ потребовала, и обѣщали подчиниться новой регуляціи Запорожскаго Войска, но выговорили себѣ право—обратиться на ближайшемъ сеймѣ и королю и Рѣчи Посполитой съ просьбою о трехъ пунктахъ: 1) о томъ, въ которомъ сказано, что нынѣшніе козаки и ихъ потомки не должны ничего такого дѣлать, что причиняло бы кому-нибудь убытокъ, обиду или притѣсненіе; 2) о томъ, по которому не должны они вторгаться во владѣнія „турецкаго императора", и безъ воли и пове-

лѣнія короля и Рѣчи Посполитой, и 3) о томъ, по которому число запорожскихъ козаковъ ограничено только тысячью человѣкъ.

Козаки знали, что королю безъ нихъ не обойтись; знали, что совладать съ ними панамъ теперь уже очень трудно, и выжидали благопріятныхъ для своего промысла событій.

Дѣйствительно, не прошло году, какъ то самое правительство, которое повелѣвало козакамъ переписаться въ одну тысячу, призвало ихъ къ оружію въ произвольномъ числѣ. Для поддержки королевича Владислава въ его Московскомъ походѣ, знаменитый морскими набѣгами Петръ Конашевичъ Сагайдачный привелъ къ Можайску, подъ именемъ Запорожскаго Войска, 20,000 добычниковъ. Распуская во всѣ стороны „загоны“ свои, козацкая орда отъ самой границы проложила къ центру Московскаго Царства широкую полосу, подобную тѣмъ пустыннымъ пространствамъ родной Подоліи, Червонной Руси и Волыни, которыя назывались „татарскими шляхами“. Взятые „взятьемъ“ города, поплѣненные воеводы, повыжженныя села говорили краснорѣчиво, какая губительная сила выросла вновь изъ тѣхъ наѣздниковъ, которыя, тому назадъ двадцать два года, были обезоружены погромомъ за Сулою. Эти 20,000 полукочевыхъ воиновъ были тѣсно связаны между собой добычнымъ промысломъ, и не хотѣли знать интересовъ быта осѣдлаго. Ремеслами и хлѣбопашествомъ они тяготились, „крамарство“ презирали; ни къ какой правильной и послѣдовательной работѣ способны не были. Имъ приходилась по душѣ одна рискованная жизнь, которой отраду составляла добыча, а поэзію разбойно-рыцарская слава.

Сословіе землевладѣльцевъ стояло въ несогласномъ противорѣчіи съ этимъ обществомъ чужеядниковъ, и дальновидные люди уже въ актѣ Ольшанской коммиссіи выразили необходимость „гасить огонь въ искрахъ, чтобъ не дать ему запылать пламенемъ“. Но большинство шляхетчины, удручаемое правомъ сильнаго, пришло къ печальному убѣжденію, что Польша стоитъ неурядицею (Polska bezrządem stoi). Даже въ сеймовыхъ собраніяхъ проповѣдывалась мысль: что уничтожить козаковъ было бы, во-первыхъ, безчестно,—во вторыхъ, безполезно,—въ третьихъ, невозможно, и королевское правительство, въ пропозиціи на сеймъ 1618 года, находило это предпріятіе „дѣломъ труднымъ“. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, оно твердило о необходимости обуздать козацкое своевольство, и вопіяло къ сейму и къ малорусскимъ панамъ, чтобъ они „единодушно согласились гасить этотъ страшный огонь“.

Здѣсь разносоставная Польская нація, при всемъ своемъ превосходствѣ въ культурности, не выдерживаетъ сравненія съ простоватой

Московіей по отношенію къ государственности, обезпечивающей политическую независимость народа. Вмѣсто рѣшительныхъ мѣръ, какими царское правительство клало предѣлъ разбоямъ своихъ косолаповцевъ и воровъ смутнаго времени, представители польско-русской республики для обузданія воскреснувшихъ Наливайцевъ, прибѣгнули къ полумѣрамъ. Въ 1619 году, по примѣру Ольшанской, собралась новая козацкая коммиссія надъ рѣчкою Раставицею (ниже Паволочи). Въ виду этой вооруженной, какъ и прежняя, коммиссіи, на рѣчкѣ Узени (за Бѣлою Церквою) стояли, по выраженію акта, „запорожскія войска“. Обѣ стороны молча грозили другъ другу боемъ, но съ обѣихъ сторонъ рѣшеніе спорнаго дѣла боевою силою представлялось великимъ рискомъ, и оно снова было рѣшено только на бумагѣ.

„За прошлый годъ (говорили королевскіе коммиссары козацкимъ уполномоченнымъ) козаки, согласно Ольшанскому постановленію, получили 10,000 злотыхъ и 700 поставовъ каразіи; и за нынѣшній годъ отдали мы имъ такую же сумму деньгами да сукномъ; потомъ уже будутъ они получать не сукномъ, а наличными деньгами по 40.000 злотыхъ ежегодно въ Кіевѣ на св. Илью русскаго“.

Въ благодарность за это, коммиссары требовали, чтобы козаки дали рыцарское слово и присягнули, что не только тѣ, которые получаютъ жалованье, не будутъ безпокоить турецкаго императора“ своими набѣгами, но и другихъ, въ случаѣ оказались бы такіе своевольники, всячески будутъ отъ того удерживать, а тѣхъ, которые недавно, въ противность запрещенію, ходили на море, покараютъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ козаки должны были уничтожить морскіе челны, которыхъ часть (сказано въ актѣ) уже уничтожена,—дабы своевольнымъ не было искушенія; оставятъ лишь необходимые для перевоза на Днѣпрѣ, но будутъ содержать при нихъ надежную сторожу, чтобы своевольные не выкрадались на этихъ челнахъ въ море.

Далѣе, коммиссары требовали, чтобъ отъ козаковъ не было больше никакихъ непріятностей людямъ въ королевскихъ, духовныхъ и панскихъ имѣніяхъ. Для этого изъ козацкаго реестра должны быть выписаны прочь всѣ ремесленники, шинкари, войты, бурмистры, торговцы, рѣзники, вообще всѣ занимающіеся какимъ-либо ремесломъ, и иные праздношатающіеся люди, которые до пяти лѣтъ назывались козаками. „Ибо мы (говорили составлявшіе коммиссію землевладѣльцы) ни подъ какимъ видомъ не согласны на такое огромное число козаковъ, какое нынѣ оказалось“. Эти выписанные долженствовали подчиняться старостамъ, державцамъ, ихъ намѣстникамъ и другимъ па-

намъ, кто подъ кѣмъ живетъ, не отзываясь къ войсковому суду, а „паны-молодцы“ вступаться за нихъ не должны.

Всего же больше настаивали коммиссары на томъ, чтобы „паны молодцы запорожцы“ или вовсе не жили въ имѣніяхъ земскихъ, духовныхъ, свѣтскихъ, дѣдичныхъ, или же, если будутъ имѣть въ нихъ дома и осѣдлость, то чтобы оказывали послушаніе дѣдичнымъ панамъ, подъ которыми будутъ имѣть свои маетности, чтобы изъ подданства не выламывались и къ инымъ „присудамъ“ не отказывались.

Крайнимъ срокомъ, къ которому козаки были обязаны привести въ исполненіе свои обѣщанія, назначался св. Илья русскій 1620 года. Къ этому сроку всѣ тѣ, которые не хотятъ подъ кѣмъ-нибудь жить и быть своему пану подданными, должны были удалиться изъ его имѣнія и жить гдѣ угодно. Тѣ же, которые будутъ проживать въ украинныхъ королевскихъ городахъ, должны оказывать всяческое почтеніе своимъ старостамъ и въ случаѣ надобности, „яко на Украинѣ“, дѣйствовать противъ непріятелей св. Креста, подъ предводительствомъ пановъ-старостъ, или ихъ намѣстниковъ.

Въ заключеніе, коммиссары требовали, чтобы козаки, согласно Ольшанскому постановленію, приняли себѣ „старшаго“ изъ руки коронпаго гетмана, по образцу того, какъ при королѣ Стефанѣ Баторіи былъ старшимъ Орышевскій.

Козаки, какъ и въ прошломъ году, подчинились королевской волѣ, и благодарили за назначеніе имъ жалованья, но не могли опредѣлить немедленно свое число, такъ какъ бракъ и выпись ремесленниковъ, торговцевъ, шинкарей и тому подобныхъ людей потребуетъ немало времени. „Это надобно дѣлать по городамъ (изъясняли письменно ихъ уполномоченные): такихъ людей, не принадлежащихъ къ рыцарскимъ занятіямъ, каковы эти шинкари, кравцы, торговцы и всякіе ремесленники, кафанники, балакезы, рыбалты,*) и тѣхъ, которые, выломавшись лѣтъ пять назадъ изъ присуду своихъ пановъ, подѣлались козаками, мы отъ себя повыпишемъ и повыпремъ. Пусть они не прикрываются нашими вольностями, пускай подчиняются власти своихъ пановъ-старостъ и ихъ намѣстниковъ, гдѣ кто будетъ жить. А какое число насъ останется, мы доложимъ его королевской милости съ просьбою о ненарушеніи этихъ вольностей, но покамѣстъ, постановили такъ: кто хочетъ оставаться съ нами на службѣ его королевской милости и Рѣчи Посполитой, то, хотя это сильно нарушаетъ наши воль-

*) Въ коммиссіонныхъ актахъ упоминаются въ числѣ ремесленниковъ и торговцевъ еще *бълачеи* и *канкаюки*.

ности, пожалованныя намъ привилегіями наяснѣйшихъ королей, нашихъ почивающихъ въ Бозѣ государей *), и хотя мы должны будемъ обратиться къ его королевской милости и Рѣчи Посполитой, но, если его королевской милости не будетъ угодно оставить насъ при нашихъ вольностяхъ и правахъ, чтобъ выходилъ изъ шляхетскихъ имѣній и искалъ себѣ спокойнаго жительства въ имѣніяхъ королевскихъ, гдѣ кому любо; но гдѣ имѣетъ или будетъ имѣть осѣдлость, тамъ будемъ оказывать старостамъ, подстаростіямъ и ихъ намѣстникамъ надлежащее почтеніе. Въ случаѣ вторженія непріятеля св. Креста должны мы дѣйствовать противъ него, какъ подобаетъ намъ, подъ начальствомъ старосты, подстаростія или своего атамана, и все то дѣлать, что намъ будетъ слѣдовать. Не сопротивляемся и назначенію надъ нами старшаго, въ родѣ того какъ былъ нѣкогда Орышевскій. Но такъ какъ нынѣ его милость панъ-канцлеръ и коронный гетманъ не именовалъ старшаго и отложилъ его назначеніе до ближайшаго сейма, то и мы пришлемъ туда пословъ своихъ съ нашими просьбами, отдаваясь на волю его королевской милости. Мы только просимъ, чтобъ надъ нами былъ старшимъ такой человѣкъ, который былъ бы способенъ воевать вмѣстѣ съ нами противъ короннаго непріятеля, къ славѣ и пользѣ короля и Рѣчи Посполитой, и умѣлъ бы исходатайствовать у его королевской милости все, что намъ нужно".

Коммиссія приложила петицію козаковъ къ своему акту въ знакъ готовности правительства выслушать отъ ихъ пословъ на сеймѣ и такія заявленія, которыя противорѣчили государственному праву польскому.

Дѣйствія Ольшанской и Раставицкой коммиссій вообще отличались кротостью, непонятною для насъ въ предводителѣ обѣихъ этихъ коммиссій, Жовковскомъ, который уже въ 1596 году доносилъ о козакахъ Сигизмунду III, что они мечтали о разореніи Кракова, умышляли низложить короля и грозили истребить шляхетское сословіе. Турецкая война, накликанная козаками, съ трудомъ была отклонена Жовковскимъ въ 1617 году. Въ прошломъ 1618-мъ турецко-татарское вторженіе изъ-за козаковъ повторилось нѣсколько разъ, и обошлось не дешево, какъ защитникамъ Червоннорусскаго края, такъ и мирнымъ

*) Достойно замѣчанія, что козаки никогда не указали, кѣмъ именно и что было имъ пожаловано, равно какъ и козацкіе историки, кромѣ тѣхъ, которые, какъ профессоръ Антоновичъ, основываясь на Лѣтописи Грабянки, объявляютъ, будто бы Сигизмундъ I „призналъ ихъ вѣчною собственностью тѣ земли, на которыхъ они были поселены по обоимъ берегамъ Днѣпра".

жителямъ, которыхъ множество уведено въ неволю. Война съ мусульманами предвидѣлась и въ недалекомъ будущемъ. Недавно воцарившійся султанъ Османъ II мечталъ расширить на счетъ Польши Оттоманскую Имперію, и готовился къ походу въ небывалыхъ размѣрахъ.

Но не одни запорожскіе козаки возбуждали Турокъ противъ Польши. У подольскихъ, брацлавскихъ и червоннорусскихъ пановъ завелось издавна свое домашнее козачество, отличавшееся отъ запорожскаго только тѣмъ, что содержалось на счетъ панскихъ, а не королевскихъ имѣній. Образчикъ такого козачества видѣли мы въ дружинѣ Наливайка, служившей князю Острожскому и потомъ присоединившейся къ запорожцамъ.

Пограничные паны малорусскаго Юга были мельче, но воинственнѣе князя Василія: они гетманили сами своими козаками, большею частью шляхтичами, и Подолія относительно польскорусскихъ южныхъ окраинъ была то самое, что была Кіевщина относительно польскорусскихъ восточныхъ. Ее даже на сеймѣ называли вооруженнымъ шанцемъ.

Совершенно справедливо говоритъ одинъ изъ польскихъ историковъ: что въ этой пограничной области Рѣчи Посполитой столько было гетмановъ, сколько старостъ, сколько поселившихся здѣсь коронныхъ пановъ, сколько военныхъ геніевъ. Много панскихъ именъ вписано въ хронику мелкихъ и крупныхъ битвъ, которыми сдерживался напоръ азіятчины на Европу. Эти битвы имѣли характеръ самозащиты и потому не нарушали мира съ Турціей; но Молдавское Господарство, колебавшееся, въ своемъ вассальствѣ, между турецкимъ султаномъ и польскимъ королемъ, вызывало походы козакующей шляхты со временъ Сигизмунда Августа.

Князь Димитрій Вишневецкій, погубившій себя однимъ изъ такихъ походовъ (1564), показываетъ намъ, какъ много было общаго между рыцарствомъ днѣстровскимъ и днѣпровскимъ. Ходить за Днѣстръ на разореніе турецкихъ городовъ и татарскихъ уймаковъ, — было въ обычаѣ, какъ у днѣстровскихъ, такъ и у днѣпровскихъ козаковъ не только въ эпоху Жовковскаго, но и въ послѣдовавшее за нею время.

Послѣ Московскихъ походовъ, днѣпровскіе козаки пристрастились къ морскому *гостеванью*, къ „верстанью добычнаго пути“ по Черному морю, и правда, что возбуждали Турокъ на войну съ Польшею. Но въ то самое время, когда горѣлъ Синопъ и падала руиной Кафа, князья Корецкіе и паны Потоцкіе, съ козаками днѣпровскими, вторгались, вопреки мирнымъ договорамъ, въ такъ называемую Волощину, и король Сигизмундъ III давалъ имъ на то свое тайное доз-

воленіе, совершенно такъ, какъ это дѣлалъ онъ относительно пановъ, провожавшихъ названнаго Димитрія въ Московію. Онъ слѣдовалъ правилу: чего нельзя воспретить, то надобно дозволить, а смыслъ этого правила былъ тотъ, что, въ случаѣ успѣха предпріятія, правительство могло имъ воспользоваться, въ случаѣ же неудачи, нарушеніе мира можно было взвалить на людей своевольныхъ.

Зная это и даже служа посредникомъ въ сообщеніи королевской воли вельможнымъ пограничникамъ, предводитель козацкой коммиссіи не могъ обращаться съ днѣпровскими добычниками, въ виду козачества днѣстровскаго, ни слишкомъ сурово, ни слишкомъ требовательно. Они же притомъ сослужили службу польскому оружію въ тяжкое для Москвы время внутреннихъ смутъ, и не дальше какъ въ прошломъ 1618 году помогли королевичу Владиславу примежевать къ Польшѣ Смоленскъ и часть Сѣверщины. Въ предстоявшемъ отраженіи Турокъ надобно было опять на нихъ разсчитывать. И такимъ образомъ коммиссія, долженствовавшая погасить страшный домашній огонь, въ искрахъ, только присыпала искры пепломъ.

Но козаки были недовольны панами. Еще до столкновенія съ землевладѣльцами подъ предводительствомъ Косинскаго и Наливайка, еще до 1590 года, когда правительство заявило свою рѣшимость не терпѣть козацкихъ вторженій въ сосѣднія государства, козацкихъ разбоевъ и грабежей надъ купеческими караванами, козацкаго покровительства злодѣямъ и государственнымъ преступникамъ, запорожцы называли пановъ неблагодарными.

Съ кочевой точки зрѣнія, они были правы. Пограничные паны въ началѣ были не что иное, какъ мелкіе и крупные козацкіе вожаки, и въ панской средѣ было много такихъ, которые посвящали себя войнѣ съ невѣрными „на вѣчную память козацкаго имени“. Польско-чешскій геральдикъ XVI вѣка говоритъ о нихъ, точно о религіозныхъ подвижникахъ, которые „презрѣли богатство и возлюбили славу защиты границъ. Оставивъ земныя блага (пишетъ онъ), претерпѣвая голодъ и жажду, стояли они, какъ мужественные львы, и жаждали только кровавой бесѣды съ невѣрными“.

Потомки рыцарей, внушившихъ Папроцкому краснорѣчивое сравненіе, явились въ эпоху московскихъ смутъ предводителями разбойниковъ, но, воспитанные въ однихъ бояхъ и набѣгахъ, не сознавали себя ниже предковъ, а заслуги ихъ передъ королемъ и Рѣчью Посполитою были между тѣмъ очевидны.

Въ результатѣ опустошительнаго козацкаго промысла получались такія событія, какъ занятіе московской столицы польскимъ войскомъ

и примежеваніе къ Польшѣ московскихъ областей. Въ награду за это паны предлагали тысячѣ козаковъ по червонцу да по поставу каразіи на человѣка, и повелѣвали имъ выписать изъ козацкаго реестра всѣхъ ремесленниковъ и торговцевъ, состоявшихъ въ помѣщичьемъ подданствѣ или у самого короля съ его старостами да державцами, или у *королятъ*, какъ называли козаки товарищей его правительственной власти.

Исполнивъ это повелѣніе, козаки поставили бы себя въ невозможность продолжать промыселъ, который обезпечивалъ ихъ насущныя потребности, и по-неволѣ должны были бы претерпѣвать голодъ и нужду, которымъ славные предшественники ихъ подвергали себя добровольно. Придавленные самою малочисленностью своею, козаки еще больше были бы стѣснены запрещеніемъ проживать, въ качествѣ самосудныхъ людей, въ королевскихъ и панскихъ имѣніяхъ. Имъ не было дѣла до вреда, который вѣчно терпѣла бы шляхта, допустивъ козацкую республику гнѣздиться въ нѣдрахъ республики шляхетской. Наливайковъ „кусокъ хлѣба“, который они имѣли бы въ панскихъ мѣстностяхъ на правахъ никому неподвластнаго рыцарства, по ихъ воззрѣнію на собственность, не долженъ былъ даже ставиться въ счетъ, а отзываться къ войсковому суду въ своихъ обидахъ со стороны пановъ, это казалось имъ столь же естественнымъ, какъ сами паны находили естественнымъ составлять вооруженные съѣзды противъ экзорбитанцій своихъ собратій.

Что въ XVII столѣтіи панскія хозяйства держались уже не отдачею въ аренду дубовыхъ лѣсовъ для выпаса свиней, не конскими табунами, не стадами и отарами, не пасѣками, бобровыми гонами да рыбными входами, какъ въ XV-мъ и XVI-мъ,—этого козаки не соображали, и хотя видѣли, что продукты земледѣлія перевѣсили въ панскихъ имѣніяхъ всѣ прочія статьи дохода, но это имъ не нравилось. „Эй вы дуки, дуки! позабирали всѣ луги и луки (говорили они): негдѣ бѣдному козаку-нетягѣ и коня попасти“ *). А надобность въ оборонѣ границъ была еще такъ велика, что наполнять житомъ гумна казалось имъ столь же недостойнымъ рыцаря, какъ это герольдикъ Папроцкій находилъ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, когда кололъ глаза зажиточнымъ польскимъ панамъ убогою воинственностью пановъ русскихъ.

Наконецъ, миръ съ Турками, заключенный подъ условіемъ уничто-

*) Изъ старинной козацкой пѣсни.

женія козаковъ, казался имъ повтореніемъ панской лиги съ Крымцами, устроенной противъ низовцовъ Стефаномъ Баторіемъ. Если панскими силами предводительствовалъ не такой искусный гетманъ, какъ Жовковскій, козаки навѣрное попытались бы завоевать себѣ то положеніе, въ которомъ паны отказывали имъ при Наливайкѣ. Но, какъ имъ ни было досадно панское полноправство на отвоеванной у Татаръ сообща землѣ, не смѣли они ринуться на полководца, который съ малыми силами побѣждалъ массы Москалей и отражалъ турецко-татарскія полчища. „Мы ни подъ какимъ видомъ не согласны на такое огромное число козаковъ, какое нынѣ оказалось", говорили имъ на послѣдней коммиссіи землевладѣльцы устами короннаго гетмана, а онъ *былъ* способенъ подтвердить рѣшительное слово желѣзными доказательствами (żelazne racye).

За невозможностью поставить на своемъ въ Королевской Землѣ, козаки обратились туда, гдѣ въ ихъ услугахъ нуждались больше. Мѣсяца черезъ два послѣ Раставицкой коммиссіи, атаманъ Одинецъ съ 15 товарищами повезъ въ Москву татарскихъ языковъ и, отъ имени Запорожскаго Войска вмѣстѣ съ гетманомъ его Сагайдачнымъ, представилъ царю: что козаки „всѣ хотятъ ему служить головами своими по-прежнему, какъ они служили прежнимъ россійскимъ государямъ и въ ихъ повелѣніяхъ были, на недруговъ ихъ ходили и крымскіе улусы громили. А нынѣ (докладывалъ царю думный дьякъ) ходили они изъ Запорогъ на крымскіе улусы, а было ихъ съ пять тысячъ человѣкъ, и было имъ съ крымскими людьми дѣло по сю сторону Перекопи, и Божіею милостью, а государевымъ счастьемъ, Татаръ они многихъ побили, и народъ крестьянской многой изъ рукъ татарскихъ высвободили, и съ тою службою и съ языки присланы они къ государю, и въ томъ воленъ Богъ да царское величество, какъ ихъ пожалуетъ. А они вмѣстѣ головами своими хотятъ служить его царскому величеству, и его царскія милости къ себѣ нынѣ и впередъ искать хотятъ".

Къ чести Москвы и ея государственной политики надобно сказать, что боярская дума ни при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, ни при его сынѣ, Алексѣѣ Михайловичѣ, не переманивала къ себѣ козаковъ изъ польскихъ владѣній: она желала, чтобы Южная Русь пришла къ самоуразумѣнію всею землею. Путивльскіе воеводы получили даже выговоръ за пропускъ Одинца къ столицѣ безъ испрошенія царскаго на то указа. Но предложенія со стороны недавнихъ своихъ разорителей служить великому государю по-старинѣ Москва не отвергла.

Что̀ касается козаковъ, то они виновными въ Московскомъ Разореньѐ себя не признавали. Они были добычники, терпимые всѣми сосѣдними народами, какъ и Татары, по невозможности ихъ уничтожить. Они служили изъ-за добычи каждому, кто ее за ними обезпечивалъ. Опустошивъ государство ради своего козацкаго промысла, они теперь были готовы промышлять въ его пользу, все равно какъ промышляли бы въ пользу его враговъ, даже въ пользу самихъ Татаръ и Турокъ, еслибы благосклонность крымскаго хана и турецкаго султана понадобилась имъ такъ, какъ черезъ двадцать восемь лѣтъ при польскомъ Янѣ Казимирѣ и черезъ восемьдесятъ девять лѣтъ при нашемъ Петрѣ Великомъ.

Такъ и смотрѣла на нихъ Москва. Еще задолго до своего Смутнаго Времени, въ эпоху между бунтомъ Косинскаго и бунтомъ Наливайка, она высказала императорскому посланнику свое мнѣніе о малорусскихъ козакахъ. „Это люди дикіе, необузданные, не имѣющіе страха Божія, и на вѣрность ихъ нельзя разсчитывать“, говорили тогда думные дьяки въ Посольскомъ Приказѣ. Во времена московскихъ смутъ и бѣдствій, запорожскіе козаки, наравнѣ съ польскими лисовчиками, московскою сѣверскою вольницею и не признавшими еще московскаго подданства донцами, назывались у Москвичей ворами, а 1618 годъ не возвысилъ составившагося тогда о нихъ понятія.

Тѣмъ не менѣе, однакожъ, Москва должна была имѣть въ виду, что Запорожское Войско состояло преимущественно изъ людей православныхъ, были ли то бѣглецы сѣверно-русскихъ, или же южно-русскихъ украинъ, была ли то дворянская молодежь, или же была то кабацкая голь всѣхъ племенъ и состояній. Днѣпровскіе козаки, со временъ героя Данила Адашева, часто избирали своими атаманами людей происхожденія московскаго, и въ свитѣ атамана Одинца могли находиться такіе люди. Во всякомъ случаѣ царскимъ совѣтникамъ слѣдовало предполагать, что запорожское товарищество относится не совсѣмъ равнодушно къ событіямъ уніи, которая православные церкви и монастыри передавала въ руки папистовъ. Поэтому, похваливъ козаковъ за то, что они ищутъ царской милости, думные дьяки спросили Одинца и его товарищей: нѣтъ ли отъ польскаго короля какого посягательства на ихъ вѣру?

Вопросъ этотъ былъ возбужденъ дошедшими до Москвы слухами, что польскій король примирился съ турецкимъ султаномъ. Въ Москвѣ знали, что Сигизмундъ III состоитъ въ дружбѣ съ нѣмецкимъ императоромъ Фердинандомъ II, великимъ поклонникомъ римскаго папы, и что Фердинандъ началъ тѣснить у себя иновѣрцевъ. Поэтому думали: не находится ли въ связи съ начавшеюся въ Чехіи религіозною

войною окончательное подавленіе православія въ Польшѣ? Но козаки отвѣчали, что „про цесаря и про папу ничего имъ невѣдомо, и отъ нихъ тотъ край отдаленъ, а посяганья на нихъ отъ польскаго короля никотораго не бывало".

Такой отвѣтъ долженъ былъ поразить думныхъ дьяковъ Посольскаго Приказа, то есть членовъ тогдашняго министерства иностранныхъ дѣлъ. Имъ было извѣстно, что по смерти отступника Михаила Рогозы кіевскимъ митрополитомъ сдѣланъ Ипатій Потѣй; что по смерти Потѣя митрополія, съ приписанными къ ней имуществами, предоставлена такому же уніяту, Іосифу Велямину Рутскому, и что при этомъ митрополитѣ, Полотской архіепископіи, обрѣзанной въ пользу іезуитовъ еще Стефаномъ Баторіемъ, грозило окончательное совращеніе въ унію. Недавняя уступка Польшѣ Смоленска сдѣлала Москву больше прежняго чувствительною къ успѣхамъ папизма на древней русской почвѣ.

Съ своей стороны паписты направляли всѣ усилія свои преимущественно къ тому, чтобы на границахъ Польши съ Московскимъ Царствомъ поставить крѣпкіе устои завоевательной римской церкви. Съ этою цѣлью для кіевской митрополіи былъ воспитанъ спеціально въ Римѣ сынъ московскаго подданнаго Велямина, взятаго плѣнникомъ въ 1578 году, подъ рѣкою Улою, и поселеннаго въ Литвѣ на правахъ шляхтича, а для полотской архіепископіи образованъ мѣстными средствами іезуитовъ сынъ новоградъ-волынскаго мѣщанина, Іосафатъ Кунцевичъ.

Превращеніе православія въ уніятство велось чрезъ посредство этихъ агентовъ двумя различными, но параллельно идущими путями. Рутскій, пребывая на Волыни, въ Червонной Руси и въ Кіевщинѣ, привлекалъ къ уніи основаніемъ народныхъ школъ, образованіемъ трезвыхъ и набожныхъ монаховъ базиліянъ, дружескимъ общеніемъ съ православными и кроткою проповѣдью домашняго благоустройства. Этимъ онъ уничижалъ, въ глазахъ порядочныхъ шляхтичей и мѣщанъ, невѣжественную и запальчивую толпу православныхъ монаховъ и поповъ, заключавшую въ своемъ составѣ чрезвычайно мало людей, не то что благовоспитанныхъ, но хотя бы чуждыхъ общему на пограничьяхъ пороку пьянства.

Напротивъ Кунцевичъ апостольствовалъ въ Бѣлоруссіи посредствомъ казуистическаго принужденія къ перемѣнѣ вѣры. Іезуиты поддерживали при дворѣ его казуистику и подавали королю къ подписанію мандаты противъ мѣщанъ, сопротивлявшихся введенію уніи, какъ противъ нарушителей общественнаго спокойствія. Съ нимъ было страшно

состязаться на судѣ и мірянамъ, и духовенству. Всюду имѣлъ онъ благопріятелей, задобренныхъ, или же фанатизованныхъ іезуитами. Искусно и вмѣстѣ дерзостно „подводилъ онъ подъ криминалы“ непослушныхъ своимъ распоряженіямъ, по внѣшности законнымъ. Даже православная проповѣдь, утверждавшая народъ въ религіи предковъ, истолковывалась имъ, какъ поджиганье черни къ мятежу. Искренно вѣруя въ святость римскаго папы, какъ Христова намѣстника и главы церкви, онъ, какъ бы въ подражаніе политикѣ нѣмецкаго императора, домогался изгнанія изъ государства всѣхъ отвергающихъ единство двухъ церквей.

Ни православная, ни союзная съ нею протестантская шляхта не смѣла тягаться съ Кунцевичемъ за церковныя имущества. Правда, земскіе послы вопіяли на сеймахъ, что приходскія церкви противившихся уніи мѣщанъ стояли запечатанными; что изгнанные изъ приходовъ священники скитаются въ нищенствѣ; что православное богослуженіе отправляется въ шалашахъ; что и самые шалаши подвергаются разрушенію отъ уніятовъ; что городской народъ, разлученный съ приходскими священниками, собирается для общественной молитвы подъ открытымъ небомъ въ полѣ; что православнымъ мѣщанамъ запрещаютъ рыть могилы рядомъ съ могилами предковъ; что погребенныхъ по православному, безъ уніятскаго священника, выбрасываютъ изъ гробовъ; что многіе, изъ-за гоненій на православный обрядъ, остаются некрещенными, и вступаютъ въ брачное сожительство безъ церковнаго благословенія. Но королевская партія отдѣлывалась — то отсрочками, то обѣщаніями, то публикаціею сеймовыхъ постановленій, которыя по-старому оставались мертвою буквою, а православная церковь между тѣмъ пустѣла и уничтожалась.

Полотскъ, древнерусскій Полтескъ, сдѣлавшійся притономъ іезуитовъ еще во времена Іоанна Грознаго, сильно пропагандировалъ сочиненную іезуитами унію, и въ Смоленскѣ, уступленномъ Польшѣ царемъ Михаиломъ, появились уже православные попы, готовые идти по слѣдамъ отступника Кунцевича.

Въ этотъ критическій моментъ малорусскаго православія, когда знаменитыя слова Іоанна III о Кіевѣ и другихъ отчинахъ московскихъ государей обращались въ ничто, Москва была поддержана въ своей церковно-государственной политикѣ появленіемъ среди царскихъ совѣтниковъ двухъ важныхъ дѣятелей. Съ Запада прибылъ въ столицу ростовскій митрополитъ Филаретъ Никитичъ Романовъ, съ Востока— іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ.

Отецъ избраннаго на царство въ 1612 году Михаила Романова,

въ монашествѣ Филаретъ, сдѣлался польскимъ плѣнникомъ въ 1609 году вмѣстѣ съ братьями Шуйскими и другими знатными московскими людьми. Онъ былъ заключенъ въ Маріенбургской крѣпости, и только по Деулинскому договору получилъ наконецъ свободу. Одинъ изъ нашихъ историковъ, повторяя письменныя преданія Смутнаго Времени, выставляетъ въ характерѣ ростовскаго митрополита черты двуличности и измѣнчивости, которыхъ отнюдь не замѣчаетъ въ „святопамятномъ“ князѣ Василіи. Но онъ забылъ упомянуть, что въ 1618 году, когда въ Деулинѣ шли переговоры съ польскими уполномоченными, Филаретъ Никитичъ прислалъ изъ своего заточенія наказъ: чтобы для освобожденія его изъ плѣна не уступали Полякамъ ни одной пяди русской земли. На нашъ взглядъ, одинъ этотъ поступокъ достаточно говоритъ о нравственномъ темпераментѣ церковно-государственнаго подвижника. Филаретъ Романовъ, послѣ девятилѣтняго плѣна, воспользовался перемѣною обстоятельствъ не такъ, какъ это сдѣлалъ бы человѣкъ, способный къ двуличности и измѣнчивости. Онъ помышлялъ не о собственномъ благоденствіи, а о такихъ великихъ дѣлахъ, какъ подъемъ на русскомъ Югѣ приниженной папистами православной церкви. Проведя столько времени среди иновѣрцевъ, онъ лучше прежняго зналъ, какъ поддержать падающее въ землѣ Мономаха православіе.

Событія церковной уніи въ Польшѣ и Смутнаго Времени въ Московскомъ Царствѣ разобщили было Русскій міръ съ восточными патріархами. Но лишь только Москва оправилась послѣ своего Разоренія, снова сдѣлалась она упованіемъ турецкихъ Славянъ и Грековъ, а восточные патріархи опять стали помышлять о возобновленіи съ нею сношеній. Общимъ соборомъ избрали они іерусалимскаго патріарха Ѳеофана для путешествія къ „единому православному царю“ и для устройства „обоихъ предѣловъ“ (Русской Земли), какъ говорится объ этомъ въ современномъ московскомъ сказаніи. Опасно было путешествіе, какъ это мы видѣли на Грекѣ Никифорѣ, и трудно было выполнить задачу его. Но, по словамъ московскаго сказанія, товарищи патріарха видѣли въ Ѳеофанѣ „воеводу крѣпка и сильна, могуща тещи путь отъ Востока до Запада, ни оруженосцевъ, ни броней мужескихъ, но токмо едино слово Божіе во устѣхъ имуща, могущее разорити тверди неодолѣваемыя“. — Неодолѣваемыми для Москвы твердями были, въ данномъ случаѣ, іезуитскіе происки, отдѣлившіе посредствомъ уніи одну русскую церковь отъ другой и устремившіе южныхъ Русичей, подъ польскими знаменами, на Русичей сѣверныхъ.

Первымъ дѣломъ Ѳеофана было замѣстить московскій патріаршій престолъ, остававшійся праздным съ 1612 года послѣ Гермогена, о

которомъ, какъ и о Филаретѣ, тотъ же историкъ собралъ въ одно мѣсиво современныя розсказни, но который явилъ себя героемъ-мученикомъ вѣры и народности въ самый опасный для Россіи моментъ ея борьбы съ Польшею. Никто не могъ наслѣдовать великодушному Гермогену достойнѣе того, кто, будучи царскимъ отцомъ, готовъ былъ скорѣе умереть въ заточеніи, нежели купить свободу уступкою врагамъ хотя бы одной пяди Русской земли. Возсѣвъ на патріаршемъ престолѣ, Филаретъ Романовъ сдѣлался новымъ органомъ великой мысли русскаго возсоединенія, которая проявилась уже во времена Іоанна III такъ выразительно, что не могла исчезнуть ни въ эпоху безумія Грознаго, ни въ Смутное Время, порожденное кознями Бориса Годунова съ одной стороны и Римской Куріи съ другой.

Утраченные документы тогдашней дѣятельности Москвы по этому предмету, безъ сомнѣнія, заключали въ себѣ указанія на способы, которыми была обновлена связь, державшая въ совокупности всю древнюю Русь, разъединенную удѣлами. Уцѣлѣло только свидѣтельство, что малорусскихъ козаковъ разспрашивали въ Москвѣ о работѣ римской политики. Для насъ очевидно, откуда шли разспросы. Царствованіе Михаила Ѳеодоровича имѣло характеръ теократическій. Патріаршій престолъ стоялъ тогда рядомъ съ царскимъ, и вопросы иностранной политики дѣлались вопросами церкви. Начавшаяся въ Западной Европѣ тридцатилѣтняя война не могла оставить безъ своего вліянія Москву Романовыхъ. Погромъ Чеховъ на Бѣлой Горѣ, публичныя казни чешскихъ борцовъ за вѣру, сожженіе всѣхъ чешскихъ книгъ и рукописей среди Праги, запечатаніе всѣхъ иновѣрческихъ церквей въ годовщину сожженія Гуса и многочисленная эмиграція чешскихъ утраквистовъ по фанатическимъ узаконеніямъ Фердинанда II — должны были вдохновлять вернувшагося изъ польскаго плѣна Филарета на противодѣйствіе папскому главенству въ Малороссіи.

Хотя козаки отозвались о королевской нетерпимости изчужа, но къ нимъ, какъ видно изъ послѣдовавшихъ явленій, приступили съ новыми разспросами и къ разспросамъ, безъ сомнѣнія, присовокупили внушенія. Козацкія сердца были доступны, если не той религіи, которая выражаетъ себя дѣлами милосердія, то—религіи ужаса передъ карающимъ Божествомъ. На нихъ, какъ мы догадываемся, подѣйствовали въ Москвѣ съ *этой* стороны. Окруженный почетомъ въ царскомъ обществѣ, Ѳеофанъ могъ возымѣть на атамана Одинца и его товарищей такое могущественное вліяніе, какое римскій первосвященникъ оказывалъ на жестокосердыхъ рыцарей католичества. Еще вчера

чуждый интересамъ православной церкви полудикій наѣздникъ могъ сдѣлаться сегодня ревностнымъ ея слугою и козацкіе послы, хлопотавшіе въ Москвѣ о войсковыхъ интересахъ своихъ, могли вернуться къ своему гетману съ миссіею церковною, а недовольные королевскимъ правительствомъ козаки-шляхтичи, на зло правительственнымъ панамъ и оффиціальнымъ пастырямъ ихъ душъ, могли заговорить о своей вѣрѣ, на которую, по словамъ Одинца и его товарищей, отъ короля никотораго посяганья не бывало.

Мы ничего не знаемъ объ этомъ положительно; но намъ извѣстно, что въ 1618 году козацкій гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный, ради польскаго королевича, разорялъ Московское Царство, не щадя въ немъ ни церквей, ни монастырей, а въ 1620-мъ сдѣлался въ Польскомъ Королевствѣ передовикомъ православнаго движенія.

Онъ былъ воспитанникъ Острожскаго училища, и хотя бѣжалъ въ козаки отъ горькой въ тѣ времена „школьной чаши“, но хлопоты православниковъ при дворѣ князя Василія могли заронить въ душу юноши мысль о бѣдственномъ положеніи отеческой церкви, и эта мысль выразилась теперь дѣятельнымъ покаяніемъ. Обратный путь свой Ѳеофанъ направилъ черезъ Малороссію и былъ конвоированъ козаками Сагайдачнаго отъ ближайшаго къ московскому рубежу Густынскаго монастыря до Кіева. Въ Кіевѣ Сагайдачный, въ противоположность князю Острожскому относительно Грека Никифора, дѣлалъ долговременное пребываніе патріарха совершенно безопаснымъ отъ всякихъ посягательствъ королевской партіи, которая готова была объявить его какъ Никифора, да и объявила таки въ послѣдствіи, турецкимъ шпіономъ.

Ѳеофанъ медлилъ возвращеніемъ въ Грецію. Онъ, очевидно, имѣлъ въ виду смѣлое дѣло, обезсмертившее его въ исторіи, и выжидалъ только событій.

Событія сложились благопріятно для его важной миссіи. Воинственная часть польскорусскаго общества, подкураженная недавними успѣхами Московскаго похода, побудила Сигизмунда III предупредить войну, которою грозилъ ему молодой Османъ и вооружить противъ Турокъ „Волощину“, съ тѣмъ чтобы, поддерживая господаря своимъ войскомъ, защитить Польшу его княжествомъ, точно щитомъ. Къ воинственнымъ мечтаніямъ однихъ пановъ присоединились интриги противъ Жовковскаго другихъ. Король настоятельно потребовалъ отъ него похода, обѣщая прислать ему подкрѣпленіе. Но подкрѣпленія посланы не были. Турки и Татары окружили коронное и панское войско во время его отступленія съ долины Цецоры и разбили на

голову. Знаменитый полководецъ палъ въ битвѣ; его товарищъ, полевой коронный гетманъ, Станиславъ Конецпольскій, былъ отведенъ плѣнникомъ въ Стамбулъ. Миръ съ Турціей Польша нарушила, а продолжать войну было ей нечѣмъ. Изъ Царьграда приходили между тѣмъ вѣсти о громадныхъ приготовленіяхъ Османа II къ походу. Рѣчь Посполитая находилась подъ гнетомъ страха. Присмирѣла и королевская партія, добивавшая малорусское православіе посредствомъ уніятскихъ іерарховъ.

Этимъ моментомъ воспользовался Ѳеофанъ, и съ сентября 1620 года началъ посвящать ревностныхъ къ отеческой вѣрѣ архимандритовъ и игуменовъ на опустѣвшія для православныхъ владычества. Октября 6 посвященъ имъ на перемышльское епископство Исаія Копинскій; октября 9—на кіевскую митрополію Іовъ Борецкій, а на епископство туровское и пинское Грекъ Аврамій; въ началѣ декабря—на полоцкую архіепископію Мелетій Смотрицкій; наконецъ, въ январѣ 1621 года—на епископство владиміское и берестовское Іосифъ Курцевичъ, на епископство луцкое и острожское Исакій Борисковичъ, а на епископство холмское и бѣлзское Паисій Ипполитовичъ.

Всѣ эти каѳедры были заняты панскими ставленниками, архіереями уніятскими, во владѣніи которыхъ находились и приписныя къ владычествамъ церковныя имущества. Православные архіереи оставались всё тѣми же архимандритами и игуменами убогихъ монастырей, которыхъ не захватили еще уніяты. Но іезуиты были сильно встревожены появленіемъ православной іерархіи въ виду созданной ими іерархіи уніятской. Не успѣлъ патріархъ Ѳеофанъ удалиться изъ предѣловъ Польши, какъ они заставили короля подписать универсалъ объ изловленіи и преданіи суду самозванныхъ архіереевъ, нарушителей общественнаго спокойствія. Великое дѣло возстановленія кіевской митрополіи готово было рухнуть столь же внезапно, какъ внезапно совершено оно.

Но движеніе турецкихъ силъ къ Днѣстру представлялось правительству, по преувеличеннымъ слухамъ, повтореніемъ Ксерксова похода въ Грецію, и въ самомъ дѣлѣ Османъ II грозилъ стереть Польшу съ лица земли. Опасность была велика. Король съ большимъ трудомъ собралъ тысячъ тридцать защитниковъ днѣстровской границы. Этого войска было недостаточно. Пришлось обратиться къ козакамъ.

Козаки, какъ и Татары, съ начала и до конца своего существованія, раздѣлялись на нѣсколько не только независимыхъ одна отъ другой, но и враждебныхъ ордъ. Соединить ихъ и направить къ одной цѣли могъ только популярный и вмѣстѣ грозный для соперниковъ

атаманъ-предводитель, какимъ былъ Сагайдачный. Онъ это зналъ. Знали это и королевскіе агенты, трудившіеся въ Украинѣ надъ вербовкою Запорожскаго Войска. Когда имъ было объявлено, что козаки не пойдутъ на Турокъ, если мандаты противъ новыхъ архіереевъ не будутъ отмѣнены, король нашелся вынужденнымъ сдѣлать попятный шагъ въ церковной уніи, которая была его гордостью, его любимою мечтою.

Такъ уцѣлѣла кіевская митрополія, противозаконная въ глазахъ правительства и не поддержанная ниоднимъ польскорусскимъ магнатомъ, хотя многіе великіе паны исповѣдывали еще православную вѣру. Только глава протестантовъ, князь Христофоръ Радивилъ, сынъ Христофора, прозваннаго Перуномъ, по фамильной политикѣ своей, оказалъ покровительство новому кіевскому митрополиту, Іову Борецкому,—и замѣчательно, что Іовъ Борецкій, въ письмахъ къ Радивилу, называетъ его заступничество такимъ подвигомъ, который „достоинъ памяти всѣхъ грядущихъ вѣковъ“.

Но положеніе православной іерархіи въ Малороссіи было крайне затруднительнымъ. Даже тѣ малорусскіе паны, которые строили еще монастыри, или давали ихъ строить подъ оборономъ своихъ привилегій, даже тѣ сеймовые ораторы, которые въ церковныхъ братствахъ носили званіе старшихъ братчиковъ и старостъ, отступились отъ іерархіи, возставшей съ очевидною помощью иноземной власти, подъ козацкою охраною. Іовъ Борецкій и его уботіе товарищи-архіереи вопіяли въ Москву, что имъ прибѣгнуть не къ кому: что у нихъ нѣтъ ни царей, ни князей, ни боляръ благочестивыхъ; что *всѣ* бывшіе созидатели и благодѣтели святыхъ церквей отступили отъ православной вѣры: одни превратились въ „Ляховъ“, другіе въ уніятовъ, третьи въ еретиковъ.

И все-таки еретики, то-есть протестанты, представлялись новымъ іерархамъ единственнымъ прибѣжищемъ въ напастяхъ и гоненіяхъ со стороны панствъ. Самъ Іовъ Борецкій, молчаливо отвергаемый панами, остававшимися, повидимому, въ благочестіи, старшаго изъ двоихъ сыновей своихъ, Стефана, помѣстилъ при дворѣ князя Христофора II Радивила (1629), а младшаго, Андрея, послалъ на службу къ царю Михаилу Ѳедоровичу (1630).

Польско-русскіе протестанты всё еще не теряли изъ виду презираемаго ими православія. Политика велѣла имъ поддерживать и самихъ козаковъ, какъ людей, прикоснувшихся къ интересамъ церкви. До самой смерти Іова Борецкаго (1631) не переставали козацкіе вожди обращаться къ сыну Христофора Радивила-Перуна съ просьбами о ходатайствѣ передъ королемъ.

Та же самая, но болѣе осмысленная, политика заставляла и Москвичей заботиться о малорусской церкви со всею ея паствою. Благочестивыя и вмѣстѣ дальновидныя заботы этихъ собирателей Русской Земли, можно сказать, спасли будущность Малороссіи. Убожество и безпомощность нашего высшаго духовенства были такъ велики, что, по словамъ новаго митрополита, только царскія подаянія удерживали его отъ разсѣянія по свѣту. Въ архивныхъ дѣлахъ того времени сохранилось множество игуменскихъ просьбъ о дозволеніи монастырской братіи переселиться въ московскіе предѣлы. Одинъ изъ товарищей Іова Борецкаго, по архіерейству Іосифъ Курцевичъ, былъ даже перемѣщенъ царемъ на суздальскую архіепископію. Другіе просители получали въ Москвѣ пособія деньгами и церковною утварью, причемъ внушалось имъ стоять при своей вѣрѣ до конца.

Царскія подаянія не могли быть очень щедрыми, но при убожествѣ нашихъ церквей и монастырей, удержавшихся въ православіи среди латинства, протестантства и уніи, дѣйствовали на духовенство ободрительно. Малорусскіе монастыри, сколько ихъ ни было, съ возстановленіемъ православной митрополіи, стали посылать къ царю просителей „милостыни на церковное строеніе“. Эти просители были угощаемы въ Москвѣ отъ царскаго стола, допускались видѣть „пресвѣтлыя царскія очи“, удостоивались благословенія отъ царскаго отца, „святѣйшаго патріарха московскаго *и всея Руси*“, и приносили домой разсказы о Московскомъ Царствѣ, какъ о „странѣ тихой“, представлявшей рѣзкую противоположность съ Королевскою Землею, въ которой, по словамъ кобзарской думы, не было добра.

Естественно, что Москву стали у насъ превозносить по монастырямъ, какъ „второй Іерусалимъ“, а царя уподобляли прекрасному Іосифу, готовому призрѣть оскудѣвшій родъ свой среди благоденственнаго царства. Наивная пропаганда обобраннаго уніятами духовенства дѣйствовала сильно на умы простонародья, остававшагося внѣ политическихъ вліяній польской интеллигенціи. Тѣснимые своими соперниками архіереи не колебались писать въ Москву, что „отступники святой восточной вѣры, уніяты“, дѣйствуютъ за одно съ ихъ „царемъ, гонителемъ на благочестіе“, и что власть этого царя есть не что иное, какъ Господне попущеніе. Еще меньше колебались убогіе, раздраженные противниками монахи и попы внушать прихожанамъ, что истинный царь ихъ возсѣдаетъ на московскомъ престолѣ, а польскій король малымъ чѣмъ лучше гонителя и мучителя Фараона. Благоговѣніе къ верховной власти, въ которой народъ желаетъ видѣть нелицепріятную правду и милость, переносили изъ Варшавы въ Москву. Оставивъ па-

новъ и уніятскихъ іерарховъ съ ихъ надеждами и искательствомъ, устремленными къ центру польскому, православное духовенство и находившіеся подъ его вліяніемъ міряне обратили свои неясныя покамѣстъ упованія къ центру московскому. Задача будущаго возсоединенія Русской Земли была рѣшена во многихъ умахъ задолго до событій, утвердившихъ это рѣшеніе.

Но слѣдуетъ помнить, что подъ религіозными стремленіями высшихъ представителей церкви и клерикальными интересами низшихъ— у всѣхъ народовъ скрывалась насущная жизнь массы, которою церковь руководитъ, яко интеллигенція божественная. Эта насущная жизнь весьма часто перерѣшала рѣшенія церкви, и въ настоящемъ случаѣ не торжествовать бы православію въ международной политикѣ надъ католичествомъ, когда бы громадное большинство Рѣчи Посполитой было защищено въ своемъ быту и имуществѣ больше населенія Царства Московскаго.

Изъ ста польско-русскихъ помѣщиковъ, можетъ быть, всего два-три человѣка относительно чернорабочаго класса были безсмысленнѣе и безсердечнѣе помѣщиковъ москворусскихъ; другіе ни въ какихъ домашнихъ и общественныхъ добродѣтеляхъ не уступали москвитянамъ, а многіе далеко ихъ превосходили. Но въ Московскомъ Царствѣ, при его деспотическомъ правленіи, дворянинъ надъ дворяниномъ, говоря вообще, не могъ совершать безнаказанно такихъ беззаконій, какими была преисполнена конституціонная жизнь общества польскаго; а москворусскій мѣщанинъ и крестьянинъ не подвергались ни жолнерскимъ, ни козацкимъ, ни татарскимъ грабежамъ, отъ которыхъ мѣщане и крестьяне польско-русскіе страдали такъ же беззащитно, какъ и отъ безпрестанныхъ панскихъ усобицъ. Вотъ что̀ давало силу внушеніямъ нашихъ поповъ и монаховъ, обиженныхъ паче всего покровительствомъ, которое король оказывалъ отступникамъ древнерусской вѣры. Вотъ что̀ дѣлало ихъ похвалы московскому царю и его верховной правдѣ побѣдительно краснорѣчивыми.

Глава VI.

Хотинская война.—Козаки и татары.—Отношенія малорусскаго козачества къ церкви.—Отношенія польско-русскихъ пановъ къ церкви.—Успѣхи церковной уніи.—„Совѣтованіе о благочестіи“.—Мысль о присоединеніи къ Московскому Царству.—Козако-панская усобица 1625 года.

Обративъ Сагайдачнаго къ покаянію вмѣстѣ съ его товарищами-атаманами, Ѳеофанъ заставилъ ихъ „принести плодъ, достойный покаянія“. Этимъ плодомъ было, вопервыхъ, обѣщаніе идти въ помощь коронному войску противъ Османа, вовторыхъ, обѣщаніе не ходить войною на Москву, „на христіанскій родъ“.

Въ то время, какъ Сагайдачный договорился съ королевскими агентами о неприкосновенности митрополита и владыкъ, поставленныхъ имъ при жизни тѣхъ, которыхъ правительство считало занимающими свои должности законно, козаки были раздроблены своимъ добычнымъ промысломъ на нѣсколько хищныхъ компаній. Одни, пользуясь отсутствіемъ коронныхъ гетмановъ, оживились опустошеніемъ панскихъ имѣній дома; другіе „верстали добычную дорогу“ по Черному морю; третьи „плюндровали“ православную Волошину, яко землю турецкую, а были и такіе, что гайдамачили въ Нѣмецкой Имперіи подъ шумъ религіозныхъ войнъ, или же, не смотря на свое православіе, участвовали въ бояхъ лисовчиковъ противъ чешскихъ утраквистовъ, подъ знаменемъ фанатическаго панскаго угодника, Фердинанда II.

Кличъ Сагайдачнаго былъ услышанъ не скоро, тѣмъ болѣе, что не онъ былъ избранъ гетманомъ. Это званіе козаки, а, можетъ быть, и паны, нашли полезнѣйшимъ предоставить какому-то Бородавкѣ. Сагайдачный кипѣлъ скрытою досадою на дерзновеннаго козака, осмѣлившагося взять гетманскую булаву при его жизни. Онъ углубился съ своей дружиною въ поднѣпровскія пустыни, перегороженныя уже татарскими кочевьями, предвѣстниками турецкаго нашествія. Созывая козаковъ посредствомъ гонцовъ и универсаловъ, онъ въ то же время бился съ Татарами и, раненный въ руку, прибылъ къ становищу

коронnаго войска на лѣвомъ берегу Днѣстра, противъ Хотина. Когда наконецъ собралось къ нему войско, носившее противозаконно названіе Запорожскаго, но теперь признанное таковымъ, не смотря на свою многочисленность, Сагайдачный отсѣкъ Бородавкѣ голову по приговору войсковаго круга.

Этотъ человѣкъ умѣлъ править воинственными номадами. Онъ зналъ, что „вольный козакъ“ подчиняется только деспотической, повергающей на землю силѣ. Ни подъ чьимъ предводительствомъ козаки наши не дѣйствовали такъ единодушно, какъ подъ бунчукомъ этого свирѣпо-геніальнаго наѣздника. И на Черномъ морѣ, и въ Московщинѣ совершали они съ нимъ чудеса боеваго мужества. Подъ Хотиномъ новые Торки и Берендеи подвизались не хуже. По признанію шляхетныхъ представителей Польши, здѣсь эти „хлопы“ были розовымъ вѣнкомъ на головахъ побѣдителей Османа. Правда, Турки шли неохотно на войну, будучи испорчены подкупкою администраціей сераля. Роскошная громоздкость Османова лагеря затрудняла движенія турецкой арміи. Суровость нашего климата въ осеннее ненастье парализовала азіятскихъ воиновъ, а неудержимое никакими строгостями дезертирство новобранцевъ ослабляло мужество ветерановъ. Но еслибы козаки не были соединены въ одно цѣлое подъ желѣзною рукою своего вождя, не вернулся бы новый Ксеркъ отъ береговъ Днѣстра съ позоромъ, и угрозы, съ которыми онъ выступилъ въ походъ, не оставались бы праздными словами.

Польша освободилась отъ опасности, какая когда-либо ей угрожала. Неудачный походъ Османа произвелъ въ Стамбулѣ бунтъ. Османъ погибъ насильственною смертью, и на мѣсто его воцарился султанъ, одинаково неспособный ни къ военнымъ, ни къ мирнымъ распоряженіямъ. Правленіе перешло въ руки женщинъ и евнуховъ, а бунты и междоусобія областныхъ начальниковъ довершали внутреннее разстройство государства. Но приниженная Османомъ II слава турецкаго оружія требовала возстановленія. Патріоты домогались отъ своего безглаваго правительства продолженія войны съ Лехистаномъ. Заключить съ Турціей миръ оказалось для Польши дѣломъ чрезвычайной трудности. Великій посолъ Рѣчи Посполитой, князь Христофоръ Збаражскій, жилъ весьма долго въ Царьградѣ, то подкупая членовъ дивана, то дѣйствуя на него чрезъ посредство другихъ европейскихъ пословъ. Его старанія оставались безуспѣшными, и всего больше вредили дѣлу морскіе набѣги днѣпровской вольницы.

Вернувшись изъ похода къ Хотину, Сагайдачный прожилъ всего мѣсяцевъ шесть, и умеръ отъ ранъ въ началѣ 1622 года. По проло-

женной его удачными набѣгами дорогѣ козаки ходили на море большими и малыми флотиліями, можно сказать, безпрестанно. Для Турецкой Имперіи настало время великаго упадка. Добычники это чуяли и, повидимому, были готовы докончить колеблющееся государство. Папскіе нунціи, въ видахъ торжества католичества на Востокѣ, совѣтовали Польшѣ не препятствовать ни козакамъ, ни другимъ смѣлымъ людямъ вторгаться въ турецкія владѣнія и основывать въ нихъ отдѣльныя царства.

Но слабость пошатнувшейся Турціи все еще была для Польши силою грозною. Одни Буджацкіе Татары, кочевавшіе въ окрестностяхъ Киліи, Бѣлгорода, Тегини, причиняли ей своими набѣгами столько же горя и тревоги, сколько терпѣла Турція отъ козаковъ. Надобно было, во что бы то ни стало, заключить съ Турками миръ. Збаражскій употребилъ всѣ усилія для достиженія этой цѣли, и наконецъ миръ былъ заключенъ въ 1623 году.

Всѣ предыдущіе и послѣдующіе переговоры Польши съ Турціей вертѣлись на Козакахъ и Татарахъ. Всѣ польско-турецкія войны были ссорами за козацкія съ одной и татарскія съ другой стороны вторженія. Оба сосѣднія государства, поражая другъ друга, выѣзжали на пограничныхъ ордахъ, съ этой стороны христіянскихъ, съ той — магометанскихъ; оба терпѣли ихъ изъ горькой необходимости, и оба рады были бы отдѣлаться отъ нихъ навѣки. Но что оказалось въ послѣдствіи возможнымъ для Россіи, было не по силамъ ни Польшѣ, ни Турціи.

Въ польскорусской республикѣ вопросъ козачества соединился теперь съ вопросомъ церкви самымъ зловѣщимъ для пановъ образомъ, а между тѣмъ козачество приняло новый, весьма опасный характеръ.

До Хотинской войны, какъ это видно изъ актовъ Ольшанской и Раставицкой коммиссій, козакующая шляхта допускала въ свое товарищество только *ремесленниковъ* да *торговцевъ*. Но когда этимъ королевскимъ и панскимъ подданнымъ велѣли выписаться изъ козаковъ, а потомъ снова позвали на войну, „выписанные запорожскіе козаки“ увеличили число свое цѣлыми десятками тысячъ „бѣглецовъ отъ *плуга*“, дабы тѣмъ прочнѣе вкорениться подъ войсковымъ присудомъ своимъ тамъ, гдѣ отъ нихъ требовали крѣпостной зависимости.

Подобно тому, какъ по козацкому вопросу королевское правительство сдѣлало уступку, обнаружившую слабость предержащей власти, оно сдѣлало такую же уступку и по вопросу церковному. При жизни архіереевъ, занимавшихъ мѣста свои законно, оно дозволило противозаконно умножившемуся войску, или старшинѣ этого войска, поставить

на тѣ самыя мѣста твердыхъ въ предковской вѣрѣ и въ русской старинѣ людей, называемыхъ схизматиками, то-есть раскольниками.

Козацкіе предводители сблизились такимъ образомъ съ верховниками анти-уніатской церкви, и въ свои петиціи на сеймъ, сверхъ трехъ головоломныхъ пунктовъ (о дозволеніи козакамъ пребывать самосудно въ королевскихъ и панскихъ имѣніяхъ, гостевать на Черномъ морѣ и увеличить число Запорожскаго Войска), стали вписывать еще просьбы о томъ, чтобы король низложилъ ставленниковъ римскаго папы и утвердилъ ставленниковъ патріаршихъ.

Еслибы въ Избѣ сеймовыхъ пословъ отъ земства и въ Избѣ сенаторской хлопотали о томъ же и польскорусскіе землевладѣльцы православнаго исповѣданія, это было бы весьма прискорбное для королевской партіи явленіе; но оно не разыгралось бы такими ужасами въ будущемъ, какъ разномысліе съ козаками Древинскихъ, Киселей и всѣхъ тѣхъ ораторовъ, которые вопіяли на сеймахъ о претерпѣваемыхъ православными гоненіяхъ, но ни разу не заикнулись о томъ, чего домогались козаки со словъ Іова Борецкаго и Христофора II Радивила.

Законность церковной уніи была признана, если не одобреніемъ, то молчаніемъ православнаго дворянства польскаго, и тѣмъ же молчаніемъ признавалась противозаконность новыхъ православныхъ архіереевъ. Между тѣмъ православные паны являлись весьма часто земскими послами на сеймѣ, имъ принадлежало veto римскихъ трибуновъ и, произнеся его, каждый изъ нихъ могъ бы уничтожить всѣ текущія постановленія шляхетскаго государственнаго собранія. Но ниодинъ сеймъ не былъ что̀ называется сорванъ изъ-за того, что отступившіе отъ православія владыки признали главенство римскаго папы. Такъ тѣсно православные паны были связаны другими, болѣе важными для нихъ интересами съ панами католическими.

Эта тѣсная связь давала въ руки козакамъ весьма опасное оружіе, хотя силу его козаки поняли только въ послѣдствіи, — именно: что слова *Ляхъ* и *Панъ* сдѣлались у нихъ однозначащими.

Покамѣстъ, козачество находилось еще въ томъ періодѣ своего развитія, который соотвѣтствуетъ беззаботному дѣтству и отрочеству. Козаковъ занималъ, покамѣстъ, одинъ широкій произволъ ссориться и мириться съ кѣмъ угодно и какъ угодно. Они вмѣшивались въ уличныя драки, не какъ представители цѣлой корпораціи, а какъ пріятели однихъ и враги другихъ личностей. Такимъ образомъ, въ 1618 году, былъ ими утопленъ въ проруби подъ Выдубицкимъ монастыремъ намѣстникъ, то-есть экономъ уніятскаго митрополита Іосифа Велямина

Рутскаго, Антоній Грековичъ, нѣкогда членъ виленскаго церковнаго братства. Такимъ образомъ были ими избиты и ограблены въ Богусловѣ Жиды, проливавшіе, по ихъ словамъ, христіанскую кровь. Такимъ образомъ, на походѣ къ Хотину, ограбили они богатаго Жида въ Бѣлой Церкви, будто бы за то, что у него въ подвалѣ нашли образъ Христа Спасителя, прибитый къ полу гвоздями. Такимъ образомъ нанимались они въ граничники къ одному пану противъ другаго, и помогали имъ во взаимныхъ наѣздахъ, не обращая вниманія на то, который изъ нихъ былъ католикъ и который—православникъ, или же дрались въ панскихъ ссорахъ изъ-за собаки, причемъ, въ видѣ панскаго имущества, грабили и православные храмы.

Самымъ выразительнымъ доказательствомъ ихъ невниманія къ дѣлу вѣры и церкви могутъ служить уніятскіе подвиги полотскаго архіепископа Іосафата Кунцевича, возбудившіе уже въ 1618 году громкіе протесты православныхъ сеймовыхъ ораторовъ и повсемѣстные вопли малорусскаго духовенства. Козаки, въ лицѣ атамана Одинца и его 15-ти товарищей, не считали этихъ подвиговъ посягательствомъ на свою вѣру до конца жизни Кунцевича (1623), и не сдѣлали ему ни одной укоризны. Между тѣмъ исторія знаетъ, что печерскій архимандритъ Никифоръ Туръ, еще въ 1594 году ходилъ съ наемными козаками въ Новогрудскій повѣтъ, и отвоевалъ у каштеляна Полубенскаго нѣсколько захваченныхъ имъ у Кіевопечерской лавры деревень; а о козакахъ Сагайдачнаго пишетъ участникъ Хотинской войны, Яковъ Собѣскій, что они вооруженными толпами бродили для грабежа по всей Бѣлоруссіи. Кстати вспомнить и секретное донесеніе королевскаго агента Оборницкаго, подкупавшаго козаковъ для войны противъ Османа II: что они, во время похода къ Днѣстру, столько надѣлали разореній въ королевскихъ и панскихъ имѣніяхъ, что едва ли Турки и Татары сдѣлали бы больше.

Вопреки заявленію козацкаго историка *), будто бы, по отпаденіи пановъ отъ малорусскихъ народныхъ интересовъ, козаки взяли знамя вѣры и были единственными борцами за православную церковь и русскую народность, товарищи Іова Борецкаго, спасенные Сагайдачнымъ отъ королевскихъ мандатовъ, не смѣли иначе появляться въ своихъ епархіяхъ, какъ тайкомъ—то въ средѣ церковнаго братства, то въ какомъ-нибудь монашескомъ общежитіи. Новый кіевскій митрополитъ возлагалъ надежды всего больше на ученаго Мелетія Смотриц-

*) Костомарова.

каго, титулярнаго архіепископа полоцкаго, въ виду мало образованнаго, хоть и краснорѣчиваго Кунцевича. Смотрицкій воспитывался за-границею по протекціи князя Василія, у котораго отецъ его служилъ дворяниномъ. Покровительствуемое протестантами Радивилами братство Св. Духа хлопотало у патріарха Ѳеофана объ его посвященіи, и дало ему пристанище въ своемъ монастырѣ. Отсюда разсылалъ онъ монаховъ и священниковъ для поддержанія въ мѣщанахъ бѣлорусскихъ городовъ приверженности къ древней греческой вѣрѣ, которой противопоставлялась унія, какъ „вѣра новая", иначе „вѣра римская". Нетерпѣливѣе всѣхъ сносили бремя новой вѣры жители города Витебска, въ которомъ Кунцевичъ имѣлъ свою резиденцію. Они были стѣснены до такой степени, что совершали богослуженіе только въ шалашѣ, построенномъ внѣ города, за рѣкой Двиной. Въ положеніи Витебска находились и другіе бѣлорусскіе города, но случаю было угодно вызвать въ немъ, помимо козаковъ, катастрофу, незабвенную ни для восточной, ни для западной церкви.

Утромъ 12 ноября 1623 года, въ воскресенье, православный священникъ, поуніятски раскольникъ, переправлялся тайкомъ изъ города на противоположный берегъ Двины для богослуженія въ „зарѣчной будкѣ", какъ называли уніяты молельню православныхъ. Архидіаконъ Кунцевича схватилъ его, какъ злодѣя, избилъ до полусмерти и заперъ въ архіепископской кухнѣ. Эта инквизиціонная сцена взволновала весь городъ, присмирѣвшій, какъ и другіе города, передъ закономъ о церковной уніи, который примѣнялся къ православнымъ мѣщанамъ съ казуистическою послѣдовательностью. Загудѣлъ древній вѣчевой колоколъ. Кунцевича вытащили изъ архіерейской палаты, убили тутъ же топорами и бросили въ рѣку.

Кровавое событіе навело ужасъ на королевскую партію. Вообразили, что началась религіозная война, какъ въ Нѣмецкой Имперіи. Имя Наливайка, зловѣщее въ устахъ папистовъ имя, воскресло въ фантастическихъ потемкахъ, какъ вампиръ, которому суждено было пить благороднѣйшую кровь націи. Подозрѣвали, что Витебскъ состоитъ въ заговорѣ со всѣми малорусскими городами, что душой заговора были схизматики архіереи, Борецкій и Смотрицкій, а его тѣломъ—запорожское козачество.

Но прошелъ одинъ, прошелъ и другой мѣсяцъ. Волненіе въ обществѣ поповъ и монаховъ продолжалось по-прежнему, мѣстами больше прежняго, но мѣщанскія общины не предпринимали ничего враждебнаго въ качествѣ оскорбленныхъ религіантовъ. Подъ конецъ 1624 года правительство прислало въ Витебскъ военносудную коммис-

сію. Она отсѣкла головы нѣсколькимъ десяткамъ витебскихъ мѣщанъ, конфисковала имущество, какъ тѣхъ, которые попали подъ королевскій мечъ, такъ и тѣхъ, которые успѣли бѣжать въ недоступную для уніятской дѣятельности козацкую Украину, но не открыла ни заговора между малорусскими городами, ни стачки витебскихъ мѣщанъ съ козаками.

Опасныя въ глазахъ трусливыхъ клерикаловъ, наши мѣщанскія муниципіи, въ настоящемъ случаѣ, оказались ничтожными. Они были деморализованы и старою іерархіею своею, и своими пришлыми членами, представлявшими грязный осадокъ заграничнаго протестантства. За весьма рѣдкими исключеніями, безъ которыхъ не могло бы существовать ниодно общество, это была нравственная гниль, выдѣлявшая изъ себя козачество и торгашество, взаимно другъ другу нужныя, но не способныя къ послѣдовательной дѣятельности въ столь важномъ вопросѣ, какъ защита вѣры и церкви. Раздѣленное на соперничавшіе между собою города и соперничавшіе въ самихъ городахъ цехи, малорусское мѣщанство могло только вскипать мѣстами по случаю какой-нибудь кровавой сцены, но для интриги и заговора противъ иновѣрнаго правительства стояло на слишкомъ низкомъ уровнѣ гражданственности. Невѣжливое, завистливое и жадное къ нечистой поживѣ, оно представляло довольно легкую добычу для своихъ соблазнителей и, вдаваясь, изъ меркантильныхъ интересовъ, въ уличныя драки съ иновѣрцами, торговало подъ рукой съ іезуитами запечатываніемъ православныхъ церквей. Образовавшись изъ смѣшенія протестантскихъ забродниковъ съ тѣми горожанами, которые были поставою развратныхъ доуніятскихъ архіереевъ и вѣчно пьяныхъ поповъ, не могло наше мѣщанство почерпнуть отъ нихъ ни великодушной твердости, ни задушевной преданности національной вѣрѣ и церкви, а покровительство шаткаго въ своихъ убѣжденіяхъ дома князей Острожскихъ не сообщило кліентамъ этого дома ни единства дѣйствій, ни благородства поступковъ.

Какова была нравственная атмосфера этого прославленнаго нашими историками дома, показалъ на себѣ, въ числѣ прочихъ, и питомецъ его Мелетій Смотрицкій, ученѣйшій и талантливѣйшій человѣкъ своей среды. Онъ мужествовалъ до тѣхъ поръ, пока попутный вѣтеръ дулъ въ его парусъ. Но лишь только церковный горизонтъ затмился грозными тучами, онъ малодушно покинулъ безпомощную родину и бѣжалъ на греко-русскій Востокъ. Вернувшись оттуда черезъ нѣсколько лѣтъ, заговорилъ онъ въ духѣ своихъ гонителей, продалъ православіе наслѣднику князей Острожскихъ, князю Заславскому, за Дерманскій

монастырь, и занялся въ немъ полемическими сочиненіями въ пользу папскаго главенства.

То было время общаго переполоха Малороссовъ, которымъ Москва указала путь къ спасенію ихъ древней вѣры, но которыхъ руководить и оборонять не была еще въ силахъ. Подобно тому, какъ сторонники уніятской проповѣди перетрусили отъ слуховъ про витебскій бунтъ, поборники церковнаго единенія съ Москвою, въ свою очередь, вообразили, что Сигизмундъ III послѣдуетъ примѣру своего пріятеля, Фердинанда II, и начнетъ у себя въ Польшѣ такія гоненія, какимъ въ Нѣмецкой Имперіи подвергались Чехи.

Въ самомъ дѣлѣ королевская партія, застращавъ бѣлорусскихъ мѣщанъ розысками и казнью Витебцевъ, въ видахъ общественнаго спокойствія, то-есть покорности „римской вѣрѣ", воспретила „греческую схизму", и ввела унію не только въ самомъ Витебскѣ, но и въ Полотскѣ, Могилевѣ, Оршѣ. Наконецъ королевскимъ декретомъ повелѣно было принять унію и всѣмъ вообще нешляхетнымъ жителямъ Бѣлоруссіи.

Слухи, какъ водится, предупреждали событія. Кіевская земля, въ которую до селѣ не было хода новоизобрѣтенной папистами вѣрѣ, ожидала со дня на день подобнаго же декрета. Всѣ такія исторіи, какъ утопленіе уніята Грековича въ проруби и нападеніе на Жидовъ, сдѣлались предметомъ страха для прикосновенныхъ къ нимъ такъ или иначе людей. Вѣроятность религіознаго переворота была несомнѣнна, и мѣстичи „матери русскихъ городовъ", не смотря на свои связи съ отважными запорожцами, показали, что они такіе же торгаши, какъ и бѣлорусцы. У нихъ рядомъ съ церковными братчиками, опиравшимися на мужественныхъ иноковъ, существовала партія, предпочитавшая милости иновѣрнаго короля внушеніямъ своего духовенства. Эта партія выступила теперь на сцену дѣйствія, подъ предводительствомъ кіевскаго войта, Ходыки. Оказался и въ средѣ самого духовенства искатель мірскихъ благъ паче царствія Божія, которое проповѣдывалъ,—священникъ церкви Св. Василія, Иванъ Юзефовичъ. Предупреждая королевскій декретъ, эти достойные люди объявили митрополита Іова Борецкаго бунтовщикомъ, позорили его всякими словами, и принялись запечатывать приходскія церкви.

Подъ вліяніемъ общаго негодованія православниковъ, были призваны кѣмъ-то готовые ко всякимъ услугамъ запорожцы. Они распечатали церкви, схватили Ходыку съ его соумышленниками, а предателю Юзефовичу отсѣкли голову. Молва приписывала призваніе козаковъ самому Борецкому, но въ этомъ не заподозрило его ни слѣдствіе,

произведенное мѣстными властями, ни военносудная коммиссія, покаравшая козаковъ черезъ годъ за ихъ грабежи и разбои.

Характеръ дѣятельности Іова Борецкаго былъ совсѣмъ иной. Это былъ ревностный и вмѣстѣ кроткій пастырь церкви. Будучи еще приходскимъ священникомъ въ Кіевѣ, онъ прославился рѣдкимъ въ тотъ вѣкъ милосердіемъ къ сиротамъ и вдовицамъ, безкорыстными трудами на пользу просвѣщенія и евангельскою щедростью къ убогимъ; а когда изъ игуменовъ Михайловскаго монастыря, по общему желанію жителей Кіева, былъ возведенъ въ санъ митрополита, первымъ его дѣломъ было—созвать соборъ для начертанія программы дѣйствій въ духѣ всепобѣждающаго христіянскаго терпѣнія. Въ этомъ достопамятномъ актѣ, извѣстномъ подъ именемъ „Совѣтованія о Благочестіи“, возстановленная православная іерархія, между прочимъ, постановила:

отвергнуть сперва всякую злобу и грѣхъ отъ самихъ себя, да будетъ по апостолу: „вы есте чисти“, и да не будетъ: „но не вси“;

хваля вѣру и обряды восточной церкви, порицать и обличать всякіе другіе, но дѣлать это духовно, разсудительно, согласно съ писаніемъ и безъ злорѣчія;

терпѣливо и покорно сносить всѣ обиды, какъ отъ духовныхъ, такъ и отъ мірскихъ людей, не мстя за себя ни словами, ни проклятіями, ни иными какими-либо средствами;

возбуждать и приготовлять къ святому мученичеству, какъ самихъ себя, такъ и сердца народа, дабы каждый радостно переносилъ расхищеніе и грабежъ своего имущества, и терпѣлъ отъ властей притѣсненія пѣнями, узничество, наконецъ, охотно шелъ бы и на смерть зная, что вѣра наша основана кровью, что кровью охраняла она себя отъ всѣхъ ересей, и что тѣ пункты вѣры и тѣ догматы, для соблюденія которыхъ мы не хотимъ соединяться съ римскою церковью, облиты кровью;

хотя бы на православныхъ низвергались отнынѣ стрѣлы, мечи, огонь и воды, но епископы должны одинъ другому преемствовать, и чины церковные не должны прекращаться;

призвать изъ Святой Аѳонской Горы и привести преподобныхъ мужей Россовъ, въ томъ числѣ блаженныхъ Кипріана и Іоанна, прозваніемъ Вишенскаго, вмѣстѣ съ прочими тамъ обрѣтающимися (Россами), житіемъ и богословіемъ цвѣтущими.

Несомнѣнно (сказано въ заключеніе „Совѣтованія о Благочестіи“), что только такими поступками и способами мы привлечемъ къ себѣ и убѣдимъ, какъ городской и сельскій народъ, такъ и дворянство. Тогда

исчезнутъ и выдумки, которыя противъ насъ изображаютъ, тогда и тираннія должна прекратиться, и унія уничтожиться.

Стоя на такой высотѣ христіанскаго пастырства, слагатели соборнаго акта могли только удерживать козаковъ отъ уличной расправы, а не прибѣгать къ подобной защитѣ „древняго русскаго благочестія". Тѣмъ не менѣе, однакожъ, утопленіе одного уніата въ проруби, убійство другаго среди Витебска и беззаконная казнь третьяго въ Кіевѣ бросали на православную церковь нѣкоторую тѣнь. Если подозрительность папистовъ соединяла дѣло Наливайка съ дѣломъ православія, назвавъ православіе Наливайковой сектою, то теперь участіе Борецкаго въ козацкихъ похожденіяхъ не подлежало, въ устахъ молвы, никакому сомнѣнію, и сама паства его охотно тому вѣрила. Чего боялся Борецкій во время своего совѣтованія о благочестіи, то и случилось. О православныхъ руководителяхъ народа нельзя было теперь сказать: „вы есте чисти", безъ прибавки: „но не вси". Безъ умысла очутились они какъ бы въ кровавомъ союзѣ съ руководителями запорожскаго козачества. Ихъ дѣло сдѣлалось теперь какъ бы общимъ; ихъ отношенія къ правительству—какъ бы одинаковыми.

Правительство и безъ того уже досадовало на козацкія петиціи въ пользу противозаконной іерархіи. Теперь оно стало придумывать средства, какимъ бы способомъ разлучить военную корпорацію съ церковною. Между тѣмъ страхъ отвѣтственности за козацкое самоуправство привелъ православныхъ архіереевъ къ поступку, который могъ остаться безнаказаннымъ только въ странѣ, державшейся, какъ говорилось, неурядицею.

Изъ Цесарской Земли прибылъ въ Кіевъ нѣкто Александръ Оттоманусъ, иначе султанъ Ахія или турецкій царевичъ, крещенный въ православную вѣру и называвшій себя законнымъ наслѣдникомъ турецкаго престола. Этого самозванца поддерживали, съ одной стороны, католическіе паны, прикосновенные къ козакамъ Лисовскаго, служившимъ тогда Фердинанду II, а съ другой — православные шляхтичи, связанные добычнымъ промысломъ съ „козаками Сагайдачнаго", какъ назывались Запорожцы и по смерти знаменитаго своего предводителя. Съ помощію послѣднихъ, Александръ Оттоманусъ проникнулъ къ Іову Борецкому, вкрался къ нему въ довѣріе и склонилъ его сперва благословить запорожскихъ атамановъ на завоеваніе Царьграда, а потомъ—ходатайствовать у московскаго царя о пособіи ему (Ахіи) деньгами и людьми для войны съ турецкимъ султаномъ.

Слухъ о готовности козаковъ вести самозванца въ Турцію, какъ это они дѣлали съ Москвой и Молдавіей, встревожилъ королевское

правительство. Въ это время коронный гетманъ Станиславъ Конецпольскій вернулся уже изъ турецкаго плѣна. Онъ одинъ былъ способенъ положить конецъ козацкому своевольству. Онъ успѣлъ уже разбить на голову Буджадкихъ Татаръ, которые вторгнулись въ польскіе предѣлы подъ султанскимъ знаменемъ, въ отмщеніе за новые морскіе набѣги козаковъ. Теперь ему предстояло расправиться съ неугомонными пиратами и нарушителями общественнаго спокойствія.

Въ началѣ 1625 года козаки получили отъ него строгій универсалъ. Именемъ короля и Республики, Конецпольскій требовалъ, чтобы Запорожское войско переписалось въ шесть тысячъ реестровиковъ, какъ это было имъ дозволено за ихъ услуги, а всю заштатную массу распустили бы и ничего общаго съ нею не имѣли. Если же этого не сдѣлаютъ, то онъ придетъ къ нимъ съ военносудною коммиссіею для разбора, кто имѣетъ и кто не имѣетъ права на козацкія вольности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для кары виновныхъ за все, что они сдѣлали со смерти Сагайдачнаго.

Въ какихъ бы видахъ ни дѣйствовалъ Борецкій, благословляя козаковъ на завоеваніе Царьграда въ пользу крещеннаго султанича и сносясь объ этомъ съ московскимъ царемъ, но онъ испугался послѣдствій своего вмѣшательства въ козацкія дѣла.

Козаки, съ своей стороны, видѣли, что играть роль независимой республики въ республикѣ панской имъ больше нельзя, и что придется наконецъ свести счеты съ землевладѣльцами. Конецпольскаго знали они, какъ искуснаго полководца, который изучалъ за-границею изобрѣтенныя Нѣмцами боевыя хитрости, и соединялъ съ ними умѣнье вести степную татарскую войну, какъ и покойный Жовковскій. Задорные въ уличныхъ дракахъ и въ наѣздахъ на панскія маетности, отважные и равнодушные къ смерти въ морскихъ набѣгахъ, они боялись Конецпольскаго не меньше, какъ и монахи, которые не знали еще его религіозной терпимости, его независимости отъ іезуитскихъ котерій, его умѣренности въ дѣлахъ войны и политики, и составляли свои сужденія о немъ по угрозамъ своихъ соперниковъ, уніятовъ.

Общимъ совѣтомъ было положено снарядить къ московскому царю посольство, съ луцкимъ епископомъ Исакіемъ Борисковичемъ во главѣ, и просить царя, чтобъ онъ принялъ Малороссію со всѣми Божіими церквами подъ свою высокую руку, а козаки-де готовы ему въ томъ помогать. Если же того сдѣлать нельзя, то далъ бы въ своей землѣ убѣжище всему днѣпровскому козачеству, а вмѣстѣ съ нимъ и православнымъ аріереямъ, такъ какъ ставленникамъ іерусалимскаго па-

тріарха Ѳеофана угрожаетъ „великое гоненіе отъ Поляковъ“, а „козакамъ кромѣ царскаго величества негдѣ дѣться“.

Въ Москвѣ было не ново слышать заявленіе о готовности Малороссовъ поддаться Восточному Царю, какъ называли Михаила Ѳедоровича. Объ этомъ хлопотали монахи издавна, и не дальше какъ въ 1622 году, одинъ изъ новыхъ архіереевъ, Исаія Копинскій, согласилъ многихъ козаковъ и другихъ жителей лѣваго берега Днѣпра, „въ случаѣ притѣсненія отъ Поляковъ“, переселиться въ Московское Царство, о чемъ была послана имъ и челобитная въ Москву. Но гостепріимная и щедрая по-своему Москва на подобныя просьбы отвѣчала благоразумнымъ молчаніемъ. Ходатайство Борецкаго объ Ахіи отбыла она небольшимъ подаркомъ и пожеланіемъ Оттоманусу всѣхъ благъ въ его намѣреніи возстановить православное царство на мѣстѣ Турціи, а предложеніе присоединиться къ Россіи со всѣми Божіими церквами отклонила замѣчаніемъ, что эта мысль еще въ самихъ Малороссахъ не утвердилась. „Но если вамъ и впредь отъ Поляковъ будетъ утѣсненіе въ вѣрѣ, а у васъ будетъ противъ ихъ соединенье и укрѣпленье, говорили собиратели Русской Земли, вы объ этомъ снова увѣдомьте великаго государя и святѣйшаго патріарха; тогда его царское величество и святѣйшій патріархъ будутъ о томъ мыслить, какъ православную вѣру и церкви Божіи и васъ всѣхъ отъ еретиковъ во избавленьѣ видѣть“.

Незрѣлъ еще былъ плодъ великой мысли Іоанна III, возобновленный Филаретомъ Романовымъ, да и сама Москва не встала еще изъ разоренья, въ которое повергли было ее омороченные иновѣрцами Русичи. Не могъ еще озабоченный широкимъ хозяйствомъ своимъ домъ Романовыхъ взяться за продолженіе дѣла Рюриковичей. Рано еще было московскому царю объявить себя собственникомъ, отчичемъ и дѣдичемъ Русской Земли, захваченной Литвою и Ляхвою. Не пришло еще для него время явиться, подобно вѣятелю на гумнѣ, между смѣшанныхъ элементовъ Рѣчи Посполитой и отвѣять польскій элементъ отъ русскаго на древнемъ нашемъ займищѣ. Онъ далъ только понять своимъ просителямъ, что *будетъ* мыслить о томъ, какъ освободить малорусское православіе отъ латинскихъ и нѣмецкихъ еретиковъ, которые, вооружаясь одни на другихъ за обладаніе Русской Землею, въ то же самое время вооружали Русскую Землю на самое себя.

Между тѣмъ Конецпольскій употреблялъ всѣ старанія, чтобы козацкихъ интересовъ не смѣшивать съ интересами прочихъ классовъ.

Малорусское духовенство, тѣснимое уніятами, не только грозило имъ козаками, не только укрывалось отъ судебныхъ преслѣдованій

Кунцевичей въ странѣ, переполненной козацкими жилищами, но иногда, подъ гнетомъ безпомощности, бросая поповство, и само вступало въ козаки. Поэтому въ козацкихъ бунтахъ, демонстраціяхъ и притязаніяхъ нерѣдко слышался клерикальный голосъ. Оно, разумѣется, въ лицѣ худшихъ представителей своихъ, подучивало козаковъ на кровавую расправу съ отступниками православія. Оно внушало козакамъ (а козаки, въ свою очередь, внушали запуганнымъ православникамъ), что король со всѣми своими панами о томъ только и думаетъ, чтобъ уничтожить православныя церкви. Оно (также сообща съ козацкими бунтовщиками) пускало въ ходъ нелѣпый, но въ тѣ тревожныя времена казавшійся вѣроятнымъ слухомъ, что правительство намѣрено выгубить весь Русскій народъ въ Украинѣ и заселить ее Поляками да Нѣмцами.

И поборники православной самобытности, и поборники соединенія двухъ церквей подъ папскимъ главенствомъ были раздражены взаимными обидами до крайности. Самъ князь Збаражскій, которому такъ трудно было исполнить роль великаго посла въ Царьградѣ, заподазривалъ наше духовенство (не указывая лицъ) въ подучиваніи козаковъ на самоуправство и называлъ его genus sceleste hominum *). Не могъ имѣть о немъ лучшаго понятія и Конецпольскій, какъ человѣкъ, воспитанный въ образованномъ обществѣ и возвышенный своимъ положеніемъ надъ поповскими дрязгами. Да и въ самомъдѣлѣ странно было бы предполагать въ большинствѣ нашихъ поповъ и монаховъ такія чистыя мысли о призваніи православнаго духовенства, какія выражены его верховниками въ „Совѣтованіи о Благочестіи“. Но политика велѣла Конецпольскому и предводительствуемой имъ коммиссіи игнорировать прикосновенность духовныхъ лицъ къ самоуправству добычниковъ.

Конецпольскій обращался къ козакамъ, какъ римскій полководецъ къ мятежному легіону, строго внушая имъ, чтобъ они не мѣшались въ дѣла, не относящіяся къ войску, и во все время своего гетманства не привлекъ ни одного попа и монаха къ суду по подозрѣнію въ стачкахъ съ бунтовщиками. Точно такъ поступалъ онъ и съ мѣщанами, которые больше всякаго другаго сословія пользовались козацкою добычею въ качествѣ шинкарей и торгашей, между тѣмъ какъ ихъ молодежь, бѣгая отъ отцовъ и мастеровъ въ запорожскую вольницу, заставила даже правительство называть козаковъ, панами *молодцами*.

*) Проклятый родъ людей.

Козаки гнѣздились по всей Кіевщинѣ. Съ каждымъ монастыремъ, съ каждой городской общиной, съ каждымъ панскимъ дворомъ завязывались у нихъ полуприятельскія, полувраждебныя связи, смотря по ихъ услугамъ и по ихъ безпорядочной, цыганской жизни. Наступить на козаковъ значило—наступить на всю Кіевскую Украину. Потребовать козаковъ къ отвѣту предъ военносудную коммиссію со всѣми прикосновенными къ ихъ преступленіямъ лицами значило — перетревожить всѣхъ осѣдлыхъ жителей. Конецпольскій зналъ, что этимъ онъ поднялъ бы на себя не только православныхъ людей, но и мѣстныхъ пановъ другихъ вѣроисповѣданій. Поэтому онъ выгородилъ изъ козацкаго самоуправства всѣхъ шляхтичей, которые дѣлали козакамъ какія-либо adminicula *), нужды нѣтъ, что на эти adminicula указывали даже сеймовыя постановленія; выгородилъ всѣхъ мѣщанъ, которые поддерживали козачество не изъ одного страха передъ его терроромъ, и все духовенство, о которомъ со временъ Наливайка не переставали носиться слухи, какъ о козацкихъ наушникахъ.

Разосланные коронным гетманомъ универсалы такъ успокоили всѣхъ козацкихъ сообщниковъ, что козаки оставили украинскіе города, какъ иноплеменники, какъ случайные завоеватели, какъ безнаказанные притѣснители, а мирные жители всѣхъ вѣроисповѣданій спѣшили заявить свою покорность правительству, умывая руки отъ какой-либо солидарности съ Запорожскимъ войскомъ. Наконецъ и самый крайній изъ такъ называемыхъ козацкихъ городовъ, Крыловъ, былъ оставленъ людьми, которые не хотѣли подчиниться мѣстнымъ властямъ и, въ качествѣ подсудимыхъ только Запорожскому Войску, хозяйничали въ Украинѣ по мѣрѣ господствовавшей здѣсь неурядицы.

Навстрѣчу козацкимъ отрядамъ, подвигавшимся внизъ Днѣпра по правой сторонѣ его, вышелъ изъ Запорожья козацкій гетманъ Жмайло, съ такъ называемою арматою, подъ которою разумѣлся подвижной капитулъ запорожскаго рыцарства вмѣстѣ съ артиллеріею.

Жмайло былъ диктаторъ, избранный голотою для устрашенія сравнительно зажиточныхъ и осѣдлыхъ козаковъ. До сихъ поръ козаки уклонялись отъ отвѣта передъ военносудною коммиссіею Конецпольскаго, ссылаясь на отсутствіе своего запорожскаго гетмана. Безъ него-де не смѣли они ни покориться коронному гетману, ни защищать оружіемъ козацкія вольности. Теперь собралось ихъ до сорока тысячъ въ виду королевскихъ коммиссаровъ, сопровождаемыхъ тридцатитысячнымъ войскомъ.

---

*) Вспомоществованія.

Соперники шляхетской республики рѣшились помѣриться съ нею силою. Таково было ихъ оправданіе передъ королемъ и Рѣчью Посполитою. Но первый день битвы, которая со стороны Конецпольскаго была только рекогносцировкою, заставилъ козаковъ отступить. Выкравшись изъ-подъ наблюдательныхъ пунктовъ короннаго и панскаго войска, козаки Жмайла, съ необыкновеннымъ искусствомъ бѣгства, углубились въ лѣсную и болотистую трущобу, называемую Медвѣжьими Лозами. Позади себя оставили они нѣсколько трудныхъ переправъ черезъ днѣпровскіе „затоны“, и прикрыли ихъ сильными отрядами конницы. Конецпольскій овладѣвалъ одной переправой за другою съ такимъ же мужествомъ, съ какимъ козаки ихъ защищали, и настигнулъ козацкій таборъ у Курукова озера, откуда Жмайлу некуда было двинуться далѣе. Произошелъ ожесточенный бой, въ которомъ Конецпольскій лично ходилъ въ атаку, и едва не погибъ въ устроенной ему засадѣ. Козаки дрались отчаянно; но перевѣсъ военнаго искусства съ противной стороны былъ слишкомъ великъ. Въ распоряженіи Конецпольскаго находились иноземные артиллеристы. Они устроили въ разныхъ пунктахъ нидерландскіе шанцы, и мѣткими выстрѣлами наносили козакамъ страшныя потери. Жмайло попросилъ пощады.

Пощада была дана козакамъ тотчасъ, но подъ условіемъ переписаться въ шесть тысячъ реестровиковъ и сжечь морскіе челны въ присутствіи коронныхъ чиновниковъ.

Здѣсь украинскіе землевладѣльцы, между которыми были и православные, поставили козакамъ на видъ ихъ преступленія, которыхъ не могло бы терпѣть, говорили они, ниодно правительство. Козаковъ корили всего больше за морскіе походы, которыми они навлекали на государство опасную Турецкую войну, и въ особенности за морской набѣгъ во время пребыванія въ Царьградѣ великаго посла. Ихъ обвиняли въ томъ:

что они вели переговоры съ московскимъ царемъ, и помогали крымскому хану въ его бунтѣ противъ турецкаго султана;

что давали у себя пріютъ разнымъ самозванцамъ и другимъ вреднымъ для государства лицамъ;

что самовольно поставили митрополита, владыкъ и архимандритовъ при жизни тѣхъ особъ, которыхъ правительство признаетъ законно занимающими эти должности;

что бунтовали подданныхъ противъ сельскихъ хозяевъ и разоряли съ ними шляхетскія имѣнія;

что нападали на староства, а недавно напали на Кіевъ, убивали, грабили, брали въ неволю, оскорбили подвоеводія, налагали на города

поборы, присвоили себѣ юрисдикцію, отнимали городскія имущества, и разныхъ особъ званія шляхетскаго, духовныхъ и жидовъ замучили съ неслыханнымъ варварствомъ.

Козаки оправдывались, какъ ордынцы, чуждые гражданственныхъ понятій, съ примѣсью небывальщины, а въ церковномъ дѣлѣ сослались на „духовныхъ старшихъ“, которые-де имѣли о томъ переговоры съ коронными властями. При этомъ они повторяли ходячія въ то время фразы о великомъ утѣсненіи Божіихъ церквей во всей Коронѣ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ,—повторяли все то, что кіевское духовенство, поддерживаемое магнатами-протестантами, вписывало въ ихъ сеймовыя петиціи, но подъ чѣмъ ниодинъ изъ православныхъ земскихъ пословъ и магнатовъ не смѣлъ и не захотѣлъ бы подписать свое имя.

Видя, что ихъ слушаютъ безъ гнѣва и нетерпѣнія, козаки Жмайла забыли, что подняли оружіе противъ государственнаго ополченія, и стали домогаться невозможнаго:

чтобы имъ дозволили жить въ королевскихъ и панскихъ имѣніяхъ;

судиться повсемѣстно собственнымъ козацкимъ судомъ;

оставить за собой забранныя въ королевскихъ городахъ пушки, и—

чтобы греческая вѣра не терпѣла никакихъ притѣсненій (а это значило: чтобы ставленники римскаго папы, утвержденные королемъ и сенатомъ, были низложены, а ихъ мѣста отданы ставленникамъ патріаршимъ, поддержаннымъ иноземнымъ правительствомъ чрезъ посредство Запорожскаго войска).

На всѣ козацкія просьбы королевскіе коммиссары повторяли, что терпѣніе Рѣчи Посполитой возбуждаетъ удивленіе всего свѣта, и прибавили слѣдующія интересныя для исторіи днѣпровскаго козачества слова:

„Хотя *большая часть васъ не принадлежитъ къ шляхетству*, но свободой жизни и великими преимуществами вы были поставлены наравнѣ съ господствующимъ въ Республикѣ сословіемъ“.

Въ самомъ дѣлѣ козаковъ до того щадили, какъ людей заслуженныхъ и для государства необходимыхъ, что самъ Конецпольскій медлилъ своимъ походомъ противъ нихъ. Онъ всѣ надѣялся, что козаки образумятся, вѣрнѣе сказать, что лучшая часть Запорожскаго войска, имѣющая законное право на это имя, обрѣтетъ въ себѣ столько силы и рѣшимости, чтобы порвать связи съ кочевниками и присоединиться къ обществу культурному. Онъ увѣрялъ ихъ въ своемъ крайнемъ нежеланіи наступать на нихъ, восхвалялъ ихъ боевое мужество, котораго былъ свидѣтелемъ въ войнахъ съ врагами отечества много

разъ; наконецъ, писалъ въ своихъ предупредительныхъ универсалахъ, что, „нося и самъ на боку саблю, умѣетъ цѣнить людей воинственныхъ“. Онъ доносилъ королю, что дѣйствовать противъ козаковъ понепріятельски всего больше заставило его то обстоятельство, что козаки нѣсколько разъ посылали къ татарскому калгѣ (соправителю хана), Шагинъ-Гирею, просить помощи противъ короннаго войска.

Какъ, однакожъ, ни снисходительно отнеслись побѣдители къ мятежной вольницѣ, но не могли они подвергать себя новой войнѣ съ нею, новому риску, новымъ утратамъ. По заключенному въ Медвѣжьихъ Лозахъ, у Курукова озера договору, Запорожское войско должно было отнынѣ состоять всего изъ шести тысячъ человѣкъ, и во всемъ подчиняться распоряженіямъ короннаго гетмана. Спеціальное дѣло его должно было заключаться въ томъ, чтобы по старинѣ не допускать Татаръ къ переправамъ черезъ Днѣпръ ниже Пороговъ, очередуясь полками, которые по мѣсту разселенія козаковъ среди королевскихъ подданныхъ, назывались: Переяславскимъ, Черкасскимъ, Чигиринскимъ, Канавскимъ, Корсунскимъ, Бѣлоцерковскимъ. Выписанные же изъ реестра козаки обязывались вернуться къ мирнымъ занятіямъ и состоять подъ старостинскимъ присудомъ въ имѣніяхъ королевскихъ, или же подъ панскимъ. На мѣсто Жмайла козацкимъ „старшимъ“ былъ поставленъ Михайло Дорошенко, отличавшійся усердіемъ и храбростью въ Хотинскую войну. Дорошенку было вмѣнено въ обязанность объѣхать мѣста козацкихъ поселеній, и вмѣстѣ съ подстаростіемъ каждаго изъ нихъ выбрать болѣе надежныхъ и заслуженныхъ людей для вписанія въ козацкій реестръ, что и было исполнено.

По сказанію московскихъ вѣстовщиковъ, козаки по городамъ слушали Дорошенка потому, что къ нему пристали „лучшіе люди козаки“. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, козацкая голота шумѣла въ кабакахъ попрежнему, похвалялась уйти въ числѣ сорока тысячъ за Пороги, грозила отправить къ московскому царю посольство съ предложеніемъ — очищать на его имя города, и распространяла слухъ, будто у Конецпольскаго и у Поляковъ задумано, уменьшивъ козаковъ, ввести въ Кіевѣ и во всѣхъ „литовскихъ“ городахъ „римскую вѣру“, то есть унію.

Обезпечивъ себя до поры до времени со стороны домашней орды, Конецпольскій получилъ возможность оборонить сѣверныя области Польши отъ Густава Адольфа, который въ это время напалъ съ новоустроенною имъ шведскою арміею на Лифляндію и Померанію. Но знаменитая борьба польскаго фельдмаршала съ лучшимъ полководцемъ

его времени отвлекла къ сѣверу боевыя силы, которыми Польша до сихъ поръ прикрывала себя отъ азіятскихъ хищниковъ.

Хотя Поляки и успокоили турецкое правительство увѣдомленіемъ, что козаки побиты и морскіе челны ихъ сожжены, но своевольная козацкая голота, поддерживаемая своими благопріятелями, не замедлила снарядить новыя чайки, и появилась на Черномъ морѣ, къ ужасу торговыхъ кораблей, кому бы они ни принадлежали. Это дало Туркамъ предлогъ, или, пожалуй, право развязать руки Татарамъ, которымъ обыкновенно запрещалось опустошать польско-русскія области, доколѣ король держалъ въ уздѣ козацкую орду. Война съ Густавомъ Адольфомъ тянулась до 1629 года, и во все это время юговосточныя окраины Польши были выставляемы на добычу народа, существовавшаго набѣгами.

Отъ мѣстной шляхты требовалось не только крайнее напряженіе силъ, но и единодушіе въ самой системѣ отраженія хищниковъ. Эту задачу выполнила она блистательно. Въ исключительномъ своемъ положеніи она доказала, что козачество, подчиненное интересамъ общественнымъ, можетъ внушать историку такое же сочувствіе, какъ и все, чѣмъ обезпечивается цѣлость общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ она представляла еще одно свидѣтельство,—что козацкій героизмъ ведетъ свое начало не отъ тѣхъ личностей, которыя стяжали Запорожскому войску поблажливый титулъ пановъ-молодцовъ, а отъ тѣхъ, которые черпали боевое мужество въ защитѣ домашнихъ очаговъ и общественныхъ святилищъ. Здѣсь козаками, то-есть наѣздниками, выступавшими противъ наѣзднивовъ, являлись не „выпорошки“ семейнаго и общественнаго быта, а крупные и мелкіе землевладѣльцы, въ сопровожденіи тѣхъ вооруженныхъ дружинъ, безъ которыхъ не могъ тогда существовать ниодинъ панскій и шляхетскій домъ, и подъ начальствомъ панскихъ „почтовъ“, которые заключали въ себѣ и опытныхъ наѣзниковъ, и опытныхъ вождей.

Изъ числа предводителей такихъ почтовъ, или дружинъ, выдавался тогда военными способностями „рукодайный слуга“ дома Замойскихъ и „регименгарь“ охранной силы его, Стефанъ Хмелецкій, носившій титулъ брацлавскаго хорунжаго. Занимая въ этомъ домѣ такое мѣсто, какое занималъ сперва Косинскій, а потомъ Наливайко въ домѣ Острожскихъ, онъ игралъ важную роль въ побѣдѣ Конецпольскаго надъ Татарами въ 1624-мъ и въ его походѣ на козаковъ Жмайла въ 1625 году. За свою сторожевую и охранную службу получалъ онъ отъ Ѳомы Замойскаго содержаніе, которое далеко превосходило жалованье, отпускаемое королемъ всей запорожской старшинѣ съ ея гетманомъ, или „старшимъ“, что̀ показываетъ сравнительную благонадежность

панскихъ и запорожскихъ полководцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ характеризуетъ и запорожскій бытъ, основанный, какъ у Татаръ, на произвольной добычѣ.

Когда было рѣшено двинуть коронныя силы противъ Шведовъ, мѣстные землевладѣльцы, по соглашенію съ короннымъ гетманомъ, сдѣлали Хмелецкаго гетманскимъ намѣстникомъ по охраненію границъ отъ Буджацкихъ Татаръ, которыхъ вождь Кантемиръ, или Кровавый Мечъ, не могъ забыть пораженія, нанесеннаго ему Конецпольскимъ, и готовился къ новому вторженію въ Лехистанъ. Но въ 1626 году опасность грозила Хмелецкому разомъ и со стороны Буджаковъ, и со стороны Крыма.

Толпы запорожскихъ добычниковъ пограбили степные улусы Крымскихъ Татаръ. Крымцы рѣшились отомстить козакамъ, вѣрнѣе сказать— панамъ за козаковъ, и пришли „великою ордою“ подъ Бѣлую Церковь. Къ счастью, реестровики состояли въ дружескихъ сношеніяхъ съ Хмелецкимъ, подобно тому, какъ низовцы прежняго времени имѣли свои связи съ панскими дружинниками Косинскимъ и Наливайкомъ. Хмелецкій приспѣлъ къ нимъ во-время на помощь, и поразилъ Крымцевъ такъ, какъ бивалъ ихъ во времена оны литовскій гетманъ, князь Острожскій.

Никто изъ предводителей пограничныхъ ополченій, нижѐ самъ Конецпольскій, не усвоилъ себѣ татарской тактики и стратегіи въ такой степени, какъ Стефанъ Хмелецкій. По отзывамъ современниковъ, онъ первый показалъ свѣту, что Орду можно не только настигнуть, но и принудить къ битвѣ въ открытомъ полѣ. Популярность Хмелецкаго, какъ охранителя границъ, возросла до баснословности, и дала ему средства соединить подъ своимъ предводительствомъ всѣ наличныя средства защиты польскорусской колонизаціи отъ азіятскихъ чужеядниковъ.

Напрасно Кантемиръ выжидалъ возможности обновить свою наѣздническую славу. Наконецъ ему показалось, что благопріятное для того время наступило. Въ 1629 году Конецпольскій былъ поглощенъ борьбой съ Густавомъ Адольфомъ больше, нежели когда-либо, а реестровые козаки, остававшіеся въ Украинѣ подъ старшинствомъ Михаила Дорошенка, снова поладили съ Крымцами, и, собравъ толпу выписанной изъ реестра голоты, пошли въ Крымъ на помощь одному Гирею противъ другаго. Они явили себя тамъ героями, достойными лучшаго дѣла, но были разбиты Турками, принявшими участіе въ крымской усобицѣ, и голова падшаго въ битвѣ Дорошенка была взоткнута на стѣнахъ Кафы, разоренной, лѣтъ восемь тому назадъ, Са-

гайдачнымъ. Хмелецкій лишился въ днѣпровскихъ козакахъ важной поддержки; но и безъ нихъ отразилъ Кантемира такъ блистательно, что затмилъ славу самого Конецпольскаго.

Побѣда знаменитаго короннаго гетмана подъ Кровавымъ Мечомъ въ 1624 году была прославляема въ современныхъ „новинахъ“, какъ въ Россіи—Мамаево побоище. Важность оказанной Хмелецкимъ польско-русскому краю услуги засвидѣтельствована современниками еще выразительнѣе. Исторія „шляхетскаго народа“ не представляетъ другаго подобнаго примѣра общественной награды за военные подвиги. Въ это время кіевскій воевода Ѳома Замойскій занялъ постъ короннаго канцлера, и преложилъ въ сенатѣ сдѣлать его рукодайнаго слугу, Хмелецкаго, вмѣсто самого себя, кіевскимъ воеводою. Предложеніе было необычайное; но паны рады, всегда дѣлившіеся на партіи въ вопросахъ о дигнитарствахъ, не воспротивились тому, чтобы „панскаго слугу“ посадить, яко воеводу, въ сенаторскія кресла.

То былъ самый разумный политическій шагъ. Одинъ Хмелецкій былъ способенъ воеводскій постъ въ Кіевскомъ краѣ сдѣлать устоемъ козакошляхетской взаимности. Козакъ по ремеслу, онъ былъ талантомъ воина равенъ Сагайдачному, котораго превосходилъ мягкостью сердца и умственнымъ развитіемъ. Своею популярностью и своимъ умѣньемъ соединять въ одно предпріятіе дикіе элементы общества съ элементами культурными, онъ могъ бы совершить подвиги, превосходящіе все, чѣмъ былъ полезенъ Польшѣ геніальный наѣздникъ. Но гибельная судьба аристократической республики не дала шляхетскому народу видѣть результаты его истинно гражданственнаго отношенія къ талантамъ панскаго слуги и прославить отечество той *людскостью*, которою была проникнута польская жизнь, пока не исказили ея клерикалы. Хмелецкій скончался, не успѣвши вступить въ свою должность.

Съ его смертью польскій горизонтъ затмился снова тучею, которая была разогнана Конецпольскимъ у Курукова Озера. Блестящія дѣйствія короннаго гетмана противъ Шведовъ заставили Густава Адольфа просить у Польши мира; но Шведскій походъ повлекъ за собой новый походъ противъ козаковъ.

Это великое для Польши несчастье произошло, главнымъ образомъ, изъ того источника, изъ котораго вытекли самыя гибельныя политическія и общественныя бѣдствія польскорусской республики.

При неограниченной почти свободѣ каждой шляхетской личности, государственные доходы въ Польшѣ собирались безпорядочно, а контролировались еще безпорядочнѣе. Королевская казна никогда не имѣла средствъ, которыя были бы достаточны для веденія съ кѣмъ

бы то ни было войны, а правительственныя лица всячески противодѣйствовали королю въ учрежденіи постояннаго войска. Они заставляли короля дѣлить между собой государственныя имущества въ видѣ староствъ и вѣчистыхъ пожалованій, съ обязательствомъ помогать государству, какъ деньгами, такъ и людьми,—съ обязательствомъ, которое было гарантировано только общественнымъ мнѣніемъ. Деньги собирались въ казну съ королевскихъ и панскихъ имѣній не иначе, какъ по приговору земскихъ пословъ. Тѣмъ же приговоромъ опредѣлялось и количество такъ называемаго *платнаго* или *грошеваго* войска. Въ поддержку набираемой въ короткое время арміи, землевладѣльцы снаряжали на собственный счетъ военныхъ людей, подъ именемъ панскихъ почтовъ, надворныхъ козаковъ, драгунъ, рейтаръ, которыми паны нерѣдко предводительствовали лично, въ качествѣ вольныхъ гетмановъ. Эти дружины вербовались изъ безземельной шляхты, которая, по ремеслу своему, составляла въ польскорусскомъ обществѣ самое древнее, исконное козачество, но большею частью—изъ настоящихъ козаковъ, именно тѣхъ, которые находили болѣе для себя выгоднымъ служить въ надворномъ панскомъ войскѣ, нежели въ такъ называемомъ Запорожскомъ. Подобно тому, какъ члены шляхетскаго общества, обѣднѣвъ, или провинясь передъ королемъ и республикой, вступали въ козацкое товарищество, члены этого товарищества, будучи выписаны изъ козацкаго реестра, искали службы панской. Такимъ образомъ число козакующаго народа никогда не уменьшалось въ Польшѣ, напротивъ, постоянно увеличивалось, грозя подавить классы экономическіе, какъ это наконецъ и случилось.

Побѣжденные въ Медвѣжьихъ Лозахъ козаки показывали число своего боеваго и добычнаго класса въ 50.000 человѣкъ. Варшава полагала, что козаковъ на Украинѣ и на Запорожьѣ не меньше 60.000. Но это число далеко не обнимаетъ всѣхъ тѣхъ, которые кормились въ Польскомъ государствѣ мечомъ и грабежомъ подъ именемъ реестровыхъ и выписанныхъ козаковъ, или подъ именемъ послушныхъ и непослушныхъ мѣщанъ, подъ именемъ платныхъ надворныхъ козаковъ, чабановъ, будниковъ, могильниковъ, винниковъ, броварниковъ и всякаго рода гультаевъ-нетягъ. Многіе изъ мѣстныхъ уроженцевъ и забродниковъ турецкихъ, греческихъ, славянскихъ, прошедши ускусъ украинскаго наѣздника, гайдамака, грабителя, вора, служили дунайскимъ князькамъ; другіе проживали утікачами, заволоками и ренегатами-потурнаками въ крымскихъ улусахъ, въ буджацкихъ уймакахъ; третьи гостили на Дону, или промышляли въ Сѣверщинѣ. Множество козаковъ можно было встрѣтить въ арміяхъ Тилли и Валленштейна,

не говоря ужъ о козакахъ Лисовскаго, въ сообществѣ которыхъ бывали козаки Сагайдачнаго, донцы и даже герои воровскаго Тушинскаго лагеря, кровные Москвичи. Невыносимые для голышей порядки турецкіе, нѣмецкіе, польскіе и московскіе созидали антикультурное скопище чужеядныхъ номадовъ, которые, въ качествѣ христіянъ и мусульманъ, долго нарушало равновѣсіе между двумя половинами сѣверной Славянщины, склоняясь то на одну, то на другую сторону со временъ Менгли-Гиреевскихъ, и наконецъ, въ половинѣ XVII вѣка, дало перевѣсъ половинѣ московской.

Полагаясь на свои шляхетскіе ресурсы, и съ высоты культурнаго величія презирая безземельниковъ и бездомовниковъ, именитые Поляко-Руссы воспитывали хищный духъ козачества въ такихъ войнахъ, какъ Московская, Турецкая, Шведская, и воспитали его наконецъ до отваги—ринуться заодно съ мусульманами-ордынцами на безпорядочное, но цвѣтущее сельскимъ хозяйствомъ государство.

Война съ Густавомъ Адольфомъ заставила шляхетныхъ обладателей Малороссіи вывести въ поле всѣхъ, которые, въ силу Куруковскаго договора, были (разумѣется, только на бумагѣ) возвращены къ промысламъ мирнымъ. Съ другой стороны, необходимость отражать Татаръ панскими почтами дома принудила землевладѣльцевъ снаряжать въ козаки и тѣхъ подданныхъ, которые когда-либо участвовали въ запорожскомъ промыслѣ, или только мечтали о козачествѣ. Крымскія усобицы давали между тѣмъ работу корчемной голотѣ, а старыя связи съ донцами и сѣверяками поддерживали разбойно-героическое настроеніе во всѣхъ тяготившихся ремесленнымъ и земледѣльческимъ бытомъ. Такъ сельско-хозяйственная республика, чрезъ посредство самихъ же сельскихъ хозяевъ, претворялась въ республику воинственную, и производительныя силы польскорусскаго общества терялись въ массахъ чужеядниковъ.

Со смертію Стефана Хмелецкаго и Михаила Дорошенка и съ благополучнымъ окончаніемъ Шведской войны многія тысячи гулящаго народа наполнили городскія и сельскія общины, пропивая свою добычу, снискивая себѣ пропитаніе тягостною для воина и мародера работою и поэтизируя въ хмѣльныхъ пѣсняхъ своихъ козацкое житье, на соблазнъ и развратъ мечтательныхъ умовъ.

Между тѣмъ Конецпольскій былъ поставленъ своимъ правительствомъ въ обычное для польскаго фельдмаршала затрудненіе: ему нечѣмъ было выплатить жалованье войску, навербованному для войны съ Густавомъ Адольфомъ. Чтобы не допустить жолнеровъ до неизбѣжнаго въ такихъ случаяхъ бунта, коронный гетманъ расквартировалъ ихъ

по Кіевской Украинѣ такимъ образомъ, чтобы хоругвь отъ хоругви была отдѣлена значительнымъ разстояніемъ. Онъ предпочелъ бы расквартировать свое войско въ болѣе населенныхъ и спокойныхъ мѣстностяхъ, чѣмъ эта вѣчно волнующаяся страна, богатая отъ природы и бѣдная отъ татарскихъ набѣговъ и козацкаго буйства. Но внутреннія области польскорусской республики были истощены постоями и переходами жолнеровъ, которые въ буйствѣ не уступали козакамъ.

Жолнеры были здѣсь, какъ всегда и вездѣ, крайне обременительны для занимаемыхъ ихъ постоями имѣній. Но жаловались на нихъ не столько землевладѣльцы и державцы, не столько даже беззащитные ратаи и мужики, сколько тѣ люди, которые, побывавши въ козацкомъ товариществѣ, смотрѣли на себя, какъ на свободную отъ всякихъ повинностей шляхту. Хотя ихъ дворы, грунты, займища составляли собственность панскую, хотя часто они колебались между выходомъ въ новыя слободы и выгодами старой осады, но присутствіе нахальныхъ вояковъ возмущало въ этихъ праздныхъ бѣднякахъ чувство собственности еще больше, нежели въ людяхъ трудолюбивыхъ и зажиточныхъ.

Исконное соперничество двухъ церквей проявило себя въ этомъ случаѣ какъ нельзя вредоноснѣе. Участники Шведскаго похода, „выписанные запорожскіе козаки“, наслушавшись въ Бѣлоруссіи воплей мѣщанъ и поповъ на уніятскіе захваты и прижимки, распустили по городамъ и селамъ слухъ, будто бы Ляхи пришли съ цѣлью вырѣзать всю Русь вплоть до московской границы и заселить Украину польскимъ да нѣмецкимъ народомъ.

Къ этому присоединилась обычная тревога поповъ и чернецовъ, которымъ вѣчно грезилось, что всѣ безъ исключенія Ляхи о томъ только и думаютъ, какъ бы на мѣсто православія ввести „вѣру римскую“. Пугая чернорабочую массу, козаки пугали вмѣстѣ съ тѣмъ и ея почти столь же невѣжественное духовенство. Въ Кіевѣ по базарамъ ходили ложные слухи о томъ, что дѣлается въ панскихъ селахъ, а въ панскихъ селахъ разсказывали, будто бы Кіевъ сдѣлается вскорѣ другимъ Витебскомъ. Въ простомъ народѣ и въ поповскихъ семьяхъ вѣрили, что жолнеры сѣкутъ головы митрополичьимъ служкамъ, и что одинъ жолнеръ, будучи Русиномъ, предостерегъ митрополита о ляшескомъ замыслѣ вырѣзать сперва козаковъ, а потомъ поголовно и всю Русь.

Именемъ вѣры и личной безопасности козаки возбуждали сельскій народъ къ избіенію жолнеровъ, сопровождая свои внушенія обычными попойками. Ихъ не по чемъ было сыскивать, имъ нечего было терять въ случаѣ неудачнаго бунта; но въ случаѣ удачи, они очутились бы

въ завидномъ положеніи пановъ жолнеровъ и мѣстныхъ шляхтичей.

Злоумышленная агитація шла изъ Запорожья, въ которомъ вѣчно гнѣздились ненавистники украинскихъ порядковъ, и для котораго спокойное состояніе роднаго края было томительно, какъ для всякой эмиграціи. Затѣвая повтореніе усобицы, разыгранной столь неудачно въ 1625 году, проповѣдники козацкой вольницы старались втянуть осѣдлыхъ жителей въ свое разбойное дѣло и рядомъ съ бунчуками козацкими выставить знамя церкви.

Элементъ религіи поддерживался въ козацкихъ мятежахъ, безъ сомнѣнія, не такими людьми, какъ составители „Совѣтованія о Благочестіи". Тѣ, въ борьбѣ съ уніей, выразительно возлагали надежду на устраненіе всякой мстительности и на святое мученичество за свои православныя убѣжденія. Кіевскія убійства 1625 года можно всего скорѣе приписать внушеніямъ поповъ, которыхъ крайняя бѣдность и насилія со стороны уніятовъ заставили перемѣнить рясу на козацкій кожухъ-кажанокъ. Но въ 1630 году обнаружилось и внѣшнее подучиванье козаковъ на кровавую расправу съ ихъ противниками во имя вѣры и церкви.

Вскорѣ послѣ побоища въ Медвѣжьихъ Лозахъ, Густавъ Адольфъ присылалъ въ Бѣлую Русь и къ запорожскимъ козакамъ состоявшаго у него на службѣ Москвича, Рубца, въ качествѣ великаго посла, для какихъ-то „добрыхъ дѣлъ своихъ". Этотъ великій посолъ просилъ у московскаго царя провожатыхъ, и подговаривалъ его къ отмщенію польскимъ людямъ за великую неправду, которую они учинили Царской землѣ и царскимъ подданнымъ. Рубцу отвѣчали тогда въ Москвѣ что время мести еще не настало; но въ архивныхъ бумагахъ 1630 года сохранился слѣдъ совмѣстнаго возбужденія козаковъ противъ польскаго правительства со стороны шведскихъ и московскихъ людей. Утраченная переписка Посольскаго Приказа по этому предмету оставила его въ тѣни. Но кѣмъ бы ни были возбуждены сами запорожцы извнѣ, они своими росказнями о задуманномъ Ляхами ломаньѣ вѣры въ Малороссіи довели дѣло до того, что нѣсколько хоругвей, захваченныхъ врасплохъ, было перебито.

Слухъ объ этомъ не замедлилъ дойти до короннаго гетмана, и онъ тотчасъ послалъ въ украину коронnаго стражника, Самуила Лаща Тучанскаго, съ его дружиною.

Этотъ сановникъ былъ тотъ же козакъ, но козакъ съ панской стороны, или съ изнанки, наѣздникъ-аристократъ, терпимый одними потому, что не было никакихъ средствъ остановить его безчинства, и

покровительствуемый другими потому, что онъ защищалъ ихъ имѣнія отъ людей, еще болѣе вредныхъ. Къ числу покровителей пана Ланца принадлежалъ и самъ коронный гетманъ, Станиславъ Конецпольскій. Мѣстные гродскіе книги и суды давно были полны жалобами на вторженія самого Ланца и его дикой дружины въ панскіе дома, на грабежъ панскихъ имѣній и на разбои по большимъ дорогамъ. Нѣсколько разъ уже сеймовыя собранія присудили его къ изгнанію и лишенію чести, то-есть объявили *банитомъ* и *пифамисомъ*. Но въ гонитвѣ за Татарами и въ усмиреніи козацкихъ бунтовъ онъ былъ незамѣнимъ, и Конецпольскій охранялъ его отъ исполнительной власти обычными въ панской республикѣ военными *экземптами*. Ланца, съ его домашнимъ ополченіемъ можно было послать въ самый отчаянный „подъѣздъ“ и въ самую гибельную свалку скорѣе, нежели всякаго другаго. Рискованныя предпріятія были отрадою этого рыцаря шляхетской украины, преслѣдуемаго законами и угрожаемаго мщеніемъ за оскорбленіе не однихъ мелкихъ и великихъ панскихъ домовъ. Ему не доставало только случая, чтобъ изъ украинской шляхетчины перейти въ украинскую козатчину, и разыграть въ ней роль пана Косинскаго. Этимъ больше, нежели чѣмъ-либо другимъ, надобно объяснять поблажку, которую давалъ ему коронный гетманъ вмѣстѣ съ той партіей, которая поддерживала его самого въ панской республикѣ.

Козаки знали Ланца хорошо, и столько же его боялись, сколько ненавидѣли, а ненавидѣли его тѣмъ болѣе, что онъ съ гайдамацкимъ своимъ характеромъ соединялъ католическую набожность: въ послѣдніе дни масляницы запирался онъ въ монастырѣ и предавался дисциплинарному покаянію въ старыхъ грѣхахъ, чтобы смѣло дѣлать новые. Слухъ о его походѣ въ Украину встревожилъ заговорщиковъ, и они, для умноженія числа отчаянныхъ людей, сочинили легенду, будто бы Ланцъ, пріѣдя въ мѣстечко Лысянку на самый Великдень, вырѣзалъ всѣхъ его жителей до ноги, мужей, женъ и дѣтей, собравшихся въ церкви,—даже и самого священника вмѣстѣ съ прихожанами. Наши ученые историки принимаютъ этотъ грубый вымыселъ за несомнѣнный фактъ, и тѣмъ самымъ показываютъ намъ, какъ было естественно со стороны безграмотныхъ людей онаго темнаго времени вѣрить козацкимъ вѣстямъ.

Масса бунтовщиковъ увеличилась быстро. Но то были одни выписчики. Реестровые козаки, освобожденные, тому назадъ пять лѣтъ, отъ террора голоты, предводимой Жмайломъ, не хотѣли очутиться снова подъ громами артиллеріи Конецпольскаго.

По смерти Дорошенка, старшимъ надъ ними былъ поставленъ

Григорій Саввичъ Чорный. Онъ удерживалъ своихъ подчиненныхъ въ повиновеніи правительству, не дозволялъ имъ пиратствовать на морѣ, отвергалъ посулы и услуги добычниковъ, желавшихъ пользоваться правами реестровиковъ, и строго наказывалъ тѣхъ, которые участвовали въ морскихъ набѣгахъ.

Но успѣвъ склонить Чорнаго на свою сторону, заговорщики выставили противъ него новаго Жмайла, носившаго имя Тараса Ѳедоровича. Этотъ „озвался гетманомъ“ за Порогами по примѣру предшествовавшаго ему избранника голоты, и привлекалъ къ себѣ гультаевъ изо всей Украины. Гультаи вооружились, какъ могли, на счетъ побитыхъ жолнеровъ да ограбленныхъ земляковъ, и направлялись въ недоступные для правосудія низовья, грозя расправиться съ реестровиками, какъ съ измѣнниками. Напрасно Чорный посылалъ за Пороги увѣщательные универсалы. Запорожская голота, съ своей стороны, распространяла универсалы Тараса Ѳедоровича по Украинѣ, доказывая въ нихъ колеблющимся между двухъ предводителей, что у кого въ рукахъ армата, при томъ остается и войсковая власть. Этотъ аргументъ дѣйствовалъ на козацкую логику сильно, и тѣ изъ реестровиковъ, которыхъ не по чемъ было сыскивать, перебѣгали цѣлыми купами къ избранному демагогами гетману.

Весной 1630 года Конецпольскій пришелъ въ Украину слѣдомъ за Лащемъ. Онъ уже не засталъ Чорнаго въ живыхъ: запорожцы погубили его обманомъ. Въ отвѣтъ на увѣщанія преданныхъ правительству козаковъ, низовые бунтовщики обѣщали наконецъ покориться, но только тогда, когда въ Украину придетъ изъ Запорожья армата. Чорный повѣрилъ имъ, не принялъ никакихъ предохранительныхъ мѣръ, былъ схваченъ и казненъ варварскимъ способомъ: ему отрубили сперва руки, а потомъ голову.

Терроръ обладателей войсковой арматы повліялъ окончательно на вѣрныхъ правительству козаковъ. Только третья часть ихъ, въ числѣ двухъ тысячъ, дождалась Конецпольскаго. Коронный гетманъ примкнулъ эти двѣ тысячи къ своему войску, и занялся умиротвореніемъ края, взволнованнаго *выписанными запорожскими козаками* какъ называли ихъ современные Великоруссы, или *выписчиками*, какъ называли ихъ Поляки.

Подъ вліяніемъ лѣтописныхъ вымысловъ, козакопанскую усобицу 1630 года у насъ обыкновенно представляютъ религіозною борьбою, въ которой козаки играли роль защитниковъ православія. Но Конецпольскій и его ротмистры-католики охраняли отъ козацкаго буйства даже такіе монастыри, какъ Печерскій. Украинскія лѣтописи, съ го-

лоса запорожскихъ интригановъ, повѣствуютъ, а наши историки вторятъ имъ, будто бы и старшій сынъ Іова Борецкаго, Стефанъ, въ званіи сотника взбунтовавшихся козаковъ, палъ въ битвѣ съ войскомъ Конецпольскаго, тогда какъ онъ благополучно состоялъ въ домашнемъ почтѣ князя Радивила, а самъ Іовъ Борецкій такъ былъ далекъ отъ участія въ козацкомъ бунтѣ, что, по его усмиреніи, московскіе вѣстовщики видали его среди козацкой антиреволюціонной рады въ качествѣ просителя милостыни на церковное строеніе.

Конецпольскій прогналъ козаковъ съ праваго берега Днѣпра на лѣвый, заперъ въ Переяславѣ и, послѣ трехнедѣльной блокады, принудилъ покориться на Куруковскихъ пунктахъ. Странное пристрастіе къ одной воюющей сторонѣ и еще болѣе странная непріязнь къ другой, при вопіющемъ у насъ отсутствіи исторической критики, завели нашихъ историковъ такъ далеко, что они представляютъ Конецпольскаго побѣжденнымъ въ „Переяславской войнѣ“. Но въ „Пактахъ съ Запорожскими Козаками“ коронный гетманъ обращаетъ къ своимъ побѣдителямъ такое слово:

„Глубоко оскорбленъ маестатъ его королевской милости, нашего милостиваго государя, Запорожскимъ Войскомъ, которое Тарасъ вывелъ на власти. Великое преступленіе совершили козаки тѣмъ, что Чорнаго Грицка Савича, поставленнаго надъ ними отъ его королевской милости старшимъ, не только за таковаго не признали, но, набѣжавъ на него неожиданно и поймавъ, жестокосердо замучили. Не простительно виновны они въ томъ, что въ прошломъ году, втогнувшись въ Черное море, надѣлали много вреда въ турецкихъ владѣніяхъ. Еще преступнѣе поступили они, когда однихъ принудили насиліемъ, а другихъ мнимымъ ломаньемъ вѣры, въ которой никому не сдѣлано никакой кривды, подвели къ нападенію на королевскія хоругви, стоявшія по квартирамъ.

„Но, такъ какъ, признавъ себя виновными, они столько разъ и письменно, и чрезъ пословъ униженно просили насъ о пощадѣ; имѣя, кромѣ того, въ виду, что немалая часть Запорожскаго Войска пребыла непоколебимо въ своей вѣрности и послушаніи при королевскомъ войскѣ, и не желая, чтобы погибли запорожскіе козаки, оказавшіе такъ много услугъ королю и Рѣчи Посполитой и покрывшіе себя славою,—отпускаю нынѣ всѣмъ имъ вину ихъ, но подъ слѣдующимъ условіемъ.

„Хотя всѣ они называютъ себя виновными, и всѣ просятъ помилованія за произведенное кровопролитіе, считая заслуженнымъ наказаніемъ понесенныя ими утраты; но Тарасъ Ѳедорѳвичъ, будучи ихъ

предводителемъ, оказывается виновнѣе всѣхъ: ибо, по его внушенію и отъ его имени, начали твориться всѣ эти злодѣйства. Поэтому, не отрицая его виновности, Запорожское Войско питаетъ надежду на милосердіе его королевской милости, что, отпустивъ козакамъ чрезъ меня вину, нашъ милостивый государь проститъ и того, который долженъ былъ исполнять то, чего желало все войско, и просило меня оставить его подъ войсковымъ секвестромъ до дальнѣйшаго объявленія королевской воли. На что я, по горячей просьбѣ обѣихъ частей Запорожскаго Войска, согласился, съ тѣмъ чтобъ онѣ обязались немедленно исполнить рѣшеніе его королевской милости, лишь только оно воспослѣдуетъ.

„Постановленія Куруковской коммиссіи должны остаться неизмѣнными во всѣхъ пунктахъ своихъ. Запорожскіе козаки обязались тѣмъ, которые теперь, не взирая на запрещеніе его королевской милости и волю старшихъ, пошли на море, строго наказать, предводителей похода выдать и челны сжечь. Обязались также отдавать всякое уваженіе тѣмъ, которые остались вѣрны своему долгу, сражаясь вмѣстѣ съ войскомъ его королевской милости, такъ какъ ради ихъ заслугъ оказано помилованіе и прочимъ“ *).

Покоренные панскимъ оружіемъ козаки снова принесли, какъ и пять лѣтъ назадъ, торжественную присягу на вѣрность королю и республикѣ. Послѣ присяги вписаны были въ шеститысячный реестръ заслуженные козаки, которыхъ исключили было изъ него за ихъ вины. Войско Запорожское взялось наблюсти, чтобы всѣ выписчики разошлись по своимъ домамъ. Старшимъ козацкимъ коронный гетманъ приказалъ быть Тимошу Михайловичу (козаки называли его Тимошемъ Орендою, или Арендаренкомъ), какъ человѣку, по словамъ документа, доказавшему свою вѣрность, мужество и опытность въ рыцарскихъ дѣлахъ Рѣчи Посполитой. Этотъ старшій произнесъ отдѣльную присягу, которою обязывался воспрещать хожденіе на Запорожье козакамъ, не состоящимъ на королевской службѣ, не сзывать въ купы ни охотниковъ, ни выписчиковъ, напротивъ карать всѣхъ, кто бы отважился это дѣлать. Вслѣдъ за своимъ старшимъ, войско присягнуло сжечь всѣ морскіе челны, и тѣхъ, которые не состояли на королевской службѣ, не принимать къ себѣ ни на Запорожьѣ, ни на Украинѣ.

---

*) Достойно замѣчанія, что авторъ „Богдана Хмельницкаго“, въ 4-мъ изданіи этой книги, игнорируетъ „Пакты съ Запорожскими Козаками“, обнародованные мною въ „Матеріалахъ для Исторіи Возсоединенія Руси“, и что козаки остаются у него попрежнему побѣдителями Конецпольскаго.

Такъ было уничтожено польскорусскою республикою четвертое посягательство добычниковъ на овладѣніе продуктами чужаго труда.

Не можетъ быть, чтобы защитнику ея домовитыхъ и промышленныхъ классовъ не было извѣстно, что козацкій мятежъ поддерживался отчасти и православнымъ духовенствомъ.

Дошедшая до насъ „Львовская Лѣтопись", писанная однимъ изъ современныхъ священниковъ, свидѣтельствуетъ, что тогдашнее духовенство наше имѣло превратное понятіе о характерѣ государственныхъ дѣятелей съ одной стороны и козацкихъ демагоговъ съ другой. Въ ней, напримѣръ, говорится, будто бы коронное войско, на походѣ въ Украину, избивало всѣхъ Малороссовъ безъ разбора, единственно за то, что они—Русь; будто бы Конецпольскій прибылъ въ Украину съ великимъ гнѣвомъ на козаковъ и на всѣхъ Малороссовъ; будто бы доминиканцы освятили ему мечъ на искорененіе Руси, и будто бы онъ выпросилъ у козаковъ миръ, подъ условіемъ, чтобы козаковъ было хоть сто тысячъ.

Эти и другія сказки, повторяемыя донынѣ, какъ достовѣрные факты, въ свое время должны были сильно дѣйствовать на образованіе мнѣній въ малорусскомъ невѣжественномъ обществѣ. Ихъ, безъ сомнѣнія, фабриковали не одни козаки, но и приходскіе попы заодно съ монахами.

О подучиваньѣ козаковъ противъ шляхты со стороны поповъ и монаховъ сохранились извѣстія въ перепискѣ весьма почтенныхъ представителей землевладѣльческаго класса въ Малороссіи, и козацкія петиціи на сеймъ, сочиняемыя духовными лицами, если не протестантами, козацкія посольства въ Москву, направляемыя и даже сопровождаемыя духовными людьми, говорятъ намъ, что эти извѣстія заключаютъ въ себѣ добрую долю правды. Но въ современныхъ письменахъ не сохранилось, даже и въ видѣ клеветы, свидѣтельство, чтобы Конецпольскій, въ качествѣ усмирителя козацкаго бунта, принималъ карательныя мѣры противъ православнаго духовенства. Напротивъ, по сказанію того же львовскаго лѣтописца, при особѣ короннаго гетмана находилось пять православныхъ священниковъ, очевидно, для успокоенія умовъ на счетъ его прибытія въ Украину *). Далѣе львовскій лѣтописецъ представляетъ Конецпольскаго явнымъ противникомъ церковной уніи (какимъ былъ и его современникъ Левъ Сопіга). По дошедшему

*) Есть основаніе думать, что эти пять священниковъ придалъ Конецпольскому Петръ Могила, бывшій архимандритомъ Печерской Лавры.

до него слуху, коронный гетманъ, осматривая кровавое поле битвы, говорилъ со слезами: „Вотъ она унія: лежитъ Русь вмѣстѣ съ Поляками“!

Козаки были такъ рѣшительно направлены духовенствомъ къ исканію московскаго подданства, что, по заключеніи Переяславскихъ пактовъ, сдѣлали новую попытку перейти подъ высокую царскую руку. Но Москва въ то время не довела еще своихъ донцовъ до присяги на подданство царю: ей было бы не по силамъ перерабатывать разомъ двѣ вольницы въ полезныя для государства орудія, и она отклонила искательство днѣпровцевъ, какъ и въ 1625 году. Будь она такъ неосторожна и самоувѣренна, какъ Польша, разбойный элементъ, выработанный свирѣпымъ деспотизмомъ Грознаго съ одной стороны и феодальными порядками Польши съ другой, воспреобладалъ бы въ ней надъ элементомъ государственно-хозяйственнымъ, и навѣрное бунтъ Стеньки Разина сопровождался бы въ Царской Землѣ руиною, какую устроилъ въ Землѣ Королевской Богданъ Хмельницкій.

Глава VII.

Древніе представители народности и ихъ преемники.—Борьба невѣжественной по-восточному партіи съ просвѣщенною по-западному партіей.—Историческое значеніе русскаго аскетизма.—Тяготѣніе малорусской массы къ Московскому Царству.—Два митрополита, представители русско-московской и русско-польской партіи. —Преобладаніе польской идеи въ эпоху возстановленія православной іерархіи.

Между тѣмъ какъ происходили новыя ссылки козаковъ съ московскимъ правительствомъ, весною 1631 года скончался Іовъ Борецкій. Съ Борецкимъ прекращается политическая дѣятельность убогихъ, но дерзновенныхъ иноковъ, отважившихся подражать первымъ апостоламъ христіанства, которые своей готовностью умереть за вѣру обезоруживали классическихъ преслѣдователей своихъ.

Каковы бы ни были достоинства и недостатки нашей церковной политики, но эти загнанные уніятами и отвергнутые православными панами люди разграничили у насъ рѣзко „древнее русское благочестіе“ и съ папствомъ и съ протестантствомъ. Они выработали истинно-христіянскую программу дѣйствій, до какой никогда не возвышался Намѣстникъ Христа, принизившій божественное къ человѣческому,— не возвышались и нѣмецкіе реформаторы церкви, низведшіе высокіе идеалы Евангелія къ уровню добродѣтелей посредственныхъ.

Родъ этихъ смиренныхъ, но великихъ людей восходитъ, можно сказать, къ первымъ вѣкамъ христіанства на Руси. Не тѣ изъ нашихъ предковъ, которые подражали Византійцамъ въ созиданіи храмовъ, и не тѣ, которыхъ имена прославились защитой нашихъ городовъ отъ кочевыхъ язычниковъ, завѣщали намъ стойкость въ чувствѣ нашей народности, основою котораго сдѣлалось православіе. Варягорусскій міръ сознавалъ весьма грубо внушенную ему духовными его вождями задачу —„побороть за христіанъ на поганые полки“. Въ числѣ этихъ вождей находились люди, которыхъ идеалъ былъ выше воинственной борьбы съ иновѣрцами. Чуждаясь радостей, достигнутыхъ торжествомъ надъ „погаными“, они скрывались отъ своихъ буйныхъ почитателей въ

ископанныхъ собственными руками пещерахъ, и всю жизнь упражнялись въ христіанской кротости, которой больше, нежели чего-либо другаго, недоставало въ быту варягорусскаго воина. Безсознательно восполняли они своимъ подвижничествомъ русскую жизнь, слишкомъ низменную и матеріальную при всей своей свѣжести, которою дышетъ дошедшій до насъ обломокъ ея эпоса. Они, въ эпоху юности русскаго общества, были то самое, что нынѣ составляютъ въ немъ проповѣдники высшихъ идеаловъ жизни—люди науки и литературы. Они были религіозно-философскимъ проявленіемъ народнаго духа, и представляли въ себѣ зачатки будущаго его развитія.

Когда кипучіе Игори, Всеволоды, Олеги погибли одинъ за другимъ вмѣстѣ съ храбрыми дружинами своими, какъ воины, несостоятельные граждански въ борьбѣ за христіанъ,—беззащитныя пещеры отшельниковъ уцѣлѣли надъ рѣкой Славутомъ какъ бы чудомъ, и сохранили въ новомъ, разноплеменномъ обществѣ нетронутымъ и нерушимымъ лучшее, что выработала наша старина. Но волна за волной набѣгала съ Запада на русскую развалину, и заносила нашу родную почву соромъ жизни чуждой.

Только обычный сборъ медовой дани на Печерскій монастырь соединялъ между собой далеко разбросанные остатки былаго строенія Руси. Только этимъ чисто-экономическимъ способомъ узнавала погруженная въ невѣжество масса, гдѣ находится среда земли ея.

Добродѣтели пещерныхъ подвижниковъ совершались безмолвно и, по христіянскому смиренію, скрывались даже отъ братіи; и пороки и преступленія покупателей хлѣбовъ духовныхъ были между тѣмъ на виду у всѣхъ мірянъ, и наполняли города позорными сценами.

Самому непредубѣжденному историку можетъ казаться иногда, что малорусская церковь не поддерживала мѣстной народности въ ея упадкѣ; что наше бѣлое духовенство принизилось къ самой землѣ подъ управленіемъ безчинствующей іерархіи, а наши черноризцы закопались въ общежительскихъ интересахъ своихъ, и равнодушно предоставили міру вязнуть въ глубокихъ колеяхъ его безпутства.

Но въ то время, когда нравственная немочь вельможъ, умственныя потьмы приходскихъ поповъ и подстрекаемое протестантами стремленье церковныхъ братствъ къ религіозной гегемоніи вели малорусскую народность къ самоуничтоженію, въ то самое время наше монашество, подъ покровомъ аскетическаго отвращенія ко всему мірскому, хранило въ своей отособленной средѣ непоколебимыхъ никакими пришлыми ученіями представителей русскаго элемента, и незримо для міра поддерживали нашу древнерусскую народность въ новомъ

русскомъ обществѣ. Между тѣмъ какъ на исторической сценѣ этого общества появлялись религіозные борцы, руководимые съ одной стороны латинцами, съ другой—протестантами, съ третьей—подавленными Турціей Греками, за его сценой едва слышны были голоса людей, не нуждавшихся для своей дѣятельности ни въ покровительствѣ, ни въ милостяхъ такихъ вельможъ, какъ Василій Острожскій и Радивилъ Перунъ. Это были именно тѣ люди, которые не довѣряли просвѣщенію, приходившему къ намъ съ Запада, и въ отособленной средѣ своей разрабатывали науку восточнаго исповѣданія вѣры, науку „истиннаго благочестія".

Лучшею школою духовнаго здравомыслія почитали они Аѳонъ, гдѣ преданія и обычаи древняго христіянства хранились въ строгой неизмѣнности. Съ этой горы наименованной Святою и, при невѣжествѣ Грековъ XVI вѣка, составлявшей единственное убѣжище восточнаго просвѣщенія, съ этой знаменитой горы не переставали приходить къ намъ люди, вооруженные глубокимъ разумѣніемъ тѣхъ пунктовъ православной вѣры, которые, по словамъ „Совѣтованія о Благочестіи", были облиты кровью. При самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, они продолжали дѣло основателей Печерскаго монастыря, и, такъ сказать, поддерживали на маякѣ огонь, когда весь Малорусскій край былъ объятъ бурей и мракомъ. Не знаемые ни міромъ, ни его бытописаніемъ, они тѣмъ не менѣе имѣли многихъ послѣдователей своего богомыслія, и въ общеніи съ ними хранили цѣлость восточной церкви въ нашей землѣ, наполненной иновѣрными пришельцами.

Въ эпоху церковной неурядицы, когда между православными и протестантами происходили конфедераціи и съѣзды, когда между хранителями и отрицателями древнихъ церковныхъ преданій заключались письменные договоры о взаимной оборонѣ отъ папистовъ, и когда имена вельможныхъ руководителей православнаго движенія были въ устахъ у каждаго гонимаго или тѣснимаго за стойкость въ древнемъ русскомъ благочестіи,—существовало въ Малороссіи цѣлое общество людей, которые на панскія конфедераціи и съѣзды смотрѣли, какъ на дѣла еретическія; для которыхъ искать у протестантовъ обороны отъ папистовъ значило спасаться отъ одного нечистаго духа посредствомъ другаго, и которые мнимыхъ протекторовъ православія давно уже считали людьми оеретиченными.

Во главѣ этого общества стояли тихіе, молчаливые иноки, которыхъ Аѳонъ живымъ примѣромъ своихъ подвижниковъ воспитывалъ помимо науки, совершавшей христіянство сквозь медіумъ образованности языческой. Иноки эти выдѣлялись изъ того же шляхетнаго

класса, который волею и неволею поддерживалъ у насъ польское можновладство, но отличались отъ своихъ собратій тѣмъ, что не шли въ панскіе осадчіе, не дѣлались вельможескими креатурами въ качествѣ искателей дигнитарскаго хлѣба, не „доматорствовали“, въ духовномъ бездѣйствіи, на родовыхъ участкахъ земли, отдавъ себя подъ щитъ одного или другаго пана, и даже не вдавались въ военное ремесло, которое въ тѣ времена было самымъ почетнымъ, по его крайней необходимости, самымъ свободнымъ, по невозможности его регулировать, и самымъ грубымъ, по отчужденію отъ сферъ семейной и общественной дѣятельности. Они удалялись въ монастырь—или потому, что сознавали свою неспособность къ практической предпріимчивости, или потому, что, будучи одарены характерами крутыми, отрицали все, что не было согласно съ преданіями русской церкви и старины. Невѣжество въ утонченности общественнаго быта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ области академической науки, было естественнымъ ихъ достояніемъ. Борьба съ нуждой и горемъ, котораго было много и внутри монастырскихъ стѣнъ, не всегда развивала лучшія стороны ихъ природы. Но они стояли къ чернорабочей массѣ ближе тѣхъ, что̀ею правили. Они внушали ей довѣріе своей неприкосновенностью къ выгодамъ правленія. Они знали простой народъ во всѣхъ его слояхъ, и умѣли покорять дикій духъ украинскаго ремесленника и украинскаго хлѣборода кроткимъ внушеніямъ вѣры.

Была у этихъ проповѣдниковъ публика и за чертой чернорабочей массы. Ихъ слушались во многомъ, если не во всемъ, „славетные мѣщане“, которые соотвѣтствовали нынѣшнимъ почетнымъ гражданамъ, а съ ними и богатые купцы. Ихъ вліяніе простиралось и на тѣ шляхетскіе дома, которые оставались внѣ широкаго круга власти магнатовъ. Объ одномъ изъ такихъ домовъ даетъ намъ понятіе „Боркулабовская Хроника“, изображающая зажиточную и даже знатную захолустную шляхту въ тѣсной связи съ просвѣщеннымъ домашними средствами приходскимъ духовенствомъ и въ то же время съ монахами, которые являются среди мірянъ въ качествѣ энергическихъ исправителей общественной нравственности.

Но сами они, эти крутые, неуживчивые характеры, эти суровые противники всего иновѣрнаго, иноплеменнаго, иноземнаго, все-таки сознавали невозможность выдержать, въ своихъ иноческихъ общежитіяхъ, разъѣдающее дѣйствіе польсконѣмецкаго новаторства и, спасаясь отъ его „сатанинскаго обаянія“, удалялись даже изъ Печерскаго монастыря на Аѳонъ, „яко въ духовную школу“. Тамъ проживали они по многу лѣтъ, утверждаясь въ незыблемости православія, и дѣ-

лались наконецъ образцами христіянскаго здравомыслія. Объ нихъ-то, объ этихъ строгихъ аскетахъ, по близкимъ и далекимъ обителямъ, шла усладительная для добрыхъ иноковъ молва, какъ о „преподобныхъ мужахъ Россахъ, житіемъ и богословіемъ цвѣтущихъ“. Ихъ словесныя и письменныя наставленія дѣйствовали тѣмъ шире, чѣмъ больше былъ сосредоточенъ въ богомысліи пламенный духъ ихъ. Они являлись достойными подражателями тѣхъ малосвѣдущихъ въ академической наукѣ искателяхъ Божія царства и Божіей правды, которыхъ здоровый умъ, въ полномъ согласіи съ непорочною совѣстью, восторжествовалъ надъ „премудрыми и разумными“ грекоримскаго міра.

Одинъ изъ такихъ преподобныхъ мужей Россовъ, упомянутый въ „Совѣтованіи о Благочестіи“, Іоаннъ Вишенскій, долженъ былъ имѣть особенно сильное вліяніе на соотечественниковъ, судя по самородному краснорѣчію его посланій, приносимыхъ въ малорусскіе монастыри питомцами аѳонской школы, а равно и потому, что эти посланія сохранились въ рукописяхъ до нашего времени, не смотря на превратности человѣческихъ мнѣній и судебъ. Появиться имъ въ тогдашней печатной полемикѣ, заправляемой протестантами, было невозможно, такъ какъ Іоаннъ Вишенскій, со всею рѣзкостью врожденнаго ему сарказма и грозой духовнаго обличенія, возсталъ противъ сближенія съ образованными по иноземному панами, которое привело въ нашу Южную Русь латинскую, и вслѣдъ за нею и протестантскую проповѣдь. Для приданія большей цѣны ходившей по рукамъ рукописи, одно изъ аѳонскихъ посланій было даже адресовано (вѣроятно, переписчикомъ) къ начальнику православія, князю Острожскому. Но попасть подъ типографскій станокъ его двора могло оно всего менѣе, потому что именно въ этомъ посланіи говорится, что „нынѣ русскіе князья *всѣ* оеретичились между Ляхами, и отступили отъ христіянства, отъ истинной вѣры“.

Не входя здѣсь въ обзоръ вдохновенныхъ воззваній аѳонскаго аскета, скажемъ, что его изображеніе мірской и монашеской жизни объясняетъ намъ больше, нежели всѣ другіе документы, какимъ образомъ невѣжественная русская партія, примкнувшая къ монастырямъ, устояла въ своихъ православныхъ воззрѣніяхъ противъ просвѣщенной западною наукой партіи, которая опиралась на православныхъ Острожскихъ и протестантовъ Радивиловъ.

Борьба между ними шла втихомолку: ибо малоученые, убогіе и въ быту своемъ мужиковатые иноки не имѣли возможности ни препираться съ образованными въ панскихъ кругахъ богословами, ни писать противъ нихъ доказательно, какъ писалъ противъ папистовъ

таинственный авторъ „Апокрисиса“, ни даже печатать написанное. Но еслибъ эта борьба со стороны людей малосвѣдущихъ велась въ тѣсномъ пространствѣ и не охватывала круга, описываемаго радіусомъ иноческаго скитанія за сборомъ медовой дани и за милостынею на церковное строеніе, — дѣло малорусскаго православія было бы проиграно.

Аѳонъ постоянно поддерживалъ Печерскую обитель въ строгомъ храненіи унаслѣдованной отъ временъ апостольскихъ вѣры, и постоянно снабжалъ его братію своими питомцами, подобными Іоанну Вишенскому, который повернулъ въ еретики всѣхъ русскихъ князей задолго до формальнаго ихъ отступничества. Даже въ тѣ времена упадка церкви и народной нравственности, когда иновѣрная власть, не стѣсняемая вельможными православниками, вводила въ обитель преподобнаго Ѳеодосія архимандритовъ Вассіановъ, эта обитель заключила въ своихъ стѣнахъ такихъ иноковъ, которые своими тихими добродѣтелями продолжали дѣйствовать на современный русскій міръ такъ вліятельно, какъ дѣйствовалъ Антоній и Ѳеодосій Печерскіе на древній. Они-то, эти молчальники, эти покорные всякимъ властямъ затворники, эти безоружные борцы за православную церковь, противопоставляя всякому насилію одну готовность терпѣть лишенія, истязанія и самую смерть, царили у насъ надъ общественнымъ мнѣніемъ побѣдительно, и правили народными симпатіями могущественно.

Когда „святопамятный“ князь Острожскій отошелъ къ предкамъ, не обезпечивъ какимъ-либо фундушемъ ниодного церковнаго братства, ниодного училища, ниодной типографіи, ни даже какого-нибудь испытаннаго ревнителя народнаго просвѣщенія,—изъ Печерскаго монастыря вышелъ убогій инокъ Исаія Копинскій, или Купинскій, въ видѣ попрошайки, и замѣнилъ широкопомѣстнаго магната въ поддержкѣ малорусской церкви съ неизмѣримымъ превосходствомъ.

Копинскій вовсе не готовился къ общественной дѣятельности. По характеру и по монастырскому воспитанію своему, онъ былъ аскетъ; а представители нашего Малорусскаго племени, способные къ аскетизму, не имѣли иной задачи своего подвижничества, кромѣ внутренняго, молчаливаго самоудовлетворенія красотою христіанской любви, основанной на самоотреченіи въ пользу ближняго. Они жаждали одного блага въ жизни,—чтобы сдѣлаться преподобными по примѣру тѣхъ двухъ подвижниковъ, которыхъ наша церковь поминаетъ въ заключеніе каждаго богослуженія.

Что Исаія Копинскій этого достигнулъ во мнѣніи спасающейся братіи, свидѣтельствуетъ намъ слѣдующее характеристическое назва-

ніе, данное почитателями его духовныхъ подвиговъ сочиненію, которое написалъ онъ въ руководство монашествующимъ: „Лѣствица духовнаго въ Бозѣ житія христіанскаго, трудолюбнѣ составлена и въ Пользу душевную усердствующимъ и внимающимъ постническому Житію написана преподобнымъ Отцемъ нашимъ Исаіею Конинскимъ, иже постничествова и Безмолвія путь проходя при пещерѣ Отца нашего Антонія иже въ Кіевѣ, послѣди же бывша митрополитомъ того же богоспасаемаго града Кіева".

Какъ много значилъ въ тѣ времена строгій монашескій аскетизмъ для жизни практической, показываетъ фактъ, что постника и молчальника Исаію вызвало для своего назиданія и руководства Богоявленское церковное братство, возникшее въ Кіевѣ по примѣру братства Львовскаго.

То было время исполненія католико - религіозныхъ чаяній папскаго легата Пизона, напрасно хлопотавшаго о привлеченіи на лоно римской церкви Константина Ивановича Острожскаго, отца князя Василія. Съ окончательнымъ переходомъ въ католичество возвеличеннаго литовскимъ гетманомъ дома, многія православныя фамиліи подѣлались католическими. Но нѣкоторыя держались еще православія, и какъ будто находились подъ вліяніемъ грозной правды, высказанной Іоанномъ Вишенскимъ: „Когда бы не было между вами этихъ клобуконосцевъ, то давно бы вы уже погибли, давно бы утратили свои высокія мѣста, давно бы совершился надъ вами приговоръ: *„се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ"?*

Къ числу вѣрныхъ покамѣстъ православію фамилій принадлежали паны Ложки въ Мозырскомъ повѣтѣ, надъ Припетью, князья Вишневецкіе, распространившіе свои владѣнія отъ Горыни до Сулы и Сейма. Исаія Копинскій пользовался въ отживающемъ свой вѣкъ поколѣніи православнаго дворянства особеннымъ уваженіемъ за свою постническую и молчальническую жизнь. Онъ выпросилъ у пановъ Ложекъ привилегированное, то-есть не подлежащее королевскому праву мѣсто въ Кіевѣ, близъ церкви Богоявленія, и основалъ на немъ, съ помощію церковнаго Братства, монастырь, извѣстный донынѣ подъ именемъ Братскаго, съ цѣлью доставить въ немъ пріютъ убогому духовенству, вмѣстѣ съ грекославянскимъ училищемъ для распространенія въ народѣ православнаго просвѣщенія.

Къ подобнымъ же пожертвованіямъ расположилъ онъ и домъ князей Вишневецкихъ. Юный наслѣдникъ этого дома, знаменитый въ послѣдствіи отступникъ православія, князь Іеремія, находился уже, какъ это случилось со многими княжичами и паничами, въ рукахъ

тѣхъ просвѣтителей польскорусской республики, которые, не трогая даже вѣры, претворяли русскій элементъ въ польскій и православное воззрѣніе въ католическое. Но зато его мать, княгиня Раина, хваталась обѣими руками за людей, которые одни были способны предохранить великихъ малорусскихъ пановъ отъ исполненія надъ ними угрозы Іоанна Вишенскаго. Она дала Исаіи Копинскому всѣ средства возстановить древній Густынскій монастырь, близъ Прилукъ, обезпечить устроенный имъ подъ Лубнами монастырь Мгарскій и основать Ладинскій, невдалекѣ отъ Густынскаго.

Путешествіе патріарха Ѳеофана въ Кіевъ черезъ Густыню заставляетъ насъ вспомнить, что Густынскій монастырь служилъ для Москвы искони передаточнымъ пунктомъ ея политики относительно Польши, Молдавіи и Турціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ обратить вниманіе и на то обстоятельство, что Исаія Копинскій былъ посвященъ Ѳеофаномъ въ архіереи первый.

Какъ будто изъ смиренія уступилъ Исаія санъ митрополита посвященному вслѣдъ за нимъ Іову Борецкому, будучи уже извѣстенъ въ Кіевѣ и своимъ житіемъ, и богословіемъ, и церковностроительными подвигами. Имя епископа перемышльскаго принадлежало ему только титулярно. Онъ поселился въ Ладинскомъ скитѣ съ однимъ только послушникомъ, ископалъ вмѣстѣ съ нимъ собственноручно пещеру и собственноручно же построилъ кельи для превращенія скита въ женскій монастырь, который существуетъ и нынѣ.

Но видно, что эта энергическая, пламенная духомъ натура не чужда была тѣхъ недостатковъ, которые неразлучны съ пустынножительствомъ и удаленіемъ отъ разнообразной сцены человѣческихъ дѣлъ. Сохранилось извѣстіе, что, будучи призванъ игуменствовать въ Межигорскій монастырь, Исаія Копинскій не поладилъ съ братіею, избралъ изъ нея двѣнадцать человѣкъ такихъ аскетовъ, какимъ былъ самъ, и перевелъ въ свою пустынную Густыню. Тамъ опять не поладилъ онъ за что-то и съ Іовомъ Борецкимъ,—можетъ быть, за его общительность, за его сношенія съ иновѣрцами. Самая просьба его къ московскому царю заставляетъ предполагать, что молчальникъ Исаія питалъ въ душѣ какія-то мрачныя мысли. Въ одно время онъ разсылалъ по нашей Руси предостерегательное посланіе, въ которомъ заподазривалъ Борецкаго и другихъ архіереевъ въ расположенности къ уніи. Но причины разлада, предосудительнаго въ нѣкоторомъ смыслѣ для обоихъ подвижниковъ, надобно искать не столько въ нихъ самихъ, сколько въ новомъ поворотѣ нашей церковной политики, подъ вліяніемъ польскорусскаго панства.

Мы уже знаемъ, что въ высшемъ обществѣ, созданномъ на русской почвѣ иноземною образованностію, не сочувствовали возстановленію православной митрополіи въ виду іерархіи уніятской. Реакція дѣлу, справедливому исторически, но смущающему польскорусскую государственность, выражалась въ началѣ только общимъ молчаніемъ, которымъ земскіе послы и вообще члены сейма покрывали нынѣ славныя, но тогда ничтожныя имена Борецкаго, Копинскаго и другихъ православныхъ архіереевъ. Потомъ она выразилась такимъ же coup d'état, какимъ со стороны противодѣйственнаго общества было посвященіе владыкъ и архимандритовъ на мѣсто признанныхъ законными.

Дѣло въ томъ, что этимъ самовольнымъ посвященіемъ у великихъ пановъ, окружавшихъ передовой нѣкогда у насъ на Руси домъ князей Острожскихъ, похищала ихъ наслѣдственное право патроната какая-то смѣшанная, иногда безпутная и часто дикая масса народа, тяготѣвшая къ чужому государству. Эти великіе паны, въ поколѣніи, образовавшемся по обнародованіи церковной уніи, сдѣлались изъ православныхъ, а нѣкоторые даже изъ протестантовъ, католиками; но тѣмъ не менѣе именовали себя, какъ и прежніе отступники, *Русью*. Хотя простонародная Русь, воспитываемая нашимъ духовенствомъ въ православіи, именовала *Ляхами* даже и тѣхъ польскорусскихъ пановъ, которые перешли въ католичество, и тѣхъ, которые измѣнили древнему русскому благочестію ради нововѣрія нѣмецкаго, но на это зловѣщее обстоятельство въ высшемъ обществѣ не обращалось вниманія. Аристократы католики и протестанты, заодно съ провославною братіею своею, вознамѣрились присвоить своему классу кіевскую митрополію и вмѣстѣ съ нею „Царствующую Лавру“ по старинѣ. И государственная политика, и сословный антагонизмъ не позволяли имъ терпѣть, чтобы преемникомъ Борецкаго и Турова преемника, Плетенецкаго, сдѣлался демагогъ, сынъ темной толпы монаховъ, мѣщанъ, „низшей шляхты“ и мужиковъ, опирающейся на вооруженное вмѣшательство запорожскихъ лугарей въ церковныя дѣла.

Знаменитый домъ Замойскихъ, нѣкогда православный, теперь католическій, озаботился этимъ дѣломъ. Ему помогали окатоличенные Русины Потоцкіе, готовые окатоличиться литворусскіе князья Корыбуты Вишневецкіе, такіе же князья Радивилы и многіе православные паны, отличавшіеся отъ Поляковъ только вѣрою, которую въ душѣ признавали полуересью, или „вѣрою хлопскою“, но съ которою не хотѣли, покамѣстъ, разставаться. Русскіе протестанты, терявшіе, со временъ Скарги, одного знатнаго представителя своего за другимъ,

присоединились охотно къ этой церковно-соціальной лигѣ, и общими стараніями возвели въ санъ архимандрита Кіевопечерской Лавры Петра Могилу, состоявшаго въ родствѣ съ Вишневецкими, Потоцкими, Корецкими, Радивилами и другими первенствующими польскорусскими домами.

Представитель молдавскаго или румунскаго дома Могилъ, Іеремія Могила былъ одинъ изъ тѣхъ богачей, которымъ турецкій диванъ обыкновенно продавалъ господарскій престолъ, подъ которыхъ обыкновенно подкапывались въ султанскомъ сералѣ другіе денежные люди. Обезпечивая себя на всякій случай дружбою польскихъ пановъ, родъ Могилъ всегда отличался особенною преданностью Польской Коронѣ. Іеремія Могила и его братъ Симеонъ, отецъ Петра Могилы, устроились въ русинской Польшѣ, какъ въ другомъ отечествѣ, купили себѣ значительныя имѣнія и, по ходатайству Яна Замойскаго, получили въ 1593 году *индигенатъ*, въ актѣ котораго сказано, что онъ даруется Могиламъ за особенную приверженность къ Полякамъ. Въ 1595 году Янъ Замойскій, въ качествѣ великаго короннаго гетмана и канцлера, посадилъ Іеремію на господарскомъ престолѣ въ Яссахъ, какъ польскаго вассала. Но господарилъ Іеремія недолго. Мѣсто его занялъ братъ его, Симеонъ. Но и тотъ былъ вытѣсненъ интригами откупщиковъ, какъ слѣдуетъ, по существу дѣла, назвать тогдашнихъ господарей обоихъ дунайскихъ княжествъ, Молдавіи и Валахіи. Могилы окончательно переселились въ Польшу, которая въ неурядицѣ превосходила Турцію, но все-таки представляла больше безопасности личной.

Современная переписка панскихъ нунціевъ съ Римскою Куріей представляетъ намъ отца и дядю Петра Могилы въ такой же связи съ предводителями польскихъ іезуитовъ, въ какой состоялъ съ ними и домъ князя Василія. Напримѣръ, въ наставленіи, даннымъ нунціемъ Маласпиною преемнику его въ Польшѣ 1598 года, говорится, что „папа установилъ въ Молдавіи и Валахіи епископа, который недавно прибылъ въ свою резиденцію“; а въ инструкціи, полученной изъ Рима нунціемъ Симонеттою 1606 года, сказано уже прямо: „Хотя господарь Симеонъ исповѣданія греческаго, не смотря на то, весьма расположенъ къ католикамъ, равно какъ и братъ его Іеремія, послѣ котораго вступилъ онъ на господарство. Вы будете поддерживать пріятельскія отношенія съ нимъ и съ его секретаремъ, добрымъ, какъ говорятъ, католикомъ“, и пр. Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что еще господарь Петръ Хромой трактовалъ съ нунціемъ Аннибаломъ изъ Капуи (1587—1590) о введеніи въ его краѣ католичества, и что посредни-

комъ между ними былъ извѣстный іезуитъ Станиславъ Варшевицкій. Словомъ, Римская Курія ухаживала за властителями православныхъ Волоховъ, какъ и за польскорусскими православниками. Самъ Петръ Могила получилъ воспитаніе, какъ и князь Василій, при содѣйствіи іезуитовъ.

На сколько впечатлѣнія дѣтства отразились въ зрѣлыхъ лѣтахъ Петра Могилы, невозможно опредѣлить покамѣстъ; но свидѣтельства современниковъ не всѣ говорятъ въ пользу его православности, и еще меньше обнаруживаютъ въ немъ русскую идею, которою были преисполнены Іовъ Борецкій и Исаія Копинскій.

Петръ Могила отличался жизнью трезвою и набожною, подобно своему совмѣстнику по митрополіи, Іосифу Рутскому и наперснику князя Василія, Ипатію Потѣю, подобно фанатику папскаго главенства Іосафату Кунцевичу, и, въ періоды покаяній, коронному стражнику Самуилу Лащу, подобно, наконецъ, іезуиту Петру Скаргѣ, добродѣтельному, въ своемъ родѣ, человѣку, и многому множеству другихъ личностей того вѣка, которыхъ никакія насилія надъ ближнимъ не лишали благочестія и богоугодности, усвоенныхъ въ регулированномъ по извѣстному способу обществѣ. Онъ былъ ревнителемъ того, что въ его время называлось просвѣщеніемъ, какъ и всѣ польскорусскіе магнаты, считавшіе дѣломъ чести и долга, или побуждаемые тщеславіемъ и разсчетомъ, основывать училища, типографіи, монастыри, госпитали. Онъ былъ возобновителемъ церквей, издателемъ церковныхъ книгъ и духовныхъ сочиненій, исправителемъ обрядовъ богослуженія, защитникомъ интересовъ своей митрополіи, воспитателемъ за границей молодыхъ людей, наконецъ, основателемъ латино-греческой коллегіи, изъ которой въ послѣдствіи образовалась Кіевская духовная академія. Всего этого было совершенно достаточно, чтобы наша исторіографія вписала его имя въ лѣтопись русскихъ доблестей, наравнѣ съ великимъ и святымъ именемъ Борецкаго. Поразительной разницы между ними она не замѣтила.

Борецкій былъ созданіе русскомосковскаго, Могила —русскопольскаго единства. Сдѣлавшись въ началѣ іеромонахомъ, а потомъ архимандритомъ Печерскаго монастыря, Могила велъ себя такъ благочестиво и дѣятельно, что православный кіевскій митрополитъ не усумнился видѣть въ немъ достойнаго себѣ преемника. Однакожъ надобно помнить, что этого митрополита и проходимецъ Ахія умѣлъ увѣрить въ святости своихъ стремленій и правдѣ своей царственности. Могила съумѣлъ не хуже Ахіи сыскать благоволеніе къ себѣ наивнаго въ своей святости Іова Борецкаго, и сдѣлался его душеприказ-

чикомъ. Но не осталось никакого свидѣтельства, чтобы богатый архимандритъ Кіевопечерской Лавры когда-либо помогъ убогому митрополиту въ церковномъ строеніи или въ дѣлахъ милосердія и просвѣщенія.

Сдѣлавшись митрополитомъ въ свою очередь, Могила сносился съ московскимъ царемъ по предметамъ церковныхъ украшеній, выписывалъ отъ него мастеровъ сусальниковъ, предлагалъ ему къ услугамъ своихъ ученыхъ монаховъ, и посылалъ ему весьма цѣнные подарки; но когда братъ усопшаго митрополита, Андрей Борецкій, намекнулъ ему о возсоединеніи Руси съ Русью, онъ отвѣчалъ не обинуясь, что за это стоило бы посадить его на колъ. Одного этого свидѣтельства, сохранившагося въ Главномъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, достаточно для того, чтобы знать, кто былъ Могила. Но я представлю и другія.

Противъ избранія Петра Могилы архимандритомъ печерская братія возставала всѣми своими силами. Пря о немъ продолжалась два года. Въ этой прѣ Копинскій, какъ и ему подобные ревнители древняго русскаго благочестія, могъ играть важную роль. Можетъ быть, потому разошелся онъ и съ самимъ Борецкимъ, что между начинателей русскаго возсоединенія очутился человѣкъ инаго воспитанія, иной среды, инаго политическаго стремленія.

Могила восторжествовалъ наконецъ надъ оппозиціей; но его поддержалъ канцлеръ Замойскій, по его собственныхъ словамъ, „своею презентаціею, залеценьемъ и милостивою интерцессіею“,—восторжествовалъ такъ побѣдительно, что сдѣлался митрополитомъ, не проходя иноческаго искуса (какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ преданный ему монахъ Кальнофойскій).

Основанное Могилою сперва въ самой Лаврѣ училище вызвало также упорное противодѣйствіе со стороны соборныхъ старцевъ, и сохранилось преданіе о жестокихъ мѣрахъ, которыми оно было подавлено со стороны можновладника архимандрита.

Перемѣщенія этого училища въ Братскій монастырь домогался отъ Могилы Борецкій, чтобы поставить его подъ контроль паствы своей, и на кіевскомъ Подолѣ опять доходило дѣло до того, что Могилѣ и его воспитаннымъ за-границею преподавателямъ латиногреческой коллегіи козаки, безъ сомнѣнія, подкупленные монахами, грозили смертью уніата Грековича.

Противники Петра Могилы въ этомъ случаѣ были, конечно, неучи; но схоластическая наука, насажденная имъ въ Кіевѣ, произвела рабское подражаніе польщизнѣ, не вдохновила Малороссовъ ниоднимъ

поэтическимъ стихомъ, а только сблизила малорусское общество съ польскимъ до неразличимости. Невѣжды въ схоластической мудрости были по своему правы, когда на попеченія новаго митрополита взирали съ тѣмъ же недовѣріемъ, съ какимъ относились и къ педагогическимъ ухаживаньямъ іезуитовъ.

Превозносятъ Петра Могилу за образованіе въ заграничныхъ академіяхъ наставниковъ его коллегіума, въ числѣ которыхъ былъ и его преемникъ по митрополіи, Сильвестръ Коссовъ. Но мы знаемъ, что князь Василій съ такимъ же усердіемъ къ распространенію наукъ доставилъ заграничное образованіе отступнику Мелетію Смотрицкому, а благочестивый домъ Киселей—другому отступнику, Кассіану Соковичу. Митрополитъ Коссовъ не могъ, подобно Смотрицкому и Саковичу, отвергнуться православія; но стоя на высотѣ схоластической науки, не внушалъ уваженія къ себѣ въ той средѣ, которая произвела Іоанна Вишенскаго, Іова Борецкаго и Исаію Копинскаго.

Одинъ изъ родственныхъ имъ по духу вѣры и по ревности къ русскому православію представителей тогдашняго духовенства, берестовскій игуменъ Аѳанасій Филипѡвичъ, въ дневникѣ своемъ, представляетъ Коссова искателемъ собственныхъ приватъ подъ архіерейскою рясою, наравнѣ съ прочими сановниками Могилина кружка, которые, по его словамъ, то покупали себѣ привилегіи на архимандріи и игуменства, то продавали себя уніятамъ и іезуитамъ, то собирали деньги на снятіе съ себя баниціи. Пламенный вѣрою до изступленія, Филипѡвичъ относится ко всей Могилинской іерархіи въ томъ духѣ, въ какомъ Іоаннъ Вишенскій отнесся къ панамъ православникамъ. Изобразивъ безсиліе свое въ борьбѣ съ равнодушіемъ вельможъ, которыхъ напрасно убѣждалъ въ зловредности уніи, Филипѡвичъ говоритъ, что унія погибнетъ непремѣнно, но что ее поддерживаютъ покамѣстъ наши старшіе духовные, если не словомъ, то самимъ дѣломъ, а это, замѣчаетъ онъ, еще хуже.

Немудрено, что Копинскій, питавшій ту же самую недовѣрчивость къ воспитанникамъ латинскихъ академій, заподозрилъ было и самого Іова Борецкаго въ склонности къ отступничеству. Исаію Копинскаго представляютъ завистникомъ, сварливымъ инокомъ, честолюбивымъ святошею; но все это лишь для того, чтобы придать сіяніе достоинствамъ Петра Могилы. Между тѣмъ въ поступкахъ молдавскаго господарича мы замѣчаемъ возмутительное для простосердечныхъ отшельниковъ искусство составлять себѣ партію и проводить своихъ кліентовъ на высшія духовныя должности.

Два убогіе черноризца, Копинскій и Борецкій, взяли на себя дѣло церкви и народнаго просвѣщенія, уроненное ополяченнымъ домомъ князей Острожскихъ; но между нихъ втерся можновладный родственникъ Вишневецкихъ, Потоцкихъ, Корецкихъ, Радивилловъ, и сдѣлался душеприказчикомъ нищаго митрополита. Очевидно, Могила билъ на то, чтобы по смерти Борецкаго тотчасъ возсѣсть на митрополію. Но его подозрѣвали въ стачкахъ съ папистами на счетъ православія, и на мѣсто Борецкаго былъ посвященъ путешествовавшимъ въ Москву греческимъ митрополитомъ Кирилломъ оттертый Могилою суровый товарищъ Борецкаго, Исаія Копинскій. Занимаемое Борецкимъ до смерти игуменство въ Михайловскомъ монастырѣ также было предоставлено партіею строгихъ православниковъ Копинскому.

Что Могила противодѣйствовалъ ему въ занятіи мѣста Борецкаго, видно изъ попытки нѣсколькихъ михайловскихъ монаховъ объявить своимъ игуменомъ придворнаго Могилы, Филатія Кезаревича. Волненіе въ средѣ избирателей заставило Кезаревича отказаться отъ своей роли, которая могла сдѣлаться для него небезопасною, такъ какъ михайловская братія имѣла дружескія связи съ запорожцами. Могила не смѣлъ дѣйствовать открыто, и Копинскій утвердился на митрополіи и архимандріи покамѣстъ невозбранно.

Въ то время король Сигизмундъ III былъ уже дряхлъ. Въ Москвѣ носились даже слухи о его смерти и о возшествіи на престолъ Владислава IV. Іезуиты пріутихли съ своею казуистикой. Протестанты и съ ними православные стали надѣяться на уничтоженіе уніи, которая опротивѣла и самимъ католикамъ, какъ это всего яснѣе видно изъ письменныхъ упрековъ Льва Сопіги Іосафату Кунцевичу. Но дѣло, освященное Римомъ, было неприкосновенно для католической Польши. Все, что возможно было сдѣлать для успокоенія религіозныхъ раздоровъ, это—вернуться къ тому порядку вещей, какой существовалъ до поѣздки Терлецкаго и Потѣя въ Римъ, но вернуться безъ всякой ломки и суматохи.

Малорусскіе паны, воспитанные польскою цивилизаціей, всѣ были болѣе или менѣе похожи на князя Василія. Сближеніе восточной церкви съ западною было ихъ общею мыслью. Они подготовлялись всею своею жизнію къ тому, чтобы соединить оказавшееся несоединимымъ. Самые протестанты, подъ конецъ жизни Сигизмунда III, начали уступать общему направленію церковносоціальной политики. Ихъ поголовное обращеніе къ папству было только вопросомъ времени, а королевичъ Владиславъ своею вѣротерпимостью ослаблялъ въ нихъ и послѣдній задоръ сектантовъ. Поэтому стоянье Копинскаго на древ-

нихъ преданіяхъ церкви не находило сочувствія въ высшемъ кругу, тѣмъ болѣе, что было поддерживаемо низшими классами, опиралось на козацкую силу и, что было всего возмутительнѣе для польскихъ государственниковъ, было освящено московскимъ кліентомъ, заѣзжимъ изъ Турціи митрополитомъ. Напротивъ Могила былъ такой человѣкъ въ глазахъ южнорусскихъ магнатовъ, котораго нельзя было попрекнуть ни происхожденіемъ, ни убожествомъ, ни искательствомъ у ненавистной для нихъ Москвы.

Могила уже при жизни Борецкаго, по словамъ папистовъ, „подавалъ наилучшія надежды“ на примиреніе несогласій между двумя вѣроисповѣданіями, и едва не предупредилъ витебской трагедіи устройствомъ малорусскаго патріархата. По проекту Смотрицкаго, обласканнаго Могилою, только что вступившимъ тогда въ монашество, православные и уніяты должны были собраться на соборъ и общимъ совѣтомъ избрать себѣ патріарха, которымъ, судя по смыслу проекта, долженъ былъ сдѣлаться не кто другой, какъ Могила. Партія Копинскаго воспротивилась этому дѣлу съ одной стороны, а Римъ взглянулъ на нее недовѣрчиво съ другой, и малорусскій патріархатъ не состоялся.

Гибель Кунцевича и отступничество Смотрицкаго могли послужить Петру Могилѣ предостереженіями и со стороны раздраженной паствы, и со стороны подозрительныхъ ея руководителей. Волей и неволей онъ долженъ былъ играть роль строгаго послѣдователя преданій русской церкви: только этимъ и было возможно ему обезоружить опаснаго ревностью къ Божію дому Копинскаго. Онъ ждалъ своего времени, и время его настало въ 1632 году, когда скончался Сигизмундъ III.

Прежде всего сочиняетъ онъ козакамъ петицію, въ которой, наперекоръ фактамъ, говорится, будто бы козаки уже болѣе тридцати лѣтъ каждый сеймъ молятъ и слезно просятъ объ успокоеніи ихъ древней греческой церкви; потомъ собираетъ въ свою пользу голоса православныхъ пановъ, заручается ходатайствомъ протестантовъ Радивиловъ и католиковъ Замойскихъ, получаетъ отъ новоизбраннаго короля привилегію на кіевскую митрополію, принимаетъ посвященіе въ митрополита въ Львовѣ отъ ничтожнаго архіерея, Іереміи Тисаровскаго, торжественно, въ преднесеніи митрополичьяго креста, возвращается въ Кіевъ и примѣняетъ польское можновладство къ соглашенію несогласимой паствы своей.

Въ кіевскомъ обществѣ повторяется процессъ образованія панской республики. Мы ужъ и прежде, въ качествѣ православниковъ,

то группировались вокругъ Острожскихъ и Радивиловъ, то замыкались въ предѣлахъ городскихъ общинъ и цеховъ, и между тѣмъ давленіе иновѣрной политики на нашу религіозную совѣсть было таково, что, достигши теперь, въ лицѣ Петра Могилы, церковнаго самосуда и самоуправленія, мы очутились въ болѣе странномъ положеніи, чѣмъ въ какомъ были подъ властью доуніятскихъ нашихъ архіереевъ, ознаменовавшихъ себя въ исторіи святокупствомъ и распущенностію жизни.

Потеря нашихъ церковныхъ имуществъ, безсиліе нашихъ петицій на государственномъ сеймѣ, наша нищета, наше невѣжество и политическое разномысліе—заставляли и самыхъ смѣлыхъ изъ насъ, каковы были составители „Совѣтованія о Благочестіи“, впадать въ уныніе и безнадежность. Вдругъ среди насъ появляется человѣкъ, обѣщающій намъ возвращеніе потеряннаго, пріобрѣтеніе религіозной равноправности, обиліе необходимыхъ для просвѣщенія средствъ и единеніе умовъ подъ авторитетомъ знатнаго происхожденія, широкаго родства съ патентами Рѣчи Посполитой, умѣнья властвовать и высокой по тогдашнему научной образованности. Наши церковные борцы, уповавшіе то на козацкую подмогу, то на высокую руку московскаго царя, видя, что козацкая подмога оказывается разбоемъ и грабежемъ, роняющимъ достоинство православія, а царская высокая рука не рѣшается простереться надъ ними, по недостатку въ малорусскомъ обществѣ соединенія и крѣпкаго стоянья, пошли толпой подъ щитъ можновладника митрополита, и оставили убогаго подвижника Копинскаго въ положеніи, напоминающемъ неопредѣленность, двусмысліе и рискъ непризнаваемыхъ правительствомъ гетмановъ Запорожскаго Войска. Одни изъ нашихъ поповъ и монаховъ заняли подъ щитомъ узаконеннаго митрополита позиціи реестровиковъ, усердствовавшихъ коронному гетману; другіе окружали митрополита самовольнаго въ видѣ какихъ-то выписчиковъ, противившихся предержащей власти.

Могила и въ званіи печерскаго архимандрита умѣлъ тѣснить Копинскаго своими Кезаревичами. Облекшись теперь во всеоружіе церковнаго верховенства, онъ пустилъ въ ходъ правило древняго Рима — „раздѣляй и властвуй“, вмѣстѣ съ правиломъ Рима новаго —„цѣль оправдываетъ средства“. Основателя Братскаго монастыря, страннопріимнаго дома при немъ для пристановища гонимому духовенству и вмѣстѣ грекославянскаго училища для образованія борцовъ за православіе—тѣснилъ въ виду священства и монашества тотъ, кто воспользовался готовымъ фундаментомъ для возведенія на немъ полуіезуитскаго коллегіума, тотъ, кто и самой митрополіи съ печерскою архимандріей достигъ по дорогѣ, проторенной Копинскими, Борецкими, Никифорами

Турами, Плетенецкими. Предвосхитивъ у Копинскаго старѣйшинство въ православной церкви, Могила исключилъ даже имя его изъ печатнаго списка кіевскихъ митрополитовъ, а созданное имъ изъ ничего училище переименовалъ въ коллегіумъ своего имени.

Оскорбленный до глубины души измѣнчивостью собратій, удручаемый нуждой и старостью Копинскій все-таки продолжалъ писаться кіевскимъ митрополитомъ и проводилъ скитальческую жизнь, ища людей, способныхъ чувствовать по православному, какъ онъ. Но Могила и тутъ преслѣдовалъ его своими Кезаревичами, вписывавшими въ гродскія книги протестаціи о его самозванномъ будто бы игуменствѣ въ Михайловскомъ монастырѣ.

Даже московскій царь пересталъ для Копинскаго быть предметомъ упованія. Могила протѣснился между нимъ и Копинскимъ такъ, какъ прежде между Копинскимъ и Борецкимъ. Посылая царю въ подарокъ цуги лошадей и предлагая свои услуги для просвѣщенія народа по принятому отъ него молдавскимъ господаремъ способу, Могила затеръ при московскомъ дворѣ память о томъ архіереѣ, который первый изъ Малоруссовъ высказалъ великую мысль о возсоединеніи Русскаго міра.

Еслибы польскорусская республика одолѣла и переработала свои разбойные элементы (аристократическій и демократическій) такъ, какъ это сдѣлало у себя Московское Царство,—она бы вѣчно помнила услуги, оказанныя ей пріемышемъ ея Петромъ Могилою. Хотя кіевскія волненія, свидѣтели глухой борьбы съ нимъ приверженцевъ Копинскаго, и заставили его принять на себя образъ древняго русскаго благочестія во всемъ, что̀ видитъ и смекаетъ малообразованное общество, но онъ до такой степени повернулъ церковную іерархію вспять отъ Москвы къ Польшѣ, что преемникъ, Сильвестръ Коссовъ, и послѣ формальнаго присоединенія Малороссіи къ Московскому Царству уклонялся отъ присяги на подданство московскому царю.

Заслуги Петра Могилы по народному просвѣщенію, въ смыслѣ доставленія учебныхъ средствъ, и по малорусскому православію, въ качествѣ завоевателя похищенныхъ уніятами церковныхъ имуществъ, преувеличиваются у насъ, какъ и многое въ излюбленныхъ личностяхъ. Молдавскій господаричъ хлопоталъ вовсе не о пробужденіи русскаго самосознанія, не о томъ, что̀ проповѣдывалъ Іоаннъ Вишенскій. Могилинская литература била водою на латинопольскія колеса. Могилинское просвѣщеніе было наивнымъ, если не умышленнымъ продолженіемъ іезуитской работы надъ выдѣлкой „добрыхъ католиковъ“ изъ закоренѣлыхъ въ своей малограмотности схизматиковъ. Вся жизнь Петра

Могилы и вся его политическая дѣятельность была такимъ же притупляющимъ русское сознаніе явленіемъ, какъ и жизнь князя Василія со множествомъ другихъ жизней, выдѣланныхъ іезуитами въ православной средѣ по образу своему и по подобію.

Не Острожскіе и не Могилы привели великій Русскій міръ къ единству дѣйствій путемъ православія, а именно тѣ люди, которые незримо для польскихъ политиковъ противодѣйствовали острожанамъ и могилинцамъ. Нищій митрополитъ Исаія Копинскій не напрасно скитался изъ монастыря въ монастырь, изъ дома въ домъ, изъ города въ городъ. Какъ ни громки были слова и дѣла, которыми митрополитъ богачъ и магнатъ, со многочисленною кликою своихъ панегиристовъ, заглушалъ его негодующій голосъ, но вопли великаго подвижника-аскета дошли даже и до насъ, пробившись сквозь лукавыя рукописи современниковъ и забитыя буквою головы потомковъ.

Вытѣсненный изъ украинской обители Іова Борецкаго, Копинскій дважды проникалъ въ столицу къ правосудному, но безсильному „королю королей“, къ безпомощному отцу польскорусскихъ „королятъ“, Владиславу IV. Владиславъ не сомнѣвался въ справедливости жалобъ Копинскаго и поставилъ можновладнику митрополиту на видъ, что онъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, „наступалъ гвалтомъ на жизнь и имущество сѣверскаго архіепископа, игумена Святаго Михаила Золотоверхаго Кіевскаго; что онъ пограбилъ его имущество, документы, серебро, церковные и его собственные аппараты; что и самого его (Копинскаго) онъ билъ, окровавливалъ, держалъ въ темницѣ, присваивая себѣ его доходы“.

Не могъ и, конечно, не желалъ Владиславъ возстановить Копинскаго въ достоинствѣ кіевскаго митрополита, но повелѣлъ возвратить ему Михайловскій монастырь со всѣми принадлежащими къ нему имуществами и назначилъ по этому дѣлу особую коммиссію изъ воеводъ, духовныхъ лицъ, судей, коморниковъ. Однакожъ монастырь возвращенъ ему не былъ, и Копинскаго прогнали даже изъ Мгарской обители. Она была передана въ распоряженіе Могилѣ племянникомъ его, по двоюродной сестрѣ, Іереміею Вишневецкимъ, который тогда объявилъ себя католикомъ.

Въ глазахъ отвергшихся православія, или готовыхъ отвергнуться его при обстоятельствахъ благопріятныхъ, Могила былъ правъ, даже захватывая монастыри у подвижника, истратившаго жизнь на ихъ устройство, а Копинскій и въ своихъ жалобахъ на грабежъ, побои, заключеніе въ темницу былъ безпокойнымъ кляузникомъ, полупомѣшаннымъ аскетомъ, отсталымъ противникомъ просвѣщенія, заимствован-

наго изъ „лучшаго его источника“. Но такихъ неугомонныхъ жалобщиковъ, такихъ засидѣвшихся въ монастыряхъ аскетовъ и отсталыхъ противниковъ западной науки было у насъ много, и они громкимъ хоромъ приписывали всѣ бѣдствія, постигшія и постигавшія православную церковь, именно тому просвѣщенію, которое приходило къ намъ съ Запада чрезъ посредство иновѣрцевъ. Простодушно, неловко, иногда крайне грубо и невѣжественно проповѣдывали они: что „западнымъ хитрорѣчіемъ простота и буяя премудрость Божія безчестится“; что „философствующіе по западнымъ образцамъ отъ благочестія мнѣніями своими устраняются“; что „наученный богомыслію завѣтами церкви безъ книгъ премудрѣетъ, простотою философы посмѣваетъ, смиреніемъ гордость потачмяетъ“,—и однакожъ ихъ странная пропозѣдь проникла въ Малорусскій народъ глубоко. Слушатели ихъ слова и свидѣтели ихъ страданій переводили не совсѣмъ ясныя мысли огорченныхъ апостоловъ на языкъ обыденной жизни своей. Толки о Ляхахъ, поступающихъ на православіе, ширились по всѣмъ путямъ, которыми странствовали подобные Копинскому скитальцы. Убѣжденіе, что унія должна погибнуть, становилось общимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ распространялось въ народѣ убѣжденіе и о неизбѣжной гибели всего ляшескаго. Возникшая у монаховъ эпохи Іова Борецкаго потребность искать убѣжища въ Московскомъ Царствѣ—въ эпоху Петра Могилы увеличилась. Цѣлые монастыри снимались таборомъ и бѣжали къ московскому рубежу „на царское имя“ отъ однихъ слуховъ о стачкахъ митрополита Петра Могилы съ папистами. Эти бѣганья перепуганныхъ монаховъ за московскій рубежъ, гоньба за ними со стороны мѣстныхъ властей, какъ за похитителями чужой, принадлежащей монастырю, а не монахамъ, собственности и производимые надъ ними въ дорогѣ грабежи, наполняли тревогою весь пограничный край, и отзывались въ малорусскихъ захолустьяхъ чудовищными слухами о наступленіи Ляховъ на христіянскую вѣру. Невѣжественная чернь принимала эти слухи безъ всякой повѣрки, безъ всякой сообразительности, и на днѣ ея души залегала неясная покамѣстъ мысль о поголовномъ истребленіи Ляховъ. Это религіозно-національное истребленіе Ляховъ предуготовлялъ не меньше самихъ іезуитовъ Петръ Могила, вопреки своему задушевному желанію — принадлежавшую Польшѣ Русскую землю соединить съ нею неразрывно.

Глава VIII.

Искатели московскаго подданства превращаются въ опустошителей Московскаго Царства.—Паны строятъ на Днѣпрѣ крѣпость Кодакъ; козаки ее разрушаютъ.—Происхожденіе козацкаго своевольства отъ папскаго.—Крымцы дважды ищутъ напрасно польскаго подданства.—Козацкій бунтъ подъ предлогомъ возмездія за недоплату жалованья.—Запорожцы и городовики.

Историческій характеръ Петра Могилы извращенъ у насъ до такой степени, что этого Поляка въ православномъ облаченіи противопоставляютъ польскорусскимъ панамъ, и утверждаютъ, въ „ученыхъ“ монографіяхъ, будто бы онъ былъ „благосклоненъ къ козакамъ, постоянно находился съ ними въ пріязненныхъ отношеніяхъ“ и незадолго до смерти „ободрилъ“ Хмельницкаго въ его замыслѣ, „даже прибавилъ, что того постигнетъ клятва, кто въ такомъ дѣлѣ не приметъ участія, будучи способенъ помогать разсудкомъ или оружіемъ“ *).

Было совсѣмъ напротивъ. Могила, какъ это мы знаемъ документально, погрозилъ брату Іова Борецкаго страшною казнью за одинъ намекъ о возможности перехода Малороссіи подъ московскую державу. Благосклонность его къ козакамъ ограничивалась только наймомъ ихъ къ себѣ на службу для набѣговъ на сосѣднія имѣнія, а пріязненныя къ нимъ отношенія опровергаются однимъ уже тѣмъ, что его кліенты въ своихъ книгахъ называли козаковъ „дерзкими ребеллизантами“ **). Въ 1630 году Могила жаловался Конецпольскому на грабежи, которые терпятъ отъ нихъ монастырскія имѣнія; въ 1636 году посылалъ къ павлюковцамъ своихъ игуменовъ съ увѣщаніемъ покориться панскому правительству, а въ началѣ 1638-го привѣтствовалъ въ Кіевѣ усмирителя ихъ, Николая Потоцкаго, отъ имени всего духовенства. Когда же дѣло козачества было проиграно и на Масловомъ Ставу козакамъ объявили рѣшеніе Рѣчи Посполитой, которое уничижало

*) Костомаровъ.

**) Кальнофойскій, „Тератургима“.

ихъ окончательно, присланный отъ Петра Могилы проповѣдникъ увѣщевалъ ихъ евангельскими изреченіями покориться приговору пановъ безропотно.

Нельзя не обратить здѣсь вниманія и на то обстоятельство, что питомецъ Петра Могилы, кіевопечерскій архимандритъ Иннокентій Гизель, въ своемъ „Синопсисѣ“ исчислилъ всѣхъ кіевскихъ воеводъ, въ томъ числѣ и католиковъ, но не упомянулъ въ этой первоначальной исторіи Малороссіи ни о мнимыхъ борцахъ за вѣру и присоединителяхъ къ Россіи нашего края, ни объ ихъ славныхъ гетманахъ.

Козаки готовы были сражаться противъ кого угодно и за кого угодно, какъ ремесленники боеваго дѣла. Одни изъ нихъ служили Могилѣ для захвата монастырскихъ имуществъ даже у такихъ людей, какъ Исаія Копинскій, а другіе служили самому Копинскому, пока онъ имѣлъ чѣмъ имъ платить, для обороны отъ такихъ напастниковъ, какъ могилинскій Кезаревичъ. Но была существенная разница между отношеніями къ Запорожскому Войску одного и другаго митрополита. Старый митрополитъ готовъ былъ во всякое время повторять козакамъ увѣщаніе восточнаго патріарха Ѳеофана, чтобъ они не ходили войною на христіанскій родъ, Москву. Напротивъ новый, состоя въ родствѣ и дружбѣ съ вельможными отступниками православія, могъ только желать, чтобъ они во всемъ слѣдовали руководителямъ польской интеллигенціи и политики, іезуитамъ. Это подтверждается исторически извѣстными событіями.

До вступленія Могилы на митрополію, козаки были въ пріязненныхъ отношеніяхъ съ московскимъ царемъ. Царь „отпустилъ имъ вину ихъ и преступленье, дерзнутое ими противъ его благочестиваго государствія“. Козаки, съ своей стороны, ходатайствовали о дозволеніи быть подъ государевою высокою рукою, такъ какъ имъ „кромѣ государевой милости дѣться негдѣ“.

Понимая религію и церковь не лучше мусульманъ, козаки, въ въ 1630 году, пытались поднять малорусское простонародье на повсемѣстное избіеніе Ляховъ и Поляковъ. Подобно тому, какъ Наливайко готовъ былъ прислужиться Сигизмунду III рѣзаньемъ ушей и носовъ сверхштатнымъ добычникамъ, Тарасъ Ѳедоровичъ хотѣлъ угодить Михаилу Ѳедоровичу украинскимъ разбоемъ. Ничего лучшаго отъ козаковъ нельзя было ждать, какъ отъ „людей (по отзыву Посольскаго Приказа) дикихъ, необузданныхъ, не имѣющихъ страха Божія“. Но политика Петра Могилы низвела козачество еще одной ступенью ниже. Въ Тарасовщинѣ было хоть такое оправданіе разбоя, къ какому прибѣгаютъ иногда Жиды, нападая среди базара на мужика съ

крикомъ *гвалтъ!* „Ляхи наступаютъ на христіанскую вѣру", твердили козаки вмѣстѣ съ раздраженными монахами. Они выступали здѣсь въ роли защитниковъ Руси, которую жолнеры, по ихъ словамъ, пришли вырѣзать поголовно до московской границы, выступали въ роли мстителей за истребленіе цѣлыхъ мѣстечекъ съ женщинами, дѣтьми и попами, какъ объ этомъ распускали они слухи. Но вторгнуться въ православное царство, гдѣ не было ни Ляховъ, ни жолнеровъ, ни церковной уніи, было гораздо хуже. Однакожъ такое вторженіе совершилось въ 1633 году, какъ въ 1618-мъ, и новый митрополитъ не сталъ отвлекать козаковъ отъ братоубійственнаго предпріятія, тогда какъ Польшу охранялъ отъ нихъ всячески.

При такомъ поддерживаньѣ православной вѣры, которой „Знамя", по словамъ извѣстнаго историка, „взяли козаки", король Владиславъ IV призвалъ подъ свои знамена 15.000 воиновъ, недавно предлагавшихъ „единому православному царю" службу свою, и пустилъ ихъ впереди шляхетскихъ дружинъ своихъ прокладывать татарскіе шляхи отъ Смоленска къ Москвѣ.

И польскіе, и иноземные наблюдатели возобновленной войны съ Московскимъ Царствомъ приписываютъ ея успѣхъ блистательной отвагѣ и опустошительнымъ подвигамъ днѣпровской орды, какъ и въ походѣ Сагайдачнаго. Отступленіе знаменитаго московскаго воеводы Шеина отъ Смоленска, его капитуляція и заключеніе вѣчнаго мира съ уступкою Польшѣ нѣсколькихъ удѣльныхъ когда-то княжествъ возвысили Рѣчь Посполитую въ глазахъ сосѣдей, запугали грозную для нея Турцію и заставили Крымскихъ Татаръ искать у короля вассальства, съ обѣщаніемъ завоевать ему Буджаки и всю Волощину до самого Дуная. Таковы были косвенные результаты произведенной Петромъ Могилою перемѣны въ нашей церковной политикѣ.

Всѣ приходскіе попы, ставленники Борецкаго и Копинскаго, подъ разными предлогами, были смѣщены; архимандріи и игуменства раздавались тѣмъ лицамъ, которыхъ вопіявшій точно въ пустынѣ Филипòвичъ осуждаетъ въ своемъ дневникѣ, какъ пособниковъ уніи. Въ козацкія петиціи на сеймъ, казавшіяся грозными и самому Льву Сопігѣ, никто уже не вписывалъ церковныхъ домогательствъ, и козацкіе исповѣдники перестали внушать войсковой старшинѣ, что ходить на христіанскій родъ, Москву, великій грѣхъ. Теперь представители церковной іерархіи, съ Могилой во главѣ, стали внушать, что церковь католическая отличается отъ православной только нѣкоторыми обрядами. Это отличіе Могила всячески сглаживалъ въ издаваемыхъ имъ требникахъ, приспособляя православное богослуженіе

къ католическому, а чтобы дѣйствовать еще сильнѣе на умы въ духѣ единенія нашей Руси съ Польшею, поставилъ по всей Кіевщинѣ, Сѣверщинѣ и Полтавщинѣ такъ называемыя фигуры, или распятія, на подобіе католическихъ. Такъ какъ московское богослуженіе и напѣвомъ, и нѣкоторыми формальностями отличалось отъ установленнаго Могилою, и фигуръ, или распятій, по московскимъ дорогамъ не видать было вовсе, то и получалось для наблюдателя такое впечатлѣніе, какъ будто *русская* вѣра—одно, а *московская*—другое.

Но козаки не сдѣлались ни лучше отъ сближенія своей старшины съ „духовными старшими“ при Іовѣ Борецкомъ, ни хуже отъ разъединенія съ ними при Петрѣ Могилѣ. Ихъ происхожденіе, ихъ соціальное развитіе и самое паденіе ихъ Запорожскаго Коша (при Екатеринѣ II) зависѣли отъ ихъ добычнаго промысла, противоположнаго общественнымъ и государственнымъ интересамъ. Не разставались они съ этимъ промысломъ никогда, какъ не разстается животный организмъ съ естественнымъ своимъ питаніемъ. Такъ и въ Московскую войну 1633—1634 года, когда 15.000 отборныхъ козаковъ обновили дикую славу Сагайдачнаго въ Великороссіи, громадныя козацкія купы разбойничали по старому на Черномъ морѣ. Повторялась всё та же исторія, которой начало мы видѣли въ царствованіе Стефана Баторія. Никакія угрозы, просьбы и обѣщанія не могли удержать пограничныхъ добычниковъ отъ грабежа турецкихъ владѣній и черноморскихъ купцовъ въ то время, когда Баторію всего нужнѣе былъ миръ съ повелителемъ правовѣрныхъ. Еще Владиславъ IV стоялъ подъ Москвою, а своевольные козаки подняли Турокъ на Польшу попрежнему. Султанъ Мурадъ IV выступилъ было уже къ Адріанополю. Но блистательный для Польши и унизительный для Россіи Поляновскій миръ сдѣлалъ его сговорчивымъ. Турки обѣщали обуздать Татаръ, Поляки—козаковъ.

Въ исполненіе новаго договора, Конецпольскій построилъ на Днѣпрѣ, выше Пороговъ крѣпость Кодакъ, и снабдилъ ее сильнымъ гарнизономъ, подъ начальствомъ львовскаго жителя, Француза Маріона. Маріонъ долженъ былъ наблюдать строго, чтобы по Днѣпру не гнали липъ для выдѣлки за Порогами морскихъ челновъ; чтобъ изъ городовъ не доставляли на Запорожье съѣстныхъ и военныхъ припасовъ; чтобы никто безъ билета отъ украинскаго начальства не ходилъ въ днѣпровскія низовья ни водой, ни сухимъ путемъ.

Крѣпость на урочищѣ Кодакѣ была окончена, и возымѣла дѣйствіе свое въ 1535 году. Въ это время „пофортунило“ одному изъ запорожскихъ пиратовъ, черкасскому козаку Сулимѣ. Былъ онъ въ

плѣну у Турокъ, и какимъ-то способомъ освободился отъ галерной каторги, овладѣлъ самой галерой, подобно кобзарскому Самуилу Кішкѣ, и положилъ триста Турокъ. Это случилось не на Русскомъ Черномъ, а на Греческомъ Бѣломъ морѣ Архипелагѣ. Сулима направился съ своей добычей въ Римъ, и представилъ свой призъ святому отцу, Павлу V.

Неизвѣстно, какимъ путемъ вернулся онъ въ Черное море, только слава его гремѣла среди добычнаго рыцарства. Охотники до козацкаго хлѣба, не дававшіе сложиться и окрѣпнуть польскорусской республикѣ, рвались на Запорожье къ счастливому атаману. Но Кодакъ останавливалъ многихъ, если не всѣхъ, и двадцать отважныхъ молодцовъ сидѣло уже у Маріона въ кандалахъ. Сулима, предводительствуя шестью тысячами пиратовъ, овладѣлъ крѣпостью, вырѣзалъ гарнизонъ до ноги, а самого Маріона казнилъ смертью. Одинъ изъ пановъ королевской рады пишетъ въ своемъ дневникѣ, что Сулима разстрѣлялъ Маріона. Но авторъ „Львовской Лѣтописи“, характеризуя козаковъ своимъ вымысломъ, или ихъ собственнымъ хвастовствомъ, говоритъ, что несчастному Французу сперва отсѣкли руки и положили за пазуху, потомъ привязали его къ столбу, насыпали въ штаны пороху и взорвали на воздухъ.

Вернувшись въ Украину, Сулима хотѣлъ повторить попытку Жмайла и Тараса. Но въ это время калужскій и переяславскій староста Лукашъ Жовковскій, родной братъ великаго полководца, жилъ въ Переяславѣ по должности королевскаго коммиссара. Онъ пользовался репутаціей „добраго пана“ даже у православныхъ священниковъ *), и умѣлъ расположить въ пользу правительства реестровыхъ козаковъ. По его совѣту, реестровики овладѣли кошемъ бунтовщиковъ, схватили Сулиму съ пятью главными заговорщиками, забрали его артиллерію, пожгли морскіе челны, а схваченныхъ зачинщиковъ бунта привезли на сеймъ въ Варшаву.

Король отнесся снисходительно къ преступленію Сулимы, и готовъ былъ помиловать его. Онъ помнилъ козацкіе подвиги, нуждался въ боевомъ народѣ и на будущее время. Коронный гетманъ и паны королевской рады, съ своей стороны, искали смягчающихъ вину обстоятельствъ, и хлопотали на сеймѣ о помилованіи преступниковъ. Но турецкій и татарскій послы представляли тутъ же, что въ этомъ году

*) Записки приходскаго священника въ Хмельникѣ, названныя мною „Хмельницкою Лѣтописью“.

козаки пять разъ выходили въ море для разбоя. Они настояли на казни Сулимы и его товарищей атамановъ. Сулимѣ отсѣкли голову, потомъ разсѣкли его тѣло на-четверо и развѣсили на четырехъ концахъ Варшавы, къ омерзѣнію зрителей (замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ Альбрехтъ Радивилъ, ревностный католикъ). Передъ казнью Сулима принялъ католическую вѣру и просилъ положить ему въ гробъ золотую медаль, съ изображеніемъ папы Павла V, пожалованную ему святымъ отцомъ за его рыцарскій подвигъ.

Когда пришла очередь казнить пятерыхъ товарищей Сулимы, и они стояли уже на эшафотѣ, коронный канцлеръ, Ѳома Замойскій, выпросилъ у короля помилованіе одному изъ нихъ Павлу Михновичу Буту, иначе Павлюку. По разсчету ли, или по наслѣдственной терпимости, дѣйствовалъ сынъ знаменитаго Яна Замойскаго, но онъ сдѣлалъ такую же ошибку, пощадивши Павлюка, какъ и Острожскій, помиловавъ Косинскаго. Вернувшись на родину Бутъ *), или Павлюкъ, поступилъ по пословицѣ о волкѣ, который никогда не перестаетъ смотрѣть въ лѣсъ. Онъ сдѣлался ватажкомъ выписчиковъ и возмутителемъ реестровиковъ.

Между тѣмъ казнь, отъ которой спасло его ходатайство коронаго канцлера, послужила украинскимъ лѣтописцамъ темою для сочиненія публичной инквизиціи надъ мнимыми героями національной свободы. Сами ли Павлюки сочиняли варшавскіе ужасы, или имъ служили своею грамотностію озлобленные попы и монахи, только въ Малороссіи, вмѣстѣ съ козацкими бунтами совершалась революція мнѣній, имѣвшая гибельное вліяніе на судьбу ея обитателей, къ какому бы вѣроисповѣданію они ни принадлежали.

Наша Малорусская нація, въ цѣломъ своемъ составѣ, очутилась тогда въ Польскомъ государствѣ между двухъ противоположныхъ теченій. Верхнее увлекало ее къ Западу, нижнее — къ Востоку, и въ обоихъ теченіяхъ участвовали люди, усвоившіе іезуитскую манеру морочить общество. Но мороченье современниковъ, съ одной стороны, посредствомъ выдумокъ въ пользу папства, а съ другой—посредствомъ басенъ, ложныхъ слуховъ и представленія козацкихъ разбоевъ войною за вѣру, служитъ потомству объясненіемъ событій, въ силу которыхъ совершилось отпаденіе Малороссіи отъ Польши.

Въ то время, когда умы пановъ, мѣщанъ, самихъ козаковъ, чернорабочихъ сельскихъ жителей, бѣлаго и чернаго духовенства нахо-

*) Слово *бутъ* по-украински значило толмачъ, по-польски (bót)—сапогъ.

дились подъ вліяніемъ одного или другаго мороченья,—разбойный элементъ польскорусской республики продолжалъ развиваться на счетъ хозяйственнаго и промышленнаго общества.

За Московской войною 1633 — 1634 года послѣдовала новая Шведская война. Въ этой войнѣ козаки, недавно еще направляемые Шведами противъ Польши, подвизались мужественно противъ Швеціи. Литовскій канцлеръ Альбрехтъ Радивилъ, въ своемъ дневникѣ, разсказываетъ о чудесахъ ихъ отваги и искусства. Отрядъ, состоявшій изъ 1.500 человѣкъ, подъ предводительствомъ атамана Вовка, нанятый товарищемъ канцлера, Павломъ Сопігою, сѣлъ на заготовленные для него подъ Юрбургомъ чайки. Самъ канцлеръ угощалъ козацкую старшину водкой и медомъ, а мѣщане снабдили весь отрядъ пищею и напитками. Появившись на Балтійскомъ морѣ подъ Пинявою, козаки озадачили Шведовъ невиданной здѣсь со временъ Канута и Ингіальда флотиліей, овладѣли кораблемъ, нагруженнымъ съѣстными припасами, аммуниціей, и ужасали шведскихъ моряковъ больше всего тѣмъ, что, разбросанные бурею по морю, появлялись передъ ними, съ возвратомъ тишины, въ прежнемъ числѣ и порядкѣ.

Тѣ же самые козаки, или ихъ товарищи, разорили, какъ уже сказано, королевскую крѣпость на Днѣпрѣ, а турецкаго султана и крымскаго хана, обезпеченныхъ мирнымъ договоромъ съ Польшею, вооружили своимъ пиратствомъ противъ Поляковъ до такой степени, что королевскому послу въ Стамбулѣ не дозволяли видѣться ни съ какими другими послами, требовали, чтобы Поляки приняли магометанскую вѣру, чтобы платили ежегодную дань Портѣ и истребили козаковъ. Въ противномъ случаѣ, Турки грозили опустошить Польшу огнемъ и мечемъ.

Такое оскорбительное для польскорусской республики требованіе заявляли въ Стамбулѣ уже нѣсколько разъ, и всегда изъ-за новой swawoli ukrainnej, которая еще въ концѣ XVI вѣка озабочивала государственные сеймы. Сводъ польскихъ законовъ (Volumina Legum) долго не называлъ этой *свавольи* козаками; и въ самомъ дѣлѣ, не одни козаки, но вся шляхта, мѣщане, даже католическое и православное духовенство, имѣли въ своемъ составѣ разбойный элементъ, не дававшій ни частнымъ хозяйствамъ, ни хозяйству государственному пользоваться тѣми богатыми средствами для преуспѣянія, какія представляли польскія и русскія провинціи королевства. Въ козацкомъ своевольствѣ и въ козацкихъ набѣгахъ разрушительный элементъ разбоя нашелъ только самое безобразное и вопіющее выраженіе свое. Но это произошло не отъ чего инаго, (повторяю въ сотый разъ), какъ

отъ своевольства шляхетскаго и отъ наѣздовъ одного пана на владѣнія другаго.

Еслибы по крайней мѣрѣ государственное казначейство польское было въ порядкѣ! Тогда бы и король и республика имѣли средства подавлять козацкіе бунты вò-время, останавливать охотниковъ до козацкаго хлѣба въ стремленіи къ легкимъ заработкамъ, которое убивало въ Полыко-Руссахъ всякую привычку къ постоянному и настойчивому труду. Но, ассигнуя весьма скудныя средства въ распоряженіе короля и короннаго гетмана изъ опасеній къ одному и другому, законодатели республики давали обыкновенно козацкимъ разбоямъ дойти до невыносимости, и только тогда, когда „страшный домашній огонь“ охватывалъ цѣлыя области, принимались гасить его собранными второпяхъ средствами.

Павлюкъ, желая стать на мѣсто предводителя реестровиковъ, Василія Томиленка, началъ съ того, что представилъ имъ козацкую старшину панскими потаковниками и заѣдателями козацкаго жалованья, которымъ-де она дѣлится съ панами.

За участіе въ Московскомъ походѣ козакамъ дозволили вписать въ шеститысячный реестръ еще одну тысячу козаковъ, освобожаемыхъ такимъ образомъ отъ старостинской и панской юрисдикціи. Но жалованья, опредѣленнаго Запорожскому Войску, всё-таки изъ „королевскаго скарба“ не присылали. Когда реестровые козаки привезли Сулиму въ Варшаву, они просили короля заплатить ихъ войску давно уже неполучаемый *жолдъ*. Король и въ этомъ важномъ случаѣ очутился въ необходимости отсрочить исполненіе козацкой просьбы, оттовариваясь—чѣмъ же? тѣмъ, что и квартяное или коронное войско не получило еще заслуженнаго жолду, „по недостатку денегъ въ скарбѣ“.

Козаки просили позволенія расположить свою армату въ шляхетскихъ имѣніяхъ, во вниманіе къ оскудѣнію ихъ средствъ. Но королевская власть на шляхетскія имѣнія не простиралась, а законодательное собраніе не могло отдать пограничную шляхту на съѣденіе козакамъ, которые уничтожали всякую доходность имѣнія, лишь только въ немъ поселялись. Это значило бы собственными руками рушить стѣну, сдерживавшую напоръ Азіи на Европу.

Такимъ образомъ реестровые козаки ни за то, что выдали Сулиму, ни за то, что сожгли его челны, разорили кошъ и забрали артиллерію, не получили никакой награды. Послы ихъ привезли только обѣщаніе, что жалованье будетъ выплачено не позже Рождественскихъ святокъ. Но наступилъ новый 1636 годъ; прошла въ

напрасныхъ ожиданіяхъ зима; приближался уже и лѣтній срокъ полученія жолда, день св. Иліи, а деньги изъ Варшавы не приходили.

Нѣсколькихъ мѣсяцевъ проволочки было достаточно для Павлюка, чтобы поднять въ сулиминцахъ подавленный козацкій духъ. Недовольные правительствомъ реестровые козаки, въ свою очередь, не могли противиться убѣжденіямъ людей, бредившихъ вольною волею.

Бунтъ обнаружился прежде всего въ Переяславлѣ, котораго населеніе заключало въ себѣ козаковъ больше, чѣмъ всѣ другіе такъ называемые козацкіе города. Это былъ бунтъ козацкой черни, всегда готовой броситься на козацкую знать, которую она называла *дуками срѣбляниками* съ тѣмъ самымъ чувствомъ, съ какимъ низшая шляхта называла вельможныхъ пановъ *королятами*. Для собственнаго спасенія, „значные козаки“ прикинулись такими же бунтовщиками, въ ожиданіи выручки отъ короннаго гетмана.

На первый разъ отвелъ грозившую имъ бурю пріѣздъ въ Переяславъ королевскаго коммиссара Лукаша Жовковскаго. Онъ убѣдилъ козаковъ отсрочить назначенную ими на день св. Ильи войсковую раду, увѣряя, что скарбовый писарь ѣдетъ уже въ Украину съ козацкимъ жолдомъ. Но козацкая чернь, подзадориваемая сулиминцами, продолжала твердить о недоплаченномъ жалованьѣ, другими словами— давать бунтовщикамъ предлогъ къ террору надъ старшиною. На бѣду, скарбовый писарь съ измышленными деньгами не являлся, а между тѣмъ одинъ изъ червонорусскихъ пановъ подалъ козакамъ новый поводъ къ волненіямъ.

Это былъ единственный сынъ русскаго воеводы, Яна Данилòвича, и внукъ (по дочери) великаго Жовковскаго, Станиславъ Данилòвичъ, владѣвшій широкимъ пространствомъ пустынной земли между Русью, Днѣпромъ и Тясминомъ, въ качествѣ корсунскаго старосты Прибывши въ свой старостинскій городъ Корсунь въ сопровожденіи обычнаго у знатныхъ пановъ почта, русскій воеводичъ, какъ его титуловали, расквартировалъ свою челядь въ домахъ реестровыхъ козаковъ. За постои панскихъ служебниковъ и коронныхъ жолнеровъ козаки обижались больше всего, какъ люди, освобожденные отъ всякихъ повинностей, и этотъ щекотливый пунктъ надлежало бы пану старостѣ обойти. Но не таковъ былъ русскій воеводичъ. Славный военными своими подвигами, онъ отличался такимъ буйствомъ, какъ любой козакъ во время кипѣнья козацкаго своевольства. Въ 1631 году, на сеймовомъ съѣздѣ, „безъ всякой вины“, какъ пишетъ очевидецъ, искалѣчилъ онъ винницкаго старосту Калиновскаго, отсѣкъ ему три пальца на правой рукѣ, ранилъ лѣвую и сверхъ того нанесъ

еще пятнадцать ранъ. Маршалковскій сеймовый судъ объявилъ его лишеннымъ чести, или инфамисомъ. По обычаю всѣхъ знатныхъ преступниковъ, Данилòвичъ старался смыть съ себя инфамію усердною общественною службою. Когда новый король предпринялъ походъ въ Смоленщину, Данилòвичъ явился къ нему съ контингентомъ, содержимымъ на собственный счетъ, и много ему содѣйствовалъ въ одолѣніи Шеина. Теперь онъ прибылъ изъ червоннорусскихъ имѣній своихъ въ Корсунь вербовать выписанныхъ изъ реестра козаковъ для похода на Татаръ, которые угрожали украинымъ поселеніямъ со стороны очаковскихъ степей. Здѣсь ему доложили, что монахи Никольскаго монастыря самовольно основали на его старостинской землѣ мѣстечки Бужинъ, Вороны, Лозы и Пивà. Данилòвичъ велѣлъ прогнать чернецовъ изъ устроенныхъ имъ хозяйствъ, а новозаложенное ими мѣстечко приписать къ старòству.

Этимъ были затронуты интересы козаковъ, присосѣдившихся къ осадамъ, не подлежащимъ старостинскому прѝсуду. Старыя тяжбы Никольскаго монастыря съ низовцами за днѣпровскія угодія и недавнія жалобы монастыря Печерскаго на козацкіе грабежи свидѣтельствуютъ, что козаки были тяжелы для монашескихъ хозяйствъ не меньше шляхты; но раздосадованные постоемъ корсунцы стали вопіять, что Ляхи наступаютъ на христіянскую вѣру. Вопли ихъ сдѣлаются еще характеристичнѣе, когда мы скажемъ, что Данилòвичъ, навербовавши отрядъ выписчиковъ, пытался отразить съ нимъ татарскій набѣгъ, и погибъ въ отважномъ бою за безопасность Украины.

Ничто подобное не входило въ разсчетъ пресловутыхъ борцовъ „за вѣру, честь, имущество и самую жизнь обитателей Малороссійской Украины“. Они имѣли въ виду лишь новый бунтъ, который долженствовалъ доставить имъ права, равныя шляхетскимъ. Общественное мнѣніе козацкихъ поселковъ терроризовало старшихъ козаковъ такъ сильно, что во всѣ полки разосланъ былъ, по выраженію коммиссарской реляціи, очень горячій универсалъ, въ которомъ козацкій гетманъ Томиленко повелѣвалъ, подъ смертною казнью, чтобы всѣ полки днемъ и ночью собирались „какъ на гвалтъ“, и прибывали къ арматѣ, которая выступитъ къ Русавѣ для генеральной рады.

Жовковскій былъ въ это время боленъ и чувствовалъ приближеніе смерти. По его представленію былъ назначенъ ему въ помощь другой коммиссаръ, черниговскій подкоморій, Адамъ Свѣнтольдовичъ Кисель изъ Брусилова.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ Малоруссовъ, которые строили и охраняли Польшу заботливѣе самихъ Поляковъ. По сомнительности его

отношеній къ другимъ борющимся народностямъ, его можно назвать роднымъ сыномъ князя Василія и роднымъ братомъ Петра Могилы; но по искусству лавировать между противодѣйственными силами онъ превзошелъ ихъ обоихъ. Когда внутренняя политика Сигизмунда III преграждала дорогу къ возвышенію всѣмъ православнымъ, онъ умѣлъ получать королевскія пожалованія за одно то, что, ораторствуя на сеймахъ въ пользу древней греческой вѣры, позволялъ считать и называть себя уніятомъ. По смерти Сигизмунда онъ принялъ сторону Петра Могилы, но постоянно возбуждалъ въ папистахъ надежды на примиреніе малорусской церкви съ римскою, и дѣлался необходимымъ какъ для православныхъ, такъ и для католиковъ, какъ для свѣтскихъ властей, такъ и для духовныхъ. Украинскія волненія послужили Киселю къ возвышенію, какъ человѣку вліятельному въ средѣ бунтовщиковъ. Они, эти волненія, заставили играть столько ролей, сколько существовало партій, желавшихъ видѣть въ немъ своего благопріятеля.

Въ качествѣ новаго коммиссара, Адамъ Кисель явился лично въ козацкую раду. Тамъ голоса раздѣлились надвое. Одни требовали морскаго похода, другіе домогались наступленія на города, чтобы помститься надъ тѣми властями, отъ которыхъ козаки терпятъ обиды, засѣсть въ панскихъ имѣніяхъ и ждать уплаты жолда на готовомъ хлѣбѣ, какъ это дѣлали въ подобныхъ случаяхъ жолнеры.

Киселю удалось уговорить козаковъ пождать по крайней мѣрѣ до праздника Рождества Богородицы, и, пока наступилъ обѣщанный имъ срокъ, онъ такъ искусно подѣлилъ козаковъ на партіи, что одна партія мѣшала другой дѣйствовать въ видахъ задуманнаго бунта. Для этого принялъ онъ систему подкупа, на который козацкая старшина пошла безъ исключеній, а къ подкупу присоединилъ шпіонство, отъ котораго также не отказались члены козацкаго товарищества.

Здѣсь онъ весьма ловко воспользовался тѣми козаками, которые отличались богобоязливостью. Съѣздилъ въ Кіевъ къ своему пріятелю, Петру Могилѣ, и попросилъ его послать въ козацкій кошъ двухъ игуменовъ. Игуменамъ была вручена письменная инструкція, какъ они должны были дѣйствовать на козацкіе умы. Наконецъ, прикинулся больнымъ, прощался письменно съ единовѣрцами до загробнаго свиданія, а между тѣмъ сочинилъ фальшивое письмо къ себѣ отъ короля и, въ видѣ особенной расположенности къ знатнымъ козакамъ, послалъ его секретно Томиленку. Въ письмѣ король выражалъ свое огорченіе, что козаки не вѣрятъ его обѣщаніямъ, что собрались устроить черную раду (совѣтъ войсковой черни), идти на Запорожье и опустошать панскія имѣнія; потомъ увѣрялъ Кисселя, что деньги будутъ высланы не-

премѣнно, и грозилъ козакамъ своимъ гнѣвомъ, если они будутъ упорствовать въ мятежныхъ замыслахъ.

Между тѣмъ въ офиціальныхъ донесеніяхъ своихъ Кисель называлъ козаковъ людьми religionis nullius, bellua sine capite (не имѣющими никакой вѣры, безголовымъ чудовищемъ), дикарями, на которыхъ всего лучше дѣйствовать страхомъ. „Они уважаютъ духовныхъ греческой религіи и любятъ богослуженіе“, писалъ онъ къ Конецпольскому: „но сами похожи больше на Татаръ, чѣмъ на христіанъ“. Козацкій бунтъ уподоблялъ онъ вереду, который лопнетъ только тогда, когда нарветъ, и вообще относился къ козакамъ съ отчужденьемъ и презрѣніемъ, вовсе не такъ, какъ иновѣрецъ Конецпольскій, который уважалъ въ нихъ рыцарскій духъ, третировалъ ихъ какъ шляхтичъ шляхтичей, предстательствовалъ за нихъ у короля, скорбѣлъ о нихъ, осматривая поле битвы.

То подкупая козаковъ, то мороча ихъ своими выдумками, то дѣйствуя на почитателей духовенства и любителей православнаго богослуженія, Кисель держалъ Запорожское Войско въ нерѣшимости отъ августа 1636-го до апрѣля 1637 года, и уже хвалился своимъ успѣхомъ въ разрушеніи запорожской крамолы. Но козаки охладѣли на время къ бунту по другимъ, болѣе сильнымъ вліяніямъ.

Крымскіе ханы давно уже рвались изъ-подъ султанскаго вассальства, подобно дунайскимъ князькамъ, и готовы были сдѣлаться польскими пограничниками. Уже въ 1597 году Крымцамъ было такъ тѣсно въ обѣднѣлой Тавридѣ, что они предлагали Сигизмунду III свое подданство. Но Сигизмундъ польскій домогался въ то время шведской короны, и оставилъ ихъ посольство безъ отвѣта. Вмѣсто того, чтобъ обратить свой добычный промыселъ на турецкія владѣнія, Татары продолжали существовать на счетъ Польши, и пограничныя польскорусскія области, за политическую несостоятельность правительства, поплатились многими и многими тысячами ясыра. Теперь еще однажды представился Польшѣ случай сдѣлать изъ Крымцевъ относительно Турціи то, что̀ сдѣлала изъ козаковъ Москва относительно Польши.

Разобиженный турецкимъ султаномъ Инаетъ-Гирей предлагалъ польскому королю свое вассальство. Онъ просилъ у Владислава хоть небольшой помощи, чтобъ уничтожить своихъ измѣнниковъ, Буджацкихъ Татаръ, и завоевать всѣ заднѣстровскія турецкія колоніи до самаго Дуная. На свою долю крымскій ханъ бралъ одну добычу; города и землю предоставлялъ королю. Конецпольскій сильно настаивалъ на принятіи ханскаго предложенія, представляя Владиславу IV, что по-

добный случай успокоить Польшу со стороны Азіи никогда не повторится. Но въ Варшавѣ боялись новыхъ успѣховъ предпріимчиваго короля. Въ Варшавѣ боялись даже той популярности, которою онъ пользовался у своихъ сподвижниковъ, козаковъ. Татарское присоединеніе къ Коронѣ, вмѣстѣ съ готовностью днѣпровской вольницы идти войной подъ самый Царьградъ, сдѣлало бы короля независимымъ отъ шляхты; а еслибы Владиславу удалось образовать въ Турціи отдѣльное царство, какъ объ этомъ была у многихъ мысль послѣ Хотинской войны, тогда бы польскій король явился такимъ же неограниченнымъ государемъ среди „королятъ", какимъ былъ московскій самодержецъ среди потомковъ удѣльныхъ князей. Законодательное собраніе шляхты не дало Владиславу денегъ для поддержки турецко-татарскихъ смутъ и помѣшало набирать войско для занятія турецкихъ кресовъ, или украинъ. Между тѣмъ въ переговорахъ съ представителями шляхетскихъ партій ушло драгоцѣнное время. Щедрый на обѣщанія, мечтательный и вмѣстѣ безстыдный Владиславъ обнадежилъ Инаетъ-Гирея своею помощью, но ограничилъ ее тѣмъ, что, тайкомъ отъ своихъ пановъ рады, дозволилъ козакамъ идти съ Крымской Ордой за Днѣстръ.

Предводителемъ козацкаго контингента былъ не кто другой, какъ Павлюкъ. Онъ увлекъ за собой самую буйную часть Запорожскаго Войска, и вотъ почему дипломатія Киселя представлялась успѣшною. Но козаки, безо всякой дипломатіи, сдѣлали напраспыми всѣ ухищренія королевскаго коммиссара по козацкому вопросу и всѣ старанія короннаго гетмана по вопросу татарскому. Въ то время, когда павлюковцы геройствовали подъ ханскимъ бунчукомъ въ Буджакахъ, менѣе доблестные товарищи ихъ воспользовались отсутствіемъ боеваго народа изъ Крыма, и сдѣлали опустошительный набѣгъ на очаковскіе улусы. Ханскій походъ увѣнчался было успѣхомъ. Буджацкая Орда была разбита, разогнана, ограблена, и покорившіеся уймаки нашлись вынужденными переселиться въ Крымъ. Но вѣсти о козацкомъ набѣгѣ на очаковскія кочевья заставили Инаетъ-Гирея поспѣшить возвращеніемъ въ свой Крымскій Юртъ, а въ его отсутствіе покорившіеся ему буджацкіе мурзы взбунтовались, побили на переправахъ султановъ, какъ титуловались ханскіе принцы, и вернули свою Орду съ ея стадами на Буджаки.

Такимъ образомъ крымскій ханъ изъ друга снова сдѣлался врагомъ Польши, а вредоносная Буджацкая Орда угнѣздилась за Днѣстромъ по-прежнему. Между тѣмъ Турки, зная, что козаки помогали хану опустошать султанскія владѣнія, считали себя въ правѣ разорвать съ Польшою миръ, а наши добычники, ходившіе въ Буджаки,

съ соизволенія короля и въ очаковскія степи вопреки его волѣ, подняли снова въ Украинѣ мятежъ, который началъ было утихать.

Къ прежнимъ неудовольствіямъ козаковъ прибавилось теперь новое. Въ отсутствіе Павлюка, козацкая старшина отправила на сеймъ просьбу объ уплатѣ задержаннаго за четыре года жалованья. При этомъ козаки просили, чтобы въ козацкій реестръ на вакантныя мѣста вписывали только тѣхъ, кого желаетъ войско, чтобы войсковая армата содержалась на счетъ королевскаго скарба, а скарбовыя рудокопни и селитренные заводы отпускали, сколько понадобится ей, желѣза и пороху. Вмѣстѣ съ тѣмъ козаки жаловались на королевскихъ чиновниковъ, которые не только выгоняютъ козаковъ изъ шляхетскихъ имѣній, но не допускаютъ ихъ жить и въ имѣніяхъ королевскихъ, такъ что множество козаковъ выселилось уже съ женами и дѣтьми къ московскому Бѣлгороду.

„Это потому (писали козаки), что намъ не дозволяютъ имѣть усадебъ и жилищъ въ городахъ, не дозволяютъ торговать горѣлкою, пивомъ, медомъ; даже на свадьбы и крестины не позволяютъ намъ курить и варить напитковъ. А тутъ еще паны старосты, поссорившись, наѣзжаютъ одинъ на другаго, и въ своихъ наѣздахъ бьютъ козаковъ. Между тѣмъ дворы, оставшіеся по смерти козаковъ, умершихъ на королевской службѣ, поступаютъ въ распоряженіе пановъ старостъ и подстаростіевъ, которые грабятъ козацкое имущество, выгоняютъ козацкихъ вдовъ, и даже престарѣлыхъ, неспособныхъ уже къ службѣ стариковъ бранятъ, грабятъ и обижаютъ“.

То было время преслѣдованія стараго митрополита молодымъ, убогаго инока богатымъ паномъ въ бѣломъ клобукѣ. Исаія Копинскій, вытѣсненный изъ Михайловскаго и Мгарскаго монастырей, скитался уже, преогорченный и безпомощный, среди того народа, которому онъ отдалъ всю жизнь, и своими сѣтованіями будилъ недовольство сильными міра сего въ сердцахъ не только обиженныхъ ими, но и завистливыхъ къ нимъ людей.

Одновременно съ нимъ странствовалъ берестовскій игуменъ, Аѳанасій Филиповичъ, на большихъ разстояніяхъ между Варшавою, Москвой, Кіевомъ и Литовскою Брестью. Этотъ инокъ, полупомѣшанный на нынѣшній взглядъ, но вдохновенный свыше на тогдашній, видѣлъ небесныя знаменія, предвѣщавшія погибель уніи, которой онъ приписывалъ всѣ ссоры пановъ съ панами, мѣщанъ съ мѣщанами, жолнеровъ съ жолнерами, и заподазривалъ въ пристрастіи къ ней даже тѣхъ, которые, подъ предводительствомъ Петра Могилы, отвоевали у уніятовъ нѣсколько церквей и монастырей.

И тѣми же самыми дорогами скиталось безъ пристанища по всей Малороссіи множество низшаго духовенства, „удеспектованнаго“, какъ выразился Филипòвичъ, новымъ митрополитомъ, и за кусокъ хлѣба платило самыми возмутительными слухами объ утѣсненіи православія. Умы неученыхъ, но тѣмъ еще больше приверженныхъ къ старымъ порядкамъ поповъ, монаховъ и набожныхъ мірянъ были раздражены переворотомъ въ церковной іерархіи, который намъ представляютъ продолженіемъ дѣятельности Борецкаго и его аѳонской школы. Православная шляхта не называла Петра Могилу митрополитомъ до самой смерти Копинскаго; а между тѣмъ о немъ повторялись вездѣ такіе разсказы: что онъ бралъ приступомъ православные монастыри, точно иновѣрецъ; что, выхлопотавъ себѣ привилегію на монастырь и вломившись въ него съ пушками, какъ въ непріятельскую крѣпость, допытывался у монаховъ денегъ побоями; что престарѣлыхъ и слѣпыхъ игуменовъ, послѣ побоевъ, клалъ живыми въ гроба, и позволялъ себѣ надъ непокорными его велѣньямъ чернецами такую тиранію, какую когда-либо видывали въ монастыряхъ. Одинъ изъ православныхъ пановъ, спасавшійся отъ Хмельнитчины въ Печерскомъ монастырѣ, вписалъ въ свой дневникъ мѣстное преданіе, что слуги Петра Могилы схватили въ Михайловскомъ монастырѣ самого Копинскаго и, перекинувъ, точно какой мѣшокъ, черезъ коня, привезли въ Печерскій монастырь.

Больше изъ ненависти къ иноплеменному владыкѣ, господствовавшему открытою силою, нежели на основаніи точныхъ извѣстій, попы и чернецы шумѣли по всей Малороссіи, что Могила идетъ путемъ Рогозы, Терлецкаго, Потѣя, а полубезумный отъ огорченій, дряхлости и нищеты Копинскій писалъ къ разлученной съ нимъ братіи Мгарскаго монастыря,—будто-бы польскій король съ панами своей рады и арцыбискупами постановилъ на сеймѣ уничтожить православную вѣру въ Польской и Литовской землѣ, обратить православныя церкви въ римскіе костелы, упразднить монастыри и вывести русскія книги; будто бы Петръ Могила отпалъ отъ христіанской вѣры и благословленъ отъ римскаго папы въ патріархи; причемъ будто бы Могила далъ польскимъ панамъ и арцыбискупамъ клятву сохранять одинъ видъ христіанской вѣры, а между тѣмъ христіанскую вѣру своимъ ученіемъ попрать и всю службу церковную вмѣстѣ съ римскою вѣрою уставить по наказу римскаго папы.

Казалось бы, козакамъ, столь тѣсно связаннымъ, судя по нѣкоторымъ ихъ демонстраціямъ, съ церковью, слѣдовало бы, при семъ удобномъ случаѣ, упомянуть объ опасности, грозившей православію.

Но они, во всю войну 1637 и 1638 годовъ, ни въ просьбахъ на сеймъ, ни въ жалобахъ, подаваемыхъ королю и коронному гетману, ни даже въ сношеніяхъ съ частными лицами, не обозначили черты, которою обыкновенно характеризуютъ у насъ козацкіе бунты. Между тѣмъ это была первая козакошляхетская усобица, о которой дошла до насъ, игрою случая, весьма обильная переписка не только козаковъ съ ихъ противниками, но также и людей, постороннихъ козацкимъ интересамъ, однакожъ интересовавшихся вопросами церкви и экономическимъ бытомъ польскорусскаго общества въ Малороссіи.

Совокупность всѣхъ оффиціальныхъ и частныхъ письменъ десятилѣтней эпохи, предшествовавшей бунту Хмельницкаго, представляетъ борьбу малорусскаго духовенства и малорусскихъ мѣщанъ съ папистами за религіозные и экономическіе интересы церкви съ одной стороны и борьбу землевладѣльцевъ съ разбойно-номаднымъ элементомъ за успѣхи сельскаго хозяйства—съ другой. Козаки въ глазахъ не только католической, но и православной шляхты, являются, если не наемниками воюющихъ между собою свѣтскихъ и духовныхъ пановъ, то партизанами какого-нибудь атамана, который сзывалъ ихъ подъ свой бунчукъ, то противъ оплошныхъ Татаръ и Турокъ, то противъ тѣхъ властей, которыя не давали имъ свободно заниматься добычнымъ промысломъ. По отношенію къ Польшѣ, они являются такими точно удальцами и разбойниками, какими были Хлопки Косолапы по отношенію къ Москвѣ, съ тою только разницею, что единоначальный характеръ московскаго общества не допускалъ домашней орды образоваться въ подобіе вольнаго рыцарства ни по украйнамъ государства, ни на Дону.

На просьбу реестроваго козачества о расширеніи правъ его послѣдовало рѣшеніе, показывавшее, что правительство не намѣрено потворствовать ему ни въ чемъ. По исчисленію „скарбовыхъ людей“, козакамъ слѣдовало доплатить жолдъ за три, а не за четыре года. Именемъ короля имъ отказывали въ позволеніи брать съ заводовъ запасы для артиллеріи, отказывали въ правѣ покупать въ городахъ мѣста для поселенія и въ правѣ заводить собственныя винокурни и пивоварни; наконецъ, объявили, что въ козацкій реестръ будутъ вписываемы только люди, аттестованные панами старостами, и сдѣлали козакамъ выговоръ за то, что они своевольно селятся въ Корсуни, возбуждая въ своемъ войскѣ неудовольствія на распоряженія мѣстнаго старосты.

Озлобленные такимъ рѣшеніемъ козаки собрали въ апрѣлѣ 1637 года раду между Русавою и Кагарлыкомъ. Передъ созваніемъ рады

пущена была по всѣмъ козацкимъ околицамъ „поголоска“, будто бы король будетъ воевать съ турецкимъ султаномъ, и для того призоветъ на службу всѣхъ желающихъ сдѣлаться козаками. Охотниковъ до козацкаго промысла было въ Малороссіи такъ много, что въ раду собралось болѣе 10.000 человѣкъ, и эти десять тысячъ угрожали превратиться въ двадцать, въ тридцать и болѣе.

Королевскіе коммиссары, подольскій воевода Станиславъ Потоцкій и черниговскій подкоморій Адамъ Кисель, предупреждая разливъ козачества, поспѣшили явиться среди рады съ скарбовымъ писаремъ, который привезъ наконецъ козакамъ жолдъ. Но они тотчасъ замѣтили, что недоплата жолда служила реестровикамъ только предлогомъ къ бунту. Козаки грозили двинуться всею своею массою на Запорожье. Козаки готовились оставить Королевскую Землю совсѣмъ и переселиться въ Землю Царскую. Козаки требовали, чтобъ имъ вернули Корсунь для помѣщенія войсковой арматы, и не хотѣли возвратить четырехъ захваченныхъ въ Кіевѣ пушекъ.

Коммиссары отклонили ихъ требованіе совѣтомъ — обратиться вновь къ королю съ просьбою объ ихъ нуждахъ на ближайшемъ сеймѣ, такъ какъ инструкція уполномочивала ихъ (коммиссаровъ) только на приведеніе Запорожскаго Войска въ порядокъ. Они показывали козакамъ отсчитанныя уже деньги, и велѣли произнести присягу согласно Куруковской коммиссіи. Но тутъ поднялся новый ропотъ. „Довольно уже мы присягали“! кричали козаки. „Довольно уже мы выполняли всего такого и теперь выполняемъ“!

„Паны молодцы“ (сказалъ имъ тогда Потоцкій) „не доводите Рѣчь Посполитую до крайности. Если еще однажды обнажитъ она противъ васъ мечъ, то обнажитъ его съ тѣмъ, чтобъ изгладить и самое имя ваше. Пускай лучше эта земля заляжетъ у нея пустыремъ, пускай лучше водятся здѣсь дикіе звѣри, чѣмъ бунтующая чернь. Начать мятежъ вы, пожалуй, начнете, но до предположенной цѣли не доведете никогда. Не грозите намъ тѣмъ, что уйдете на Запорожье. Здѣсь въ Украинѣ останутся ваши жены и дѣти, да и сами вы долго оставаться за Порогами не можете. Рано или поздно, но принесете наконецъ головы подъ саблю Рѣчи Посполитой. Напрасно также грозите вы измѣнить королю и переселиться въ другія мѣста. Отчизна ваша— Днѣпръ. Нигдѣ вы не найдете другой такой. Дона и сравнивать нельзя съ Днѣпромъ, равно какъ и тамошней неволи съ здѣшнею свободой. Что рыбѣ безъ воды, то козакамъ безъ Днѣпра; и чей Днѣпръ, того и козаки должны быть вѣчно“.

Послѣ такой рѣчи, коммисары попрощались съ козаками, и объявили, что возвращаются къ королю съ деньгами и съ донесеніемъ объ ихъ бунтѣ.

„Это убѣжденіе“, писали они въ своей реляціи, „такъ размягчило варварскія сердца, что у многихъ козаковъ полились слезы. Одни пьяницы остались непреклонными. Старшій ихъ, хотя простой, но трезвый и скромный человѣкъ, положилъ булаву и комышину, знаки своей власти, поклонился всему войску, пожелалъ ему лучшаго согласія подъ начальствомъ болѣе счастливаго вождя, и удалился изъ рады“.

Козаки раздѣлились на партіи, и спорили одни съ другими отъ утра до вечера. Наконецъ упросили Томиленка вернуться на свой постъ, присягнули по всей формѣ, и тотчасъ же одного бунтовщика, какого-то Грибовскаго, приковали къ пушкѣ. Но сторожа освободила узника и вмѣстѣ съ нимъ ушла за Пороги.

Тамъ находился глава мятежной партіи, Павлюкъ, дававшій камертонъ козацкой радѣ. Недѣли черезъ двѣ онъ сдѣлалъ набѣгъ на Черкасы, овладѣлъ войсковой арматою, и увезъ ее на Запорожье. Такимъ образомъ уплата козакамъ жолда и торжественная присяга на основаніи Куруковской коммиссіи не послужили ни къ чему.

Узнавъ о похищеніи арматы, Томиленко послалъ къ Павлюку двухъ козаковъ съ обѣщаніемъ образумиться и вернуть армату Запорожскому Войску. Но титулъ Запорожскаго Войска павлюковцы присвоили себѣ, и, въ качествѣ главныхъ представителей козачества, увѣдомили реестровиковъ изъ Микитина Рога, гдѣ находилась тогда Запорожская Сѣчь, о своемъ намѣреніи исправить безпорядки, произведенные будто-бы козацкою старшиною въ Украинѣ во время ихъ пребыванія у крымскаго хана.

Это увѣдомленіе было не что иное, какъ прокламація, вооружавшая войсковую чернь противъ старшины и вызывавшая ее изъ Украины за Пороги. Въ виду апокрифическихъ прокламацій, принятыхъ у насъ за автентичныя, и въ виду невозможности положенія, какое даютъ у насъ козакамъ въ исторіи Малороссіи, мы этотъ документъ, писанный козаками къ козакамъ на польскомъ языкѣ, прочтемъ съ особеннымъ вниманіемъ. Изъ него видно, какимъ тономъ надобно было павлюковцамъ говорить съ людьми невѣжественными и чѣмъ возможно было подвинуть на первый революціонный шагъ покорную правительству массу. Онъ перебираетъ всѣ чувствительныя струны въ козацкихъ сердцахъ; но между этими струнами не оказывается въ немъ ни приверженности къ церкви, ни патріотизма, которыми отличаются козаки, изображенные нашею исторіографіею.

.....„Услыхавъ о такомъ безславіи войсковой арматы“ (писали павлюковцы), „что она не имѣетъ уже мѣста на влости, мы этимъ очень огорчились, и нашлись вынужденными выйти изъ Запорожья, чтобы взять ее къ себѣ. Причемъ, по милости Божіей, не сдѣлано нами никакого насилія ни товарищамъ нашимъ, козакамъ, ни панамъ-урядникамъ. Никого нигдѣ не *росквитивши* (не доведя до вопля), мы взяли армату, какъ собственные клейноты и скарбы. Теперь—хвалимъ Бога и его святую милость—войсковая армата поставлена на обычномъ мѣстѣ, въ которомъ она явилась во времена славной памяти предковъ козацкихъ, старинныхъ добрыхъ молодцовъ Запорожскаго Войска. Каковые козацкіе предки, старинные добрые молодцы, стояли за нее грудью и проливали кровь въ разнообразной службѣ королямъ, милостивымъ панамъ своимъ, и всей Рѣчи Посполитой. Выходя изъ Запорожья съ арматою, для славы королей, милостивыхъ пановъ своихъ, козаки, подъ ихъ предводительствомъ, добывали славу и корысть Запорожскому Войску и никогда не лежали на влости, никакой кривды не дѣлали подданнымъ его королевской милости, равно какъ и въ имѣніяхъ шляхетскихъ; а побывавши гдѣ-нибудь на королевской службѣ и получивъ за свои заслуги кровавые жóлды, обыкновенно ставили армату на Запорожьѣ. И этакъ было хорошо; этакъ не надобно было имъ обращаться съ плачемъ и жалобами къ его королевской милости и Рѣчи Посполитой, и къ панамъ урядникамъ украинным. До сихъ поръ много есть въ Запорожскомъ Войскѣ старинныхъ добрыхъ молодцовъ, которые помнятъ, какъ водилось прежде.

„Но теперь“ (продолжаютъ павлюковцы) „одинъ только Богъ Святый можетъ знать, что́ въ этомъ Войскѣ дѣлается. Козацкіе старшіе—да благословитъ ихъ Богъ—не оглядываются на предковъ и не соревнуютъ тѣмъ панамъ-гетманамъ Войска его королевской милости Запорожскаго, которые подвизались для доброй славы съ арматою и клейнотами войсковыми,—тѣмъ гетманамъ, которые постоянно пребывали съ войскомъ на Запорожьѣ. Вмѣсто того, лѣтъ нѣсколько тому назадъ, помѣстивши армату и войсковый скарбъ на влости, не могли почему-то идти за Пороги. Точно медвѣдя изъ лозъ, такъ трудно было сорвать коньми армату обратно на обычныя мѣста, гдѣ и кони бывали не нужны. Богъ Милосердый вѣдаетъ, что это такое. Видно, отяжелѣла и, по причинѣ великой тяжести, не имѣла мѣста на влости. Поставили было армату въ Корсуни, такъ паны жолнеры выгоняли, а въ Кіевъ и въ Бѣлую Церковь, откуда получала она содержаніе, нечего было и думать. Неужели вы забыли Куруковскую коммиссію, а равно и то, что по Кіевъ и Бѣлую Церковь паны-жолнеры не долж-

ны были ступить и ногою по сю сторону? *) Потомъ они измѣнили данную имъ присягу, и дали намъ на содержаніе войсковой арматы только Черкасы, Чигиринъ и Крыловъ **), гдѣ уже и людей нѣтъ, съ которыхъ бы армата могла имѣть содержаніе. Но и оттуда паны урядники повыгоняли насъ. Не обвиняйте же насъ за то, что мы, взявши армату, поставили ее на обычномъ мѣстѣ. Сами вы должны согласиться съ нами, что пока армата стояла на влости, то и выписи многократно бывали, за то что паны-урядники клеветали на насъ передъ его королевскою милостью. По этой причинѣ перестали насъ уважать и повыгоняли нашихъ товарищей изъ шляхетскихъ имѣній, а заслуженныхъ козаковъ грабили и повернули подъ свои права, и вновь ограбили".

Оставляя такимъ образомъ въ сторонѣ всѣ вопросы малорусской общественности, чуждые козакамъ по существу дѣла, представляя Куруковскую коммиссію въ превратномъ видѣ, говоря небывальщину о козацкихъ правахъ и сосредоточивая вниманіе массы на обидахъ отъ старшины и мѣстныхъ властей во вкусѣ простонароднаго многословія, павлюковскій универсалъ переходитъ къ прямому вооруженію войсковой черни противъ старшины.

„Все это сталось потому, что наши старшіе въ панскихъ имѣніяхъ на влости брали частыя и нестерпимыя *стацiи*, и обращали въ свою корысть. Вотъ за что нашихъ товарищей повыгоняли изъ шляхетскихъ имѣній и имущества ихъ пограбили. Ибо паны-урядники, хотя бы провинился и не товарищъ нашъ, тотчасъ клеветали пану коронному гетману на все войско, а панъ коронный гетманъ доносилъ его королевской милости, и отъ того войско наше подвергалось безвинно немилости и неудовольствію короля, нашего пана; отъ того и заслуженный жолдъ не доходилъ до нашего войска. Поэтому было бы гораздо лучше, когда бы козаки составляли одну компанію, одно войско, и у нихъ былъ бы одинъ старшій, а не два. Жили бы мы тамъ заодно, при войсковомъ скарбѣ, какъ братъ съ братомъ, въ страхѣ Божіемъ и въ добродѣтели и въ вѣрѣ, одинъ другаго почитая, какъ дѣлали наши предки, не давая своимъ врагамъ радоваться и топча ихъ подъ ноги.

„Напрасно вы называете насъ измѣнниками и грозите панами жолнерами; напрасно требуете, чтобы мы вернулись назадъ съ арматою. Мертвый не встанетъ изъ гроба: такъ и мы не думаемъ о возвращеніи арматы. Нѣтъ, лучше вы смягчите сердце ваше и прибы-

*) Ничего подобнаго нѣтъ въ Куруковскихъ пунктахъ.

**) Такой же вымыселъ.

вайте къ намъ охотно и одностайно съ остальными восковыми клейнотами. Будемъ жить вмѣстѣ при войсковомъ скарбѣ; а если его королевской милости, нашему милостивому пану, понадобится войско, то можетъ онъ и здѣсь насъ найти и повелѣть намъ своимъ милостивымъ писаньемъ идти на его непріятеля. Такъ предки наши хаживали изъ Запорожья на коронную службу. Но еслибы наша земля жила въ покоѣ и намъ бы не было повелѣно ходить ни на море, ни на поле, тогда бы мы всѣ одностайно жили здѣсь на обычныхъ мѣстахъ, сторожа непріятеля и не допуская вторгнуться въ нашу землю. А то вырвется изъ города какой-нибудь вотажокъ на море, а на все войско падаетъ худая слава и королевская немилость, и отъ того пылаетъ разгорѣвшійся огонь. Вы пишете, будто бы этотъ огонь разрастается отъ насъ. Нѣтъ, мы въ томъ невиноваты. Соединимтесь-ка въ одну компанію, погасимъ этотъ огонь и пошлемъ общихъ пословъ къ его королевской милости съ объявленіемъ, почему армата не имѣетъ мѣста на власти. Кто опасается наказанія за свой проступокъ, пусть успокоится: войско присягнуло на томъ, чтобы жить по-братски и прошлаго никогда не вспоминать. Но, еслибы, сохрани Боже, вы вздумали быть нашими врагами и въ одной компаніи съ панами-жолнерами поднялись на наше имущество, на нашихъ женъ и дѣтей, то вашимъ женамъ, имуществамъ и дѣтямъ достанется отъ насъ скорѣе. Только мы далеки отъ этой мысли. Мила намъ ваша родная земля, такъ же, какъ и вамъ, только не хочетъ она къ намъ прихилиться и жить съ нами въ согласіи".

Универсалъ оканчивается угрозой тѣмъ, которые правили общественнымъ мнѣніемъ реестровиковъ.

„Слышали мы, что ваша милость, панъ-гетманъ, хотѣли идти на Запорожье, да только нѣкто изъ вашихъ совѣтниковъ не пустилъ васъ, именно панъ Опушкевичъ, этотъ высокоумный писарь. Былъ уже такой премудрый писарь, Вовкъ, что сбивалъ войско съ толку, да и самъ измѣнилъ намъ. Пускай же бережется, чтобъ и сму не было того, что Вовку".

Глава IX.

Козакопанская усобица 1637 года.—Реестровики и выписчики?—Лѣвая сторона Днѣпра встаетъ на землевладѣльцевъ.—Коронное войско идетъ на козаковъ.—Битва подъ Кумейками.—Козаки выдаютъ зачинщиковъ бунта.

Предводители реестроваго козачества видѣли, что Павлюкъ идетъ по слѣдамъ Жмайла и Тараса Ѳедоровича. Они умоляли короннаго гетмана спасти ихъ отъ участи Саввича Чорнаго. Оправдывая свою оплошность относительно войсковой арматы, они увѣряли Конецпольскаго въ непоколебимой рѣшимости своей сохранить постановленіе Куруковской коммиссіи и Переяславскихъ пактовъ, а о Павлюкѣ доносили, что онъ своими универсалами бунтуетъ противъ земледѣльцевъ (rolników) и пановъ служилую чернь, освобождая каждаго, кто назоветъ себя козакомъ, отъ какихъ-либо обязательствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они хлопотали, чтобъ украиннымъ властямъ было строго запрещено допускать подвозъ съѣстныхъ припасовъ на Низъ, а помѣщикамъ и ихъ намѣстникамъ было наказано удерживать своихъ подданныхъ отъ побѣговъ за Пороги.

Но реестровики, въ свою очередь, раздѣлились на двѣ партіи: одни были готовы идти къ Павлюку; другіе видѣли въ его бунтѣ бѣду для всего Запорожскаго Войска. Томиленко долго колебался между революціонерами и консерваторами, наконецъ поддался страху козацкаго террора, отъ котораго не спасли Саввича Чорнаго приверженцы Конецпольскаго. Тогда консерваторы собрали раду на рѣкѣ Русавѣ, низложили Томиленка, какъ человѣка ненадежнаго, и ввѣрили старшинство переяславскому полковнику Саввѣ Кононовичу, родомъ Великоруссу. Смѣстили вмѣстѣ съ нимъ и заподозрѣнныхъ войскомъ старшинъ.

Получивъ объ этомъ извѣстіе, Конецпольскій сдѣлалъ козакамъ выговоръ за самоуправство, однакожъ оставилъ новый персоналъ ихъ управленія безъ перемѣны. Павлюкъ между тѣмъ воспользовался переворотомъ весьма искусно.

Возвышеніе Саввы Кононовича и другихъ знатныхъ козаковъ на степень войсковой старшины произошло не безъ интригъ и соперничества въ козацкомъ товариществѣ. Это было Павлюку на руку. Переяславцы давно уже вооружили противъ себя общественное мнѣніе суровыхъ низовцевъ. Слава ихъ за Порогами стала „недоброю“ еще въ то время, когда Лукашъ Жовковскій проживалъ въ Переяславѣ. Онъ задавалъ значнымъ козакамъ банкеты, слѣдуя примѣру Ѳомы Замойскаго, который, будучи кіевскимъ воеводою, угощалъ козаковъ, по выраженію его біографа, humanissime. Расположивъ къ себѣ вліятельныхъ между козаками людей, Жовковскій пріобрѣлъ въ нихъ орудія для подавленія бунта, который долженствовалъ охватить козачество вслѣдъ за разореніемъ Кодака. Переяславцы нашли способъ овладѣть кошемъ Сулимы, и отдали въ руки пану коммиссару схваченныхъ ими бунтовщиковъ. Одни изъ нихъ, какъ мы знаемъ, были представлены самими козаками на сеймъ, а другіе отправлены Жовковскимъ сыпать валы въ пограничномъ тогда замкѣ Гадячѣ, принадлежавшемъ коронному гетману. Эту кару низовцы приняли къ сердцу ближе, нежели самую казнь Сулимы. Въ козацкой перепискѣ говорится, что разорителей Кодака употребляли на земляную работу съ обрѣзанными ушами. Зная, что и при Петрѣ Великомъ, при насыпкѣ Кіевопечерской крѣпости, козаки доводили его инженеровъ до того, что имъ обсѣкали шпагами уши, мы понимаемъ, какъ это дѣлалось 70 лѣтъ назадъ. Во всякомъ случаѣ, для козацкой расправы съ переяславцами представился теперь удобный случай. Составилась компанія людей, готовыхъ на все, и, съ быстротой татарскаго налета, появилась, подъ предводительствомъ самого Павлюка, въ Украинѣ. Ставши кошемъ въ Боровицѣ, городкѣ, основанномъ Вишневецкимъ, Павлюкъ отправилъ летучій отрядъ, подобный тому, который овладѣлъ въ Черкасахъ войсковой арматою. Запорожцы схватили Савву Кононовича вмѣстѣ съ писаремъ Онушкевичемъ и новопоставленными старшинами, забрали все ихъ имущество, заключавшееся, какъ водилось у козаковъ, въ одной движимости, и доставили въ Боровицу. Здѣсь козацкіе измѣнники были осуждены на смерть и казнены предъ глазами мѣстныхъ жителей.

Но запорожцы, рыскавшіе по переяславскимъ хуторамъ, для грабежа и ареста старшинъ, были обмануты въ своей гонитвѣ реестровымъ товарищемъ, Ильяшемъ Караимовичемъ. Этотъ Армянинъ, или, какъ пишутъ иные, крещеный Жидъ, умудрился схватить двухъ Павлюковыхъ атамановъ, Ганжу и Смолягу, иначе Смольчугу, потомъ, забравши свою движимость и окруживши себя дружиною пріятелей ко-

заковъ, пробрался къ коронному гетману въ Баръ, и принесъ ему вѣсти о новомъ переворотѣ въ козацкой Украинѣ. Подобно тому, какъ въ 1630 году, по смерти Саввича Чорнаго, запорожскій революціонеръ Тарасъ восторжествовалъ надъ партіею консерваторовъ,—Павлюкъ господствовалъ теперь надъ всѣми козаками, и провозгласилъ себя гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Съ нимъ заодно дѣйствовалъ и низвергнутый переяславцами Томиленко. Но въ Украинѣ Павлюкъ не остался. Онъ сдѣлалъ своимъ намѣстникомъ новаго чигиринскаго полковника, Карпа Павловича Скидана, иначе Гудзана, поручивъ ему подготовить украинскую чернь къ общему бунту, а самъ отправился за Пороги для окончательнаго устройства своего войска.

Павлюковскій бунтъ могъ быть подавленъ посредствомъ самихъ козаковъ, какъ и Сулиминскій; но въ это время Польша находилась въ такомъ положеніи, что правительство нашлось вынужденнымъ смотрѣть на козацкія злодѣйства сквозь пальцы, какъ войсковую усобицу, и готово было признать за Павлюкомъ старшинство, какъ признано за Кононовичемъ.

Турки не простили Полякамъ поддержки крымскаго хана. Кромѣ того, ихъ раздражало появленіе на Черномъ морѣ новыхъ чаекъ изъ Запорожья. Они готовились къ войнѣ, и, какъ было слышно, наводили уже два моста на Дунаѣ. Ханъ между тѣмъ игралъ двусмысленную роль, то подговаривая Поляковъ къ общей войнѣ съ Турками, то входя съ турецкимъ диваномъ въ условія на счетъ переселенія Буджацкой Орды, и угрожая Польшѣ вторженіемъ. 1637-й годъ былъ неурожайный. Дороговизна возросла до небывалой степени. Денегъ въ королевскомъ скарбѣ не было вовсе. Не на что было снарядить и одного новаго полка; а старыя квартяныя хоругви, не получая жалованья, жили въ долгъ и закладывали ростовщикамъ даже свое вооруженіе. Вмѣсто повиновенія ротмистрамъ, жолнеры бунтовали, подобно козакамъ, и, въ видѣ реквизиціи, грабили королевскія, шляхетскія и духовныя имущества.

Правительственная неурядица дошла до того, что коронный гетманъ Конецпольскій сдѣлалъ манифестацію передъ Рѣчью Посполитою, слагая съ себя отвѣтственность въ томъ, что войско не выведено въ поле. При такихъ обстоятельствахъ ему было не до козаковъ. Видя отечество въ томъ положеніи, въ какомъ оно было передъ Хотинскою войной, онъ снизошелъ до того, что послалъ къ Павлюку двухъ ротмистровъ съ зазывомъ на войну съ Турками. Но Павлюкъ отвѣчалъ, что козацкія знамена обветшали, что козаки отказываются ходить въ битву *за гиматьемъ*, и просилъ прислать Запорожскому Войску новое

знамя вмѣстѣ съ другими войсковыми знаками. На такое униженіе передъ бунтовщикомъ Конецпольскій согласиться не могъ. Онъ обратился къ частнымъ средствамъ, которыми польскорусскіе паны обыкновенно выручали свое отечество въ его опасныхъ столкновеніяхъ съ азіятцами.

Между тѣмъ недавно пріобрѣтенный отъ Москвы край сдѣлался новымъ источникомъ бѣдствій, угрожавшихъ Польшѣ со стороны ея общественной разладицы. Онъ отличался издавна пустынностью, какъ вообще были пустынны и польскія, и московскія окраины. Война 1633—1634 года заставила убраться отсюда все зажиточное, все прочно осѣдлое и хозяйственное. Остались одни тѣ подонки населенія, изъ которыхъ обыкновенно вырабатывались козаки. Но лишь только польскія власти заняли города отъ имени своего короля, казенныя, боярскія и монастырскія *сѣлища* стали наполняться пришельцами.

Тѣснимые другъ другомъ паны выпрашивали здѣсь вѣчистыя и доживотныя пожалованія, а мелкая шляхта съ откупщиками и арендаторами, Жидами, Армянами, Греками, Волохами, искала у новыхъ помѣщиковъ и державцевъ выгодной переуступки владѣльческихъ правъ. Чернорабочіе сосѣднихъ областей, привычные наслѣдственно къ переселенію въ просторныя, малогосподныя мѣста на повыя *воли*, хлынули отовсюду въ эту Канаду Рѣчи Посполитой, ища любезной всѣмъ бродягамъ украинской свободы и того хлѣба, который называется лежачимъ. Правительственные паны и самъ король, въ качествѣ новыхъ землевладѣльцевъ, покровительствовали эмиграціи тѣмъ, что не давали ходу жалобамъ старыхъ землевладѣльцевъ на зловредные для нихъ зазывы со стороны заднѣпровской братіи.

Неизбѣжное въ польскорусскомъ обществѣ и зловредное можновладство готовили такимъ образомъ новую область простонародныхъ волненій, въ придачу къ давнишнимъ малорусскимъ пустынямъ, колонизованнымъ панами по принципу личной свободы, которую рано или поздно приходилось имъ же самимъ ограничивать. Эти волненія сдѣлались тѣмъ опаснѣе для польскорусской республики, что къ бѣглецамъ изъ Земли Королевской присоединились въ Сѣверщинѣ бѣглецы изъ Земли Царской. Великорусскіе крестьяне, слыша о безгосподномъ бытѣ зарубежниковъ, и зная прецеденты завиднаго ихъ положенія, забирали у своихъ помѣщиковъ скотъ, грабили всякую движимость, иногда убивали самихъ господъ, и перебѣгали къ сосѣдней шляхтѣ.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, пріобрѣтенный отъ Москвы край сдѣлался разсадникомъ будущихъ опустошителей Польши, а съ

другой— старыя польскорусскія хозяйства теряли рабочую силу и приходили въ разстройство по мѣрѣ того, какъ поселяне находили для себя выгоднымъ и безопаснымъ оставлять прежнихъ помѣщиковъ для перехода въ новыя панскія осады. Отъ эмиграціонныхъ замѣшательствъ и убытковъ, высокія цѣны на съѣстные припасы сдѣлались чувствительнѣе. Тѣсно связанныя съ этимъ финансовыя затрудненія правительства отражались на сборахъ къ войнѣ съ Турками, медленныхъ, разорительныхъ въ своей неправильности для всего края, и ободряли подобныхъ Павлюку демагоговъ къ такимъ предпріятіямъ, о которыхъ въ Московскомъ Царствѣ было не слыхать со времени изгнанія Поляковъ.

Руководители польской цивилизаціи, римскіе клерикалы, прибавляли къ этому нестройному хору общественной жизни свою рѣзкую ноту. Они продолжали распространять въ Малороссіи господство папы, не смущаясь никакими препятствіями. Уже въ 1620 году возникнулъ было въ Кіевѣ іезуитскій коллегіумъ, точно редутъ противъ Москвы, напоминавшей о древней отчинѣ своихъ государей самимъ вопросомъ атаману Сагайдачнаго, Одинцу. Появленіе восточнаго патріарха Ѳеофана съ его московскою миссіею и смѣлое возстановленіе православной митрополіи въ виду уніятской заставили іезуитовъ отступить въ ранговое имѣніе кіевскихъ бискуповъ, Хвастовъ, чтобы оттуда вновь шагнуть на кіевскія высоты въ 40-хъ годахъ того же столѣтія. Но зато городъ эпическаго русскаго князя Игоря, отбитый у Москвы Владиславомъ IV, показался имъ столь же удобнымъ стратегическимъ пунктомъ, какъ и древній Полтескъ, отнятый у нея Стефаномъ Баторіемъ. Іезуитскій коллегіумъ, памятный донынѣ въ названіи урочища Кляшторомъ, украсилъ живописный нашъ Новгородъ-Сѣверскъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ просвѣтители Польши нашли возможнымъ завести такую же фабрику папистовъ и на древнерусскихъ берегахъ Альты, въ столицѣ новаго козачества, Переяславѣ.

Съ 1631 года обширная Вишневетчина, обнимавшая Малороссію цѣпью городовъ и селъ отъ Карпатъ до Путивля, сдѣлалась такимъ же достояніемъ римскаго папы, какъ и владѣнія наслѣдниковъ Князя Василія. Князь Іеремія Корибутъ Вишневецкій, въ качествѣ просвѣщеннаго католика, презиралъ монаховъ и монахинь, которыхъ бывшій печерскій молчальникъ, Исаія Копинскій, водворялъ въ его заднѣпровскихъ владѣніяхъ, но предвидя его ренегатства, Вишневецкій терпѣлъ ихъ только ради своего родственника Петра Могилы, который для Римской Куріи былъ spes magna futuri *). Когда честные игумены

*) Великая надежда будущаго.

обращались къ нему съ просьбами и жалобами, онъ отвѣчалъ имъ съ пренебреженіемъ, и давалъ чувствовать близость насильственнаго ихъ перехода подъ главенство римскаго папы. Зато въ Лубнахъ, Ромнѣ, Хоролѣ и другихъ городахъ своихъ строилъ онъ костелы, и при нихъ помѣщалъ католическихъ монаховъ разныхъ орденовъ, какъ помѣщаютъ въ замкахъ гарнизоны.

О притѣсненіи православныхъ жителей этимъ, покамѣстъ, очень слабымъ оккупаціоннымъ корпусомъ, раскиданнымъ среди широкихъ займищъ, и о защитѣ русской церкви козаками не можетъ быть здѣсь и рѣчи въ томъ смыслѣ, какъ это у насъ принято говорить въ печати. Но форпосты католичества тѣмъ не менѣе томили многія сердца, сознававшія себя русскими, и привлекали грозу, готовую разразиться надъ польскими владѣніями.

Подобно тому, какъ іезуиты незримо для гражданской власти направляли уличныхъ буяновъ на разореніе иновѣрческихъ церквей, наши монахи и попы, въ свою очередь, пользовались козаками - гультаями для уничтоженія маяковъ, направляющихъ движеніе въ Русскую Землю папистовъ. Говоря вообще, эти поклонники восточныхъ патріарховъ были никакъ не хуже, но и не лучше, своихъ братій по ремеслу, поклонниковъ римскаго первосвященника. Они были только невѣжественнѣе, и потому менѣе способны организоваться въ сокрушительный заговоръ противъ свободы совѣсти, но проповѣдывать религію вражды готовы были точно такъ, какъ и тѣ, которые похищали у нихъ духовные хлѣбы.

Лишь только анархисты павлюковцы одолѣли козацкую партію порядка, тотчасъ же вся кабацкая голь, всѣ голодные и лѣнивые бѣдняки, призванные запорожцами къ праздной и пьяной свободѣ, накинулись на королевскіе и панскіе города, отмѣченные католическими сооруженіями. Начали жечь костелы, убивать католическихъ духовныхъ и грабить ихъ имущества. Потомъ принялись и за шляхту. Требовали отъ нея лошадей, оружія, одежды, съѣстныхъ припасовъ и напитковъ для козацкаго войска. При малѣйшемъ сопротивленіи грабили, разоряли, подвергали насиліямъ, убивали. По мѣрѣ возможности, шляхта давала гультаямъ отпоръ. Въ такихъ случаяхъ козацкая голота нападала на панскіе дворы громадными купами, брала ихъ приступомъ, расхищала панское добро и предавалась всяческимъ ругательствамъ надъ побѣжденными.

Пожары, грабежи, убійства, захватившіе польскорусскую республику въ такой голодный годъ и при такихъ тревожныхъ обстоятельствахъ, распространили страхъ и смятеніе по всѣмъ старымъ и но-

вымъ окраинамъ королевства. Адамъ Кисель, а за нимъ и другіе паны, проживавшіе въ своихъ сѣверскихъ имѣніяхъ, бѣжали съ лѣваго берега Днѣпра на правый, взывая къ своей шляхетской братіи о помощи противъ козацкаго разбоя. Остальные урядники и землевладѣльцы запирались въ укрѣпленныхъ городахъ, и дѣлали оттуда вылазки на Павлюковыхъ гайдамакъ, разорявшихъ безоборонныя имѣнія.

Между тѣмъ намѣстникъ Павлюка, Скиданъ, иначе Гудзанъ, разсылалъ по заднѣпровской Вишневетчинѣ и Сѣверщинѣ универсалы, призывая подъ свой бунчукъ всѣхъ, кто когда-либо участвовалъ въ козацкомъ промыслѣ, и грозя тѣмъ помѣщикамъ, которые бы осмѣлились не пускать своихъ подданныхъ въ козацкое войско, или воспрещать имъ продажу ихъ имущества. Этимъ онъ расторгалъ тѣ обязательства, на которыхъ ихъ паны и панскіе рольники держали при себѣ рабочій народъ, колебавшійся въ Украинѣ между добычнымъ и сельскохозяйственнымъ бытомъ. Населенію, устроившемуся здѣсь по закону взаимныхъ услугъ и нуждъ, угрожало паденіе до низшей ступени ассоціаціи, до ступени ордынской.

Князь Іеремія Вишневецкій былъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ колонизаторовъ Украины. Основанныя имъ на Посуліи и на Поднѣпріи слободы останавливали напоръ татарской дичи на всю польскую и московскую Сѣверію. Наслѣдникъ онаго славнаго Вишневецкаго, котораго народъ воспѣваетъ и нынѣ, правда, въ уродливой пѣснѣ, подъ именемъ Байды, онъ, подобно Конецпольскому, умѣлъ относительно козаковъ держаться въ равновѣсіи между грозою къ нимъ и милостью. Козаки ютились густо въ его украинныхъ осадахъ, и хаживали вмѣстѣ съ нимъ въ бывшую Половецкую Землю отпугивать къ Перекопу татарскія ватаги, но не смѣли буянить противъ его осадчихъ и намѣстниковъ. Онъ удержалъ бы гультаевъ и теперь отъ разрушенія костеловъ, отъ грабежа и разбоя; но гроза турецкой войны вызвала князя въ его волынскія имѣнія, а послѣ бѣгства Киселя и другихъ пановъ за Днѣпръ, Вишневетчина, со всею Нѣжинщиною и Черниговщиною, пришла въ такое хаотическое состояніе, какъ будто польскимъ Заднѣпріемъ овладѣли Татары.

Предоставивъ покамѣстъ эту часть королевства собственной ея участи, колонизаторы малорусскихъ пустынь напрягали всѣ усилія къ отраженію турецкаго нашествія на Поднѣстрія. Татары прорывались то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ сквозь линію подольскихъ и брацлавскихъ колоній. Мелкая съ ними война и гонитва за ихъ легучими отрядами предвѣщали войну великую и опасную. Но, къ счастью Рѣчи Посполитой, весь придунайскій край бѣдствовалъ въ этомъ году отъ

неурожая травъ такъ точно, какъ и владѣнія польскія. Турки маневрировали по берегамъ Дуная, но не рѣшались двинуться по слѣдамъ несчастнаго Османа къ Днѣстру. Противъ нихъ дѣлалъ такую же демонстрацію вдоль Днѣстра Конецпольскій, съ малочисленнымъ коронным войскомъ, которое онъ умудрился таки вывести въ поле. Къ нему примкнуло нѣсколько крупныхъ землевладѣльцевъ съ домашними своими ополченіями. Задача состояла только въ томъ, чтобы непріятель видѣлъ готовность короля къ войнѣ, и въ этомъ отношеніи разсчетъ Конецпольскаго былъ вѣренъ. Турецкая война отодвинулась въ будущее. Прикарпатская Русь и ея защитники вздохнули свободнѣе. Паны стали подумывать о томъ, какъ бы имъ обуздать козаковъ.

Но король медлилъ съ универсаломъ о походѣ въ Украину. Онъ всѣ еще разсчитывалъ на возможность турецкой войны, которая дала бы ходъ его боевымъ способностямъ и облегчила бы тяготѣвшее надъ нимъ бремя панской опеки. Конецпольскій настаивалъ на необходимости обуздать запорожскую вольницу, но представлялъ, что выставить противъ нея недостаточныя силы значило бы рисковать и честью и безопасностью государства. Слухи о разореніи костеловъ и гибели католическаго духовенства тревожили правительство гораздо меньше, чѣмъ возмущенія рабочаго народа въ королевщинахъ и панскихъ имѣніяхъ. Не смотря на церковный задоръ со стороны козаковъ, борьба съ ними имѣла характеръ все еще чисто экономическій, и въ этомъ исключительномъ смыслѣ велись у Конецпольскаго переговоры съ Запорожскимъ Войскомъ.

Въ концѣ октября 1637 года коронный гетманъ послалъ къ своимъ ослушникамъ послѣдній увѣщательный универсалъ.

„Если вы забыли Куруковскій договоръ,“ писалъ онъ, „то прочитайте сызнова, и если не хотите его понять, то я вамъ объясню. На Запорожьѣ должна находиться обычная стража для наблюденія за переправами и добыванія вѣстей о Татарахъ. Старшій козацкій долженъ находиться при полкахъ и сотняхъ, поселенныхъ въ королевскихъ городахъ и имѣніяхъ. Ему ввѣрена армата; ему предоставлена всякая власть надъ войскомъ. Желаніе ваше имѣть одного старшаго похвально; но я хочу, чтобъ онъ былъ у васъ не на одинъ мѣсяцъ и не на два, но утвержденный и поставленный королемъ, оставался бы до тѣхъ поръ, пока будетъ того заслуживать, стараясь о славѣ его королевской милости. Обагряя такъ часто руки кровью вашихъ старшихъ, вы оскорбляете величество вашего государя, а пролитая вами неповинная кровь должна вопіять о мщеніи и привести васъ такъ или иначе къ погибели.

„Войсковые знаки и пословъ“ (продолжаетъ универсалъ), „могъ бы послать къ вамъ его милость король, но требовать этого подданнымъ отъ государя—дѣло не только непристойное, но и вредоносное. Кто монарху и пану своему предписываетъ законы? Кто можетъ ему повелѣвать? Получая ежегодный жолдъ, вы обязаны служить республикѣ во всякое время. А если станете ожидать пословъ, знаковъ, литавръ, то будете видѣть непріятеля развѣ только изъ-за частокола.

„До сихъ поръ государство смотрѣло сквозь пальцы на ваши разбои, грабежи, хищничество, но больше терпѣть ихъ не станетъ. Хоть бы и вся Украина стала разбойничать за одно съ вами, не думайте, что у республики не хватитъ силъ унять васъ и даже истребить. По милости Божіей, она до сихъ поръ не только давала отпоръ великимъ монархамъ, но и ставила ихъ въ трудное положеніе. Она и эти народы покорила мечемъ своимъ. Знайте же, что, если не оставите своего бунта и не подчинитесь Куруковскому постановленію, то вся Рѣчь Посполитая займется тѣмъ, чтобы не только прекратить своевольство, но потребить и самое имя козаковъ. Припомните себѣ Куруковщину, Переяславщину, которыя изъ-за небольшого числа вихреватыхъ головъ пожрали столько добрыхъ молодцовъ. Сабля у короля длинная: досягнетъ она васъ и на лѣсистыхъ дорогахъ. Опомнитесь, пощадите ваши вольности, не губите вашихъ достатковъ, пріобрѣтеній и, что всего дороже, вашей жизни. Пускай злостный бунтовщикъ, которому не нравится господство его королевской милости, ищетъ себѣ иной земли, инаго государя, а васъ, добрыхъ воиновъ, къ послѣдней гибели не приводитъ“.

Но ждать отъ козаковъ покорности было напрасно. Реестровое войско находилось подъ терроромъ выписчиковъ, которые ограбили уже многихъ козацкихъ дукъ, и грозили каждому шляхтичу, мѣщанину и мужику не только разореньемъ, но и смертью. Собравшаяся за Порогами голота надѣялась на помощь крымскаго хана, Павлюкова пріятеля, и грозила „городовикамъ“ помститься, съ помощью Татаръ, надъ всѣми „ворогами“ своими. Это пахло каждому татарскою неволею и турецкою каторгою. Реестровики ужасались одинаково и прихода жолнеровъ для расправы съ бунтовщиками, и появленія бунтовщиковъ, сопровождаемыхъ Ордою.

Дѣйствительно Павлюкъ ухаживалъ за ханомъ, и подговаривалъ его къ совмѣстному походу въ панскія имѣнія. Сперва ханъ обнадеживалъ его въ этомъ, разсчитывая на козацкую помощь въ борьбѣ съ предводителемъ Буджацкихъ Татаръ, Кантемиромъ. Но въ концѣ 1637 года Кантемиръ потерялъ то положеніе въ обществѣ турецкихъ башей,

которое дѣлало его опаснымъ для Инаетъ-Гирея. Тогда Инаетъ-Гирей заговорилъ съ козаками другимъ языкомъ. „Вы не что̀ иное, какъ тѣло безъ головы“ (сказалъ онъ запорожскимъ посламъ). „Для такихъ своевольниковъ у всѣхъ монарховъ ворота настежь. Ступайте на всѣ четыре стороны, а воевать за васъ я не намѣренъ“.

Этотъ отвѣтъ рѣшилъ судьбу Павлюка. Но его неудача была для „городовиковъ“ тайною. Къ нимъ, однакожъ, доходили слухи, что гетманъ обѣихъ сторонъ Днѣпра находится не въ блестящемъ положеніи за Порогами: что ему не на что снарядить свое войско; что голодъ и дороговизна бунтуютъ противъ него голоту, а между тѣмъ къ нему нахлынули изъ Украины такіе козаки, которымъ не на что купить себѣ даже татарскаго лука; что Павлюкъ отказывался сажать безоружныхъ голышей на чайки для морскихъ разбоевъ, и пытался сдѣлать между козаками *ругъ*, съ тѣмъ, чтобы неспособныхъ къ войнѣ отослать въ Украину, но голыши грозили утопить своего гетмана въ Днѣпрѣ и составляли противъ него черныя рады.

Павлюкъ очутился въ такомъ положеніи за Порогами, въ какомъ находилась бывшая войсковая старшина среди взбунтованныхъ имъ реестровиковъ. Полагаясь на обѣщанія хана идти вмѣстѣ съ нимъ на разореніе панскихъ имѣній, онъ пропустилъ самое удобное время для морскихъ разбоевъ. Осенью Черное море сдѣлалось опаснымъ для козацкаго „гостеванья“, а идти въ Украину безъ хана Павлюкъ не смѣлъ. Между тѣмъ дальнѣйшее пребываніе за Порогами угрожало ему голодомъ, особенно въ такомъ случаѣ, когда бы паны остановили подвозъ такъ называемаго бо̀рошна*) изъ верхней Украины, не объятой еще козацкимъ бунтомъ. Всё-таки зимовать на Запорожьѣ казалось болѣе безопаснымъ, нежели стать лицомъ къ лицу съ той силою, которую паны успѣли наконецъ собрать противъ Турокъ. Дождавшись „весняного пролѣтья“, или „весенней воды“, самаго лучшаго времени для „верстанья добычной дороги“ по Черному морю, Павлюкъ надѣялся добыть необходимыя для своего предпріятія средства, и въ то же время поднять на Польшу Турокъ, а когда паны будутъ заняты защитою Днѣстра, вторгнуться въ Поднѣпріе и утвердить за собой титулъ гетмана навсегда.

Все это было извѣстно Конецпольскому отъ самихъ же сообщниковъ Павлюка, которые заискивали панской благосклонности на тотъ

*) *Борошно* у Запорожцевъ составляли: овесъ, сѣно, тютюнъ, сало, сухари, мука разнаго рода, медъ, соль, мясо, рыба, деготь, наличныя деньги на порохъ, возы, полотно, платки, чоботы и т. д.

случай, если бунтъ его окажется неудачнымъ. Зима была самое удобное время для подавленія козацкаго бунта, потому что козакъ бралъ не столько силою, сколько искусствомъ зарываться въ землю и забираться въ недоступныя для преслѣдователей топи. Наступить на „городовыхъ“ козаковъ прежде, чѣмъ они соединятся съ запорожскими, Конецпольскій могъ и съ малымъ войскомъ, а когда реестровики отдѣлятся отъ выписчиковъ, то этимъ самымъ силы козацкія уменьшатся на столько, на сколько панскія увеличатся. Потомъ предполагалось возстановить разрушенный Сулимою Кодакъ, и навсегда прервать своевольное сообщеніе Украины съ Запорожьемъ.

Но объявленный жолнерамъ походъ былъ соединенъ съ тѣмъ обстоятельствомъ, которое составляло въ Польшѣ вѣчное препятствіе къ развитію государственной дѣятельности. Срокъ, на который были наняты жолнеры, оканчивался 1 декабря. Жалованье не было имъ выплачено и за предыдущую четверть года. Жолнеры не могли отказаться отъ похода, но пошли неохотно, съ тѣмъ чтобы, дослуживъ четверти, составить związek (революціонную сходку) и постоять за свои права противъ правительства. Они готовились къ бунту въ виду бунтовщиковъ, которыхъ должны были усмирять.

Эти чернорабочіе военнаго ремесла питали къ можновладникамъ ту самую зависть, что и козаки. Задолго до появленія мятежнаго козачества, они упражнялись въ мятежахъ, называвшихся звіонзками, рокошами, конфедераціями, и само правительство учило ихъ своевольничать, не платя имъ во-время жолда. Козаковъ они ненавидѣли, какъ людей, оспаривавшихъ у нихъ права постоя на украинскихъ пограничьяхъ, и презирали, какъ людей омужичившихся; но, въ массѣ своей, были готовы занять ихъ мѣсто и ниспровергнуть существующій порядокъ вещей со всѣмъ, что было дорого и свято для націи.

Еслибы не домашнія панскія ополченія, кадры которыхъ составляла родовитая шляхта, то наемное, или квартяное, войско давно бы разыграло съ Польшей трагедію, которую готовили ей козаки. Въ бунтахъ своихъ оно не останавливалось ни передъ чѣмъ, разоряло и грабило костелы такъ точно, какъ и днѣпровскіе добычники, и хотя большею частію принадлежало къ римской церкви, но, смѣшанное съ иновѣрцами, вообще презирало ксенздовъ, и многіе католики жолнеры по пяти и больше лѣтъ не бывали у исповѣди. Рѣдкій изъ нихъ не состоялъ подъ судомъ и слѣдствіемъ за грабежи и насилія, которые они позволяли себѣ въ видѣ привилегіи военнаго быта. Всѣ города и всѣ королевскія, панскія, духовныя имѣнія сторожились ихъ, какъ Татаръ: поднимали передъ ними подъемные мосты, запирали съ прибли-

женіемъ жолнерской хоругви ворота, выставляли на валахъ и за частоколами вооруженныхъ людей, часто вступали съ ними даже въ бой, когда проигравшаяся, промотавшаяся и сердитая на все осѣдлое толпа требовала насильственно постоя.

Какъ между козаками, такъ и между жолнерами были трезвые, сдержанные и даже набожные предводители; но вообще ротмистры, поручики или намѣстники ротмистровъ, хорунжіе и товарищи предавались грабежу во время постоевъ и переходовъ до такого безобразія, что за жолнерскою хоругвію весьма часто тянулся обозъ всякой добычи, сопровождаемый забранными у мирныхъ жителей лошадьми, коровами, волами, а красой дикой сцены жолнерской жизни были непотребныя женщины, помѣщавшіяся даже въ такихъ лагеряхъ, какъ тотъ, который стоялъ противъ Османа II съ опасностію потерять независимость отечества. Это-то своевольное войско, вмѣстѣ съ панскими ополченіями, уступавшими ему немногимъ, и козаками, въ которыхъ оно находило себѣ достойныхъ подражателей, было главною причиною той бѣдности панскихъ и королевскихъ крестьянъ, которая поражала наблюдателей помѣщичьяго, старостинскаго и державскаго быта польскаго. Оно же распространяло въ малорусскихъ провинціяхъ Польши и ту ненависть къ *Ляхамъ*, которою пользовались для своихъ войсковыхъ цѣлей козаки, происходившіе въ значительной мѣрѣ отъ промотавшихся, или же наказанныхъ баниціею да инфаміею жолнеровъ.

Теперь эти рыцари, проведя лѣто въ сторожевой службѣ на турецко-татарской границѣ, охотно вернулись бы въ свои дома и пристановища на зиму; но ихъ вели въ украинскія пустыни воевать съ народомъ, у котораго, кромѣ коня да оружія, нечѣмъ было поживиться даже послѣ побѣды. Правда, козацкія жилища часто бывали полны скота и меду, главныхъ продуктовъ номаднаго хозяйства, а козацкія жены и дочки составляли для жолнеровъ самый пріятный предметъ завоеванія; но эти блага не всегда доставались имъ дешево.

„Косо поглядывали жолнеры на дорогу отъ Днѣстра къ Днѣпру“ (говоритъ въ походномъ дневникѣ войсковой проповѣдникъ ихъ). „Одни припоминали себѣ, experientia docti,*) Куруковщину, Медвѣжьи Лозы и многократныя битвы подъ Переяславомъ, зная, что съ этими бунтовщиками война не очень легка, не очень коротка и безопасна. Другіе размышляли о недавнемъ сеймовомъ рѣшеніи—распустить ихъ отъ колесъ изъ обоза **). Третьи не желали служить далѣе конца четверти,

*) Наученные опытомъ.

**) Изъ лагеря.

и заявили объ этомъ пану полевому гетману въ генеральномъ сборѣ передъ выступленіемъ изъ лагеря. Всю надежду возлагали паны на Божіе покровительство, которое можетъ послать современемъ спасительное средство въ безнадежномъ положеніи дѣлъ".

Званіе полеваго коронаго гетмана въ это время носилъ человѣкъ, весьма вліятельный по обширности своихъ владѣній, воевода брацлавскій Николай Потоцкій. Вся подольская шляхта называлась хлѣбоядцами дома Потоцкихъ, которому принадлежали многія стардства и надъ Днѣпромъ, и въ Сѣверщинѣ. Ради собственныхъ интересовъ, люди мелкіе, вассальствовавшіе такъ или иначе въ этомъ домѣ, должны были поддержать щитъ, подъ который себя отдавали. Ради собственныхъ имущественныхъ и политикопанскихъ интересовъ, долженъ былъ и самъ полевой гетманъ взять на себя дѣло, требовавшее столько же боевой опытности, сколько и мужества. Надобно было выслужиться передъ шляхтою въ обстоятельствахъ трудныхъ и опасныхъ, чтобы доказать магнатскую готовность жертвовать имуществомъ и жизнью для общаго блага шляхетской братіи.

Когда квартяные жолнеры, не выходившіе никогда изъ долговъ и потому расположенные ко всему отчаянному, стали отказываться отъ продолженія службы, Потоцкій склонялъ ихъ къ уступчивости то просьбами, то различными обѣщаніями, то ручательствомъ, что на ближайшемъ сеймѣ они будутъ освобождены отъ отвѣтственности за буйства и грабежи. Этакъ онъ привлекъ многихъ надежныхъ вояковъ на свою сторону. Но голодные, оборванные, проигравшіеся въ карты и въ кости жолнеры бушевали въ „рыцарскомъ кругу" своемъ передъ послами полеваго гетмана. „Рѣчь Посполитая неблагодарна къ намъ!" кричали они, какъ бы повторяя упрекъ запорожскихъ рыцарей. „Столько сеймовъ занимается она только постановленіями противъ жолнеровъ да выдумываньемъ, какимъ бы способомъ стѣснить военныхъ людей. Трибуналы за вязанку сѣна лишаютъ насъ права на полученіе почетныхъ должностей. Панскіе банкеты начинаются и оканчиваются нашимъ униженіемъ. Называютъ насъ нищими да бродягами. У колесъ въ обозѣ даютъ намъ отставку, и велятъ разлетаться во-свояси по воздуху. По землѣ возвращаться намъ нельзя: надобно миновать панскія имѣнія изъ почтенія къ панамъ, а хоть и не изъ почтенія, такъ по-неволѣ, потому что вездѣ разосланы универсалы, чтобы съ нами поступали, какъ съ непріятелями. Духовныя имущества ограждены отъ насъ церковнымъ проклятіемъ, а королевскія находятся въ панскомъ владѣніи, какъ ранговыя. Проси и грози, какъ хочешь, только уважай данныя панамъ права, милуй ихъ владѣнія, умирай съ голоду,

ходи въ лохмотьяхъ, служи въ долгъ, и жди послѣдняго разоренія, пока не снесетъ голову острая смерть"!

Такія пререканія происходили между полевымъ коронымъ гетманомъ и квартянымъ войскомъ у самаго входа въ область козацкаго мятежа и въ тотъ именно моментъ, когда быстрымъ наступленіемъ на городовыхъ козаковъ можно было оторвать ихъ отъ запорожской голоты, которая, представляясь издали грозною силою, поддерживала украинскихъ гультаевъ насчетъ работящихъ людей всякаго званія.

Срокъ обязательный для жолнеровъ службы между тѣмъ истекалъ. Павлюковцы это знали, и воспользовались усобицей своихъ противниковъ по-козацки. Они распустили въ Украинѣ слухъ, что король ничего не знаетъ о предпринятомъ Потоцкимъ походѣ; что король самъ борется съ панами; что онъ бѣжалъ изъ Польши въ Литву; что онъ зоветъ къ себѣ жолнеровъ на помощь, и оттого не хотятъ они идти на козаковъ съ Потоцкимъ.

Заслуга этой выдумки принадлежитъ Карлу Павловичу Скидану-Гудзану, который именовалъ себя „полковникомъ Войска его королевской милости Запорожскаго на всей Украинѣ", а иногда—„онъ куномъ Украины". Онъ обѣщалъ мѣстнымъ землевладѣльцамъ всяческое вознагражденіе за дозволеніе проживающимъ въ ихъ имѣніяхъ товарищамъ Запорожскаго Войска продавать свою „худобу" для немедленнаго вступленія въ его ополченіе, а козакамъ повелѣвалъ, подъ страхомъ смертной казни, вооружаться и запасаться лошадьми и провизіей противъ пановъ жолнеровъ, которыхъ называлъ непріятелями греческой вѣры и душманами. Когда же грабежъ и разбои распространились по беззащитной Украинѣ, старался успокоить великаго коронаго гетмана, Конецпольскаго, что козаковъ несправедливо обвиняютъ передъ королемъ и Рѣчью Посполитою въ бунтахъ, воззваніяхъ къ своевольнымъ людямъ, наѣздахъ на замки и шляхетскіе дома, между тѣмъ какъ со всѣхъ сторонъ приходили вопіющія донесенія мѣстныхъ чиновниковъ и жалобы сельскихъ хозяевъ, страдавшихъ отъ козацкаго гайдамачества.

Стоя въ Бѣлой Церкви, на самомъ порогѣ окозаченной Украины, Николай Потоцкій съ одной стороны слышалъ революціонныя угрозы панамъ жолнерамъ, „непріятелямъ греческой вѣры и душманамъ", а съ другой—топотъ удаляющихся отъ него хоругвей, которыя покидали горсть его приверженцевъ передъ глазами непріятеля, и возвращались въ центральную Польшу съ намѣреніемъ засѣсть въ одномъ изъ королевскихъ имѣній, и домогаться наградъ за свои заслуги, какъ они выражались подъ бокомъ у короля. Нѣкоторыя хоругви были уже въ

18 миляхъ отъ Бѣлой Церкви, въ Коростышовѣ, и поджидали только своихъ уполномоченныхъ, которые, вмѣстѣ съ послами прочихъ хоругвей, должны были рѣшить въ „генеральномъ колѣ“ (кругу): драться ли имъ съ козаками, или же идти терзать, какъ тогда говорилось, viscera reipublicae*).

Это коло собралось невдалекѣ отъ Бѣлой Церкви, въ Хвастовѣ. Потоцкій, въ сопровожденіи преданныхъ ему ротмистровъ, явился среди шумящихъ представителей жолнерства и объявилъ рѣшительно,— что отступить отъ Бѣлой Церкви значило бы ободрить козаковъ на самыя дерзкія предпріятія, и потому онъ идетъ на нихъ съ нѣсколькими хоругвями да съ наемными Нѣмцами, предпочитая смерть столь постыдному отступленію.

Въ послѣднее время пришелъ къ Потоцкому съ небольшимъ ополченіемъ Адамъ Кисель. За нимъ прибыло еще нѣсколько пановъ. Другіе увѣдомляли, что спѣшатъ къ нему на помощь. Въ случаѣ торжества надъ козаками, взбунтовавшихся жолнеровъ ждала война съ магнатами, и имъ бы было не сдобровать. Буяны пошумѣли еще немного, потомъ опомнились, и прислали къ пану гетману декларацію, что обязываются прослужить подъ его предводительствомъ еще три недѣли, но поклялись на саблях—по истеченіи этого срока, избрать себѣ вольными голосами старшаго, и общими силами добиваться у короля справедливости.

Потоцкій обѣщалъ не допустить ихъ до этой крайности: по его ходатайству, правительство, безъ сомнѣнія, проститъ имъ все, что ими сдѣлано противузаконнаго, удовлетворитъ заслуженнымъ жалованьемъ и дозволитъ достойнымъ въ ихъ средѣ людямъ занимать почетныя должности.

Въ началѣ декабря полевой коронный гетманъ двинулся въ козацкую Украину.

Голодъ въ 1637 году былъ такъ великъ, что жолнеры, не привыкшіе уважать право собственности во время своихъ походовъ, часто принуждены были довольствоваться хлѣбомъ, спеченнымъ пополамъ съ желудями. Съ наступленіемъ Филиппова поста, наши священники разрѣшили прихожанамъ ѣсть мясо. Замедливъ походомъ въ глубину Украины, Потоцкій далъ козакамъ время перемолотить хлѣбъ отъ прежнихъ урожаевъ и спрятать въ пашенныхъ ямахъ по полямъ и лѣсамъ.

---

*) Нѣдра республики.

Начались уже довольно крѣпкіе морозы, но снѣгу не было. Колоть и гололедица затрудняли движеніе войска. Но пограничные паны, равно какъ и ихъ жолнеры, были тѣ же козаки по своей выносчивости. Устроивъ колонизацію малорусскихъ пустынь при самыхъ тяжкихъ обстоятельствахъ, они выработали въ себѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе способность бороться за свое созданіе и съ людьми и съ природою. Война 1637—1638 годовъ доказала, что польскорусскимъ витязямъ недоставало только государственной соподчиненности, для исполненія угрозы, которую сдѣлалъ козакамъ Конецпольскій.

Главнымъ сѣдалищемъ своего бунта козаки избрали Заднѣпріе и Сѣверщину. Тамъ съ октября читались по кабакамъ и базарамъ универсалы Скидана-Гудзана, которыми онъ возвѣщалъ „всѣмъ вообще посполитымъ людямъ христіянскаго роду“, что „враги Русскаго народа и старожитной греческой вѣры, Ляхи, идутъ въ Украину за Днѣпръ, чтобъ истребить Запорожское Войско и паненскихъ подданныхъ, и совершивъ тиранство надъ женами и дѣтьми, отдать всѣхъ въ неволю“; поэтому-де онъ призываетъ къ оружію всѣхъ, „кто только называется товарищемъ и остается при благочестіи и истинной вѣрѣ“.

Отдѣляя такимъ образомъ благочестивыхъ отъ злочестивыхъ, Скидановы универсалы отдѣляли все вообще поспольство отъ пановъ, которые, въ простонародномъ, усвоенномъ отъ ревностныхъ борцовъ за православіе воззрѣніи, смѣшивались безразлично съ Ляхами; а что Ляхи были способны рѣшиться на истребленіе своевольныхъ подданныхъ, въ этомъ украинская чернь сомнѣвалась еще меньше львовскаго лѣтописца. Что̀ попы да монахи шептали на ухо, то козаки, можно сказать, проповѣдывали съ кровель. Подготовляемые съ 1630 года разсказами о повсемѣстномъ избіеніи Руси, объ умышленіи короля и сенаторовъ на русскія церкви, объ ихъ намѣреніи вывести русскія книги, мужики вѣрили, что козачество поднимается вновь на панство изъ-за того, чтобы не было въ Украинѣ какой-то невѣдомой имъ, но ненавистной по одному имени своему римской вѣры, уніи. Толки о ломаньѣ древней вѣры, вмѣстѣ съ голодомъ и безнаказанностью за грабежъ, вывели на поприще гайдамачества всѣхъ, кому нечего было терять въ случаѣ неудачнаго бунта,—и проповѣданное козаками благочестіе сдѣлало быстрые успѣхи.

Въ городахъ князя Вишневецкаго Ромнѣ, Лохвицѣ, Прилуки, Лубнахъ, собирались громадныя купы бунтовщиковъ для опустошенія панскихъимѣній, подъ видомъ защиты посполитыхъ людей отъ истребленія, а ихъ женъ и дѣтей— отъ татарской и турецкой неволи. Въ одномъ Галячѣ, принадлежавшемъ Конецпольскому, вписалось въ козаки до

2,000 человѣкъ. Въ Переяславѣ служилая шляхта была осаждена козаками въ замкѣ, и томилась голодомъ. Полтавщина взбунтовалась подъ предводительствомъ популярнаго между козаками Острянина, иначе Остряницы. Наконецъ, и Нѣжинъ, старо̀ство самого Потоцкаго, присоединился къ мятежу. Вообще на Заднѣпріи считалось болѣе 20,000 народу, вписавшагося въ козаки. Замѣна экономическихъ порядковъ порядками жизни номадной понравилась ему. Козацкіе новобранцы чуяли силу своего многолюдства, и хвалились, что не дадутъ Ляхамъ перейти на ту сторону Днѣпра.

Обезпечивъ себѣ такимъ образомъ убѣжище на случай неудачнаго столкновенія съ панами жолнерами, Скиданъ появился на Поросьѣ и сталъ сзывать козацкую раду въ Корсуни. Но Преднѣпріе, не отгороженное ничѣмъ отъ внутреннихъ провинцій Королевской Земли, вставало на землевладѣльцевъ осторожно. Служилая шляхта и мелкіе помѣщики удерживали еще здѣсь не только въ городахъ, но и въ селахъ установившійся порядокъ жизни. Осѣдлые козаки-реестровики показывали даже расположенность къ мѣстной шляхтѣ. Имъ не вѣрили, не находили между ними ни одного *цнотливаго* (добродѣтельнаго), знали, что они подговариваютъ мужиковъ къ предательству; но, трепеща за свою жизнь, оставались на своихъ мѣстахъ, и колебанье чернорабочихъ между панскою и козацкою силою склонялось въ пользу повиновенія панамъ.

Еще въ то время, когда жолнеры были далеко отъ Роси, по этому рубежу козатчины ходили тревожные слухи, будто бы Лащъ заходитъ козацкимъ поселеніямъ въ бокъ со стороны степей вмѣстѣ съ наемными Татарами, а Потоцкій приближается къ нимъ прямымъ путемъ. Жолнерскія волненія заставили Потоцкаго простоять надъ Росью цѣлыя двѣ недѣли въ бездѣйствіи. Въ то время страхъ панскаго имени началъ было уступать страху имени козацкаго. Но изъ Запорожья стали приходить вѣсти, что Павлюкъ находится въ опасномъ положеніи среди бунтующей голоты. Одно время его считали даже низложеннымъ. Подъ вліяніемъ такихъ вѣстей, оставшіеся дома реестровики дотого охладѣли къ бунту, что Скиданъ, созвавши раду въ Корсуни, не дождался ея рѣшенія, и ушелъ въ Мошны.

Въ это время Павлюкъ, державшійся недалеко за рѣчкой Тясминомъ въ выжидательномъ положеніи, получилъ извѣстіе, что хоругви уходятъ отъ Потоцкаго въ Польшу, и что Потоцкій только съ горстью отважныхъ людей, не зная о близости Низоваго Войска, рѣшился вторгнуться въ Украину. Моментъ показался ему счастливымъ. Онъ быстро двинулся впередъ, чтобъ не дать жолнерамъ спрятаться въ Мошнахъ, выбивъ оттуда Скидана.

Съ своей стороны Потоцкій спѣшилъ покончить съ малочисленной толпою скидановцевъ, пока они не соединились еще съ павлюковцами и не подняли на него всѣхъ присмирѣвшихъ реестровиковъ.

Павлюкъ принялъ всѣ мѣры, чтобы походъ его оставался для пановъ жолнеровъ тайною. Поэтому передовые разъѣзды панскіе не привозили Потоцкому никакихъ вѣстей о низовцахъ. Остановясь у села Кумеекъ, Потоцкій послалъ короннаго стражника Лаща Тучапскаго выбить Скидана изъ Мошенъ; но въ этотъ самый день, именно 5 (15) декабря, Павлюкъ подошелъ къ Мошнамъ.

Отрядъ Лаща, состоявшій изъ разновѣрной шляхты, Татаръ, Волоховъ и украинскихъ козаковъ, оказалъ важную услугу Потоцкому, опредѣливъ силы непріятеля и давши знать о его намѣреніяхъ.

Ночуя съ 5-го на 6 декабря въ Мошнахъ, Павлюкъ разослалъ во всѣ стороны универсалы къ своей козачествующей братіи, увѣдомляя, будто бы жолнеры въ Корсуни и въ другихъ мѣстахъ поразоряли церкви, а по селамъ повырѣзывали женщинъ и дѣтей. Онъ повелѣвалъ козакамъ, подъ строгою карою, спѣшить къ нему днемъ и ночью—воевать за христіанскую вѣру и золотыя вольности козацкія.

Лащъ, между тѣмъ, ночевалъ въ полѣ, не снимая панцыря, равно какъ и весь его полкъ, а утромъ подступилъ къ Мошнамъ.

Вообразивъ, что подъ Мошнами самъ Потоцкій, Павлюкъ наступилъ на жолнеровъ Лаща съ таборомъ и пушками. Здѣсь-то разбойники лащовщики показали, за что̀ прощались имъ всѣ ихъ злодѣйства. Они, какъ выразился авторъ походнаго дневника, принесли павлюковцевъ на своихъ плечахъ къ полевому коронному гетману, занявшему боевую позицію подъ Кумейками. Стократно инфамизованный банитъ находился въ своей стихіи. Онъ такъ искусно раззадорилъ павлюковцевъ, что, даже наткнувшись на стоящее въ боевомъ порядкѣ войско Потоцкаго, павлюковцы ломились впередъ, очертя голову. Во всю дорогу, разъяренная толпа сопровождала стрѣльбу и гарцовыя схватки дикимъ крикомъ, крупною бранью, насмѣшками, и сквернословила не только противъ коронныхъ гетмановъ, но и противъ самого короля.

Реестровые козаки, составлявшіе Павлюкову конницу, знали, что съ Потоцкимъ не легко будетъ управиться, и держались поодаль. Зналъ отъ нихъ, безъ сомнѣнія, и самъ Павлюкъ, что главныя непріятельскія силы стоятъ передъ нимъ, но раздумывать было поздно: предводимая имъ орда могла сломить Потоцкаго только первымъ напоромъ. „А чи далѐко панъ гетьма̀нъ ночува̀ти ме?“ (кричали передовые бойцы его, размахивая значками). „Лащику, Лащику!“ (грозили другіе), „побіжишъ ты до ха̀щику“ (то-есть: спрячешься въ густыхъ кустахъ).

Но уже гремѣли съ разныхъ сторонъ пушки. Уже нѣмецкая пѣхота открыла такъ называемый нидерландскій бой, и тотъ самый Лащъ, который бѣжалъ, огрызаясь передъ козаками, точно волкъ передъ собаками, ломился теперь, какъ медвѣдь, въ козацкій таборъ, на челѣ своихъ панцырныхъ ротъ.

Военное искусство Потоцкаго оказалось гибельнымъ для павлюковцевъ, разсчитывавшихъ на свое многолюдство. Реестровики, наблюдавшіе бой издали, бѣжали въ самомъ его началѣ. Но Потоцкій напрасно ждалъ, что выписчики, очутясь подъ огнемъ и желѣзомъ, точно въ адской кузницѣ, попросятъ пощады. „Это хлопство было такъ ожесточено“ (писалъ онъ въ своей реляціи), „что мы только и слышали выраженіе ихъ рѣшимости лечь одному на другомъ; а когда кто изъ нашихъ падалъ съ коня, они бросались на него, и рвали трупъ на куски, пока мы не покрывали его грудою козацкихъ труповъ“.

Таковъ былъ результатъ сочиненныхъ Павлюками да Гудзанами вѣстей о разореніи церквей православныхъ, объ истребленіи по селамъ женъ и дѣтей козацкихъ. Углубляясь въ таинственный козацкій край, Потоцкій даровалъ жизнь всѣмъ пойманнымъ „языкамъ“, не тронулъ ниодного козацкаго жилища, а приводимые къ нему встрѣчные попы, ободренные подарками, свидѣтельствовали на разспросахъ, что козаки не терпятъ ихъ присутствія въ своихъ кошахъ и таборахъ. Но люди, видавшіе разореніе католическихъ костеловъ и участвовавшіе въ избіеніи ксендзовъ, твердили съ умысломъ, что войско, предводимое Конецпольскими да Потоцкими, вырѣзываетъ прихожанъ до ноги вмѣстѣ съ ихъ священниками, выдавливаетъ женщинамъ деревомъ груди, варитъ козацкихъ дѣтей въ котлахъ, а когда схватитъ обманомъ козацкихъ вождей, то сожигаетъ ихъ въ присутствіи сенаторовъ среди Варшавы, пригвоздивши къ смолянымъ доскамъ, ломаетъ на рукахъ и ногахъ кости, тянетъ колесомъ жилы и распинаемыхъ такимъ образомъ борцовъ за православіе бьетъ по лицу грудью, отрѣзанною тутъ же у жены.

Самая звѣрская битва кипѣла подъ Кумейками отъ полудня до ночи. Но обезумленные Запорожцами выписчики гибли напрасно. Передъ вечеромъ, въ самый критическій моментъ, когда одинъ еще часъ упорнаго боя стоилъ бы, можетъ быть, Лащамъ и Потоцкимъ безславной гибели, Павлюкъ и главные сообщники его изчезли незамѣтно со сцены кровавыхъ подвиговъ, какъ и реестровая конница. Но и послѣ бѣгства вождей, мужья и отцы мнимо истребленныхъ женщинъ и дѣтей, поклонники мнимо поруганныхъ святилищъ, защитники тѣхъ силъ, которыя будутъ вырѣзаны до ноги, и тѣхъ людей, кото-

рыхъ отдадутъ невѣрнымъ въ неволю, продолжали сражаться,—нѣтъ, они продолжали гибнуть! Они, къ прискорбію, и, можетъ быть, къ ужасу пановъ, валились кучами одни на другихъ.

Въ это время изъ толпы добычниковъ выдвинулся дикій талантъ, блистательно поддержавшій низкое по средствамъ и цѣлямъ, но геройское по рѣшимости дѣло Павлюка и Скидана. Нѣкто Дмитрій Томашѣвичъ Гуня *) съумѣлъ во время крушенія козацкаго табора, состоявшаго изъ многихъ тысячъ возовъ, устроить позади бойни другой возовой таборъ, вооруженный двумя пушками. Гоня въ сумеркахъ разсѣянное наконецъ полчище выписчиковъ, жолнеры Потоцкаго наткнулись на новый вагенбургъ, такъ же крѣпко сцѣпленный, какъ и тотъ, который стоилъ имъ потери множества храбрыхъ воиновъ. Его окружили со всѣхъ сторонъ и до поздней ночи стрѣляли изъ пушекъ, отъ чего козаки, по словамъ очевидцевъ, переворачивались, точно въ кипящемъ котлѣ. Оставалось только дождаться утра, чтобъ истребить остатокъ павлюковцевъ. Но Гуня, какъ бы волшебствомъ, какъ бы прославленнымъ *характѣрствомъ* запорожскимъ, провелъ козаковъ своихъ между оцѣпившихъ его ведетовъ, и изчезъ, не покинувъ позади себя не только пушекъ, но и ниодного цѣлаго вога.

Потоцкій напрягалъ послѣднія силы своего изнуреннаго и перекалѣченнаго войска, чтобы не дать козакамъ уйти за Пороги, или переправиться съ Русскаго берега Днѣпра на Татарскій. Къ его счастью, широкая рѣка покрылась пловучимъ льдомъ, и не представляла бѣглецамъ никакой возможности спастись отъ преслѣдованія.

Павлюкъ и Скиданъ заперлись, вмѣстѣ съ характерникомъ Гунею, въ мѣстечкѣ Боровицѣ. Потоцкій прискакалъ сюда по свѣжимъ слѣдамъ выписчиковъ. Начали готовиться къ приступу. Закипѣли мелкія битвы. Козаки были всё еще опасны въ виду Днѣпра, который могъ въ одну морозную ночь сдѣлаться мостомъ для соединенія павлюковцевъ со скидановцами. Слышно было, будто бы на Заднѣпріе перебрался какъ-то кіевскій полковникъ Кизимъ съ сыномъ. Въ довершеніе безпокойства кумейскихъ побѣдителей, Гуня и Скиданъ умудрились ночью пробиться сквозь блокаду.

Опасаясь бѣдственнаго поворота военнаго счастья, Адамъ Кисѧль, какъ единовѣрецъ козаковъ, открылъ съ ними переговоры, представилъ имъ, что виновность Павлюка и прежняго козацкаго старшаго, Томиленка, могутъ имѣть оправданіе въ глазахъ снисходительнаго къ За-

*) Слово *гуня*—синонимъ слова *кобенякъ*.

порожскому Войску короля, и, присягнувши передъ козацкими уполномоченными, что жизнь обоихъ будетъ пощажена, склонилъ козаковъ выдать своихъ предводителей, въ знакъ покорности. Такъ несчастные представители Рѣчи Посполитой, не обезпеченные въ своей государственной дѣятельности соотвѣтственными средствами, должны были вѣчно играть въ рискованную игру, выпутываясь изъ затруднительныхъ обстоятельствъ не только рискованными, но часто безчестными и потому вредоносными поступками.

Покорившіеся козаки были призваны панскими литаврами въ раду. Королевскіе коммиссары, Адамъ Кисѣль и Станиславъ Потоцкій, осыпали ихъ упреками за ихъ измѣну и, что̀ хуже самой измѣны, за попытки призвать подъ свои бунчуки противъ христіанъ татарскую орду; а козаки, по волѣ побѣдителя, представили имъ письменное обязательство, въ которомъ говорилось:

что они (козаки) забыли Куруковскую коммиссію, писанную ихъ кровью, забыли свою присягу, умертвили старшину свою, приняли къ себѣ простой народъ сверхъ семитысячнаго числа козаковъ, напали на коронное войско (объ Ордѣ, „ради великой гнусности дѣла и чтобы не было вредной памяти“, говоритъ реляція, въ обязательствѣ не упоминалось); но святымъ и справедливымъ судомъ Божіимъ, коронное войско разорвало козацкій таборъ, овладѣло арматою, хоругвями, бунчуками и всѣми украшеніями, заслуженными съ давнихъ временъ отъ королей и Рѣчи Посполитой, а большую часть положило трупомъ;

что остатокъ Запорожскаго Войска полевой гетманъ настигъ въ Боровицѣ, и на томъ мѣстѣ, гдѣ козаки умертвили свою старшину, окружилъ ихъ шанцами и хотѣлъ взять приступомъ, но они выпросили себѣ у ясновельможнаго пана гетмана помилованіе, и выдали своихъ старшинъ, которые вовлекли ихъ въ такой упадокъ и во все злое, Павлюка, Томиленка и нѣсколько другихъ, а зачинщика бунта, Скидана, обязались всѣ вмѣстѣ найти и также выдать;

что имъ не дозволено избрать старшаго, а только полковниковъ, старшинство же ввѣрено пану Ильяшу, переяславскому полковнику, который постоянно находился при коронномъ войскѣ, не участвуя въ бунтахъ;

что козаки обязываются идти на Запорожье, сжечь морскіе челны и выпроводить изъ Запорожья чернь, которая окажется лишнею противъ количества, назначеннаго для сторожи.

„Относительно реестровиковъ“ (сказано въ заключеніе унизительнаго обязательства) „отдается на милосердіе и волю его королевской милости и Рѣчи Посполитой, и обѣщаемся быть въ такомъ комнутѣ,

какой ихъ милости паны коммиссары намъ оставили, и въ такомъ устройствѣ, какое укажетъ намъ самое милосердіе его королевской милости, нашего милостиваго пана, и пребывать въ полной вѣрности, *цноть* и подданствѣ Рѣчи Посполитой на всѣ грядущія времена. Въ чемъ во всемъ, поднявши руку, присягаемъ, и на то все для вѣчной и безсмертной памяти о карѣ надъ нами за наши преступленія, чтобы на будущія времена не было больше подобныхъ бунтовъ, а равно и объ оказанномъ намъ помилованіи, даемъ сіе писаніе и кровавое наше обязательство подъ войсковою печатью и за подписью нашего войсковаго писаря".

Этимъ писаремъ и составителемъ обязательства былъ Богданъ Хмельницкій, воспользовавшійся, черезъ десять лѣтъ, бунтомъ Павлюка и Скидана, какъ программою для одолѣнія польско-русскихъ пановъ съ помощью татаръ.

Глава X.

Скитальческій бытъ малорусскихъ поселянъ.—Запугиванье бунтовщиковъ казнями.—Тріумфъ, устроенный кіевскими мѣщанами и митрополитомъ усмирителю козаковъ.—Попытка козаковъ призвать на помощь Татаръ.—Трагическое въ козакопанской усобицѣ.—Отсутствіе единодушія между козаками.—Блокада козацкаго становища на „Устьѣ Старца".—Козаки покоряются панамъ.—Зловѣщее положеніе побѣдителя.

Между тѣмъ какъ на Русской сторонѣ Днѣпра была рѣшена судьба павлюковцевъ, на Татарской ничего о томъ не знали. Въ отсутствіе Скидана, тамъ властвовалъ полковникъ кіевскихъ козаковъ, Кизимъ. Торжество надъ мѣстною шляхтою, безнаказанные разбои и насилія надъ козацкими врагами, а ими были всѣ зажиточные люди, даже попы и монахи, непробудное пьянство въ кабакахъ, оглашаемыхъ звономъ кобзъ и пронзительнымъ крикомъ кобзарей, до того поглащали умственную энергію безпутной толпы, что она и не думала устроить правильное сообщеніе съ Русскимъ берегомъ, а плывущій по Днѣпру ледъ отбивалъ у нея и послѣднюю къ тому охоту.

Притомъ же въ козацкихъ купахъ, титуловавшихъ себя Запорожскимъ Войскомъ, кромѣ вражды къ панамъ, не было ничего общаго. Не только новобранцы козачества, но и выписчики, называвшіе себя старинными козаками,—въ самомъ началѣ Павлюковщины, въ случаѣ неудачи затѣяннаго бунта, имѣли въ виду или Донъ, или бѣлгородскія пустыни Московскаго Царства, гдѣ уже много панскихъ и королевскихъ подданныхъ поселилось на вѣчной, какъ имъ казалось, „волѣ". Кромѣ того, они легко могли найти пріютъ въ новыхъ панскихъ осадахъ по рѣкѣ Ворскло, за которою къ востоку шли уже необитаемыя степи. Новыя Санжары, Кобыляки, Лучки, Переволочня и другія *слободы*, или *воли*, противъ запрета самихъ осадчихъ и собственниковъ, служили убѣжищемъ тысячамъ голышей, оставлявшихъ полуопустѣлыми сравнительно старыя *осады*, изъ одной мечты о полной независимости. Поэтому воспреобладать надъ панами для заднѣ-

провскаго скопища значило пьянствовать на счетъ зажиточныхъ людей, а быть побѣжденными значило разбѣжаться по своимъ притонамъ и перебиваться кой-какъ до новой усобицы съ украинскими землевладѣльцами.

Не дорожить ничѣмъ, кромѣ движимости, было тогда свойственно не только козакамъ, и Татарамъ, но и многому множеству шляхты. Стихъ украинской пѣсни:

Ой мàла я журйтися,—
Нехай на Петрівку:
Та заберу дітей въ тòрбу
Та пійду въ мандрівку.

или такой стихъ:

Ой весна̀ красна̀, ой весна̀ красна̀:
Та изъ стріхъ вода капле.
Ой уже жъ тому та козà̀ченьку
Та мандрівочка пахне,—

выражаетъ бытовую дѣйствительность украинской массы. Цѣлый народъ, на пространствѣ отъ Вислы до Сейма, отъ псковской и смоленской границы до Днѣстра *мандровалъ* *), переселяясь безпрестанно изъ одной осады въ другую **). Но больше всякаго инаго сословія *мандрівка* была свойственна козакамъ. Германія, Швеція, Сибирь, Персія, Римъ—вотъ кругъ, описываемый радіусами козацкаго забродничества. Отсюда вѣчная готовность козаковъ къ бунту и дракѣ; отсюда ихъ сторожевая и боевая служба вотчинникамъ и помѣстнымъ владѣльцамъ, какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ; отсюда ихъ продажность не только единовѣрцамъ, но католикамъ и протестантамъ, не только государямъ христіянскимъ, но и магометанскимъ. Побитые подъ Кумейками и втоптанные въ землю подъ Боровицею, козаки мало дорожили тѣмъ, что̀ дѣлаетъ насъ осмотрительными въ словахъ и поступкахъ,—до того мало, что Потоцкій не позволилъ своимъ жолне-

*) Извращенное wandern, странствовать, бродить.

**) Въ „Наставленіи выборному отъ Малороссійской Коллегіи въ Коммиссію о Сочиненіи Проекта Новаго Уложенія“ (пунктъ 18) говорится: „Простой народъ мнимымъ въ свободѣ своевольствомъ доведенъ до крайняго нерадѣнія отъ своей собственной лѣности и распутства, ибо многіе, оставляя свои пахотныя и другія земли, бродятъ изъ мѣста на другое, и чтобъ удобнѣе провождать жизнь праздную и разгульную, остаются навсегда безъ грунтовъ, подъ именемъ подсусѣдковъ, работая лѣниво за кормъ и напой виномъ“.

рамъ въѣзжать въ мѣстечко изъ опасенія новаго бунта, а чтобы никому не было повадно, не въѣзжалъ самъ, и встрѣтилъ рождественскія святки среди лагеря.

Слыша о похожденіяхъ козацкой орды за Днѣпромъ, онъ порывался спасать отъ послѣдняго разоренія свое нѣжинское стардство и прислужиться королю да коронному великому гетману возстановленіемъ порядка въ ихъ заднѣпровщинѣ. Но переправа черезъ „козацкій шляхъ“ была крайне затруднительна. Наконецъ ледоходъ на Днѣпрѣ превратился въ плотную массу, и далъ полевому коронному гетману возможность, въ самый день польскаго Рождества Христова, выслать въ одну сторону полковника Станислава Потоцкаго съ легкими хоругвями, а въ другую—Ильяша Караимовича съ покорившимися козаками.

Козаки выступили за Днѣпръ въ числѣ трехъ тысячъ, и такой имѣли видъ, какъ будто надъ ними не совершилось никакой катастрофы. Это была реестровая конница, которая подъ Кумейками загребла жаръ чужими руками. Это были тѣ люди, которые завидовали домовитой шляхтѣ и ухищрялись вырвать у нея господство надъ Украиной, подъучивая на пановъ *Ляховъ* лѣнивую и пьяную голоту. Это были отцы тѣхъ, которые, чрезъ двадцать лѣтъ по отпаденіи Малороссіи отъ Польши, вписывали въ свои мѣстности сыновей той голоты, которая съ такимъ самозабвеніемъ гибла для нихъ подъ нидерландскимъ огнемъ и шляхетскими саблями.

Глядя теперь на нихъ, не одинъ землевладѣлецъ, по словамъ участника похода, видѣлъ въ нихъ новыхъ бунтовщиковъ. Но слѣдомъ за реестровиками переправился по льду Потоцкій съ артиллеріею, которая дала себя козакамъ знать и въ Медвѣжьихъ Лозахъ, и подъ Переяславомъ и, наконецъ, подъ Кумейками. Хотя козаки и сами были недурные пушкари, но стратегія и тактика шляхетскаго рыцарства торжествовала надъ ихъ боевою рутиною, а недостатокъ единства дѣйствій уничтожалъ ихъ численное превосходство.

Двадцатитысячное войско, которымъ павлюковцы давно уже хвалились на Татарской сторонѣ Днѣпра, раздѣлялось на нѣсколько самовольныхъ ордъ, изъ которыхъ каждая имѣла въ виду собственную добычу. Еще не зная, что постигло ихъ сообщниковъ на Русской сторонѣ, Павлюковцы, подъ предводительствомъ Кизименка, овладѣли Лубенскимъ замкомъ, разграбили имущество князя Вишневецкаго, вырѣзали его слугъ шляхтичей и шляхтянокъ вмѣстѣ съ торговцами Жидами, сожгли костелъ, пили горілку изъ его престольной чаши, а состоявшихъ при костелѣ бернардиновъ обезглавили, и бросили тѣла

ихъ на съѣденіе собакамъ, строго запретивши погребать ихъ. Священническіе аппараты и церковная утварь изъ другихъ костеловъ безпрестанно попадались Потоцкому въ кабакахъ. Содержатели кабаковъ приносили ихъ сами, какъ товаръ, отъ принятія котораго за пропой было и страшно отказываться, и соблазнительно.

При наступленіи жолнеровъ на козацкія купы, засѣвшія въ такихъ замкахъ, какъ Лубенскій, не было встрѣчено отпора нигдѣ; напротивъ, и Кизименко, и множество другихъ ватажковъ были выданы жолнерамъ самими козаками, старавшимися принять видъ людей благомыслящихъ, но запуганныхъ запорожцами. Схваченъ былъ и самъ Кизимъ среди его сообщниковъ.

Имѣя на своей сторонѣ реестровиковъ, Потоцкій хотѣлъ показать заднѣпровскимъ гайдамакамъ наглядно, что эти соблазнители не только не защитятъ ихъ отъ заслуженной кары, но еще будутъ присутствовать при ихъ казни. Онъ рѣшился поступить съ пойманными разбойниками такъ строго, какъ поступлено было съ Карвацкимъ и другими зачинщиками жолнерскаго бунта въ 1613 году: велѣлъ всѣхъ безъ пощады сажать на колья по городскимъ рынкамъ и на перекрестныхъ дорогахъ.

Но онъ ошибся въ своемъ разсчетѣ. Въ глазахъ поповъ и монаховъ, которымъ было всё тѣснѣе и тѣснѣе въ Малороссіи отъ папистовъ, сидящіе на кольяхъ мертвецы были не разбойники и святотатцы: они были мстители за поруганное благочестіе. Такъ смотрѣли на нихъ и многіе міряне. При всей очевидности истины, упорно держался въ Малороссіи слухъ, что козаки воюютъ изъ-за уніи. Даже такіе люди, какъ игуменъ Филиповичъ, твердили всюду, что „козацкая война была за унію“. Даже лучшій изъ украинскихъ лѣтописцевъ, названный мною самовидцемъ, говоря, что поспольство въ Украинѣ жило во всемъ обильно, тѣмъ не менѣе приписываетъ начало и причину войны Хмельницкаго только гоненію отъ Ляховъ на православіе и отягощенію козаковъ.

Только монахи могилинскихъ монастырей, или вѣрнѣе сказать— поставленные Петромъ Могилою игумены, не участвовали въ распространеніи такого слуха. На разспросы Москвичей: за что̀ Поляки побиваютъ Черкасъ и грабятъ ихъ животы? они отвѣчали, что козаки стали своевольничать, побивали по городамъ урядниковъ да Ляховъ да Жидовъ, да стали жечь костелы, —„за то-де ихъ, козаковъ, и побиваютъ, а не за вѣру“ (записали Москвичи въ своихъ свиткахъ-столбцахъ, для свѣдѣнія).

Въ устахъ антимогилинской партіи (а къ ней принадлежало все убогое, невѣжественное, загнанное духовенство) козаки были борцами за православіе и за то, что мы теперь называемъ русскою народностью. По ихъ воззрѣнію, въ Украинѣ боролась вѣра съ вѣрою, а не козаки съ панами, не номады съ колонизаторами пустынь, не чужеядники да голыши съ людьми трудолюбивыми и запасливыми. По одной украинской легендѣ, грѣхи нѣкоторыхъ гайдамакъ были такъ велики, что, когда покаявшійся разбойникъ причащался, такъ два человѣка должны были держать подъ руки попа, чтобы не упалъ отъ гайдамацкаго духу. По другой легендѣ, гайдамака перебилъ нѣсколькихъ поповъ одного послѣ другаго за то, что они не находили *покуты* соотвѣтственной великости его злодѣяній. Изъ монастырскихъ сочиненій Павлюкова времени мы знаемъ, что монахи исповѣдывали не одного козацкаго вождя, обремененнаго грѣхами чрезвычайными, и не сомнѣваемся, что внушали имъ то самое, что столѣтніе старики сообщали мнѣ самому о монахахъ-исповѣдникахъ эпохи Желѣзняка и Голты.*).

Жолнерскіе вожди, преслѣдуя разбойниковъ, считали нужнымъ заворачивать въ мѣстные монастыри „для молитвы“, несмотря даже на свое католичество, и, помолясь, твердили монахамъ, что побиваютъ козаковъ совсѣмъ не за вѣру, до которой имъ нѣтъ никакого дѣла, а за грабежи, убійства, за сожженіе костеловъ, за поруганіе святыни. Ихъ, очевидно, безпокоила молва, распускаемая въ Украинѣ то простодушно, то злостно. Они щупали пульсъ простонародной жизни, и своимъ почитаніемъ православныхъ святилищъ старались успокоить лихорадочное возбужденіе умовъ. Но и тутъ имъ портили дѣло просвѣтители польскорусской республики. Съ ревнивою подозрительностью походные капелланы и мѣстные ксендзы нашептывали имъ, будто монахи снабжаютъ козаковъ порохомъ, а козаки разсылаютъ монаховъ и монахинь по всей польской Руси, чтобъ они возбуждали противъ Ляховъ не только простой народъ, но и шляхту греческой вѣры.

Это заставило Николая Потоцкаго призвать къ себѣ игумена Мгарскаго монастыря съ десятью монахами для допроса. Онъ отпустилъ неповинныхъ иноковъ, не сдѣлавъ имъ никакой непріятности; но монашеское перо вписало по сему случаю въ Густынскую лѣтопись такія слова, которыя, въ своихъ практическихъ послѣдствіяхъ, вымстили сугубо за переполохъ честной братіи не на однихъ ксендзахъ,

*) См. „Записки о Южной Руси“.

но и на людяхъ, вовсе не причастныхъ церковной политики Рима: „Тогда попусти Богъ въ землѣ гнѣвъ свой, си есть междоусобная рать: восташа бо Ляхи на родъ Россійскій, глаголемыхъ козаковъ, и нещадно рѣзаху мечи своими благочестивыхъ и невинныхъ человѣкъ, а наипаче же вооружи ихъ Сатана на иноческій родъ: глаголаша бо вси, яко калугоры исполняютъ козакомъ своимъ порохи, и яряхуся зѣло".

Раздуваемое церковнымъ соперничествомъ съ одной стороны, а разбойничаньемъ „благочестивыхъ и невинныхъ человѣкъ" съ другой, пламя соціальной усобицы достигло уже въ то время такихъ размѣровъ, что погасить его могло бы только возвращеніе всей русской шляхты съ ея магнатами изъ католическихъ костеловъ и протестантскихъ „зборовъ" къ заброшеннымъ въ теченіе столѣтія или преданнымъ въ руки иновѣрцевъ древнерусскимъ церквамъ. Днѣпровскіе и днѣстровскіе Русины низшихъ классовъ стали смотрѣть на всѣхъ польскорусскихъ землевладѣльцевъ, каковы бы ни были ихъ вѣрованія и добродѣтели, какъ на враговъ своего племени, *Ляховъ*, а представителямъ высшихъ классовъ польскорусскаго общества, съ ихъ депендентами, весь окозаченный и добровольно и насильственно людъ представлялся заговорщиками противъ короля и республики, противъ установленнаго вѣками права, противъ всего благороднаго и священнаго.

И тамъ и здѣсь работали не столько явно, сколько келейно, люди, обидчивые по самой профессіи своей и вліявшіе на мнѣнія мірянъ освященнымъ церковію авторитетомъ своимъ. Одни, повторяя съ ненавистью и злобой роковое слово *Ляхи*, придавали ему значеніе иновѣрнаго деспота и вмѣстѣ отступника, предателя роднаго племени своего; а другіе, не зная, чѣмъ объяснить упорство нашего духовенства въ принятіи такой благословенной по ихъ воззрѣнію выдумки, какъ соединеніе подъ главенствомъ папы церквей, прозвали наше православіе Наливайковой сектою, волчьей религіей, и внушали шляхетно урожденнымъ питомцамъ своимъ свойственную фанатикамъ и деспотамъ подозрительность.

Какъ ни воздержны были побѣдители козаковъ подъ Кумейками въ обвиненіи сословія, которое князь Збаражскій назвалъ genus sceleste hominum, но внушенія католическихъ патеровъ, безъ сомнѣнія, возымѣли свое вліяніе на расположеніе духа полеваго коронаго гетмана относительно заднѣпровскихъ павлюковцевъ и скидановцевъ.

„Не для чего инаго пріѣхалъ я въ Нѣжинъ", писалъ онъ къ великому коронному гетману, „какъ для того, чтобы видѣть этихъ зло-

дѣевъ на кольяхъ собственными глазами. Не стоитъ ихъ возить въ Варшаву: пусть возьмутъ плату въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ заслужили. Но эта плата не соотвѣтствуетъ тому, что у меня передъ глазами. Какіе тиранства, убійства, грабежи! Еслибъ я казнилъ всѣхъ виновныхъ такъ, какъ они заслуживаютъ, то пришлось бы все Поднѣпріе и Заднѣпріе безъ изъятія вырубить въ пень. Но казнь немногихъ поразитъ ужасомъ толпу. Разставивъ по дорогамъ сторожами перекрестковъ десять сотенъ казненныхъ, я покажу на нихъ примѣръ сотнѣ тысячъ. Теперь такое время, что изъ нихъ можно вылѣпить, что угодно, какъ изъ воску, чтобъ ужъ больше это зло не появилось въ нѣдрахъ Рѣчи Посполитой".

Онъ ошибался горестно. Въ его время статистика не сдѣлала еще поучительнаго наблюденія, что большая часть уголовныхъ преступниковъ совершала свои злодѣйства непосредственно послѣ казней, которыхъ они были свидѣтелями.

Усмиривъ Заднѣпріе, Николай Потоцкій распредѣлилъ своимъ жолнерамъ зимнія квартиры, ввѣрилъ надъ ними главное начальство племяннику своему, Станиславу Потоцкому, а самъ поспѣшилъ на контрактовую ярмарку въ Кіевъ, чтобы отдать въ аренду нѣкоторыя имѣнія и, „уплативъ старые долги, искать новыхъ кредиторовъ". Это его собственныя слова.

Можновладные паны были постоянно въ долгахъ, исключая такихъ „доматоровъ", какимъ былъ князь Василій, и это не отъ страсти къ роскоши, въ которой обвиняютъ ихъ у насъ поголовно. Они были государи въ своихъ владѣніяхъ, и несли государственные расходы не только по дѣламъ военнымъ, политическимъ, административнымъ, но и по дѣламъ народнаго просвѣщенія. Имъ дорого стоила независимость, которой завидовали мелкіе шляхтичи и козаки, а еще дороже—та зависимость, въ которой они были принуждены держать своихъ вассаловъ, во что бы то ни стало. Обширныя владѣнія принадлежали имъ только юридически. За громкіе титулы и за вліяніе въ Посольской и въ Сенаторской Избахъ они нуждались въ деньгахъ больше своихъ поссессоровъ, и подвергались такимъ безпокойствамъ, какихъ не зналъ ниодинъ изъ ихъ кліентовъ.

Въ то время, какъ панегиристы свивали Потоцкому вѣнки безсмертной славы, онъ видѣлъ всю шаткость устроеннаго имъ компромисса съ козаками и все безсиліе свое довершить побѣду, отъ которой зависѣла цѣлость республики. По выраженію современнаго наблюдателя Украины, умиротворенные и приведенные къ сознанію своего долга козаки смотрѣли на жолнеровъ такъ покорно, какъ волкъ, по-

павшій въ западню. Между тѣмъ въ новыхъ осадахъ надъ Ворскломъ, въ этихъ „разсадникахъ козацкихъ бунтовъ“, какъ называлъ ихъ самъ Потоцкій, сидѣли люди, бѣжавшіе изъ старыхъ слободъ послѣ паденія Павлюка и Скидана. Въ порубежныхъ московскихъ городахъ также было много козаковъ, пріютившихся до новаго случая „варить съ Ляхами пиво“. Потоцкій сознавалъ необходимость идти на Ворскло, въ притоны мятежной черни, прямо изъ-подъ Боровицы, тѣмъ болѣе, что для всего войска въ голодной и обобранной Украинѣ не хватало сытныхъ стоянокъ, но не пошелъ потому, что не осмѣлился сдѣлать этого безъ разрѣшенія короннаго великаго гетмана; а коронный великій гетманъ не могъ дать ему разрѣшенія потому, что Варшава понимала вещи иначе, не такъ какъ тѣ, которыя по самому положенію своему въ виду козацкихъ и татарскихъ кочевьевъ, чуяли, откуда придетъ великая бѣда для государства.

Король, между тѣмъ, продолжалъ мечтать о Турецкой войнѣ, и давалъ завистникамъ короннаго гетмана надежный способъ останавливать его распоряженія относительно козаковъ. Легкомысленно зловредные люди не хотѣли принять во вниманіе, что эта была та пора года, въ которую представлялась возможность подавить окончательно козацкій мятежъ. Отложить расправу съ бунтовщиками до весны—значило увеличить ихъ военныя средства въ сто кратъ.

Потоцкій понималъ это лучше, нежели кто-либо другой, и въ письмѣ къ Конецпольскому говорилъ, что необходимо разогнать скопища черни изъ новыхъ осадъ, пока у него подъ рукой войско, и пока не наступила весна; а его походный капелланъ, въ дневникѣ похода, объяснилъ намъ, почему именно слѣдовало предупредить наступленіе весенняго времени. „Военные люди“, пишетъ онъ, „прибѣгаютъ къ разнообразнымъ средствамъ для торжества надъ непріятельскими силами. Одни возлагаютъ свои надежды на стѣны и окопы, другіе на запасы и огнестрѣльное оружіе; но надежды и мужество козаковъ, живущихъ на Дону и на Днѣпрѣ, поддерживаютъ вода, рѣка, болото. Гдѣ у козака нѣтъ болота или яра, тамъ ему бѣда. Много можетъ онъ сдѣлать при этихъ условіяхъ; много у него тутъ искусства, мужества. Въ противномъ случаѣ онъ—глухой нѣмецъ, ничего не умѣетъ, и гибнетъ, какъ муха. Потому-то зима—жестокій врагъ его: зимой нельзя ужъ ему ни рыть окоповъ, ни уходить водою. Плохо ему воевать въ эту пору года. Но весна, лѣто и отчасти осень—это его хлѣбъ, его скарбъ, его достатки и всяческая фортуна“.

Но землевладѣльческая, хозяйственная Украина была въ восторгѣ отъ быстрыхъ успѣховъ Потоцкаго, и всѣхъ больше радовался

самъ великій коронный гетманъ, Станиславъ Конецпольскій. На его колонизаторскій взглядъ, Потоцкій сдѣлалъ для общаго блага столько же, сколько, на взглядъ Ѳомы Замойскаго, сдѣлалъ, въ отсутствіе Конецпольскаго, Стефанъ Хмельницкій, и даже больше. Чуждый того славолюбія, который заставляетъ быть скупымъ на похвалы товарищу, онъ объявилъ, что полевой коронный гетманъ великимъ своимъ подвигомъ проложилъ себѣ дорогу не только къ высшимъ наградамъ изъ королевской руки, но и къ безсмертной славѣ, которая не умолкнетъ" (прибавилъ онъ съ безсознательной ироніей) „дот ѣхъ поръ, пока будетъ существовать Рѣчь Посполитая".

Одно только десятилѣтіе суждено еще существовать славолюбивой республикѣ шляхты до того роковаго момента, когда она, вмѣстѣ съ нынѣшнимъ побѣдителемъ, пала во прахъ передъ козакотатарскою ордою, чтобы не встать уже изъ своего позорнаго упадка.

Въ Кіевѣ предводителя козаковъ и творца широкой, небывалой еще въ Королевской Землѣ казни встрѣтили мѣщане и шляхта со всевозможною торжественностію. Кіевскіе мѣщане вѣчно враждовали съ окрестными помѣщиками въ силу стариннаго антагонизма между городскимъ и сельскимъ населеніемъ, вѣчно съ ними тягались, какъ и другіе города, за обширныя нѣкогда мѣщанскія займища, но въ козатчинѣ видѣли они такое же разлагающее начало общественной и экономической жизни, какъ и хозяйственная шляхта. Они привѣтствовали Потоцкаго искренно.

Съ одинаковой искренностью привѣтствовалъ его и митрополитъ Петръ Могила, въ качествѣ архипастыря, но нуждающагося больше въ козацкихъ „слезныхъ мольбахъ объ успокоеніи древней греческой церкви", и въ качествѣ хозяина, терпѣвшаго въ наслѣдственныхъ и ранго-церковныхъ имѣніяхъ своихъ козацкія буйства наравнѣ съ экономистами свѣтскими. Могила поспѣшилъ поздравить коронаго полеваго гетмана съ побѣдой у него на дому, а могилинскіе коллегіанты сочинили въ честь кумейскаго героя латинскую орацію, превративъ Павлюка въ Катилину.

Въ слѣдующее затѣмъ утро, схваченные за Днѣпромъ бунтовщики, Кизимъ и его сынъ, были посажены на колъ среди кіевскаго рынка, а ихъ сообщнику, Кущу, отрублена голова. Павлюка и Томиленка Потоцкій отослалъ въ Варшаву.

По праву побѣдителя, онъ отправилъ въ свои замки взятыя у козаковъ пушки, въ числѣ которыхъ находились и заслуженныя нѣкогда козаками у нѣмецкихъ императоровъ. На одной изъ нихъ была надпись: Ferdinandus me fecit (можетъ быть, памятникъ пораженія,

въ сообществѣ лисовчиковъ, чешскихъ утраквистовъ); на другой: Rudolphus Secyndus Imper.; на третьей: Rudolphus Secundus Imperator, Bogemiae Rex etc.; на четвертой была арабская надпись; на пятой не было никакой надписи. Шестую пушку Потоцкій возвратилъ кіевской мѣщанской муниципіи, такъ какъ она была изъ числа кіевскихъ, захваченныхъ козаками на Кодакѣ; седьмую подарилъ своему сподвижнику, коронному стражнику Лащу Тучапскому, а восьмую позволилъ удержать у себя реестровикамъ.

Но безпокойства, возникшія за Днѣпромъ, показывали, что торжество противниковъ козатчины было преждевременное. Королевскіе коммиссары, Адамъ Кисѣль и Станиславъ Потоцкій, съ нетерпѣніемъ дожидались вѣрныхъ вѣстей изъ Запорожья. Туда давно уже было послано нѣсколько чигиринскихъ козаковъ съ универсаломъ, который объявлялъ о пораженіи бунтовщиковъ подъ Кумейками, объ осадѣ Боровицы, о выдачѣ Павлюка и Томиленка съ двумя другими козацкими вождями, и приглашалъ всѣхъ, кто дорожитъ козацкимъ званіемъ, покориться правительству, по примѣру городовыхъ реестровиковъ. Посланцы не возвращались. Отправлены были другіе,—и другіе пропали безъ вѣсти.

Между тѣмъ по Украинѣ разнесся слухъ, что Скиданъ и Чечуга собрали вокругъ себя тысячъ пять отважныхъ людей на днѣпровскихъ островахъ, и готовились къ морскому походу по первой весенней водѣ, съ тѣмъ, чтобы, вернувшись изъ похода, вторгнуться въ королевскія и панскія имѣнія. Поразили эти слухи Кисѣля и Станислава Потоцкаго, тѣмъ болѣе, что, какъ они писали, „еще не слеглись могилы кумейскія, и въ нѣдрахъ Украины сидѣли творцы этихъ могилъ, готовые подавить всякое волненіе черни“.

Но причины глухаго вниманія окозаченной массы были очевидны. Съ одной стороны наши монахи, пугаемые сомнительными дѣйствіями Петра Могилы и подстрекаемые партіею Копинскаго, готовились уходить за московскій рубежъ со всею движимостью и даже съ монастырскими крестьянами, чтобы спастись отъ насильственнаго обращенія въ унію и латинство. Съ другой, раздраженное козацкими разбоями и святотатствами католическое духовенство, предупреждая событія, хвалилось недалекимъ торжествомъ „истинной“ вѣры надъ греческою схизмою, и ободряло такое же бравурство со стороны расквартированныхъ по Заднѣпрію жолнеровъ, которые, въ своихъ попойкахъ и въ дракахъ съ козаками, являлись борцами за католичество, тогда какъ наши пьяницы горланили про свое „благочестіе“.

Сидящіе на кольяхъ мертвецы отнюдь не уменьшали раздраженія ни въ духовенствѣ, ни въ мірянахъ,—тѣмъ болѣе, что настроенные своими исповѣдниками жолнеры указывали на нихъ православникамъ, какъ на вывѣску зловредной схизмы. На свою бѣду, ксендзы и ярые паписты вообще своими розсказнями дѣлали изъ казненныхъ злодѣевъ, въ глазахъ нашей черни, праведныхъ мучениковъ. Во многихъ городахъ, козацкія головы, выставленныя на позорныхъ столбахъ, среди рынка, неизвѣстно какъ исчезали. Розыски и допросы по такимъ случаямъ вели вовсе не къ тому, къ чему были направляемы. Но королевскіе коммиссары поняли это только весною 1638 года. Покамѣстъ, они все еще надѣялись уладить дѣло посредствомъ преслѣдованія строптивыхъ и благосклоннаго обращенія съ людьми покорными.

Произведя тщательную ревизію по всѣмъ семи полкамъ, такъ чтобы никто не вписался подъ именемъ убитаго, или чтобы сынъ падшаго бунтовщика не занялъ мѣста своего отца, коммиссары открыли, что число реестровиковъ убыло съ прошлаго года всего только на 1.200. Реестровики воспользовались этимъ открытіемъ, чтобы весь бунтъ взвалить на выписчиковъ, которые де насильно вовлекли ихъ въ войну съ панами. „Нѣтъ“, отвѣчали имъ коммиссары, „мужики не бунтовали бы, когда бы вы ихъ къ тому не подстрекали. Поднявши мужиковъ, одни изъ васъ поджидали дома, какъ имъ послужитъ счастье, а другіе, явившись на коняхъ подъ Кумейками, разбѣжались въ нашихъ глазахъ“.

Уличенные въ недавней измѣнѣ реестровики кричали, что не желаютъ больше подвергаться кровавой карѣ и докорамъ изъ-за измѣнниковъ и своевольниковъ и дали новую торжественную присягу въ томъ:

чтобы не измѣнять правительству и не поднимать на него руки;

не посягать на жизнь старшинъ, и не сзывать козаковъ въ черную раду;

не ходить за Пороги и на Черное море безъ воли коронныхъ гетмановъ, сжечь всѣ чайки и истреблять всѣхъ бунтовщиковъ.

Послѣдняя статья присяги была всего важнѣе для правительства. Немедленно были разосланы приказанія схватить мятежниковъ, укрывающихся въ Полтавщинѣ, и въ томъ числѣ славнаго въ нашихъ лѣтописяхъ Остряницу. Но Остряница подкупилъ и мѣстныхъ урядниковъ и прикомандированныхъ къ нимъ козаковъ. Его представили умирающимъ, даже покойникомъ, и дали ему возможность выйти за московскій рубежъ со всѣмъ родомъ своимъ и со всѣми своими соумышленниками, причемъ бунтовщики угнали въ придонецкія пу-

стыни и всю слободу, въ которой гнѣздились. А сыщики, понадѣлавши тревоги среди мѣстнаго населенія и вынудивъ у многихъ зажиточныхъ людей окупъ, расположили умы вовсе не въ пользу правительства.

Между тѣмъ коммиссары, воображая, что рѣшимость козаковъ разорвать связи съ мятежниками, не уступитъ новымъ соблазнамъ, отправили ихъ на Запорожье, подъ начальствомъ Ильяша Караимовича и полковника коронаго войска, Мелецкаго, придавъ послѣднему значеніе королевскаго коммиссара. Въ городахъ оставили на стражѣ только по сотнѣ козаковъ изъ каждаго полка. Полки Чигиринскій и Бѣлоцерковскій предназначались оставаться за Порогами для содержанія очередной стражи; но голодъ не позволялъ собрать съѣстныхъ припасовъ разомъ на все время очередной стоянки, то есть на три мѣсяца, и потому было приказано имъ явиться подъ Крыловъ только въ половинномъ составѣ.

Прибывъ къ ознаменованному уже Павлюковщиною Микитину Рогу, гдѣ кочевала запорожская вольница, Мелецкій послалъ въ Сѣчь универсалъ, приглашавшій проживающихъ тамъ реестровиковъ воспользоваться королевскою милостью, по примѣру ихъ украинскихъ братій, а окозаченной черни, бѣжавшей изъ королевскихъ и панскихъ имѣній, дозволявшій свободно вернуться домой со всею своею добычей. Въ противномъ случаѣ универсалъ грозилъ лишить жизни оставленныхъ ими въ Украинѣ женъ и дѣтей.

Сколько извѣстно изъ актовыхъ книгъ и другихъ точныхъ свидѣтельствъ, подобныя угрозы никогда не были приводимы въ исполненіе; но они давали такое убѣдительное основаніе для сочинителей ложныхъ слуховъ о ляшеской тираніи, что эти слухи и теперь еще кажутся справедливыми людямъ несвѣдущимъ и несообразительнымъ.

Въ настоящемъ случаѣ они оправдывали распространяемые умышленно за Порогами разсказы объ избіеніи козацкихъ поселеній въ Корсуни и другихъ городахъ и селахъ по рѣкѣ Роси. Озлобленные и безъ того сѣчевики приняли универсалъ Мелецкаго съ яростью, изорвали въ клочки, и приковали посланцевъ къ пушкамъ.

Прождавъ нѣсколько дней отвѣта въ своемъ станѣ, Мелецкій нашелъ однажды утромъ на берегу Днѣпра угрожающее письмо. Оно подѣйствовало, точно чары, на реестровиковъ, боявшихся запорожскаго террора пуще всякой грозы со стороны правительства. Реестровики перебѣгали въ Сѣчь толпами, а въ станѣ Мелецкаго происходило такое волненіе, что онъ и его товарищъ Ильяшъ боялись очутиться въ плѣну у собственныхъ подчиненныхъ.

Воду въ Днѣпрѣ между тѣмъ „пустило“, а съ весеннею водою ожили самыя дерзкія надежды запорожской вольницы. Мелецкій отъ 28 февраля (10 марта) писалъ къ Станиславу Потоцкому, чтобъ онъ разослалъ по украинскимъ городамъ предостерегательные универсалы и снабдилъ города стражею, которая бы не пускала къ низовцамъ ни съѣстныхъ припасовъ, ни вспоможеній, „потому что тѣ, которые кочуютъ за Порогами“ (говорилъ онъ), „руководятъ всѣмъ бунтомъ“.

Съ своей стороны Ильяшъ Караимовичъ послалъ гонца „вскачь“ съ универсаломъ ко всѣмъ атаманамъ и товариществу, оставшимся дома, чтобъ они, подъ опасеніемъ смертной казни, до возвращенія войска изъ похода, ниодного человѣка не пускали для рыбнаго промысла ни за Пороги, ни на Донъ, ни на другія рѣчки. Въ то же время онъ умолялъ гетманскаго намѣстника въ Украинѣ, чтобъ онъ приказалъ всѣмъ старостамъ и подстаро́стіямъ удерживать народъ отъ побѣговъ на Запорожье, и не пропускать туда никакихъ съѣстныхъ припасовъ. Онъ былъ увѣренъ, что запорожцы измѣнятъ сами себѣ, когда у нихъ не станетъ чѣмъ питаться.

Станиславъ Потоцкій немедленно разослалъ строгіе универсалы, грозившіе конфискаціей имущества и смертною казнію тѣмъ, кто будетъ посылать на Низъ бо́рошно и другіе нужные для войска припасы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поставилъ сильную стражу въ Чигиринѣ и въ Кременчугѣ, котораго никто не могъ миновать, идучи за Пороги ни водою, ни сухимъ путемъ: ибо тамъ Днѣпръ“ (писалъ онъ въ реляціи) „идетъ уже въ рѣчки“. Одна была бѣда, что на вопросы, какъ поступать здѣсь въ предстоящихъ событіяхъ, отъ коронныхъ гетмановъ получались отвѣты весьма нескоро. Тамъ были свои причины медленности, о которыхъ было неудобно даже выражаться иначе, какъ пословицами.

Между тѣмъ по Украннѣ разнеслась (распущенная, безъ сомнѣнія, съ умысломъ) молва о пораженіи вѣрныхъ правительству козаковъ на Низу, и долетѣла въ одну сторону до пограничныхъ московскихъ воеводъ, которые увѣдомили о томъ своего царя, а въ другую—до коронныхъ гетмановъ. Всего сильнѣе дѣйствовала она на украинскихъ мѣщанъ и мужиковъ, которые страдали отъ жолнерскихъ постоевъ. Охранители безопасности Рѣчи Посполитой, своимъ самоуправствомъ, бравурствомъ, своими упреками въ измѣнѣ, придирками къ заподозрѣннымъ людямъ ради подарковъ и въ особенности „непочестными рѣчами“ съ женщинами (въ которыхъ издавна были грѣшны и запорожцы) накликали на свое государство опасность горше прежней.

Кто прежде и не думалъ бунтовать, и тотъ желалъ теперь низовцамъ успѣха, склонялъ въ ихъ пользу мнѣніе близкихъ къ себѣ людей, и уходилъ за Пороги отъ дѣйствительной или кажущейся бѣды. Озлобленныхъ людей въ Украинѣ прибавлялось; расположенныхъ въ пользу порядка и закона уменьшалось. Передъ жолнерами и мѣстными властями всѣ сохраняли видъ покорности. Передъ вѣчистыми панами, старостами, державцами и дозорцами разныхъ имѣній чернорабочіе не высказывались. Но бѣгство на Запорожье усиливалось; безпокойство шляхетскаго сословія вмѣстѣ съ духовными папистами возрастало, и, можно сказать, въ самомъ воздухѣ ощущалось уже дыханіе новаго бунта.

Возвращеніе реестровиковъ изъ похода не возстановило въ простомъ народѣ ни охоты къ мирнымъ занятіямъ, ни увѣренности, что села и города, объѣдаемые жолнерами, не подвергнутся мстительному набѣгу Запорожцевъ. Тревожные слухи предупреждали событія. Начальники военныхъ отрядовъ, разбросанныхъ по зимнимъ стоянкамъ между Нѣжиномъ и Чигириномъ, бросались опрометью защищать пограничье отъ вторженія козацкой орды. Но козацкая орда нигдѣ, покамѣстъ, не появлялась.

Въ началѣ апрѣля, Станиславъ Потоцкій получилъ извѣстіе, что за Ворсклом собралось до 3000 низовцевъ, и покушается на пограничную отъ Московскаго царства крѣпость Гадячъ, чтобъ овладѣть тамошними пушками. Гадячскіе урядники умоляли Потоцкаго спасать ихъ городъ. Потоцкій поднялъ на ноги всѣ свои хоругви; велѣлъ и Ильяшу двинуться съ реестровиками къ Гадячу. Но оказалось, что нѣсколько десятковъ козаковъ, бѣжавшихъ за московскій рубежъ, угнали въ Вишневетчинѣ стадо рогатаго скота, и вѣсть объ этомъ, переходя изъ устъ въ уста, выросла до громадныхъ размѣровъ.

Но въ отсутствіе Станислава Потоцкаго, Нѣжинъ обнаружилъ, что въ немъ есть люди, готовые затѣять новый бунтъ. На рынкѣ передъ замкомъ, выставлено было на столбахъ нѣсколько козацкихъ головъ. Ночью кто-то снялъ эти головы, и замковая сторожа слышала, какъ бунтовщики, вмѣсто бубновъ, стучали въ пустыя бочки. По слухамъ, въ ту же ночь собралось 200 гультаевъ, и вышли было на грабежъ панскихъ имѣній, но, заслышавъ о возвращеніи Потоцкаго, вернулись въ городъ „мелкими червячками“. Вслѣдствіе розысковъ о похищенныхъ головахъ и злонамѣренныхъ гультаяхъ, было набито биткомъ три тюрьмы подозрительнымъ народомъ. Неизвѣстно, какъ съ этимъ народомъ поступлено, но достойно замѣчанія, что одинъ при-

ходскій дьякъ, обвиненный въ похищеніи козацкихъ головъ, оправданъ только потому, что присягнулъ въ своей неповинности.

Адамъ Кисѣль ѣздилъ въ это время въ Варшаву на сеймъ, передъ который былъ представленъ знакомый уже сеймующимъ панамъ Павлюкъ вмѣстѣ съ Томиленкомъ и еще двумя соучастниками козацкаго бунта, которыхъ имена остаются намъ неизвѣстными. Кисѣль напрасно твердилъ земскимъ посламъ и сенаторамъ, что эти старшины выданы за его ручательствомъ; напрасно предостерегалъ, что ихъ казнь породитъ недовѣріе къ представителямъ правительственной власти, и раздражитъ козаковъ пуще прежняго. Его не слушали, ходатайства его не уважили. Слухи о сожженныхъ костелахъ, о поруганіи священныхъ сосудовъ и аппаратовъ, объ избіеніи апостоловъ „единой спасающей церкви“ вмѣстѣ съ тѣми, которые оставили невѣжественную Наливайкову секту и волчью религію ради вѣры, вносящей въ общество просвѣщеніе и человѣчность,—эти слухи дали римской партіи рѣшительный перевѣсъ надъ польскою и русскою,—клерикаламъ католикамъ надъ протестантами и дизунитами,—иноземному фанатизму надъ національною терпимостью. Общественное мнѣніе правительственной шляхты было слишкомъ сильно раздражено противъ козаковъ. Самъ король, помиловавшій Павлюка по просьбѣ короннаго канцлера, долженъ былъ теперь согласиться съ рѣшеніями національнаго собранія, каковы бы они ни были. Поэтому онъ утвердилъ и всѣ прочія мѣры принятыя сеймомъ для предупрежденія козацкихъ бунтовъ на будущее время.

Реестровые козаки представили королю и его раднымъ панамъ просьбу о возвращеніи прежнихъ правъ, которыя, по ихъ словамъ, были имъ пожалованы за ихъ „кровавыя услуги“. Они просили также о защитѣ козацкихъ вдовъ отъ притѣсненій украинскихъ урядниковъ, и жаловались на коронпаго стражника, Лаща Тучапскаго, завладѣвшаго тремя селами Трахтомировскаго монастыря, да на кіевскаго земскаго писаря, православнаго пана Проскуру, присвоившаго четвертое село того же монастыря. „Упомянутая церковь Божія“, сказано было въ козацкой инструкціи на сеймъ, „терпитъ множество обидъ отъ этихъ двухъ пановъ, и потому послы должны горячо и со слезами просить его королевскую милость, чтобы всѣ оныя села были возвращены“.

Но на горячія просьбы послѣдовалъ холодный отвѣтъ, или вѣрнѣе—выговоръ, въ которомъ, между прочимъ, сказано, что козачество не вырвано съ корнемъ только по особенной сердечной добротѣ его

королевской милости. А въ сеймовой конституціи 1638 года о козакахъ постановлено слѣдующее:

„..... разгромивъ ихъ и отвративъ отъ Рѣчи Посполитой imminens periculum, *) отнимаемъ у нихъ на вѣчныя времена всѣ ихъ давнія юрисдикціи, почетныя званія, прерогативы, доходы и иныя отличія, заслуженные ими отъ нашихъ предковъ, а нынѣ утраченные ихъ бунтомъ, и будемъ считать уцѣлѣвшихъ отъ гибели на войнѣ поспольствомъ, обращеннымъ въ мужиковъ.

Что касается трахтомировскихъ селъ, то они не только не возвращены козакамъ, напротивъ, сеймовая конституція назначила особыхъ коммиссаровъ, которые бы сдѣлали розыскъ, что отнято козаками у шляхты въ сосѣдствѣ Трахтомирова, и все то возвратить старымъ владѣльцамъ.

Жестоко отомстили козаки правительствующей шляхтѣ въ томъ же году за ея строгость; но ихъ тайные сообщники, попы и монахи, безсильные въ борьбѣ съ панами современниками, надѣлали еще горшей бѣды панскимъ потомкамъ. Они въ своихъ лѣтописяхъ заставили польскихъ пановъ, на варшавскомъ сеймѣ 1638 года, казнить съ Нероновскою свирѣпостью тѣхъ козаковъ, которые въ то самое время угоняли въ Московщину полтавскихъ слобожанъ, потомъ пытались, какъ увидимъ, повторить въ Украинѣ Павлюковщину и, наконецъ, были побиты товарищами въ домашнихъ дракахъ за рубежемъ Королевской Земли. Лѣтописные ужасы переходили въ видѣ историческихъ фактовъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, воспроизводились литературными талантами въ стихахъ и въ прозѣ, давали работу казуистикѣ русскихъ историковъ, и воспитывали въ русскомъ обществѣ умственную козатчину, которая до сихъ поръ не перестала дѣйствовать на множество честныхъ и добрыхъ отъ природы сердецъ крайне зловредно.

Въ дѣйствительности казненъ былъ за бунты 1637—1638 года только Павлюкъ съ тремя его сообщниками, но ихъ не терзали инквизиторски, какъ это было нужно украинскимъ лѣтописцамъ. Правда, злой геній Польской націи, воплотясь въ какого-то ксендза, предлагалъ сейму своею возбудительною брошюрою—надѣть Павлюку на голову раскаленную желѣзную корону и дать въ руки раскаленный желѣзный скипетръ. Но позорный для государства и общества ксендзовскій проектъ былъ отвергнутъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что преступникамъ отсѣкли головы и взоткнули на колья.

---

*) Погибельную опасность.

Между тѣмъ погибельная для Польши мысль, заявленная первымъ возмутителемъ козачества, Криштофомъ Косинскимъ, продолжала свое темное дѣло въ козацкой средѣ. Враги польской гражданственности дѣлали новыя попытки уничтожить ее съ помощью своихъ товарищей по ремеслу, Татаръ.

Преемникъ Павлюка, геніальный варваръ Димитрій Гуня, еще въ февралѣ 1638 года, просилъ помощи у ханскаго соправителя, султанъ-калги, противъ своихъ „непріятелей“, готовящихся, какъ онъ зналъ, къ походу на Запорожье. Но въ помощи ему, какъ и Павлюку, было отказано, потому что козаки, которыхъ крымскій ханъ въ своей жалобѣ королю назвалъ „пограничными“, панами на егоословъ между Бѣлгородомъ и Очаковомъ, на урочищѣ Кочубей (гдѣ нынѣ Одесса) и двоихъ убили, а двоихъ взяли въ неволю.

Получивъ отказъ въ Крыму, запорожцы звали къ себѣ на помощь Донцовъ. Но въ это время Донцы, вмѣстѣ съ 6.000 выписчиковъ, которые пробирались на службу къ персидскому шаху, овладѣли Азовомъ, и были въ немъ осаждены Турками. По выраженію походнаго капеллана Николая Потоцкаго, „козаки готовы были взывать о помощи даже къ Плутону, лишь бы только воскресить свою славу, погребенную подъ Кумейками, и спасти свою честь, придавленную намогильнымъ курганомъ“. Не являлись къ нимъ на помощь ни мусульманскіе, ни христіянскіе товарищи по ремеслу. Пришлось еще однажды стоять съ новобранцами-гультаями противъ пановъ.

Въ первой половинѣ апрѣля 1638 года запорожцы приплыли челнами въ Кременчугъ, а сухимъ путемъ, подъ предводительствомъ Скидана-Гудзана, явились неожиданно въ Чигиринѣ (два стратегическіе пункта, замѣнявшіе панамъ Кодакъ). Еще вѣсть объ этомъ не дошла до ближайшей жолнерской стоянки, Иркліева, какъ Максимовка, Пива, Черная Дуброва, вмѣстѣ съ Кременчугомъ, были заняты выписчиками, и панское добро въ этихъ новыхъ осадахъ было обращено въ войсковую собственность.

Въ Пивахъ, одинъ изъ украинскихъ монаховъ, названный въ реляціи „добрымъ шляхтичемъ“, попалъ случайно между торжествующихъ козаковъ, и видѣлъ, какъ Скиданъ переправлялся на Татарскую сторону Днѣпра, везя съ собой связаннаго чигиринскаго полковника. Монахъ узналъ, что у козаковъ на байдакахъ пять пушекъ, вывѣдалъ объ ихъ намѣреніяхъ, выкрался отъ нихъ, и далъ знать жолнерамъ, стоявшимъ въ Иркліевѣ, что козаки хотятъ ударить на нихъ всѣми своими силами, потомъ идти на Переяславъ и перехватать поставлен-

ную коронными гетманами козацкую старшину, какъ это сдѣлалъ въ прошломъ году Павлюкъ.

Нашествію новыхъ Торковъ и Берендеевъ, Черныхъ Клобуковъ, предшествовали распущенныя ими вѣсти о гоненіяхъ, претерпѣваемыхъ украинскими жителями отъ своихъ постояльцевъ, жолнеровъ, за то, что держатся старой греческой вѣры, и за ихъ русское происхожденіе.

Хотя жолнеры не наругались ни надъ одной церковью, и заключали въ своемъ личномъ составѣ множество, если не большую часть, людей православнаго исповѣданія, но жители какого-нибудь Нѣжина вѣрили, что въ Прилукѣ, Ромнѣ, или Лубнахъ совершаются такія-то насилія, святотатства, кощунства, а въ этихъ городахъ разсказывали то самое про Нѣжинъ. Этимъ способомъ пропаганда ненависти къ такъ называемымъ *панамъ Ляхамъ* усиливалась по мѣрѣ того, какъ она представляла выгоды для тѣхъ, которые были себѣ на умѣ, и въ мутной водѣ ловили рыбу.

Представители польскихъ порядковъ среди малорусскаго хаоса были обречены бороться, можно сказать, съ воздухомъ, наполненнымъ заразительными міазмами вражды, которую породили сперва тѣ, кого они признавали своими просвѣтителями, а потомъ и тѣ, кого они отверглись за отсутствіе у нихъ наукъ и за „умножившееся у нихъ отъ того грубіянство“. Вотъ въ чемъ собственно заключалось трагическое польскопанской усобицы, а вовсе не въ томъ, кто кого побивалъ, или вырѣзывалъ до ноги. Это была не столько видимая борьба людей съ людьми, сколько незримый бой боговъ съ богами,—боговъ, посягающихъ взаимно на приносимыя имъ жертвы, и, для достиженія эгоистическихъ цѣлей своихъ, не колеблющихся съ обѣихъ сторонъ въ выборѣ средствъ.

Въ Иркліевѣ и въ Переяславѣ были приняты всѣ мѣры предосторожности со стороны жолнеровъ и оставшихся вѣрными правительству реестровиковъ. По слухамъ, низовыхъ козаковъ накопилось уже до шести тысячъ. Было получено извѣстіе, что 2.000 мятожниковъ переправились у Кременчуга черезъ Устье Пела и пошли, какъ можно было догадываться, къ Хоролу и Миргороду.

Между городами, охраняемыми коронными и козацкими отрядами, сообщеніе сдѣлалось затруднительнымъ, и отъ этого распускаемые запорожцами слухи дѣйствовали на приверженцевъ правительства еще тревожнѣе. Было слышно, что атаманъ Сухій стоитъ надъ Сулою въ Жовнинѣ, верстахъ въ 20 отъ Иркліева. Между тѣмъ знали, что козаки Гуни овладѣли четырьмя перевозами черезъ Днѣпръ, именно: въ

Кременчугѣ, Максимовкѣ, Бужинѣ и Чигринъ-Дубровѣ, или Черной Дубровѣ. То же самое старались они сдѣлать и по всему Днѣпру, чтобы прервать сообщеніе между коронными гетманами и ихъ украинскимъ войскомъ.

Шляхта боялась, чтобы низовцы не подплыли къ Кіеву, и не овладѣли стоявшею тамъ коронною артиллеріею. Положеніе жолнеровъ, квартировавшихъ въ Украинѣ, представлялось отчаяннымъ. Край былъ до того голоденъ, что охранители городовъ больше страшились осады, нежели приступа. Подвергаясь лишеніямъ, жолнеры тѣмъ безцеремоннѣе обирали мужиковъ, и этимъ вооружили противъ себя все простонародье, можетъ быть, еще больше, чѣмъ измышленнымъ на ихъ счетъ поруганіемъ церквей, до котораго не допустилъ бы ихъ ниодинъ изъ тогдашнихъ ротмистровъ, питомцевъ Конецпольскаго. Теперь имъ предстояла расплата за всякую курицу, что была принуждена сготовить своему постояльцу жена какого-нибудь сіромахи, которому волей и неволей пришлось на Запорожьѣ „луги потирàти, своймъ тіломъ комарівъ, якъ ведмѐдівъ, годувати“. Теперь предстояло имъ сводить съ козаками счеты за всѣ ласки, похищенныя у ихъ женъ и дочерей насиліемъ, или соблазномъ. Постонародная память сохранила въ кобзарскихъ думахъ до нашего времени память объ этомъ наравнѣ съ ненавистными козакамъ жидовскими арендами и съ козацкими вымыслами о поруганіи церквей.

Предчувствуя бѣду, жолнеры каялись, что, имѣя въ виду зимнюю стоянку, записались въ квартяное войско до самаго лѣта. „Мудрено воевать съ непріятелемъ“, разсуждали они, „который, если только захочетъ, легко можетъ увеличить силы свои,—которому ничего не стоитъ добыть себѣ оружіе, и котораго не вдругъ испугаешь, когда у него есть хоть небольшая защита—какая-нибудь заросль, или болото. Не даромъ говорятъ: берегись примиреннаго врага! а нашъ врагъ умѣетъ выдержать татарскія атаки, привыкъ переносить жажду и голодъ, зной и стужу, неутомимъ въ нападеніяхъ, и не остановится даже передъ нидерландскими батареями, парапетами, валами и шанцами. А на морѣ что онъ дѣлаетъ! Посреди волнъ нападаетъ легкими чайками своими на суда, искусныя въ чужеземныхъ оборотахъ, и побѣждаетъ всѣ ихъ военныя хитрости. Изволь воевать съ такимъ непріятелемъ на тощій желудокъ“!

Но козаки, кромѣ самыхъ завзятыхъ, сомнѣвались въ успѣхѣ своего предпріятія. Ихъ предводители, какъ Остряница, вывезли даже своихъ женъ и все свое имущество за московскій рубежъ. Задача ихъ состояла въ опустошеніи, а не въ завоеваніи края; опустошать же

безнаказанно край можно было въ такомъ только случаѣ, когда бы лѣвобережные жолнеры были отрѣзаны отъ правобережныхъ. Для этого предположено было держаться главными силами вдоль „Обычнаго Козацкаго Шляху“ и овладѣть во что бы то ни стало Кіевомъ.

Но привычные къ стройнымъ движеніямъ реестровики, утративъ нѣсколько сотенъ, перебѣжавшихъ къ запорожцамъ, оставались на сторонѣ панской. Въ ополченіяхъ Гуни, Скидана и Остряницы немного было людей, опытныхъ въ военномъ дѣлѣ. Большею частью они состояли изъ новобранцевъ, которымъ старые козаки наобѣщали шубъ, серебра, коней и всякой добычи; а было много въ этихъ ополченіяхъ и такихъ *нетяг*ъ, которыхъ выписчики и взбунтовавшіеся козаки заставили силою участвовать въ войнѣ противъ пановъ. Козацкія купы были вооружены плохо. Значительная часть скидановцевъ имѣла однѣ дубины да косы. Надѣяться на удачное столкновеніе съ коронными силами было нельзя. Приходилось бороться съ жолнерами только выносчивостью, искуснымъ передвиженіями да сидѣньемъ въ недоступныхъ окопахъ.

Захвативъ на Днѣпрѣ переправы, низовцы поплыли байдаками къ Кіеву, а сухопутное войско ихъ открыло свои дѣйствія противъ пановъ между рѣками Псломъ и Ворсклом. Это междурѣчье изобиловало въ то время обширными лѣсами и болотами, которые представляли для козацкой стратегіи множество неприступныхъ позицій. Здѣсь козаки добывали и выпасывали коней для войны. Здѣсь у нихъ были невѣдомыя жолнерамъ пастбища для скота, угоняемаго изъ богатой Вишневетчины. Воюя и вмѣстѣ кочуя по окраинамъ панскихъ владѣній, они усиливали себя новыми бѣглецами, и заготовляли въ лѣсахъ запасы селитры, въ которой жолнеры часто нуждались въ самый разгаръ военныхъ дѣйствій.

Вскорѣ Остряница, вмѣстѣ со Скиданомъ, занялъ городъ князя Вишневецкаго, Голтву, отличавшійся крѣпкой позиціей надъ рѣкой Псломъ. Станиславъ Потоцкій соединилъ главные отряды своего войска и поспѣшилъ на берега Псла. Не было никакой возможности пробиться въ городъ обыкновеннымъ боемъ. Надобно было противъ козацкихъ насыпей сдѣлать собственныя. Запявъ здѣсь непріятеля атакою, Потоцкій устроилъ шанцы противъ города съ другой стороны рѣки, и подъ ихъ прикрытіемъ перебросилъ черезъ рѣку мостъ, по которому пытался вломиться въ Голтву. Козаки оборонялись бѣшено, отбили нападеніе, сожгли мостъ. На другой день снова началась постройка моста, подъ прикрытіемъ нѣмецкихъ эйлеровъ. Предвидя это, козаки переправились ночью въ лѣсъ, завалили дорогу, по которой

могло бы прійти къ Нѣмцамъ подкрѣпленіе, открыли по нимъ изъ-за пней пальбу и, когда Нѣмцы выстрѣляли заряды, истребили всѣхъ до одного.

Въ это время Станиславъ Потоцкій ударилъ всѣми силами на козацкія укрѣпленія. Но, когда жолнеры и реестровые козаки были заняты приступомъ, бунтовщики, засѣвшіе ночью въ байракахъ, ринулись на его станъ. Только превосходство вооруженія и боеваго искусства помогло Потоцкому устоять на позиціи. Онъ отступилъ къ Лубнамъ и рѣшился ждать подкрѣпленія изъ-за Днѣпра.

Остряница и Скиданъ вообразили, что Ляхи намѣрены бѣжать за Днѣпръ, и выступили изъ Голтвы по слѣдамъ Потоцкаго. Они получили вѣсти о движеніи къ нимъ новыхъ козацкихъ купъ, навербовали ихъ тутъ же въ Заднѣпріи, и надѣялись охватить Потоцкаго со всѣхъ сторонъ. Но, къ удивленію своему, наткнулись на Ляховъ, стоящихъ въ боевомъ порядкѣ на лѣвомъ берегу Сулы.

Полагаясь на свою численность, бунтовщики смѣло ударили на Потоцкаго и реестровиковъ. Жолнеры не дрогнули. Ихъ артиллерія и нѣмецкая пѣхота наносили козакамъ сильный вредъ. Конница разорвала таборъ Остряницы и овладѣла двумя стами возовъ. Реестровые козаки, зная, что съ ними будетъ въ случаѣ успѣха бунтовщиковъ, помогали жолнерамъ усердно. Битва кипѣла цѣлый день.

Вечеромъ Остряница выгналъ въ полѣ почти всѣхъ коней, и заставилъ Потоцкаго думать, что къ низовцамъ пришло свѣжее войско. Онъ обратилъ въ ту сторону пушечную пальбу; а Остряница, пользуясь клубами дыма и облаками пыли, началъ отступленіе вверхъ по Сулѣ. Наступившія сумерки спасли его отъ преслѣдованія. Впрочемъ Потоцкій былъ обезсиленъ битвою. Войско его крайне нуждалось въ отдыхѣ. По слѣдамъ Остряницы отправилъ онъ только нѣсколько хоругвей да нѣсколько сотенъ реестровыхъ козаковъ, чтобъ онѣ, какъ выражались Поляки, вѣшались на хвостахъ у непріятеля.

Не успѣлъ Станиславъ Потоцкій привести въ порядокъ свой обозъ и артиллерію, какъ открыто было въ степи больше двухъ тысячъ козаковъ, идущихъ на соединеніе съ Остряницею подъ начальствомъ Путивльца. Добытые языки объявили, что эти козаки навербованы на запорожскомъ пограничьѣ, что въ числѣ ихъ находится 500 донцовъ, что всѣ они хорошо вооружены и большею частью отличные стрѣлки.

Потоцкому удалось захватить это войско въ безводномъ полѣ и, послѣ упорнаго боя, длившагося цѣлый день, принудить къ покорности. Козаки отъ крайней завзятости перешли къ крайней низости:

выдали Потоцкому своихъ вождей, Путивльца и Рѣпку, а сами изъявили готовность сражаться, вмѣстѣ съ реестровиками, противъ бунтовщиковъ. Но жолнеры дотого были раздражены своими потерями, что, во время переговоровъ, бросились на побѣжденныхъ и перебили до остатка, какъ бы въ доказательство, что одни воины стоили другихъ. Уцѣлѣли только тѣ козаки, которые попадали между труповъ и притворились мертвыми.

Эта побѣда еще больше обезсилила Потоцкаго. Теперь онъ совсѣмъ отказался отъ преслѣдованія Остряницы. Зато получилъ возможность подкрѣпить кіевскій замокъ нѣсколькими сотнями реестровыхъ козаковъ и обезпечить такимъ образомъ сообщеніе лѣваго берега Днѣпра съ правымъ.

Низовцы въ это время, подъ предводительствомъ Бардаченка, занимались разрушеніемъ панскихъ замковъ по Днѣпру, опустошеніемъ панскихъ имѣній, вербовкою въ нихъ войска, и опоздали прійти вовремя къ поджидавшимъ ихъ кіевскимъ козакамъ.

Во время осады кіевскаго замка, на нихъ ударилъ неожиданно коронный стражникъ Лащъ, грозный предтеча панскихъ силъ. Кіевъ былъ для низовцевъ потерянъ. Бардаченко держался еще нѣсколько дней на днѣпровскихъ островахъ. Но 20 (30) мая прибылъ къ Днѣпру князь Іеремія Вишневецкій, и Бардаченко поспѣшилъ спуститься къ Черкасамъ.

Между тѣмъ Остряница сзывалъ къ себѣ кабацкую голоту по верховьямъ Сулы, вооружилъ противъ пановъ Роменщину, и съ новымъ „комонникомъ“ (конным войскомъ) отъ Сенчи, что на Сулѣ, пошелъ къ Миргороду; оттуда двинулся на Хоролъ, и, перерѣзавъ степное междурѣчье, остановился подъ Сулой, въ 25 верстахъ ниже Лубенъ, у мѣстечка Лукомья, оттуда разсылалъ козаковъ своихъ малыми купами для пресѣченія сообщеній между городами и для возмущенія мѣстныхъ жителей противъ правительства—то ложными слухами, то приманкою, то тираніею.

Вдругъ получаетъ онъ извѣстіе, что князь Вишневецкій переправляется подъ Кіевомъ черезъ Днѣпръ, въ сопровожденіи сборныхъ панскихъ дружинъ. Онъ отправилъ гонца къ Станиславу Потоцкому съ притворнымъ предложеніемъ покорности, а самъ поспѣшилъ загородить уже и тогда страшному „князю Яремѣ“ путь къ Сулѣ.

Съ своей стороны Скиданъ и войсковой писарь мятежниковъ (на то время уже не Богданъ Хмельницкій) старались ослабить развѣдочную дѣятельность Потоцкаго своими письмами, въ которыхъ выражали раскаяніе низоваго Войска въ поднятомъ бунтѣ.

Но Вишневецкій прошелъ переяславскія степи скорѣе, чѣмъ козаки разсчитывали, и привелъ въ Лубны 4000 хорошо вооруженныхъ воиновъ съ 15-ю легкими пушками.

Остряница попалъ самъ въ такое положеніе, въ какое хотѣлъ поставить князя Ярему. Всѣ коронныя силы двинулись противъ него къ рѣчкѣ Слѣпороду. Бросивъ на мѣстѣ часть походныхъ возовъ своихъ, Остряница поспѣшилъ вернуться въ Лукомье.

Между тѣмъ отряды мятежниковъ, призванные Остряницею для пораженія князя Яремы на его походѣ, одинъ за другимъ сталкивались въ долинѣ рѣчки Слѣпорода съ превосходными силами своихъ противниковъ. Гонитва за добычниками отняла у коронныхъ вождей цѣлыя сутки, и спасла Остряницу отъ дальнѣйшихъ потерь.

Воображая, что за нимъ гонятся Ляхи въ полномъ своемъ составѣ, этотъ герой лѣтописныхъ вымысловъ уже готовился бѣжать съ комонникомъ своимъ за московскій рубежъ. Но пѣшіе гультаи заставили его идти внизъ по Сулѣ къ Днѣпру на соединеніе съ низовцами. Сильный отрядъ, оставленный имъ для защиты лукомской переправы, задержалъ наступленіе Станислава Потоцкаго и князя Вишневецкаго лишь на короткое время.

Ведя передовые полки, князь Іеремія догналъ Остряницу въ двухъ миляхъ отъ Днѣпра, ниже мельницъ села Жовнина, лежащаго на правомъ берегу Сулы. Остановился тогда Остряница, и началъ отабориваться. Мѣстность ему благопріятствовала, потому что Сула, вмѣстѣ съ лѣвобережнымъ своимъ притокомъ, составляла „вилы“, въ которыхъ онъ былъ защищенъ водою, болотомъ и зарослями съ трехъ сторонъ: позиція истинно козацкая.

Не давая Остряницѣ построить возы въ боевой порядокъ, Вишневецкій стремительнымъ напоромъ сбилъ козацкую пѣхоту, прикрывавшую постройку возоваго табора. Панская конница вломилась въ таборъ, и разорвала его надвое. Всѣ козацкіе возы съ порохомъ, всѣ съѣстные припасы и четыре пушки очутились въ рукахъ у князя Яремы. Напрасно комонникъ, предводимый Остряницею, усиливался возвратить эту страшную потерю. Козаки по всему табору были опрокидываемы.

Надъ Остряницей развивался уже только одинъ бунчукъ. Часть козацкой пѣхоты, выбитая изъ возовой крѣпости, начала окапываться надъ водой въ зарослп. Часть козацкой конницы, разорванной на отдѣльныя купы, перебралась черезъ Сулу, и бѣжала къ Днѣпру по правому берегу. Остряница вообразилъ, что все потеряно, бросился съ остальнымъ комонникомъ вплавь черезъ притокъ Сулы, и спасался

бѣгствомъ къ московскому рубежу, гдѣ этого дерзкаго и трусливаго добычника ждала безславная смерть въ домашней дракѣ съ козаками.

Но потеряно было еще далеко не все. Въ козацкомъ вагенбургѣ находились люди, не теряющіеся ни въ какой опасности,—люди, доказавшіе своими дикими доблестями высокую талантливость племени, которому не доставало только благопріятныхъ обстоятельствъ для участія въ благороднѣйшихъ трудахъ человѣчества. Они обладали великимъ искусствомъ—удержать войско отъ начавшейся паники и, въ моментъ пораженія, поставить оробѣлыя дружины въ боевой порядокъ. Славу этого весьма и весьма рѣдко встрѣчаемаго въ военной исторіи подвига польскіе ротмистры приписываютъ, въ настоящемъ случаѣ, запорожскимъ полковникамъ Кудрѣ и Пештѣ.

Оставивъ кипящую внутри табора битву, Кудря и Пешта выдвинули въ поле ряды возовъ на подобіе клешней рака, и сомкнули ихъ позади жолнеровъ. Почти всѣ хоругви, вломившіяся въ козацкій таборъ, очутились въ немъ запертыми. Панскія знамена падали одно за другимъ подъ козацкими ударами. Пробиться обратно сквозь возы не было никакой возможности. Къ счастью пановъ, князь Вишневецкій не попалъ въ западню, и съ наружной стороны старался разорвать сомкнутые цѣпями возы. Два раза наступалъ онъ на замкнутый таборъ. Козаки густо и мѣтко стрѣляли изъ-за возовъ. Наемные Венгры, драгуны и выбранцы Вишневецкаго пятились передъ козацкими мушкетами, самопалами, семипядными пищалями, Гаковницами, несмотря на всѣ его убѣжденія, на всѣ угрозы. Наконецъ ему удалось-таки вломиться въ походный замокъ, и перекалѣченные паны выскочили изъ козацкой ловушки.

Авторъ войсковаго дневника называетъ эту битву самою ожесточенною и кровопролитною, какую только можно вообразить. „Съ обѣихъ сторонъ“ (говоритъ онъ) „сердца были такъ разъярены, такъ горячо жаждали гибели одинъ другаго, что никто не уступалъ врагу ни одного шагу. Легло здѣсь такое множество знаменитыхъ ротмистровъ и товарищей, что великая горесть останавливаетъ перо мое, и не позволяетъ мнѣ перечислять падшихъ“.

Хотя славу гибельнаго для пановъ таборнаго маневра знаменитые ротмистры приписывали Кудрѣ да Пештѣ; но едва ли дѣло не въ томъ, что, послѣ бѣгства Остряницы, на сценѣ дѣйствія появился тотъ самый Димитрій Гуня, который подъ Кумейками разыгралъ самую трудную часть боевой трагедіи—отступленіе. Избранный гетманомъ на Сулѣ въ тревогѣ катастрофы, онъ тотчасъ далъ другое направленіе битвѣ, съ могуществомъ генія, которому гомеровскіе воины при-

писывали божественность, а наши Запорожцы—характѣрство. Оттѣснилъ Гуня временныхъ побѣдителей съ поля битвы; захватилъ у нихъ четыре пушки, утраченныя Остряницею; отнялъ и возы, которыхъ они не успѣли еще разграбить, или увезти отступая. Къ вечеру подоспѣлъ главный панскій обозъ съ артиллеріею и пѣхотою; но уже козаки заняли крѣпкую позицію въ вилахъ Сулы, и начали окапываться рвомъ и валомъ отъ воды до воды. Сколько ни усиливались паны съ вечера помѣшать этой работѣ, всѣ ихъ попытки были напрасны.

Паны насыпали съ своей стороны параллельный валъ отъ воды до воды, и цѣлый день стрѣляли изъ пушекъ по козацкому табору. Козаки отвѣчали тѣмъ же. Отъ смрада едва можно было дышать. Но бой продолжался съ ожесточеніемъ. Кромѣ земляныхъ укрѣпленій, паны устроили на обѣ стороны мосты, чтобы поражать козаковъ съ разныхъ сторонъ и возбранить имъ отступленіе. Не дешево обошлись имъ эти работы, козаки осыпали мостовыхъ строителей градомъ пуль и картечъ. Но мосты были кончены, и козакамъ сдѣлалось тѣсно.

5-го (15) іюня козаки попросили пощады. Побѣдители отправили къ нимъ для переговоровъ пана Дика. Но козаки получили между тѣмъ извѣстіе, что Скиданъ идетъ къ нимъ изъ Черкасъ, и ободрились. Когда панъ Дикъ подъѣхалъ къ ихъ окопамъ, они потребовали, чтобъ имъ сперва выдали Ильяша Караимовича съ шестью другими полковниками, но потомъ, чтобы дали имъ новыя знамена, возвратили армату, взятую подъ Кумейками, и утвердили козацкимъ гетманомъ того, кого сами они выберутъ. Панскій уполномоченный возразилъ на это, что пріѣхалъ трактовать съ побѣжденными. Тогда ему закричали: „Пàне Дѝку! вертàйсь боржій, щобъ не було съ тѐбе дикòвины“. Едва онъ отъѣхалъ на выстрѣлъ изъ лука, козаки снова открыли пальбу, и подъ однимъ изъ его товарищей убили коня.

День и ночь съ обѣихъ сторонъ продолжалась боевая тревога. Козаки были намѣрены перенести свой таборъ къ устью Сулы, гдѣ рукавъ этой рѣки, или днѣпровскій затокъ, называемый Старцемъ, образовалъ, вмѣстѣ съ русломъ Днѣпра, островъ, покрытый болотистыми зарослями. Поэтому они безпрестанно занимали пановъ смѣлыми вылазками, а между тѣмъ переправляли черезъ Суду свои возы, и отсылали ихъ къ такъ называемому Устью Старца.

Съ своей стороны паны усиливались задержать козаковъ подъ Жовниномъ до прихода Николая Потоцкаго, котораго ожидали къ себѣ со дня на день. Между тѣмъ Скиданъ прислалъ къ Устью Старца передовые байдаки свои, подъ прикрытіемъ сильнаго отряда. Паны послали къ Днѣпру реестровыхъ козаковъ съ нѣсколькими хоругвями

жолнеровъ. Но гдѣ были топи и заросли, тамъ козакъ сидѣлъ крѣпко, какъ медвѣдь въ своемъ логовѣ.

Въ это время въ панскомъ стану были получены извѣстія, что коронный полевой гетманъ, Николай Потоцкій, уже въ Кіевѣ, и что вслѣдъ за нимъ двинется изъ Бара самъ Конецпольскій, одно имя котораго, какъ думали, удерживало тысячи козаковъ отъ бунта.

Не замедлили узнать объ этомъ и завзятые. Судьба ихъ зависѣла теперь отъ того, чтобы до прихода Николая Потоцкаго отступить къ Устью Старца. Панскія силы были истощены, а къ козакамъ съ разныхъ сторонъ являлись подкрѣпленія. Когда война перешла изъ-подъ Лубенъ къ Жовнину, Украина освободилась отъ сторожевыхъ жолнерскихъ разъѣздовъ, и теперь изо всѣхъ мѣстъ, пощаженныхъ голодомъ, шли возы съ хлѣбомъ и новыя дружины отважныхъ людей къ тому пункту, на которомъ, повидимому, долженъ былъ рѣшиться вопросъ: кому владѣть Украиной, колонизаторамъ ли пустынь, или добычникамъ-номадамъ?

Напротивъ папы, вскорѣ послѣ прихода князя Вишневецкаго въ опустошенную бунтомъ Лубенщину, стали нуждаться не только въ людяхъ, но и въ огнестрѣльныхъ снарядахъ. Чѣмъ больше били они козаковъ, тѣмъ больше умножались козацкія купы. Удерживать характѣрника Гуню отъ перенесенія табора на другую, болѣе крѣпкую позицію не хватало силъ; отрѣзывать идущія къ нему подкрѣпленія было некѣмъ; даже отражать козацкія вылазки становилось для пановъ съ каждымъ днемъ труднѣе.

Николай Потоцкій давно уже порывался за Днѣпръ, но паны, жившіе въ глубинѣ шляхетчины, не придавали особенной важности украинской войнѣ съ хлопами, смотрѣли на нее, какъ на предметъ интересовъ мѣстныхъ, заподазривали колонизаторовъ пустынь въ жадности къ обогащенію, часто даже радовались ихъ упадку, и не давали коронным гетманамъ средствъ подавить козацкій бунтъ энергическими мѣрами. Ко 2-му іюня ст. ст. подъ начальствомъ у Николая Потоцкаго было только три хоругви сборнаго войска. Пороху, свинцу и пушечныхъ ядеръ собралъ онъ только 30 центнеровъ, однакожъ двинулся къ Кіеву, и 7-го іюня стоялъ уже обозомъ на Лыбеди.

Не сомнѣвался Потоцкій въ успѣхѣ своего похода, зная, что вслѣдъ за нимъ пойдетъ самъ Конецпольскій, но видѣлъ ясно, что ему предстоитъ весьма трудное дѣло. Изъ пограничныхъ слободъ, раскинутыхъ на большомъ протяженіи отъ Кременчуга до Уманя, слободъ, возникшихъ на мѣстахъ, по которымъ кочевалъ Наливайко послѣ гонитвы за нимъ Жовковскаго, поднялось и тянулось въ козацкія ста-

новища все своевольное и пьяное, все ожесточенное въ своемъ лѣнивомъ и безпутномъ убожествѣ, наконецъ, все легковѣрное и напуганное козацкою расправою.

Коронный полевой гетманъ зналъ уже о битвахъ, происходившихъ подъ Жовниномъ, и извѣщалъ Конецпольскаго изъ-подъ Кіева: что панскому войску „душно“ надъ Сулою; что много „добрыхъ юнаковъ“ побито и много пало коней; что лѣто сухое, и не только въ травахъ чувствуется великій недостатокъ, но и люди терпятъ сильный голодъ, который между тѣмъ благопріятствуетъ козакамъ, потому что сельская голота, не имѣя, чѣмъ прокормиться дома, идетъ въ войско, богатое хлѣбными подвозами.

Не дожидаясь подкрѣпленій, Николай Потоцкій двинулся изъ Кіева, чтобы захватить козаковъ на старомъ становищѣ. Іюня 9 поспѣлъ онъ съ нѣсколькими хоругвями въ Переяславъ къ ночи, и чуть свѣтъ выступилъ въ дальнѣйшій путь. Въ то же самое время наемные люди великаго короннаго гетмана и другихъ знатныхъ пановъ шли правымъ берегомъ Днѣпра къ Черкасамъ.

Но запорожскій характерникъ Гуня никому не далъ превзойти себя въ искусствѣ передвиженій. Ночью съ 10-го на 11-е число іюня онъ умудрился перекинуть черезъ Сулу мостъ, и исчезъ со всѣмъ своимъ таборомъ, какъ и подъ Кумейками. Полевой коронный гетманъ засталъ панское войско уже на походѣ къ Устью Старца, и узналъ, что бунтовщики заняли крѣпкую позицію надъ Днѣпромъ, надъ этимъ Обычнымъ Козацкимъ Шляхомъ, по которому и теперь къ нимъ подошло на байдакахъ нѣсколько тысячъ свѣжаго боеваго народу.

Островъ на Устьѣ Старца, по современному разсказу козацкихъ старожиловъ, служилъ уже однажды для козаковъ убѣжищемъ отъ панской силы. Еще въ половинѣ XVI вѣка, козаки, взбунтовавшіеся противъ князя Вишневецкаго, окопались на этомъ островѣ и защищались отъ его войска. Высокіе валы въ углу острова свидѣтельствовали, что борьба между ними была упорная. Гуня прибавилъ къ этимъ валамъ новые и до того сознавалъ свою безопасность, что во время наступившей блокады часто оставлялъ ворота въ теченіе цѣлаго дня отворенными. Низменная почва, поростая дубровами, благопріятствовала козацкимъ вылазкамъ и ополченіямъ.

Николай Потоцкій подоспѣлъ къ этому мѣсту 12 іюня, когда козаки не успѣли еще всѣ войти въ окопы. Не дожидаясь нападенія, они привѣтствовали его стремительнымъ ударомъ, и, по выраженію очевидца, здоровались съ коронным гетманомъ до поздней ночи.

Ночью пришелъ панскій обозъ. Коронное войско расположилось длинной полосой напротивъ козацкихъ окоповъ. Николай Потоцкій занималъ козаковъ мелкими битвами и приступами день и ночь, въ ожиданіи своей „арматы", которая шла по его слѣдамъ изъ Кіева.

Она пришла подъ конецъ іюня. Вмѣстѣ съ нею, въ числѣ другихъ пановъ, явился и знаменитый банитъ Лащъ, ведя за собой 400 отважныхъ воиновъ. Козацкое гайдамачество, разлившееся отъ Гадяча на лѣвой сторонѣ Днѣпра, до Уманя и Дымера, на правой, заставило украинскихъ пановъ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ для охраненія ихъ имуществъ. Паны нанимали людей, способныхъ къ войнѣ по всей Руси и Польшѣ, дѣлали изъ нихъ, по легкому вооруженію, „козаковъ", или по тяжелому „драгунъ", разгоняли гайдамацкія купы, и потомъ отправляли свои ополченія въ помощь коронному полевому гетману на берега Сулы.

Духовные паны подражали свѣтскимъ. Различіе вѣроисповѣданій и сословныхъ интересовъ исчезло въ виду общей бѣды. Кіевскій бискупъ прислалъ къ Потоцкому свою хоругвь, которая разбила подъ Дымеромъ болѣе тысячи гайдамакъ, и представилъ ему самого ватажка гайдамацкой купы, какого-то Пожарскаго, судя по фамиліи шляхтича. Іезуитъ Елецъ лично привелъ къ Устью Старца 70 православныхъ всадниковъ, нанявшихся для обороны іезуитскихъ имѣній. Аріянинъ Юрій Немиричъ разъѣзжалъ съ православными подданными своими по правому берегу Днѣпра, разгонялъ ополченія взбунтованной черни, и не допускалъ ихъ соединиться съ низовцами. То же самое дѣлали князья Четвертинскіе; то же дѣлали Прѣскуры, Аксаки и другіе православные паны.

Эти разъѣздныя команды захватили, въ числѣ прочихъ Запорожскихъ возмутителей и раненнаго на Устьѣ Старца „опекуна Украины", Скидана Гудзана, ѣхавшаго въ Чигиринъ. Онъ былъ доставленъ въ лагерь Потоцкаго, и въ послѣдствіи казненъ вмѣстѣ съ Путивльцемъ и другими бунтовщиками.

И всё-таки, усмиряя бунтовщиковъ, паны готовили въ будущемъ новые бунты. Переходы всѣхъ вообще ополченій, хотя бы и козацкихъ, были крайне обременительны для мѣщанъ и поселянъ во всякое время. Теперь своевольство приверженцевъ правительства давало себя чувствовать всюду, гдѣ можно было попрекнуть мѣстныхъ жителей участіемъ въ бунтѣ. А какъ смотрѣли жолнеры въ этомъ отношеніи на панскихъ подданныхъ, видно изъ отзыва самого Потоцкаго о виновности въ бунтахъ всего Поднѣпрія и Заднѣпрія. Походы Потоцкихъ, Вишневецкихъ, Лащей Тучапскихъ, необходимые и разумные въ глазахъ

людей зажиточныхъ, были непріятельскимъ нашествіемъ въ глазахъ бѣдняковъ. Забывая, что козаки только въ такомъ случаѣ не грабили ихъ, когда они сами дѣлались козаками, бѣдняки вопіяли противъ Ляховъ, руйнующихъ Украину, и такимъ образомъ ширилась пропаганда будущей руины всего того, что̀ не принадлежало ея дѣятелямъ. Запорожскіе добычники съ одной стороны, а украинскіе попы и монахи съ другой, каждые въ своихъ отдѣльныхъ видахъ, направляли эту пропаганду къ ея истребительной цѣли.

Въ довершеніе бѣдствій, предстоявшихъ польскорусскому обществу, а съ нимъ и всему Русскому народу, не исключая и Московскаго, разбойный элементъ самой шляхты, неодолимый для лучшихъ ея представителей, польскихъ и русскихъ, продолжалъ развиваться на счетъ людей порядка и благоустройства. Подобно тому, какъ низовцы съ украинскими гайдамаками изображали собою въ Польшѣ домашнюю татарщину, буяны и хищники шляхтичи были въ этомъ жалкомъ государствѣ собственною, домашнею козатчиною. Подъ шумъ общей тревоги, произведенной гонитвою за низовцами и за проповѣдуемымъ ими гайдамачествомъ, мѣстные шляхтичи, какъ и во времена Косинскаго, грабили другъ друга, а нѣкоторые изъ польскорусскихъ дворянъ обратили грабежи и насилія въ постоянный источникъ доходовъ, подобно Лащу Тучапскому. Зло было такъ велико, что сеймовая конституція 1638 года объявила на всю Польшу (не умалчивая уже, „ради великой гнусности дѣла и чтобы не было вредной памяти“) слѣдующее:

„Есть у насъ такіе люди, которые, не обращая вниманія на общіе войсковые законы, собираютъ вокругъ себя купы изъ разнаго рода неосѣдлыхъ людей, какъ-то: Волоховъ, Сербовъ, Татаръ, лишенныхъ чести шляхтичей, наконецъ, изъ собственныхъ своихъ подданныхъ, и съ этими купами расхаживаютъ изъ села въ село по шляхетскимъ имѣніямъ, разоряя убогихъ людей постоями и ночлегами, къ великому обремененію шляхетскаго сословія“, и т. д.

Положеніе польскаго правительства было тѣмъ трагичнѣе, что, страдая отъ разнузданности шляхты вообще и жолнерскаго неистовства въ особенности, оно, въ глазахъ козаковъ и тѣхъ, которые сочувствовали козачеству, представлялось не миротворцемъ и защитникомъ, а губителемъ несчастнаго края, возмущеннаго Запорожскою интригою. Димитрій Гуня, сидя въ своихъ окопахъ, дѣлалъ вотъ какія внушенія панамъ, которые рѣшились положить конецъ украинскому своевольству:

„Мы думали“, (писалъ онъ къ Николаю Потоцкому), „что ваша милость, яко панъ христіянскій, сжалится надъ пролитіемъ такого

множества невинной крови, и какъ-нибудь положишь конецъ этимъ смутамъ. Но, видно, не для мира и благоустройства пришли вы въ эти плавни, подъ Запорожское Войско, со всѣми своими силами, а съ тѣмъ, чтобы до конца насъ выгубить, распустивъ свои отряды, которые свирѣпствуютъ надъ невинною христіанскою кровью хуже какихъ-нибудь непріятелей Св. Креста. Будучи жестокими тиранами, не имѣете, видно, вы ни правды, ни страха Божія. Пускай бы уже воевали вы съ нами, козаками, которые обрекли на то свою жизнь и возложили на Бога упованіе свое. Нѣтъ, вы нападаете на убогихъ людей, которыхъ голосъ и невинно пролитая вами кровь вопіютъ къ Богу о мщеніи, и возбуждаютъ насъ къ нему. Теперь уже мы рѣшились одинъ на другомъ положить свои головы, стоя за свои кровавыя заслуги, за права и вольности, данныя намъ издавна святой памяти польскими королями и уничтоженныя нашими измѣнниками, но не примемъ такого мира, какъ подъ Кумейками".

Если бы было справедливо то, что пишутъ псевдоисторики о стояньѣ козаковъ за вѣру, о гоненіи польскими панами православія и о жидовскомъ глумленіи надъ церквами, попами и прихожанами среди козацкаго края, то Гуня непремѣнно попрекнулъ бы этимъ Потоцкаго, и ухватился бы за ляшеское поруганіе религіи, какъ за главное оправданіе козацкаго бунта. Но онъ говоритъ объ однихъ войсковыхъ интересахъ. Козаки разглагольствовали только передъ *своею* публикою о наступленіи Ляховъ на православную вѣру. Для возбужденія дикихъ страстей, они сочиняли даже рапсодіи о томъ, какъ покровительствуемые панами Ляхами Жиды-рандари вмѣшивались въ церковные обряды. Ничего подобнаго не могли они написать къ Потоцкому и его соратникамъ, въ числѣ которыхъ было множество людей православныхъ.

На письмо Гуни Потоцкій отвѣчалъ, что козаки потеряли свои старинныя права, вооружаясь противъ маестата его королевской милости, и должны довольствоваться правами, данными имъ теперь отъ короля и Рѣчи Посполитой.

Козаки стояли на своемъ,—что иначе не положатъ оружія, какъ возвративъ себѣ старыя права.

Потоцкій повелъ свое войско на приступъ (это было 1-го іюля ст. ст.), а между тѣмъ его артиллерія дѣйствовала съ двухъ пунктовъ. Козаки оборонялись цѣлый день, а на другой день опять прислали просьбу о подтвержденіи имъ старыхъ правъ. Чтобы не ожесточать ихъ противъ себя лично, Потоцкій отправилъ къ нимъ пословъ съ

конституціей прошлаго сейма и съ увѣреніемъ, что онъ исполняетъ лишь волю правительства, но отнюдь не посягаетъ на ихъ вольности.

Чтеніе конституціи было заглушено криками верховодовъ бунта. Гуня просилъ пословъ обождать отвѣта до утра. Но прошло утро, а козаки не давали отвѣта. Наконецъ Потоцкій потерялъ терпѣніе, тѣмъ больше, что кони у него въ стану изнемогали отъ недостатка корма. Козаки также терпѣли голодъ. Потоцкій разослалъ отряды по ближайшимъ селамъ, изъ которыхъ они добывали себѣ съѣстные припасы, и велѣлъ выжечь все до тла. Тогда осажденные взмолились о пощадѣ; но покорности, которой отъ нихъ домогались, не выражали.

Началась опять пальба съ разныхъ сторонъ по козацкимъ окопамъ; начались попытки вторгнуться въ обложенный блокадою таборъ. Козаки отражали приступы, и хитрыми вылазками держали панское войско въ постоянной тревогѣ. Послѣ утомительнаго, исполненнаго опасностей дня, наступила такая же ночь. Никто въ панскомъ стану не снималъ съ себя панцыря и оружія.

Іюля 5 произошла кровопролитная битва, но она не перемѣнила затруднительныхъ обстоятельствъ той и другой стороны. Оба войска были одинаково сильны своими преимуществами и одинаково слабы недостатками. Старые окопы, усовершенствованные козаками, защищали ихъ отъ пораженія, подобнаго Кумейскому. Козаковъ было такъ много, что они могли оборонять свою земляную крѣпость на всѣхъ доступныхъ пунктахъ. Но ихъ многолюдство быстро приближало время голода; а подвозъ хлѣба и сѣна сдѣлался теперь очень затруднителенъ для мелкихъ партій. Ни мужество козаковъ въ оборонѣ своей позиціи, ни искусство, съ которымъ они добывали себѣ продовольствіе, не могли спасти ихъ.

У нихъ было въ виду другое спасеніе. Просьбами о пощадѣ они только манили „Ляховъ“; вылазками они только развлекали ихъ вниманіе, а кровопролитными битвами ослабляли малочисленнаго непріятеля, въ ожиданіи подкрѣпленія отъ корсунскаго полковника Филоненка, который давно уже вербовалъ новое ополченіе вверху Днѣпра, съ цѣлью пробиться въ козацкіе окопы съ огромнымъ запасомъ заготовленнаго продовольствія. Но Филоненко не давалъ еще о себѣ вѣсти.

О расправѣ съ „Ляхами“ въ открытой битвѣ напрасно было думать. Въ борьбѣ пановъ съ козаками болѣе, нежели гдѣ-либо, оправдывалась истина, что ни тѣлесная сила воиновъ, ни патріотическій энтузіазмъ (котораго козаки не имѣли) не могутъ устоять въ битвѣ противъ хорошо обученнаго войска; а панское войско въ сравненіи съ козацкимъ было почти то же, что римскіе легіоны въ сравненіи съ

толпами варваровъ. Нѣмецкая пѣхота, составлявшая опору этого войска, никогда не показала спины козакамъ, никогда не сдалась имъ въ плѣнъ, и ложилась трупомъ до послѣдняго человѣка на мѣстѣ, какъ это случилось подъ Голтвою. Артиллеріею завѣдывали у пановъ лучшіе заграничные практики. Квартяное войско вербовалось изъ людей, которые не знали другаго ремесла, кромѣ войны, и перепробовали всѣ способы драки, отъ „татарскаго танца“ и „козацкаго веремія“ до пріемовъ, изобрѣтенныхъ Густавомъ Адольфомъ. Даже панскія ополченія, состоявшія на половину изъ низшей шляхты, старались вести себя на полѣ битвы, какъ подобаетъ истиннымъ рыцарямъ, а нѣкоторыя, набранныя изъ наемныхъ Татаръ, Волоховъ, Сербовъ и выписанныхъ изъ реестра козаковъ, готовы были идти за своими „рейментарями“ въ какой-угодно огонь, какъ это доказывали „лащовщики“.

Но въ настоящемъ случаѣ голодный, ограбленный и почти опустошенный край вдоль береговъ Днѣпра, Сулы и пограничнаго отъ запорожскихъ Дикихъ Полей Тясмина представлялъ слишкомъ скудныя средства для содержанія многочисленной, сравнительно съ пѣхотою, конницы, да и люди не роскошничали въ стану Потоцкаго. Козаки сидѣли за высокими валами и дѣлали безпрестанныя вылазки. Отраженіе вылазокъ не обходилось для пановъ безъ несчастій, потому что все пространство вдоль окоповъ было изрыто круглыми ямками, на которыхъ кони спотыкались, ломали ноги и опрокидывали всадниковъ, а козаки, лежа въ такъ называемыхъ долкахъ, или просто на землѣ, мѣтко стрѣляли по всадникамъ.

Паны, приводя лично, или присылая подъ начальствомъ ротмистровъ и поручиковъ (намѣстниковъ) свои ополченія, воображали войну съ козаками чѣмъ-то въ родѣ прошлогодней „Кумейщины“, гдѣ были нужны только—сильный напоръ для расторженія козацкаго табора и достаточное количество рукъ для наказанія хлоповъ. Разочарованіе въ мечтахъ о рыцарской славѣ, добываемой въ нѣсколько дней, охладило ихъ энтузіазмъ, и они, подъ тѣмъ предлогомъ, что козаки просятъ уже помилованія, начали поворачивать во-свояси. Между тѣмъ битвы подъ окопами происходили почти ежедневно, и рѣдко проходила ночь, въ которую бы козаки не сдѣлали дерзкой вылазки. Потоцкій находился въ обстоятельствахъ затруднительныхъ.

Но положеніе козацкаго вождя было гораздо хуже. Голодъ въ его окопахъ началъ дѣлаться чувствительнымъ. Козаки питались уже одною кониной, употребляя муку только для приправы. Появились новыя депутаціи въ панскомъ стану. Но всѣ онѣ твердили одно и то

же,—что козакамъ не возможно иначе быть, какъ при старинныхъ своихъ правахъ.

Напрасно полевой коронный гетманъ твердилъ имъ, что король назначилъ имъ коммиссара и полковниковъ изъ шляхты въ видахъ охраненія ихъ имущества и личной безопасности отъ выписчиковъ и отъ самихъ жолнеровъ. Козаки жаловались на реестровиковъ, преданныхъ интересамъ короны, что они, водя съ ними хлѣбъ-соль, измѣнили имъ и уронили ихъ достоинство. Козаки совѣтовали и коронным гетманамъ беречься ихъ измѣны; выражали желаніе послать отъ себя къ королю пословъ, и просили Потоцкаго объ одномъ,—чтобъ онъ не приводилъ въ исполненіе постановленія послѣдняго сейма, пока не вернутся ихъ послы отъ короля, и оставилъ бы ихъ до слѣдующаго сейма при тѣхъ правахъ, какія признаны за ними Куруковскою коммиссіею.

Среди переговоровъ и убѣжденій получено было извѣстіе, что Филоненко плыветъ съ Верху Днѣпра на выручку осажденнымъ. Потоцкій обратилъ на него всю свою энергію.

Козацкая флотилія должна была причалить къ берегу черезъ нѣсколько дней. Непреклонному Гунѣ представлялось два выхода изъ его положенія: или, въ соединеніи съ Филоненкомъ, одолѣть „Ляховъ“ превосходствомъ силъ, или, безъ дальнѣйшихъ потерь, удалиться на Запорожье. Если же не удастся ни то, ни другое, тогда будетъ онъ держаться на Устьѣ Старца до тѣхъ поръ, пока голодъ не заставитъ Потоцкаго снять осаду.

Съ своей стороны Потоцкій, въ случаѣ неудачнаго отраженія идущихъ съ Верху Днѣпра козаковъ, рѣшился зимовать на мѣстѣ и заложить здѣсь новую колонію. Событія принимали подобіе Троянской войны, и этимъ самымъ свидѣтельствовали, что усмиреніе козаковъ—задача слишкомъ трудная для обладателей Королевской Земли.

Предупреждая походъ Филоненка шляхетскій Агамемнонъ сдѣлалъ еще одинъ приступъ къ окопамъ, продолжавшійся цѣлыя сутки. Много было явлено съ обѣихъ сторонъ гекторовскаго мужества, ахилловской завзятости и одиссеевскихъ ухищреній; но обоюдные подвиги не привели ни ту, ни другую сторону ровно ни къ чему. Каждая изъ нихъ, разсчитывая на прибытіе Филоненка по-своему, старалась ослабить непріятеля, чтобы легче было поставить на своемъ съ наступленіемъ этого важнаго событія. Въ обоихъ войскахъ истощались огнестрѣльные снаряды; оба войска теряли лучшихъ воиновъ; оба, уничтожая и надрывая другъ друга, оставались по-прежнему въ равновѣсіи силъ и безсилія. Въ жару соціальной усобицы, воспламененные тяж-

кими ударами врага, воины забывали цѣль кроваваго спора. Бились уже не за привилегіи, добытыя заслугами и происками многихъ поколѣній, не за равенство съ тѣми, которые, на поверхностный взглядъ, блаженствовали, точно въ раю, на счетъ мучимыхъ, точно въ пеклѣ. Бились уже не паны съ хлопами и не мнимыя жертвы съ мнимыми тиранами, а рыцари своего грубаго, но кипучаго физическаго и нравственнаго энергіею вѣка съ одинаково доблестными и свирѣпыми рыцарями. Битва была страшная. Но она предвѣщала еще болѣе кровавый споръ, въ которомъ обѣ великія силы долженствовали взаимно истощиться, чтобы подпасть подъ господство болѣе полезной для человѣчества силы.

Свѣдѣнія, добытыя отъ языковъ среди боя, опечалили Потоцкаго. Преданные ему реестровики подтверждали ихъ справедливость, и были такого мнѣнія, что, еслибы и удалось панамъ взять козацкія окопы, то дѣлу былъ бы еще далеко не конецъ. Внутри окоповъ были такіе блокгаузы, обезпеченные водою, что только голодомъ было возможно одолѣть завзятыхъ.

Наконецъ въ панскомъ стану свѣдали, что Филоненка ожидаютъ къ Устью Старца 27 русскаго іюля, въ день „Палѣя“ (Пантелеймона),—день, по примѣтамъ хлѣборобовъ, особенно громоносный и зажигательный. Козаки разставили на валахъ пушки, наготовили при нихъ огнестрѣльныхъ снарядовъ, перечистили свой „огнестрѣльный бой“ отъ копоти, подкормили коней, и рѣшились прикрывать высадку, во что̀ бы то ни обошлось имъ. Но лащовщики и хоругви великаго короннаго гетмана сдѣлали на противоположной сторонѣ Днѣпра засаду противъ Филоненка, который часть войска велъ берегомъ, а другую часть посадилъ на байдаки.

Наступилъ таинственно грозный день Палѣя. Филоненко былъ въ самомъ дѣлѣ близко. Но встрѣча съ лащовщиками и съ контингентомъ Конецпольскаго обошлась ему не дешево. Много пало у него людей, много потерялъ онъ и запасовъ. Долго провожали его жолнеры, „вѣшаясь“ на его хвостовыхъ отрядахъ, забѣгая впередъ „головы“ и стрѣляя по его судамъ изъ пушекъ и гаковницъ. Громъ пальбы доносился къ Устью Старца, и волновалъ то страхомъ, то надеждою, какъ осажденныхъ, такъ и осаждающихъ. Наконецъ пальба умолкла, потому что Филоненко освободился отъ своихъ преслѣдователей, добравшись до острововъ, до неприступныхъ для непріятеля днѣпровскихъ луговинъ и непроходимыхъ затоновъ. Къ полуночи онъ былъ у пристани, отъ которой козацкіе окопы отдѣлялись только небольшимъ

пространствомъ. На этомъ пространствѣ должна была рѣшиться судьба долгой и мучительной для обѣихъ сторонъ осады.

Ночь была темная. Стрѣльба помогала дѣлу немного. Пошло въ ходъ оружіе холодное—среди мрака, соотвѣтствовавшаго тому, который напустили въ умы и сердца сражающихся римляне и византійцы.

Главными панскими силами предводительствовали Николай Потоцкій и князь Вишневецкій, Агамемнонъ и Ахиллъ знаменитой борьбы на Устьѣ Старца. Паны вывели въ ночную битву изъ обоза всѣ свои хоругви, такъ что въ обозѣ некому было даже сторожить плѣнныхъ, которыхъ было 70 человѣкъ. Ротмистръ венгерской королевской пѣхоты, панъ Загурскій, выдѣлилъ нѣсколько важнѣйшихъ сѣромахъ изъ толпы, а остальныхъ велѣлъ венгерцамъ изрубить.

Отъ полуночи до поздняго утра стояли паны нерушимою стѣною между войскомъ Филоненка, пробивавшимся къ окопамъ, и войскомъ Гуни, которое силилось проложить ему дорогу. Ворота въ окопы не были защищены: они манили пановъ на козацкія засады. Козаки, лежа сплошнымъ помостомъ подъ панскими колоннами, осыпали ихъ смертоноснымъ градомъ пуль. Этихъ отчаянныхъ людей приходилось безпрестанно отпугивать быстрымъ напускомъ конницы. Гибли сѣромахи тысячами, но не уступали шляхетникамъ ни въ горячей завзятости, ни въ холодной рѣшимости. Наконецъ шляхетники изнемогли, и Филоненко пробился въ окопы.

Но побѣдители были печальны. Большая часть навербованнаго знаменитымъ корсунскимъ полковникомъ войска пала въ битвахъ. Съѣстныхъ припасовъ уцѣлѣло для всѣхъ козаковъ только на два дня. Когда то и другое сдѣлалось извѣстнымъ, печаль козацкой черни перешла въ ярость. Филоненка, прославившагося еще въ 1628 г. походами въ заднѣпровскую Туретчину, называли измѣнникомъ. Забыты были его подвиги въ бояхъ съ Татарами и Турками, воспѣтые въ кобзарскихъ думахъ; не приняты въ соображеніе препятствія, которыя преодолѣлъ онъ въ своей экспедиціи; ни во что поставлено геройство, съ какимъ онъ пробился на помощь къ осажденнымъ. Поклонница только успѣха, козацкая чернь судила его въ „чернецкой“, или черной радѣ безъ старшины, и приговорила къ публичному наказанію кіями у позорнаго столба.

Здѣсь варварское состояніе нравовъ и обычаевъ козацкихъ обозначилось рѣзко, въ сравненіи съ нравами и обычаями шляхты. „Еслибы къ его милости пану гетману“ (пишетъ походный капелланъ Потоцкаго) „пробился такимъ образомъ какой-нибудь ротмистръ, хотя бы только съ одною сотнею коней, то навѣрное панъ гетманъ принялъ

бы его съ веселымъ видомъ, съ распростертыми объятіями и ободрительными словами".

Послѣ крайняго напряженія силъ, осажденные упали духомъ, и пошли на мировую съ „Ляхами". Волей и неволей Потоцкій долженъ былъ оставить козаковъ при ихъ арматѣ и войсковыхъ знакахъ, до тѣхъ поръ пока возвратятся ихъ послы отъ короля. Тогда козаки обѣщали передать свою армату и войсковые клейноды коммиссару, и принять полковниковъ, какіе будутъ назначены правительствомъ. Какъ сидѣвшіе въ осадѣ козаки выписчики, такъ и послушные панамъ реестровые, взаимно присягнули—не обижать другъ друга, не укорять миновавшею войною, и удалить отъ себя окозаченныхъ панскихъ подданныхъ. Забранныя у шляхты пушки и пушки кіевскія рѣшено было возвратить по принадлежности немедленно. Козацкія вдовы были признаны въ своихъ правахъ неприкосновенными. Трахтомировскимъ монахамъ (инвалидамъ Запорожскаго Войска) было обѣщано покровительство. Захваченный реестровиками монастырскій скарбъ имѣлъ быть возвращенъ. Выходъ на рѣчки для рыболовства и въ Дикія Поля для звѣринаго промысла дозволенъ былъ по-прежнему.

Договоръ этотъ подписалъ, въ качествѣ войсковаго писаря, уже не Богданъ Хмельницкій (какъ Боровицкое обязательство), а какой-то Мартынъ Незнанскій. Богданъ Хмельницкій на сей разъ держалъ сторону панскую, и вмѣстѣ съ панами каралъ такихъ людей, какимъ въ прошломъ году былъ самъ и какимъ черезъ десять лѣтъ сдѣлался опять.

Іюля 29 походные ксензы пѣли въ панскомъ стану Te Deum laudamus *). Козаки молились Богу безъ попа, такъ какъ у нихъ попу не было мѣста ни въ походахъ, ни въ кошахъ. Загремѣли въ обоихъ становищахъ торжественныя пушки, началось общее пированье и взаимное угощеніе, хотя ни той, ни другой сторонѣ радоваться было нечему. Козаки оставались по-прежнему въ ограниченномъ числѣ, которому „длинная" королевская сабля смѣло могла предписывать законы; а паны потеряли на Устьѣ Старца больше мужественныхъ ветерановъ, нежели въ войнѣ съ Густавомъ Адольфомъ.

Теперь свободно расхаживали соратники Гуни по становищу Потоцкаго, а паны—по козацкимъ окопамъ. „Дивился не одинъ инженеръ" (говоритъ авторъ походнаго дневника) „трудамъ и изобрѣтательности грубаго хлопа, осматривая валы, шанцы, батареи и куртины.

*) Тебѣ Бога хвалимъ.

Хотя бы коронное войско и проникло въ козацкіе рвы, валы, привалки и дубовые частоколы, но еще большихъ силъ нужно было бы на то, чтобы взять козаковъ приступомъ среди ихъ окоповъ".

И однакожъ козаки были побѣждены. Не превосходство коронаго войска, не изнеможеніе силъ и не голодъ одолѣли ихъ: одолѣла ихъ малорусская неурядица, происходившая отъ ревниваго чувства личной свободы,—чувства, воспитавшаго весь такъ-называемый козацкій народъ, эту сбродную націю утікачей; одолѣла ихъ взаимная недовѣрчивость между голотою и людьми зажиточными, между войсковою чернью и старшиною. Козаки были не способны ни къ строенію, ни къ разрушенію государства. Строить государство могли они только подъ стягомъ Собирателей Русской Земли, разрушать — только подъ бунчукомъ Чингисхановичей.

Іюля 30 козаки получили дозволеніе разойтись по своимъ домамъ, съ тѣмъ чтобы, въ назначенное время, собраться на раду въ Каневѣ, какъ тѣмъ, которые воевали подъ знаменами правительства, такъ и тѣмъ, которые сражались за приводомъ запорожской вольницы. На этой радѣ козаки должны были выбрать изъ среды себя пословъ къ королю, а пока воротятся послы, сдѣлать новую реестровку.

Не у всѣхъ козаковъ были теперь дома и пристановища. Не только хутора и села, цѣлые города изчезли, переходя отъ панскихъ ополченій къ запорожскимъ и обратно. Козаки-зимовчаки по-неволѣ превратились теперь въ безхатниковъ, козаки-дуки—въ нетягъ. Оббившіеся, точно кремень, сѣромахи не всѣ пошли въ броварники, давинники, будники, не всѣ искали рабочаго куска хлѣба въ панскихъ и королевскихъ селахъ. Большею частью разбрелись они по „низовымъ рѣчкамъ, Днѣпровымъ помощницамъ", на рыбные и звѣриные промыслы, отъ которыхъ былъ одинъ только шагъ до промысла добычнаго. Многіе очутились на Дону; другіе бѣжали въ московскую Бѣлогородчину и Сѣверщину, а нѣкоторые—даже въ Крымъ, на Буджаки и въ Добруджу.

Къ панамъ вернулись немногіе изъ охотниковъ до *лежачаго* хлѣба, выпсячковъ, потому что у пановъ ожидала ихъ та самая работа и та зависимость, отъ которыхъ они уходили все въ крайнія и крайнія осады. Страна замѣтно опустѣла. Множество лановъ оставалось незасѣянными, такъ какъ окозаченные поселяне съ осени 1637 года готовились къ жатвѣ инаго рода. Дороговизна возлѣ Кіева и на Заднѣпріи была неслыханная. Маца (4 четверика) жита продавалось на рынкѣ по 40 злотыхъ. Промыслы и торговля были пріостановлены, такъ что даже соль добывалась только изъ-за московскаго рубежа. Сель-

ское хозяйство пришло въ такой упадокъ, что Николай Потоцкій, зимою 1638 года, не находилъ способовъ прокормить людей и лошадей во время переѣздовъ для обозначенія границъ козацкимъ поселеніямъ.

При такихъ обстоятельствахъ, оба коронные гетмана не знали, куда имъ дѣваться съ квартянымъ и иноземнымъ войскомъ; переводили его съ одного мѣста на другое, разоряя до остатка королевскія и мимоходомъ шляхетскія имѣнія. Въ Подоліи былъ такой же голодъ, какъ и въ Украинѣ, хотя тамъ и не стояло коронное войско; а вывести его изъ украинскихъ провинцій значило бы—нарушить недавно составленный планъ обезпеченія Рѣчи Посполитой со стороны границъ, и рисковать новымъ козацкимъ бунтомъ.

Счеты у козаковъ съ панами жолнерами никогда не могли быть кончены. Заключало мировую съ Потоцкимъ покорепное войско; заставляло козаковъ присягать отчаявшееся въ успѣхѣ товарищество. Но изъ окоповъ при Устьѣ Старца разошлось много людей съ неутомимою жаждою мщенія за дѣла, которыя оправдываются государственнымъ правомъ, но которыхъ не признавала правыми козатчина, выработавшая себѣ юрисдикцію антигосударственную и антиобщественную—разбойную. Во время осаднаго сидѣнья на Сулѣ подъ Жовнипомъ, эти люди находили дикое наслажденіе въ томъ, чтобы добывать убитыхъ шляхтичей изъ могилъ и издѣваться надъ ихъ трупами. Легко вообразить, на что они были способны и готовы при благопріятныхъ обстоятельствахъ. А паны жолнеры, съ своей стороны, были не такіе воины, чтобы, послѣ всего прошлаго, не давать козакамъ новыхъ поводовъ къ волненіямъ.

За предстоявшую зиму коронные гетманы были еще спокойны; но весна грозила имъ новыми тревогами. Съ весной проснутся, точно пчелы въ ульѣ, низовые камышники и лугари, готовые къ морскому разбою. Съ весной поплыветъ къ нимъ Днѣпромъ и побредетъ степью все, что будетъ въ силахъ вырваться за черту королевскихъ и панскихъ сторожъ. Вернувшись изъ морскаго набѣга, добывъ отъ Татаръ, Турокъ, Армянъ, Грековъ, Румуновъ, Болгаръ разбоемъ, грабежемъ и мѣновымъ торгомъ оружія, пороху, свинца, низовая голота можетъ опять вторгнуться въ Вишневетчину, или въ панскую Сѣверщину. Если же этого не будетъ, то она сдѣлается на Низу готовыми кадрами для новыхъ утікачей изъ пожизненныхъ и вѣчистыхъ панскихъ добръ, и будетъ юртоваться за Порогами противоположное „городовому“ и соблазнительное для него козачество до тѣхъ поръ, пока не войдетъ въ силу, или не найдетъ себѣ предводителей, подобныхъ Павлюку, Скидану, Кизиму, Остряницѣ, Гунѣ, Филоненку. Еслибы не

безденежье, крѣпость на Кодакѣ возстановлялась бы безостановочно во все это время. Но скарбовые люди постоянно обманывали ожиданія коронныхъ гетмановъ, и заставляли ихъ дѣлать займы на собственный страхъ, лишь бы не уронить своей славы, какъ охранителей безопасности республики.

А между тѣмъ надъ Польшей висѣла туча, требовавшая новаго громоотвода. Коронные гетманы получили извѣстіе, что Остряница, послѣ бѣгства съ поля битвы, ушелъ за московскій рубежъ въ сопровожденіи многихъ тысячъ народа, изъ которыхъ одни послѣдовали за нимъ съ испуга добровольно, а другіе были угнаны силою. Знали также коронные гетманы, что и послѣ Кумейскаго погрома, и послѣ осаднаго сидѣнья на Устьѣ Старца, пограничные города московскіе, Рыльскъ, Сѣвскъ, Путивль, и бѣлогородскіе степные поселки были переполнены украинскими козаками. Они были убѣждены, что виною козацкихъ бунтовъ—сосѣдство благопріятствующей козакамъ державы: „ибо не украдетъ воръ, когда негдѣ спрятать, и не станетъ бунтовать мятежникъ, когда ему негдѣ укрыться отъ преслѣдованія“, писалъ Потоцкій къ Конецпольскому, и настаивалъ, чтобъ онъ повторилъ свои просьбы царю о выдачѣ Остряницы и другихъ зачинщиковъ бунта, бѣжавшихъ въ московскія земли.

Къ сожалѣнію, бумаги Посольскаго Приказа, относящіяся къ этому предмету, утрачены; но мы знаемъ, что никто изъ козаковъ, наводнившихъ московскую Сѣверщину и Бѣлогородчину, не былъ выданъ Полякамъ; и, по всей вѣроятности, въ Москвѣ смотрѣли не безъ удовольствія на козакопанскія усобицы, вспоминая недавнія вторженія пановъ и козаковъ совмѣстно въ Московское Царство. Какъ бы то ни было, но коронные гетманы съ безпокойствомъ поглядывали на сѣверо-востокъ, откуда, по ихъ справедливому опасенію, новые бунтовщики могли получить сильную помощь.

Таково было положеніе дѣлъ, когда козацкіе уполномоченные (въ числѣ которыхъ находился и будущій Геростратъ Польской Руси, Богданъ Хмельницкій) явились къ королю и сенату съ выраженіемъ раскаянія Запорожскаго Войска въ бунтахъ и съ просьбою о помилованіи. Надѣясь на ходатайство Потоцкаго, они изъявляли полную готовность подчиниться ограниченію козацкихъ вольностей, какое угодно будетъ сдѣлать его королевской милости и Рѣчи Посполитой.

Какъ письмо къ королю, такъ и инструкція, данная козаками своимъ посламъ, были надиктованы, очевидно, Потоцкимъ. Но королевскій отвѣтъ послѣдовалъ не тотчасъ. Паны давали козакамъ остыть, раздѣлиться порѣже на козаковъ старинныхъ и новыхъ, на зимов-

чаковъ и безхатниковъ, на рыцарей по наслѣдству и окозаченныхъ мѣщанъ, хлѣборобовъ, чабановъ. Давали паны и шляхетской сторонѣ оправиться послѣ опустошеній и потерь, пополнить свои надворныя дружины, упрочить оборону своихъ замковъ. Давали они время и жолнерамъ угнѣздиться въ такихъ опасныхъ сѣдалищахъ мятежей, какъ Роменщина, Хорольщина, Лубенщина, Полтавщина, чтобы, въ случаѣ новой попытки къ бунту, остановить завзятыхъ и зимнимъ временемъ, самымъ неудобнымъ для козацкой стратегіи, и перевѣсомъ умѣренной, сравнительно миролюбивой части козаковъ, и готовностью шляхты оборонять свои имѣнія въ самомъ нѣдрѣ козатчины, и пресѣченіемъ путей къ побѣгу панскихъ подданныхъ въ козацкія купы.

Прошло около четырехъ мѣсяцевъ. Наступилъ конецъ Ноября. Тогда только было оповѣщено козакамъ, чтобъ они собрались на Масловомъ Ставу (между Каневомъ и Богуславомъ), надъ рѣкой Росью, для выслушанія королевскаго рѣшенія.

Занимая до времени собственною особою мѣсто запорожскаго гетмана, Николай Потоцкій послалъ предварительно къ козакамъ своего намѣстника, Станислава Потоцкаго, для наблюденія за порядкомъ. Онъ опасался, чтобы во время кочеванья у Маслова Става не возникло между козацкими полковниками соперничества, и не повело все войско къ бунту.

Станиславъ Потоцкій былъ принятъ въ козацкомъ таборѣ почтительно. Ему, безъ замедленія и отговорокъ, было предоставлено начальство надъ всѣми полками и надъ арматою. Онъ учредилъ собственные *варты* (караулы) и принялъ мѣры къ удержанію войска въ порядкѣ, покамѣстъ соберутся недостающіе полки и сотни.

Полевой коронный гетманъ стоялъ между тѣмъ въ Бѣлой Церкви съ охранительными своими хоругвями и членами Маслоставской коммиссіи. Освѣдомясь наконецъ, что все обстоитъ благополучно, онъ выступилъ въ Рокитну, а оттуда на ночлегъ въ Микитинки.

Козаки двинулись къ нему навстрѣчу и, пройдя добрыхъ двѣ мили, увидѣли въ чистомъ полѣ коронныя хоругви, на челѣ которыхъ, вокругъ полеваго гетмана, стояли знатные паны, явившіеся на коммиссію съ своими надворными ротами. Въ стройномъ порядкѣ приблизились козаки съ таборомъ своимъ и арматою, какъ обыкновенно хаживали въ битву, и остановились въ нѣсколькихъ выстрѣлахъ изъ лука отъ панскаго войска, выстроеннаго также въ боевой порядокъ. Тогда старшина, въ сопровожденіи почетнаго конвоя товарищей реестровиковъ, отдѣлилась отъ козацкаго войска, и, подъ предводитель-

ствомъ Станислава Потоцкаго, подъѣхала къ полевому коронному гетману. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, коронный гетманъ велѣлъ представителямъ Запорожскаго Войска спѣшиться и сойтись въ коло на срединѣ пространства между двухъ войскъ.

Члены коммиссіи, войдя къ рыцарскій козацкій кругъ, говорили собранію о казни, постигшей Скидана, Путивильца и другихъ зачинщиковъ бунта, и о врожденной добротѣ его королевской милости, по которой даровано козакамъ прощеніе, по предстательству обоихъ коронныхъ гетмановъ.

„Хотя и подвергся гнѣву его королевской милости“ (прибавилъ Николай Потоцкій) „за то, что поступилъ съ вами слишкомъ милостиво, но перенесъ я этотъ гнѣвъ съ радостью, имѣя въ виду, что не лилась и не льется больше христіанская кровь, а тѣмъ паче, что козаки, въ знакъ своего раскаянія, присягнули подчиниться вполнѣ королевской волѣ. Теперь-то“ (заключилъ онъ) „предстоитъ вамъ подтвердить самымъ дѣломъ вашу присягу, принявъ порядокъ, какой его королевской милости угодно будетъ даровать вамъ, въ избѣжаніе кровопролитія на будущее время“.

Послѣ того былъ прочитанъ актъ коммиссіи; а потомъ заготовленный Николаемъ Потоцкимъ совмѣстно съ митрополитомъ Петромъ Могилою проповѣдникъ произнесъ козакамъ увѣщаніе, опираясь на евангельскія слова.

Козаки слушали проповѣдь съ тяжелыми вздохами, и было отъ чего вздыхать имъ. Король и паны его рады отнимали у козаковъ все ихъ самоуправленіе, всѣ знаки ихъ войсковаго достоинства и всѣ земли, захваченныя ими у шляхты. Козаки должны были отдать панамъ свою армату тутъ же среди рыцарскаго круга и положить къ ногамъ коронаго гетмана свои знаки, булавы и всѣ войсковые клейноды. Никто не осмѣлился высказать негодованія. Слышны были только вздохи и сожалѣнія о безразсудствѣ, которое довело Запорожское Войско до такого униженія.

Наконецъ было спрошено у козаковъ, желаютъ ли они принять отъ короля и Рѣчи Посполитой коммиссара, вмѣсто гетмана, и полковниковъ-шляхтичей, вмѣсто тѣхъ, которые были избраны ими изъ среды себя?

Отвѣтъ былъ утвердительный, и коронный гетманъ объявилъ королевскимъ коммиссарамъ по козацкимъ дѣламъ пана Коморовскаго, которому тутъ же были переданы козацкія пушки и войсковые знаки, а полковниками назначилъ мѣстныхъ шляхтичей. Эти полковники избрали себѣ шесть полковыхъ асауловъ, въ числѣ которыхъ чигирин-

скимъ асауломъ сдѣланъ Романъ Пешта, напоминающій своимъ именемъ прославившагося на Сулѣ Пешту. Самимъ козакамъ было предоставлено избрать вольными голосами только сотниковъ да сотенныхъ атамановъ, и по этому избранію, однимъ изъ чигиринскихъ сотниковъ явился Богданъ Хмельницкій, войсковой писарь Павлюковщины, сторонникъ панскокозацкой партіи послѣ паденія Павлюка и козацкій посолъ къ королю отъ смиренной каневской рады.

Войсковымъ асауламъ назначено жалованье по 600 злотыхъ, полковымъ асауламъ—по 350, сотникамъ—по 200, а сотеннымъ атаманамъ по 60.

Такъ какъ Трахтомировъ былъ выжженъ до тла во время войны, то резиденціею козацкому коммиссару назначенъ Корсунь, впредь до особаго распоряженія.

Отъ опредѣленія границъ земли, на которой дозволялось козакамъ заводить свои поселки, Потоцкій уклонился, по причинѣ разоренія края обоими воевавшими войсками и невозможности добыть корму ни для лошадей, ни для людей во время объѣзда границъ. Что̀ касается козацкихъ жалобъ на захватъ имѣній, принадлежавшихъ Трахтомировскому монастырю, то онъ объявилъ, что Лащъ получилъ на эти имѣнія королевскую привилегію, основанную на гайдуковомъ правѣ и на правѣ конфискаціи мятежническихъ имуществъ.

Такимъ образомъ коронный полевой гетманъ искусными военными дѣйствіями и ловкою политикою упрочилъ за панами обладаніе Украиной еще на десять лѣтъ, не подозрѣвая, какая разрушительная сила таится въ наименованіи всѣхъ ихъ Ляхами.

Перечитывая документы, относящіяся къ мировой сдѣлкѣ на Устьѣ Старца, къ Каневской радѣ и, наконецъ, къ коммиссіи на Масловомъ Ставу, мы напрасно искали въ нихъ имени козацкаго вождя, затмившаго своею геніальностію военную славу панскихъ полководцевъ подъ Кумейками, на Сулѣ у Жовнина и на кровавомъ Устьѣ Старца. Лишь только между козаками и панами пошло дѣло на мировую, имя необоримаго Димитрія Томашевича Гуни исчезаетъ въ козакопанскихъ транзакціяхъ. Гуня—или самъ отказался отъ предводительства, или былъ низложенъ чернецкою радою, осудившею на позорную кару заслуженнаго полковника Филоненка,—не извѣстно. Знаемъ только, что онъ оставался въ Украинѣ, или за Порогами, до 1639 года, и тогда ушелъ за московскій рубежъ въ сопровожденіи трехсотъ всадниковъ. Объ этомъ донесъ королю великій коронный гетманъ, говоря, что Гуня бѣжалъ въ Московщину, „безъ всякой причины“, хотя причина для насъ очевидна.

Паны полковники, проживая поочередно за Порогами со своими полками, старались прибрать къ рукамъ предводителей новыхъ морскихъ набѣговъ, за которые Турки уже сажали подъ стражу польскихъ посланцевъ. Къ войсковой черни, остававшейся по-старому на волѣ въ такъ называемыхъ днѣпровскихъ входахъ, они обращались въ ласковыхъ словахъ, приглашая этихъ полудикарей воспользоваться королевскою милостью. Вольные лугари и камышники, съ своей стороны, показывали видъ, что готовы предоставить себя великодушію короля и панской республики, но не выходили изъ Запорожья и, кроясь по луговымъ дубровамъ, нѣтрамъ и камышамъ, заготовляли „бо̀рошно“ для новаго морскаго набѣга. Преданные панамъ реестровики схватили кой-кого изъ ватажковъ. Та же участь, вѣроятно, предстояла и геніальному „козармогѣ“, Гунѣ.

Видя предводителей подавленнаго бунта на свободѣ въ непріязненномъ царствѣ, коронные гетманы, съ каждой весной, опасались новаго козацкаго мятежа. Первая весна обошлась безъ волненій въ Украинѣ. Но опасность была до того велика, что Станиславъ Конецпольскій, не дождавшись ассигновки изъ королевскаго скарба, занялъ значительную сумму на собственный кредитъ и отправился съ 4000 воиновъ лично достраивать возобновленную на урочищѣ Кодакѣ крѣпость. При немъ валы были возведены на нѣсколько локтей кругомъ. Дальнѣйшія укрѣпленія предоставилъ онъ доканчивать Станиславу Потоцкому съ коронным̀ъ войскомъ и двумя полками реестровыхъ козаковъ.

Какую важность придавалъ коронный великій гетманъ Кодацкой крѣпости, видно изъ инструкціи, которую онъ оставилъ ея „губернатору“, пану Жолтовскому. Ввѣренный этому преемнику несчастнаго Маріона сторожевой полкъ состоялъ изъ пяти ротъ, въ которыхъ всегда должно̀ было быть полное количество офицеровъ, на томъ основаніи, что чѣмъ больше въ полку офицеровъ, тѣмъ онъ сильнѣе. Никакихъ людей, кромѣ Поляковъ и Нѣмцевъ, не дозволялось принимать въ Кодацкій гарнизонъ. Такъ какъ Рѣчь Посполитая желала обратить его въ школу пѣхоты, изъ которой бы она могла брать капитановъ и другихъ офицеровъ для прочихъ войскъ, то Жолтовскому вмѣнялось въ обязанность постоянно занимать служащихъ воинскими упражненіями. Кромѣ карауловъ на волахъ, установлена была полевая сторожа, подъ названіемъ козацкой хоругви, набранной изъ Поляковъ и Нѣмцевъ. Ворота въ крѣпость должны быть постоянно заперты. Калитку запирать за часъ до солнечнаго захода, а отпирать за часъ до восхода, когда дневная сторожа займетъ свои мѣста

по всѣмъ „балкамъ“ и долинамъ. Изъ людей пріѣзжихъ никого не дозволялось впускать въ крѣпость; всѣ сдѣлки съ ними производить передъ крѣпостью. Входить въ крѣпость дозволялось только знатнымъ особамъ, но безъ всякой свиты. „Такъ какъ главная цѣль основанія крѣпости“ (сказано далѣе въ инструкціи) „состоитъ въ томъ, чтобы предупреждать козацкіе морскіе походы и своевольства, то наблюдать, чтобы за Пороги не прошло ни души, кромѣ тѣхъ, которые будутъ слѣдовать за своими полками съ *бо́рошномъ*; но и они должны имѣть паспортъ отъ своего полковника. Людей же, которыхъ разные украинскіе паны обыкновенно посылаютъ для рыболовства и звѣринаго промысла въ низовыя рѣчки, возвращать вспять, не взирая ни на какіе листы, потому что изъ такихъ людей и накопляются мятежныя купы“. Наконецъ, предписывалось не пропускать по Днѣпру лицъ дѣлать въ степи частые разъѣзды, и еслибы украинскимъ бѣглецамъ удалось какъ-нибудь пробраться за Пороги, то, свѣдавъ объ этомъ, тотчасъ давать знать находящемуся на Запорожьѣ полковнику, которому вмѣнялось въ обязанность держать сторожу не только по Днѣпру, но также на рѣчкахъ Ингулѣ и Ингульцѣ, сливающихся съ Днѣпромъ у входа въ Черное море.

Обезпечивъ такимъ образомъ границы Рѣчи Посполитой отъ домашнихъ враговъ и татарскихъ вторженій, коронные гетманы могли бы, повидимому, сидѣть спокойно въ своихъ резиденціяхъ. Но пограничныя дѣла были приведены въ порядокъ только на бумагѣ. Въ дѣйствительности здѣсь продолжалась неурядица, прогрессивно соотвѣтствовавшая той, которою отличались всѣ внутреннія провинціи польскорусской республики безъ исключенія.

Размѣстивъ по опаснѣйшимъ пунктамъ 3000 постояннаго квартянаго войска, независимо отъ кодацкаго гарнизона и гвардіи при новой козацкой старшинѣ, правительство съ 1 сентября 1638 года не заплатило ему ни гроша жалованья въ теченіе двѣнадцати мѣсяцевъ, или четырехъ четвертей, да задолжало и за прошлый годъ, за самое трудное походное и боевое время, пушкарямъ и драгунамъ. Войско вознаграждало себя, по обычаю, грабежомъ королевскихъ и панскихъ имѣній, а паны старосты, державцы, ихъ намѣстники и паны вѣчистые обороняли свои города и села вооруженною рукою.

Переходы жолнеровъ съ мѣста на мѣсто уподоблялись походамъ черезъ непріятельскую землю. Города и мѣстечки, села и слободы за-

пирали передъ ними ворота и ломали на рѣчкахъ мосты, чтобъ заставить королевское войско идти другою дорогою. При этомъ завязывались драки, похожія на настоящіе сраженія и приступы. Военные суды и гражданскіе трибуналы были полны жалобами на жолнерскіе грабежи, насилія, разбои. Но трудно было судить и карать виновныхъ за преступленія, такъ какъ жолнеры, въ свою очередь, жаловались на пановъ, которые „не обуздываютъ своихъ подданныхъ“, и позволяютъ имъ безнаказанно обагрять руки шляхетскою кровью“.

Въ самомъ дѣлѣ, разоряемые жолнерами паны пользовались ненавистью поселянъ къ „войсковымъ людямъ“, и предоставляли подданнымъ своимъ свободу нападать на буйныхъ охранителей „шляхетскаго народа“: до такой дикости дошло разъединеніе между сословіями, даже между представителями одного и того же сословія, въ силу событій, сопровождавшихъ колонизацію малорусскихъ пустынь. Каждый великій панъ согласовался здѣсь въ дѣлахъ войны и мира съ другими великими панами на столько, на сколько это было ему нужно для его экономическихъ или фамильныхъ интересовъ.

Посредствующая власть правительства не имѣла въ такъ называемыхъ крѣсахъ никакой силы. Отдавая панамъ въ вѣчное владѣніе украинскія пустыни, короли имѣли о нихъ самые неясныя понятія,— до того, что, напримѣръ, земля, на которой, въ теченіе полустолѣтія, образовалось цѣлое княжество подъ именемъ Вишневетчины, въ сеймовомъ постановленіи 1590 года названа „пустынею рѣки Сулы, лежащею за Черкасами“. На сеймѣ 1590 года было рѣшено, чтобы коронный гетманъ обозрѣлъ и привелъ въ извѣстность края, обитаемые козаками. Но этого невозможно было сдѣлать до 1638 года. Въ числѣ выгодъ кампаніи 1638 года считалось немалою выгодою то, что правительство узнало „всѣ важнѣйшія мѣста, входы и укрѣпленіе—отъ Днѣпра до Муравскаго Шляху“. Въ старину (писали паны) все это было извѣстно только самоуправному козаку, и за знаніе такихъ мѣстъ козаки получали въ награду полковничество, или другое старшинство. Поэтому-то магнаты не всегда знали, что̀ за земли они себѣ выпросили, и какъ велико ихъ пространство. Они обозначали предѣлы своихъ займищъ тѣмъ самимъ способомъ, какъ испанскіе conquerados въ Новомъ Свѣтѣ.

Панскія владѣнія въ Малороссійской Украинѣ были, можно сказать, отдѣльными царствами, въ которыхъ выше всѣхъ законовъ стоя-

ла неподчинимая законамъ воля самого пана. Такія царства занимали въ XVII вѣкѣ все пограничье Рѣчи Посполитой Польской, составлявшее до нашествія Батыевыхъ Татаръ Землю Сѣверскую, Землю Черниговскую, Переяславскую, Кіевскую, Волынскую, Подольскую, и поддерживали свое существованіе тѣми самыми средствами, какими выросли, именно—перезывомъ чужихъ людей въ свои воли, слободы, осады, села, мѣстечки, города да наѣздами на владѣнія малолѣтковъ, или людей безоборонныхъ.

Законъ, только для сохраненія своего достоинства въ глазахъ публики, прикрывалъ установленными формальностями переходъ владѣній отъ одного пана къ другому, совершавшійся по праву сильнаго и по девизу beati possidentes *). Королевскія и ранговыя имущества считались также панскою собственностью и были также предметомъ панскихъ интригъ, панскихъ наѣздовъ. Увеличеніе одного панскаго царства на счетъ другихъ зависѣло отъ стяжательности владѣльца, или отъ его завзятости.

По замѣчанію лучшаго изъ польскихъ историковъ, въ спорахъ о поземельной собственности, для магнатовъ значили не столько самыя имѣнія, сколько то, чтобы поставить на своемъ. „Заспоривъ о чемъ-нибудь“ (говоритъ онъ), „надобно было уже упорствовать до конца, не обращая вниманія на всѣ могущія произойти отъ того опасности для себя лично, а хоть бы даже и для отечества“.

Заложить осаду на чужой землѣ считалось тогда дѣломъ обыкновеннымъ. Голоса слабыхъ собственниковъ не дошли до насъ чрезъ посредство письменности; но, какъ велико было число взаимныхъ панскихъ захватовъ и какъ трудно было бороться за свое право землевладѣльцамъ средней руки, можно видѣть изъ того, что самъ великій коронный гетманъ Конецпольскій до конца жизни тягался съ княземъ Іеремією Вишневецкимъ за сорокъ мѣстечекъ, основанныхъ его соперникомъ колонизаторомъ на земляхъ, принадлежавшихъ къ переяславскому старосту.

Войны пановъ съ панами наполняли всѣ промежутки между войнами внѣшними да борьбой съ козацкимъ и жолнерскимъ своевольствомъ. Самые сеймы, имѣвшіе въ виду общественное и государственное благоустройство, дѣлались весьма часто сценою шумныхъ споровъ за притя-

*) Блаженны владѣющіе.

занія магнатовъ; не разъ они грозили превратиться въ кровавое побоище изъ-за оскорбленной гордости одного человѣка; и такое явленіе не считалось ни невозможнымъ, ни даже чрезвычайнымъ въ польскомъ обществѣ.

На взглядъ человѣка русскаго, Польша была край, чужой каждому изъ гражданъ за предѣлами его личныхъ интересовъ. Этотъ край былъ обреченъ издавна на расторженіе.

Конецъ перваго тома.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Глава I. Соединеніе Малороссовъ съ Поляками подъ одной короной. — Въ началѣ перевѣсъ русскаго элемента надъ польскимъ.—Равнодушіе польскихъ пановъ къ римской политикѣ.—Расположенность Поляковъ къ русскому элементу.—Какъ завладѣли іезуиты общественнымъ воспитаніемъ въ Польшѣ.—Какъ деморализовалось православное духовенство подъ иноземною властью.—Церковныя братства и церковная унія 3

Глава II. Польскіе мѣщане и польская шляхта.—Земледѣліе и городская промышленность.—Польскорусскіе крестьяне.—Столкновеніе европейскаго хозяйства съ азіятскимъ.—Малорусскіе крестьяне въ новыхъ колоніяхъ.—Соперничества между мѣщанами и шляхтою.—Колонизація малорусскихъ пустынь.—Украинные города.—Зарожденіе козачества.—Вражда козаковъ къ мѣщанамъ и къ панскому правительству.—Мысль объ уничтоженіи козачества 33

Глава III. Свобода вѣры и совѣсти въ казачествѣ.—Первая козакопанская усобица.—Три характиристическія черты козацкихъ бунтовъ.—Католическій бискупъ въ качествѣ примирителя козаковъ съ Кіевомъ.—Признаки разложенія Польши.—Вторая козакопанская усобица 57

Глава IV, Крестовые походы на иновѣрцевъ.—„Начало Трагедіи“.—Гонитва жолнеровъ за козаками.—Козаки бѣгутъ за Сулу.—Блокада козацкаго войска на Солоницѣ.—Гибель козаковъ 83

Глава V. Сіяющая перспектива Польши.—Затменіе этой перспективы со стороны Рима.—Развитіе польскорусскаго козачества по поводу московскихъ смутъ.—Козаки, недовольные Польшею, обращаются съ услугами къ Москвѣ.—Взглядъ Москвы на малорусскихъ козаковъ.—Возстановленіе православной іерархіи въ Кіевѣ.—Значеніе царскихъ подаяній „на церковное строеніе“.—Насущные интересы массы 109

Глава VI. Хотинская война.—Козаки и татары.—Отношенія малорусскаго козачества къ церкви.—Отношенія польско-русскихъ пановъ къ церкви.—Успѣхи церковной уніи.—„Совѣтованіе о Благочестіи“.—Мысль о присоединеніи къ Московскому Царству.—Козакопанская усобица 1625 года. Образецъ вѣрнаго панской республикѣ козака.—Умноженіе козачества на счетъ экономическихъ классовъ.—Соперничество двухъ церквей.—Козакопанская усобица 1630 года 138

Глава VII. Древніе представители народности и ихъ преемники.—Борьба невѣжественной по-восточному партіи съ просвѣщенною по-западному партіей.—Историческое значеніе русскаго аскетизма.—Тяготѣніе малорусской массы къ Московскому Царству.—Два митрополита, представители русско-московской и русско-польской партіи. 168

Глава VIII. Искатели московскаго подданства превращаются въ опустошителей Московскаго Царства.—Паны строятъ на Днѣпрѣ крѣпость Кодакъ; козаки ее разрушаютъ.—Происхожденіе козацкаго своевольства отъ панскаго.—Крымцы дважды ищутъ напрасно польскаго подданства.—Козацкій бунтъ подъ предлогомъ возмездія за недоплату жалованья.—Запорожцы и городовики..... 186

Глава IX. Козакопанская усобица 1637 года.—Реестровики и выписчики?—Лѣвая сторона Днѣпра встаетъ на землевладѣльцевъ.—Коренное войско идетъ на козаковъ.—Битва подъ Кумейками.—Козаки выдаютъ зачинщиковъ бунта..... 208

Глава X. Скитальческій бытъ малорусскихъ поселянъ.—Запугиванье бунтовщиковъ казнями.—Тріумфъ, устроенный кіевскими мѣщанами и митрополитомъ усмирителю козаковъ.—Попытка козаковъ призвать на помощь Татаръ.—Трагическое въ козакопанской усобицѣ.—Отсутствіе единодушія между козаками.—Блокада козацкаго становища на „Устьѣ Старца“.—Козаки покоряются панамъ.—Зловѣщее положеніе побѣдителей..... 230